

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО
РОМАНА
«АГИДЕЛЬ»

АХНЯФ
БАЙРАМОВ

ГОДЫ
ВОЗМУЖАНИЯ

Scan Kreyder - 07.11.2019 - STERLITAMAK

БИБЛИОТЕКА
БАШКИРСКОГО РОМАНА

"АГИДЕЛЬ"

Ахьяф Байрамов (род. в 1923 г.)—башкирский писатель, лауреат премии ВЦСПС и Союза писателей СССР, автор романа „Годы возмужания“, повестей „Звезды на тропе“, „Оксана“, а также многих рассказов и очерков.

АХНЯФ ГОДЫ
БАЙРАМОВ ВОЗМУЖАНИЯ

Р О М А Н

Авторизованный перевод
с башкирского Георгия Свиридова
и Ольги Саракташ

**Башкирское
книжное издательство
Уфа * 1983**

*Редакционная коллегия: Каримов М. С.,
Мирзагитов А. М., Исангулов Ф. А.,
Гирфанов А. Ш., Вахитов А. Х.*

Печатается (с доработкой) по изданию: Ахняф Байрамов. Годы возмужания. Роман. М.: Современник, 1979 г.

Ахняф Байрамов

Б 18 Годы возмужания. Роман. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1983 г. — 448 с.

Роман башкирского писателя Ахняфа Байрамова посвящен героическому труду рабочего класса в тылу в годы Великой Отечественной войны.

Главный герой книги Сарьян Мирхалитов проходит нелегкий путь от рабочего до крупного руководителя производства. Тяжелое ранение на фронте, горькая, но незабываемая любовь к Минсылу, потеря родных и близких... немало испытаний выпадает на долю Сарьяна. Однако выходит из них не сломленным, а нравственно очищенным.

Б $\frac{4702110000-67}{121(03)-83}$ 95—83

84 Баш

Оформление, портрет, послесловие
© Башкирское книжное издательство

Часть первая

ПРОБУЖДЕНИЕ

Глава первая

1

Сарьян Мирхалитов весело шагал по обочине дороги, вытоптанной подошвами прохожих, подковами коней да копытцами овец и баранов, отмерял последние километры, отделявшие его от родного аула.

Летний день набирал силу. Солнце поднялось высоко и с синевы безоблачного неба щедро разливало знойную теплынь. Высоко над головой пел жаворонок. А еще выше, выискивая что-то, плавно кружил коршун. Где-то в стороне от большака, на краю пшеничного поля, деловито посвистывал суслик. Жизнь шла своим чередом. Кажется, ничего здесь не изменилось с той прошлогодней поры, когда он шагал по этой дороге на станцию. Словно ничего и не было, словно он, Сарьян, и не уезжал никуда. Не жил в городе, не стоял у токарного станка, не слушал его ритмичное ровное пение и не видел тонкой струйки, свивающейся кольцами, радужно отсвечивающей железной стружки, рожденной под острием рез-

ца. Но все это осталось где-то позади, во вчерашнем дне.

Дорога круто поднялась на взгорье. Сарьян замедлил шаги, охватывая взглядом родную неоглядную даль, знакомую с детства. Куда ни посмотри, повсюду раздолье пшеничных полей. Они, словно разливное море, чутко улавливают дыхание еле заметного ветерка. Пружинисто перекатываются друг за другом широкие, отливая золотом, светло-зеленые волны. А в туманной дали, за холмами, поросшими лесом, куда убегает Чекмагушевская дорога, где-то на краю земли, в голубой дымке возвышаются две горы—Карабаш и Чалпы. Они, казалось, слегка дрожали в серебристом знойном мареве.

Сарьян шагал и улыбался, приветствуя окружающий родной ему мир. Он по-мальчишески открыто улыбался солнцу и далеким горам, бездонному, глубокому синему небу и бескрайнему, живому, беспрерывно колышавшемуся пшеничному разливному морю созревающих хлебов. На его безусом смуглом лице светилась откровенная радость. Он смотрел и не мог насмотреться на этот удивительный и близкий ему до боли просторный мир, дышал и не мог насытиться терпким воздухом родных полей, отчего слегка, сладко кружилась голова, словно он выпил доброго башкирского кумыса. На щеках парня, еще не знавших лезвия бритвы, но продубленных стужей и зноем, пробивался румянец, отчего черты лица приобретали какую-то доверительную мягкость и доброту. И душа его, не затуманенная бедами, была открыта нараспашку, как ворот повой сатиновой рубахи. Рубаха эта была куплена еще весной и впервые надета по такому важному и радостному случаю — Сарьян возвращался в родной аул, чтобы провести дома свой первый,

трудом заработанный законный отпуск, который положен каждому рабочему человеку. Жизнь открывала перед ним бескрайние, как эти родные просторы, радужные перспективы, железно цементировала фундаменты его надежд. Сарьян так и подумал: «радужные перспективы» и «железно цементировала фундамент». Эти слова он услышал на заводе, из уст партийного вожака, и они запали в сердце парня. В них, в этих газетных словах, как ему казалось, звучал наступательный дух эпохи и стремительность движения к новой жизни.

А дорога все бежала и бежала вперед, стлалась под ноги бесконечной лентой. Вот и знакомый камень, чуть замшелый, омытый дождями, нагретый солнцем. Вокруг него вытоптана трава. Здесь всегда делают остановку аульчане. Отдыхают несколько минут. И те, что идут из аула на станцию, и те, которые возвращаются домой. Так повелось издавна. Отсюда, от камня, начинается проселочная дорога, ведущая напрямик в аул Кайыплыкул.

Сарьян тоже остановился. Поставил на землю фанерный чемодан, крашенный зеленой краской, положил сверху синий пиджак, свою обнову, аккуратно вывернув его наизнанку. А сам уместился на камне, пошлепав его, словно круп коня, ласково широкой ладонью, как бы говоря: «Здорово, дружище!»

Он сидел на теплом камне, а мысли его были уже дома, в родном ауле. Кого из друзей-товарищей там он встретит? Кто из одногодков остался в колхозе? Впрочем, Сарьян знал, что многих нет в ауле, уехали. Знал из писем матери. Одни сейчас проходят действительную службу в Красной Армии, другие, сразу же после окончания школы, как и он, подались в город, третьи завер-

бовались на новостройки. А их на Урале множество, здесь и главная новостройка страны -- Магнитогорск. Судя по их письмам, нашли они там свое счастье и, по всему виду, на долгие годы связали свои судьбы с судьбами строек, прижились там, пообвыкли. Один только Ульфат не захотел покидать родной аул. Как мать пишет, все так же машет кувалдой в кузнице, выделывая из металла разные вещицы, необходимые в немудреном крестьянском хозяйстве.

В ауле до недавнего времени жила и Сайда. Но потом... Ах ты, Сайда, Сайда! Кто бы мог предугадать такое? Сколько парней из-за тебя передралось, рассорилось. А ты предпочла -- и кого же? -- заносчивого хвастуна Хасаншу... Впрочем, обличьем он ничего, как говорят девочки, смазливый. Но у нас, у парней, он особым уважением не пользовался.

Таков уж Хасанша. Всегда старается выгадать за счет другого, обмануть и выйти сухим из воды в любой сложной ситуации. Юркий и скользкий, как ящерица. И вот такого-то и выбрала Сайда. И чем же он ей приглянулся? Странно, да и только. Впрочем, что судить. Чужая душа -- потемки, окошка у души-то нет, внутрь не заглянешь.

Сарьяну всегда казалось, что пронырливый Хасанша почему-то завидовал ему. Это было видно по искоса брошенным взглядам, по едким, колким словечкам, сказанным как бы вскользь. Так тот вел себя и здесь, в ауле, и там, в городе. Сарьян и гадать не гадал, и думать не думал, что именно с этим самым Хасаншой придется работать на одном заводе, да еще в одном и том же механическом цеху. Впрочем, ну его к лешему... Сарьян с облегчением подумал, что хоть здесь-то, в ауле, он не встретит его, не увидит

хитро прищуренных глаз и слащавой улыбочки на тонких губах.

Сарьян шлепал ладонью камень и мысленно перебирал тех, кто мог бы оказаться в деревне. Лето ведь в разгаре, кто-нибудь да завернет в родные края, прикатит отпускиком. И отдохнуть, и родным помочь. Сенокос на носу, рабочие руки нужны в каждом дворе. Летом здесь благодать, райский уголок, как говорила бабушка. Один воздух чего стоит: вкусный, как парное молоко. Когда так говорили раньше, Сарьян только улыбался, хмыкал неопределенно: тоже, мол, сказали — молоко! А теперь сам так подумал. После продымленного, железного, как говорили заводские острословы, воздуха цеха этот степной, настоящий на травах, на хлебных ароматах поднявшейся в рост пшеницы воздух казался Сарьяну густым, вкусным и до боли родным. И чудилось ему, что он не вдыхал его, а пил большими глотками и никак не мог напиться.

Интересно, кто же придет на лето в родной аул? Кого он встретит на единственной и потому главной улице? Тревожно и радостно забилось сердце. Может быть, приедет Минсылу из далекого Ташкента? Может же такое случиться? Дом-то свой они не продали, уезжая в Ташкент.

Об этой голубоглазой девушке Сарьян часто вспоминал. Она ему нравилась. Они вместе учились в школе. Минсылу помогала ему решать задачки. А может быть, наоборот, он ей помогал. Так и было, только позже. Он помогал ей, когда пошли алгебра да геометрия. А в третьем классе Сарьян подрался с Хасаншой, который выдал мальчишескую тайну, мелом написал на доске во время перемены: «Сарьян + Минсылу = любовь».

Но детство, размахивая деревянной саблей над головой, быстро осталось позади.

Скоро пришлось проститься с Минсылу. Вернее, с ее семьей. Отец ее, Фаррах-агай, был неусветный непоседа, его всегда тянуло куда-то. Так, два года назад, долго не раздумывая, он скоренько собрал пожитки и подался в Среднюю Азию. Помнится, как Сарьян с шумной ватагой ребят провожал их далеко за околицу.

В селе у Фаррах-агай родственников не было. Сперва письма шли к ним, к Мирхалитовым, наиболее близким соседям. Потом они стали приходить все реже и реже, пока этот скудный ручеек из конвертов не иссяк совсем. А недавно до односельчан дошли слухи, что Фаррах-агай погиб на войне с белофиннами. А от Минсылу и ее матери вестей так и не дождались...

Сейчас Сарьян шел и думал о ней, о Минсылу. Но уже более серьезно. Крепкие корни пустила эта голубоглазая в его сердце. И казалось ему, что не только он один вздыхает по этой девчонке. По ней вздыхают и эти просторные хлебные поля, и вон те две далекие голубые горы, и березовая чаща, и речка с тихой и прозрачной водой, и бездонное синее небо, и, может быть, даже эта старая, выдавшая виды проселочная дорога, по которой они топали босиком, оставляя свои следы на пыли...

Тихая грусть подкралась к сердцу Сарьяна. Призадумался он, опустил голову и увидел у ног своих, рядом с камнем, у самой дорожной колес, одинокий и упрямо растущий голубой василек. Обыкновенный полевой цветок. Ничем, в общем-то, не примечательный. Раскачивался он на своей упругой зеленой ножке и тянулся к небу, к солнцу.

— Посмотри-ка на него! — невольно вырвалось у Сарьяна. Глаза парня заискрились, лицо озарилось улыбкой.

Было чему удивляться! С бесконечным потоком пешеходов, скрипучих телег и бричек, тяжелых тракторов и грузовиков пришлось повстречаться на своем коротком веку этому хрупкому созданию. Конечно же, ему явно не по нраву были такие опасные встречи. Цветку бы тихо расти в другом, более спокойном месте, умыться каплями росы, нежиться под ласковыми лучами солнца. А тут ему выпали испытания одного другого горше. Василек согнулся, искривился, но... не сломался! Выдюжил в неравной борьбе. Выстоял. Каждый раз с трудом поднимался, залечивал раны, жадно тянулся к щедрому солнцу, выпрямлялся, набирался сил. И вот теперь этот обычный заурядный василек расцвел, показал миру свою неприхотливую красоту, похожую на кусочек неба. Тянется гордо на своей зеленой кособокой ножке, чуть раскачиваясь под упругим дыханием ветерка, утверждая свое великое право на всю будущую жизнь.

Ничего подобного, конечно, Сарьян не думал. Он по молодости своей еще жил беспечно и верил в свое счастливое светлое будущее, которое рисовалось ему радужными красками неудержимой фантазии. Парень просто удивился тому, как этот хрупкий полевой цветок не только остался живым, а еще и расцвел.

— Посмотри-ка на него! — еще раз повторил Сарьян. — Ишь ты, красавец!

Подхватив чемодан, Мирхалитов зашагал по знакомой дороге, ведущей напрямик в родной аул. О цветке он больше не думал, так как мысли его, опередив Сарьяна, уже были в деревне.

Сарьян не шел, а, кажется, летел на крыльях. Ноги сами несли его быстрее и быстрее. Позади осталась березовая роща, где в глухом месте растет его белоствольное дерево, поляны с земляникой и костянкой, густые заросли орешника. И снова широкое поле. Кажется, сама пора цветения ржи несет в себе неизъяснимую волнуемую силу, которая будоражит сердце, рождает светлую радость. А знойное колеблющееся дерево превращает все окружающее в сказку. Кажется, явственно слышатся издали, из долины реки Базы, негромкие звуки. Кто-то там косу точит, где-то залиристо ржут кони... Аул уже близок, до него рукой подать. Дорога взбегаёт на холм, и сразу видна старая, темная от времени, деревянная ветряная мельница. Длинные руки-крылья двигались, казалось, приветливо махали ему, Сарьяну. А за мельницей, на взгорье, раскинулся родной аул. Он нисколечко не изменился. Только Сарьяну показался он меньше, приземистее, не таким величественным, как рисовался в памяти. Но все равно близким, дорогим. Сердце забилось учащенно. Явственно доносились удары молота из кузницы, что была на окраине деревни:

— Динь-дзинь!.. Динь-дзинь!..

Сарьяну почудилось, что он уловил и терпкий знакомый запах горячей окалины, раскаленного докрасна железа.

Екнуло сердце у парня... Вот так же мелодично доносился перестук и в тот субботний хмурый осенний день, когда он этой же дорогой уходил в город. Близкие сердцу звуки доносятся из низкой, прокопченной угольным дымом сельской

кузни. И казались они Сарьяну, на всю жизнь полюбившему железо, тем важным маяком, который не дает кораблям сбиться с пути, дает правильный курс в жизни.

Сарьян — словно туго сжатая пружина. Сердце бешено колотит в ребра. Ноги сами несут вперед. Руки не чувствуют тяжести чемодана. Сарьян неотрывно смотрит вперед. Вот и бревенчатый, потемневший от времени дом с зеленым палисадником перед окнами. Дом построен еще руками отца. Он с друзьями тесал бревна, укладывал венцы, а мать помогала конопатить стены.

Тесовые ворота распахнуты настежь, и видна во дворе знакомая невысокая женщина в белом платке... Мама!.. Сарьян выдохнул одними губами это заветное слово. Мама!.. Она не может терпеть безделья, не сидится ей на месте...

Как говорят, думы сына — о вольной воле, думы матери — о детях своих. Когда Сарьян уезжал в прошлом году в Уфу, чтобы устроиться на завод, мать сначала было воспротивилась. А сегодня, в ожидании своего меньшого, надела свое нарядное фиолетовое платье с оборками, подвязалась белоснежным платком, купленным Сарьяном в городе на первую свою получку. Вот сейчас, еще немного, она повернется, чтобы взглянуть на дорогу, увидит сына, устремится ему навстречу.

Сарьян, опережая ее, сам побежал к распахнутым воротам, к родному дому. И с каждым шагом сердце билось все сильнее, а в груди трепетало одно-единственное слово, вмещающее целый мир:

— Мама!..

Мать, не столько услышав голос младшего сына, сколько почувствовав его своим сердцем, обернулась, замерла на месте, широко раскрыв

глаза. Она уронила пустое ведро и шагнула к Сарьяну, широко разведя свои руки:

— Улым!.. Сынок мой!..

3

Радости матери не было предела, с ее губ не сходила счастливая, чуть растерянная улыбка. Наконец-то младшенький вернулся домой! Вырос-то как! И повзрослел. Настоящий мужчина стал. Даже самой не верилось, что когда-то нянчила его, носила на руках... Забыв про свои больные ноги, словно помолодевшая на десяток лет, носилась Залифа-апай по своей избе, не зная от нахлынувшей радости, куда посадить сына, чем его угостить. На столе появилось и молоко, и домашняя конская колбаса — казы, и сахар, и вареное мясо. После первых бессвязных восклицаний, расспросов, успокоительных ответов Сарьяна Залифа-апай наконец уселась рядом на скамью.

— Ешь, сынок, ешь. Ты с дороги, проголодался небось.

Сарьян был не голоден, но не стал обижать мать, съел кусочек мяса, выпил пиалу чая.

— Спасибо, мама, спасибо... Я сытый.

— Какой сытый, если пешим ходом столько отмахал от самой станции?

— Привычное дело, мама.

Сарьян, опомнившись, поспешно раскрыл свой чемодан и стал вынимать подарки, купленные в Уфе. Для матери, для родных. Вынул отрез на платье.

— А это тебе от нас. От меня и Валихана.

Залифа-апай взяла материю. Щеки ее подевичьи зарделись румянцем. Давно, ой как давно ей никто не дарил столько, не покупал. Все

сама, на скудные заработки, да подешевле, попроще... А тут такая материя! Цветы — узоры! Залифа-апай мяла в своих заскорузлых пальцах нежную материя. Жаль, что нет отца в живых. Он бы тоже не нарадовался своими сыновьями, которые уже стали взрослыми.

— А как там мой старший живет?

— Хорошо, — в который раз отвечал Сарьян. — Мы премию получили, вот и решили вместе купить тебе на платье. Ты не беспокойся, мама, Валихан хорошо себя чувствует. И почет ему на заводе есть от старших, и уважение. Слесарем он там, а я на токаря выучился. Дед Крайнов говорит, что из Валихана отличный слесарь получился. Дед Крайнов тебе поклон до земли шлет. Так и сказал, до земли Залифс, матери твоей, от меня поклонись. Хороших, сказал, сыновей вырастила. Это, значит, про меня и Валихана.

— Доброе сердце у Крайнова, — Залифа-апай вздохнула, украдкой вытерла уголком платка глаза. — Сколько лет прошло, другие друзья-товарищи отца давно забыли дорогу к нашему дому, а он, дед Крайнов, как родственник. И помнит, и заботится. И вас вот обоих на завод определил. Спасибо ему, спасибо...

— Да не такой уж он и добрый, — не утерпел Сарьян. — С нас в цеху больше спрашивает, чем с других. Спуску не дает, за мелочь всякую цепляется.

— Не говори худые слова, сынок, не надо так. Он от добра, от чистого сердца. Учит вас уму-разуму, в люди выводит. А тут строгость нужна, без нее вас не обуздаешь. Вы вот какие стали, как необъезженные кони, а их без плетки и не запряжешь. Так что, сынок мой, слушайся его и почитай.

— Мы его почитаем. Мастер он классный!

— Какой-какой?

— Ну, классный! Хороший, значит, --- пояснил Сарьян. — Так на заводе у нас говорят.

— Это по-городскому, выходит?

— Ага, по-городскому. Классный — значит хороший. На все пять!

— На сколько? — удивилась мать.

— Да так принято говорить: на все пять. Ну, очень хорошо, значит, поняла?

— Поняла, сынок, поняла. — Залифа-анай встала проворно. — Что ж это я рассиживаюсь, когда угощение готовить надо. Люди же придут в дом. А ты, сынок, отдохни с дороги. Отдохни!

— Я помогу тебе, мама!

— Что ты! Что ты! Сама управлюсь, не мужское это дело возиться у плиты.

— В городе мы ж сами себе готовим, мама. Научились.

— Нет, нет! И не говори. Сама без тебя управлюсь.

Сарьян некоторое время посидел на лавке. Осмотрелся. В доме все по-прежнему. Так же монотонно тикают на стене часы-ходики, тянут поржавевшей гирей тонкую цепочку времени, а маятник отмеряет секунду за секундой. Все так же перегораживает просторную комнату тяжелая двойная занавеска из толстой красной материи с потускневшими от времени немудреными узорами, некогда вышитыми матерью. Там, за раздвинутой занавесью, женская половина. Нары покрыты старым и некогда белым, а сейчас потемневшим войлоком. Эти нары укоротил старший брат Валихан. Раньше нары занимали чуть ли не половину дома. Теперь в общей части стояла широкая деревянная кровать, а на ней, заправленной выцветшим покрывалом, возвыша-

лись горкой взбитые подушки в цветастых изволочках. Кровать покупали уже без отца, на первые заработки выросших сыновей.

А стол, что стоит у стены, хранит память отцовских рук. Крепко он сделан. Просторный, рассчитанный на большую семью, на праздничное застолье. И самовар ведерный, пузатый, из красной меди, стоит посредине стола, как и при отце. Сарьян никогда не забудет долгие зимние вечера, когда отец вырывался из пут своих бесконечных дел, сидел с ними, сыновьями, за этим столом.

На стене, неподалеку от печи, висел шкафчик с открытыми полочками, где стояла небогатая посуда — несколько тарелок, миски, деревянный черпак, деревянные ложки. А на верхней полке — небольшая стопка книг. Книги отца и его, Сарьяна. Учебники и школьные тетради. Мать их не выбросила, сберегла. Рядом со шкафчиком висело сито и гордость семьи — овальный узорчатый поднос. Когда собирались гости, на подносе ароматно дымилось вареное мясо... И сейчас от плиты доносился приятный запах. Мать торопливо что-то стряпала. Сарьян подвинулся к окну. Посмотрел на двор, на сарай. В раскрытое окно отчетливо доносилось веселое перестукивание молоточка, манящее, призывное.

— Динь-дзинь!.. Динь-дзинь!..

Сарьян не утерпел. Смущаясь, решительно встал с лавки.

— Мама, схожу-ка я поздороваюсь с Ульфатом. Давно ведь не виделись. Уж извини меня, ладно?.. Я скоро...

Ноги стремительно понесли его туда, где в горнице кузницы рождались эти чарующие волшебные звуки.

А через часок мать кузнеца, забежав на минутку к Залифе-апай, торопливо рассказывала: — Приношу я, соседка, Ульфату своему ай-ран¹. Да так и застыла, залюбовалась нашими молодцами! Пот с обоих льет, искры на всю кузню. Подросли, подросли наши богатыри!

Вернувшись из кузницы, Сарьян долго и весело мылся, рассказывал об Ульфате, каким тот хорошим кузнецом стал. А потом, как бывало в детстве, проворно вскарабкался по крутой скрипучей лестнице на навес. Это было его любимое место. Частенько здесь посиживали они с Ульфатом, долго-долго, до пощипывания в глазах, вглядываясь в пашни, леса и луга, вольно разбросанные вокруг аула. Может, тогда-то Сарьян впервые и почувствовал волнующую и загадочную притягательность дороги, убегающей в далекие, туманно синеющие горы.

С навеса, как на ладони, был виден весь аул: сотни изб, небольшой магазин, клуб, школа, здание строящейся электростанции. Под горой деловито журчал среди белых плоских камней проворный ручей. Чуть дальше — старая ветряная мельница. Сарьяну часто казалось, что она вот-вот, тяжело взмахнув деревянными крыльями, взмлет в поднебесье. Но она почему-то не улетала.

На этом краю селения — здание электростанции, которую начали строить еще три года назад, просторный колхозный двор, на другом — крытый ток. Аул со всеми своими надворными постройками, ухоженными земельными угодьями как-то очень прочно и уверенно обосновался на обширном плато. А вокруг — бесконечное бере-

¹ Кислое молоко, разведенное водой, употребляемое в качестве прохладительного напитка.

зовое раздолье — кайынлык. От этого березняка и деревня взяла свое название — Кайынлыкул.

Кайынлыкул берет свое начало от соседнего аула Тирэкле. Кем и когда был заложен аул Тирэкле, теперь уже никто не помнит. Лишь легенды об удивительно плодородных землях, лежащих вокруг чистого, как изумруд, озера, о живительном воздухе, которым не насытишься, о холодных, снимающих усталость родниковых ключах передаются из уст в уста.

По рассказам стариков, со временем эти места оказались так густо заселены, что людям стало хватать пахотных земель, пастбищ и угодий. И даже песни от года к году становились печальней и заунывней. Жизнь, тяжелая и однообразная, наложила на них свой неизбежный отпечаток:

Ай, Урал мой, Урал!
Среди твоих полей
Срезал я лозы — погонять коней.
Стекали капли на ладонь мою,
Как кровь батыра, павшего в бою...

Нужно было что-то предпринимать. Долго и упорно крестьянские ходоки обивали пороги хоромов килемского боярина, пока на откровенно кабальных условиях не сумели купить немного земли севернее озера Тирэкле, в районе нынешнего Кайынлыкула.

«Ну, теперь-то вздохнем свободнее», — подумали тогда переселенцы. Но черноликая нужда, волоча на горбу тяжкий царский крест, приплелась и сюда. Попали горемыки в когтистые лапы алчных и безжалостных баев молодого аула. Дряхлый мулла все чаще гнусавил на кладбище, вскоре появившемся на безымянной горке. Об этих, наверно, временах и поныне поют старики:

Ах, цветочки-лебедя!
Мужику совсем беда:
Нету хлеба, нет земли,
Только подати плати!

А вокруг Кайынлыкула по-прежнему шумят длиннокосые березы, неслышно позванивая серезжками. Баев давно нет, и иные песни поют теперь здесь...

4

Весь аул встречал его, Сарьяна. Встречал как надо — с почетом, как взрослого, как возмужавшего джигита. Даже белобородый Ульмаскул-агай со своей старухой удостоили Сарьяна своим посещением. А о друзьях и говорить не приходилось. «Ты, верно, побольше нашего знаешь», — с едва скрытой завистью говорили они, жадно ловя каждое слово односельчанина, теперь уже настоящего горожанина, у которого в речах, в манере держаться появилось что-то новое, которое сразу и не выразишь словами. Как бы невзначай заходил разговор даже о международных делах: в чем, мол, дело и что творится на белом свете? Чего не хватает Германии? Что это за ненасытная обжора, глотает одну страну за другой?

Словно Сарьян мог ответить на эти вопросы!

Лишь поздно вечером Залифа-апай, оставшись наедине с Сарьяном, смогла наговориться с ним вволю. Забросала вопросами о старшем сыне: здоров ли, как с работой, не собирается ли жениться? Как Крайнов поживает? А позже, улучив подходящий момент, стала осторожно допытываться:

— Вижу, по деревне ты сильно соскучился,

улым¹. Не в тягость ли тебе городская жизнь? Может, вернешься к родному очагу?

Впрочем, мать сама понимала, что уговаривать его вернуться назад теперь не имеет смысла. Новые времена, новые дороги у детей, жизнь пошла вскачь, как застоявшийся в стойле аргамак. Видно, им притягательней запах заводского дыма, чем привычные с детства запахи родной земли. Ну что ж, пусть идут по тропе жизни, что сами себе выбрали.

— Я уже другой человек, мама. И вряд ли меня теперь переделаешь, — сказал Сарьян.

Залифа-апай грустно улыбнулась. То-то и оно, что она ясно видела: все помыслы его — на заводе. И старший туда рвался, и этот. Просто ливу даешься: откуда в них, людях от земли, эта неумемная тяга в город?

— Скучаю я без вас, ох как скучаю! Ночей не сплю, Сарьян.

— Ну, ничего я с собой поделывать не могу, мама. Я же рабочим стал, понимаешь?

— Умом-то понимаю, умом. А вот душой... Ей ведь не прикажешь.

Сарьян помолчал. Долго смотрел в постаревшее за этот год лицо матери. Потом сказал то, о чем говорил с братом в городе.

— Почему бы тебе не переехать к нам... туда, в город?

Мать отрицательно покачала головой.

5

Встала она на рассвете. И, стоя у окна, долго смотрела на пылающий восток, где полыхающий багрянец зари уже распахнул двери в предстоящий новый день.

¹ Сынок.

— Да будет благословен день твой, илахым!¹

Сколько уж лет — несчетно — она вот так встречает зарю! В один из таких далеких рассветов и подарила она свое сердце Исангулу. Годы шли, отгремели революционные бои, отпыхала гражданская. Инвалидом вернулся на родное подворье ее Исангул. Подрастали дети. Но не суждено было Исангулу до конца порадоваться их счастьем: кулачье стреляло метко...

Сарьян слегка пошевелился. Залифа-апай на цыпочках подошла к кровати, приподняла угол сползшего цветастого одеяла и присела рядышком на табурет. И долго, чуть покачиваясь из стороны в сторону, с нежной грустью глядела на смуглое, чуть удлиненное лицо сына, на широкий лоб с упавшей прядью густых волос. «До чего ж ты на отца своего похож, балакайым²», — прошептала она.

И пережитые годы с необычайной яркостью воскресли в ее памяти.

Тогда стояла ранняя весна. На дорогах — гололед. Однажды Залифа увидела, как пожилая соседка Таузиha-апай, тяжело поскользнувшись, несет на коромысле полные ведра. Вдруг, коротко ойкнув, она неуклюже повалилась на бок. Залифа что есть сил побежала к ней.

У калитки их встретил сын Таузиhi-апай Исангул, широкоплечий, с сильными длинными руками джигит. Он осторожно подхватил мать под руку и повел ее в избу. И уже на крыльце, обернувшись, сказал Залифе простое, очень обычное:

— Спасибо!..

В ответ она не смогла вымолвить ни слова.

¹ О боже!

² Дитя мое.

В этом тихом произнесенном «спасибо» ей почувствовался особый затаенный смысл, а в легком движении широких черных бровей — волнение. Залифа почувствовала, как кровь прихлынула к щекам. Досадуя на себя за смущение, она убежала. И не могла успокоиться до самого позднего вечера, пока сон наконец не сморил ее.

Отца Залифы знали во всей округе, во всех ближних и дальних аулах, как расторопного и умелого плотника, настоящего мастера. Но и недолюбливали за прижимистость, расчетливость во всем. Сам же он отдавал должное Исангулу. Так уж заведено, что настоящий мастер в душе признает мастерство другого.

— Кузнец он хоть куда, шельмец! Далеко пойдет, если жизнь сложится как надо.

Такая похвала радовала Залифу, хотя она и не показывала виду. И потом... Что ж это такое происходит? Что же это она, влюбилась, получается? Так и подмывает в сторону кузнеца посмотреть. «Ну, нет, ни разу на тебя больше не взгляну! Подумаешь...» Но на следующее утро, отправляясь к ключу за водой, замедлила шаги, проходя мимо кузницы. И вдруг она со страхом почувствовала, как разом слетела с нее решимость, что она не может не обратить на джигита внимания.

— Залифа! — послышался непривычно робкий голос Исангула.

Она обернулась. Исангул, раскрасневшийся, в расстегнутой до пояса полотняной рубахе, с молотом в руках стоял у горна:

— «Залифа... хылыукай¹, я вижу, крючки железные надо на твое коромысло приделать. Я недолго».

¹ Красотка.

Он снял с ее плеч коромысло и, не слушая ее робких возражений, взялся за дело.

С того дня Залифа, уже не оправдываясь перед собой, сама искала любой пустячный повод хотя бы для мимолетной встречи. Ее как магнитом тянуло к нему. И незаметно эти встречи становились все более частыми, все более продолжительными. И тут случилась беда...

Однажды ночью нагрянули из города конные жандармы и арестовали отца Исангула. Аул переполошился. Жандармы смертельно перепугали и отца Залифы. Он отчаянно боялся властей. И, конечно, напустился на дочь:

— Чтобы я больше ни единого слова не слышал про сына этого ристана¹, — заорал он, махая кулаками. — Прибыю!

К тому времени Залифа уже не мыслила своей жизни без Исангула. Их встречи, теперь уже тайные, продолжались, но в них появился привкус горечи и тоски... Однажды Залифа подарила ему связанные ею белые перчатки и вышитый платочек — символ любви... Исангул долго молчал, говорили лишь его горячие, полные признательности глаза. Наконец он, не выдержав, осторожно коснулся ее хрупких плеч.

— Залифа, милая... А что скажет твой отец?

Залифа про себя отчаянно страшилась отцовского гнева, но, не подавая виду, она посмотрела ему в глаза:

— Не вечно же мне у отца жить, Исангул...

Исангул крепко обнял ее — так, что у нее перехватило дыхание, — и шепнул:

— Любовь моя...

Залифе в ту пору исполнилось восемнадцать. Когда она, плавно и упруго покачиваясь под

¹ Арестант.

тяжестью коромысла, под тяжестью ведер с водой, шла от родника, многие односельчане задумчиво смотрели ей вслед, слушая, как позванивают ее узорчатые сулпы¹, вплетенные в длинную косу... Да и отец видел, как дочь наливалась как анисовое яблоко. От сватов отбоя не было... Но отец, уповая на богатый калым², давал сватам от ворот поворот. Было у него заветное желание: выдать Залифу за сына старосты. Брак сулил ему крупный куш. Узнав об этом, Залифа едва не потеряла сознание. И в отчаянии, не думая о последствиях, решилась на опасную ложь. Упала перед отцом на колени.

— Атайым³, атайым, прости меня, но... но я уже жена Исангула!

Отец выронил из рук шило, которым ковырялся в хомуте.

— Что? Что слышат мои уши?!

Залифа, дрожа от страха, повторила одними губами:

— Я уже жена Исангула...

— Чья жена?! — проревел он. — Ах ты, сучья дочь!

От его крика дребезжали стекла в избе... Реминная плетка черной змеей обвила плечи Залифы, но она, замирая от боли, только стиснула зубы.

— На тебе! На, на!.. Со змасынем, с отродьем отверженного вздумала меня породнить?! Чтоб я сидел за одним столом с ристаном?! С голдранцем, у которого ни земли, ни дома, ни даже захудалой курицы?!

¹ Накосник (узорчатая металлическая подвеска, бляха с монетами и вставками из цветных камней, прикрепляемая к косе).

² Выкуп за невесту.

³ Папенька.

Мать пыталась вступить за дочь, но он и ее избил до полусмерти. И снова принялся за полуживую Залифу...

Ее выгнали из дому. Она ушла к кузнецу. Там с радостью ее встретили. Они стали жить с Исангулом, несмотря на пересуды соседей и проклятья горластого муллы. А вскоре вспыхнула первая империалистическая война...

Залифа, проводив мужа на войну, все эти тяжелые годы жила со свекровью Таузихой в полуразрушенной лачуге. Перебивались как могли — лишь бы выжить, лишь бы дождаться Исангула.

Таузиха была терпеливой, на редкость уравновешенной женщиной. Она никогда не притесняла свою покорную, уважительную и работающую сноху. Узнав в свое время о намерении сына жениться на дочке богатейшего плотника, не стала препятствовать. Сказала только:

— Отец твой очень просил тебя вернуться на завод. Согласится ли поехать твоя будущая жена?

— Хоть на край свет она поедет со мной, ма-тушка...

Мирхалитовы — родом из Белорецка. Какими же ветрами занесло их в этот далекий аул по другую сторону Башкортостана? Так уж получилось, что сталевар Нигмат Мирхалитов привлек к себе внимание царских ищеек и был сослан на каторжные работы в Тобольскую губернию. Полиция еще немного раньше взяла его под неусыпное наблюдение. По их списку Нигмат проходил как опасный агитатор и социалист.

Таузиха, не желая расставаться с мужем, отправилась с ним в далекие таежные края.

По возвращении с каторги они вместе с Крайновым некоторое время работали в уфимских

железнодорожных мастерских. В девятьсот пятом приняли участие в вооруженном восстании. Выступление рабочих было жестоко подавлено. Начались повальные аресты, казни. Спасаясь от преследования, они исколесили пол-России.

Однажды промозглым осенним вечером девятого марта, направляясь в Бузулук, Нигмат вынужден был завернуть в ближайшую деревню. Так они оказались к Қайынлыкуле. Таузиха была тяжело больна, и ей нужен был хотя бы кратковременный отдых. Да и сын Исангул чувствовал себя неважно...

Телега, по самую ось утопая в хлюпающей грязи, остановилась на окраине аула. Нигмат тяжело вздохнул, окинул усталым взглядом бедный аул, насупленный и тихий в угрюмую вечернюю пору. И вздрогнул: неподалеку, резко выделяясь на фоне свинцового неба, маячила виселица. Набухшая от влаги веревка с петлей, как бы в ожидании очередной жертвы, зловеще качалась на ветру...

«Что же мне делать? — грустно думал Нигмат. — Дальше ехать нельзя, жена не выдержит. Придется задержаться, пока ей станет лучше. Авось пронесет, может, не догадаются искать меня здесь жандармские ищейки. А там видно будет. Документы вроде надежные...»

Так политический преступник Нигмат Мирхалитов превратился в кузнеца Сабира.

Староста, увидев у Сабира множество инструментов, небольшой кузнечный мех, молот, наковальню, заговорил более приветливо. Он спузошел до того, что пригласил в дом, угостил чаем, благожелательно побеседовал. Дело в том, что в ауле не было своего кузнеца. Староста милостиво дозволил жить в пизеньком, покосившемся домике из плетня, обмазанием с обеих

сторон красной глиной вперемешку с конским кизяком.

Раньше здесь жила семья из восьми душ. Главу семьи, за подстрекательство к бунту, два года тому назад повесили, а жена с детьми, опухнув от голода, умерли нынешней весной... Сейчас об их печальной участи напоминала лишь вылинялая серенькая детская рубашоночка, которая, подернутая тленом, висела на ржавом крючке у входа в жилище. Она, как бы бросая вызов живущим, металась в непогоду и будто кричала о беде: «О люди! Кто же их погубил! Почему?! Разве им не нашлось куска хлеба?..»

Кузнец Сабир вместе с сыном Исангулом целыми днями мокли под холодным осенним дождем, вгрызаясь лопатами в склон горы. Вначале аульчане молча присматривались к ним, к чужакам. Но через несколько дней, не выдержав, пришел к ним Ульмаскул, бывший солдат-пластун, участник русско-японской войны. Потом еще три бывших фронтовика вышли на помощь. Так дружными усилиями они накопили глины, подготовили место, возвели стены кузницы.

И вот в один прекрасный день в небольшой земляной лачуге шумно вздохнул кузнечный мех, весело заметался в горне ослепительный огонь. И с того дня мелодичный звон от ударов молота по раскаленному металлу не смолкал от зари до зари. Здесь, под золотистым огненным дождем, рождались голубоватые подковы и пешни, надежно оковывались колеса, выделявались топорики, ухваты, серпы, ковались лемеха...

Дни бежали незаметно. Дружба, возникавшая между кузнецом и аульчанами, которые по достоинству сумели оценить душевную щедрость новосела, крепла с каждым днем.

Жители Кайынлыкула зачастили в кузницу. А Нигмату было о чем рассказать им. И все больше становилось тех, кто начинал понимать, что больше нельзя жить па земле такой безвыходной, беспросветной жизнью... И их время должно наступить.

И Исагул был среди них. Он, во время отцовского разговора с крестьянами, либо внимательно слушал, стараясь вникнуть в суть вопроса, либо, по-молодецки расправляя плечи, ковал железо за двоих.

Прошел год, другой. Вот уже третий раз запырило землю снегом. На буграх и небольших курганах его сдувало ветром. Лопалась застывшая земля. По ночам у околицы выли голодные волки...

Но зато тепло было возле горна в кузнице. И все горячей становились разговоры, все сильнее сжимались у людей кулаки.

Давно нет в живых Нигмата, казненного царскими карателями, нет и доброй Таузихи, скончавшейся вскоре после казни мужа, не увидели они красного флага над сельской управой. Но искры, которые заронил в души бедняков кузнец, вспыхнули ярким пламенем.

А Исагулу выпало счастье остаться в живых, он прошел и первую мировую, и гражданскую. Сразу же после лазарета он отправился в губернский Комитет. Его долго не пришлось агитировать, он сам понимал, что его место сейчас в Кайынлыкуле. Несколько лет он руководил коммунной, а во время коллективизации кулаки подстерегли и убили его.

Сарьяну в том горестном году уже исполнилось девять лет, он хорошо запомнил на всю жизнь тот страшный час, когда привезли отца с окровавленной головой. Помнит, как вереницей

шли мимо гроба отца люди. Не забыть ему и лиц пойманных бандитов, подло напавших на отца в ту темную дождливую ночь. Мать позже, вытирая слезы, не раз говорила ему:

— Сынок мой, не забудь о крови отца, пролитой за революцию. Помни отцовские слова. Он говорил, что не в одиночку жить пришел человек на белый свет. Только тогда ты обрешь настоящее счастье, когда будешь жить в вечном горении за людей, за Родину, как твой отец...

...Жить в вечном горении за людей, за Родину, как твой отец...

Сарьян, будто сейчас услышав сквозь сон памятные слова матери, открыл глаза. Оказывается, уже рассвело! Видимо, мать и вправду, оберегая сладкий сон сына, провела бессонную ночь у его кровати. Задумчивая она какая-то, сосредоточенная, а на губах — улыбка. Наверное, думала о чем-то хорошем, приятном.

Сарьян окончательно проснулся. День-то, оказывается, уже начался, а он все нежится в постели. Но встать не хотелось. Приятно лежать на своей кровати под стеганым ватым одеялом. В открытое настежь окно виднелась крыша электростанции, которую строят уже третий год. Аульчане ждут не дождутся электрического тока. Алый флаг над колхозной стройкой казался особенно ярким и празднично-всесельным в лучах утреннего солнца. Ветерок доносил запахи битума и свежих сосновых стружек.

Сарьян услышал родной голос матери, которая улыбалась ему:

— Ну, сынок, пора вставать! А то проснишь сенокос!

Сарьян рывком сел на кровати:

— С добрым утром, мама!

Разве мог Сарьян предположить, какую радостную весть принесет ему это солнечное утро? Даже и во сне ему не снилось. А началось все за чаепитием. Залифа-апай только успела заварить свежий чай, только успела налить первую пиалу сыну, как около дома остановилась подвода и с улицы послышался знакомый женский голос:

— Есть ли кто-нибудь живой в избе?

Сарьян, отстранив пиалу, вскочил с места, бросился к окну:

— Мама, кажется, к нам... Гости приехали!

— Гости?! — всполошилась Залифа-апай. — Кто ж это порадовал нас... Никак, Магира со своими птенцами...

На ходу зачем-то вытирая и так чистые руки, Залифа-апай поспешила к выходу. А вскоре со двора доносился ее возбужденный радостный голос:

— Ой-йей! Вот не ждала и не гадала! С приездом, соседushка! С возвращением в родной аул... Здравствуйте, гости дорогие! А Минсылу! Неужели это ты? Поглядите, люди, на Минсылу! Да как она выросла, как похорошела! Встретишь на улице и не узнаешь. Невеста — и только! Да и ты, Магира, тоже хороша. Хоть бы письмецо за эти годы.

Сарьян взглянул в окно и обомлел. Он узнал и не узнал Минсылу. В том, что это была она, он не сомневался ни капельки. Но какой она стала! Такой красивой девушки, ему казалось, он еще не видел. У него перехватило дыхание, а ноги приросли к полу. Сарьян не мог сделать и шага навстречу гостям. Он стоял полный смятения и трепета. Узнает ли она его? Сарьян за-

стегнул ворот рубахи, который вдруг показался тесным.

— Сарьян, сынок! — донесся до его сознания голос матери. — Кто к нам приехал! Выходи встречать гостей!

Они едва пожали друг другу руки. Но от этого легкого прикосновения ток побежал по всему телу. Минсылу как-то смущенно покраснела и едва взглянула на Сарьяна, как сразу же опустила глаза. Но и одного мгновения, пока они смотрели друг на друга, было им вполне достаточно. Они успели глазами высказать то, что не решились бы произнести вслух. Сарьян только тихо сказал:

— Здравствуй, Минсылу!.. С приездом тебя...

— Здравствуй, Сарьян! — ответила одними губами Минсылу.

А к дому Мирхалитовых уже подходили группы молодых косарей. С литовками, граблями на плечах. Сарьян еще с вечера договорился с ними, что отправится на дальний луг косить сено. А сейчас уходить было не очень удобно. Да и не хотелось, если говорить откровенно. Но его уже звали:

— Эй, Сарьян! Выходи, солнце давно встало!

— Или спишь по-городскому? Без гудка не можешь проснуться?

Сарьян нехотя взял косу, которую наточил еще с вечера. Надо выходить. Эх, если бы кто вчера подсказал намеком хотя бы, что сегодня произойдет такая встреча. И он снова взглянул на Минсылу. Та не поднимала ресниц, усиленно рассматривала что-то у себя под ногами.

— Извините меня, пожалуйста, — Сарьян посмотрел на гостей, виновато улыбнулся. — Я скоро... А вы пока отдохните. Устали с дороги, наверно. Я скоро!..

На улице, отпугивая сонных гусей, которые нехотя уступали конным дорогу, весело загромыхали арбы. Голоса людей смешались, потонули в веселом гомоне оживленного июльского утра. Так бывало всегда в пору сенокоса. Шутили парни, озорно поглядывая на крепкотелых, розовощеких деревенских девчат, а те смеялись от души. И Сарьян охотно балагурил со всеми, но перед глазами была Минсылу. Какая же ты стала, Минсылу!.. Нет, не найти ему слов...

В том году, когда Минсылу покинула аул, молодежь вот так же с веселым гомоном ехала на сенокос. Так же, как и сегодня, задевая телегу, дзинькала коса. Как бегут годы, если даже в молодости это заметно! И они, эти годы, вытянули маленькую Минсылу, превратили ее в стройную девушку, отрасли ее чуть потемневшие пышные волосы и заплели их в тяжелую косу. Лишь голос да глаза остались те же. В ее голосе слышна, памятная еще с детства, серебристая легкая трель, а в глазах, открыто смотрящих на мир, казалось, прибавилось густой небесной голубизны...

Чалый мерин, приближаясь к широкой пойме речки Базы, затрусил быстрее. Полевая дорога, окаймленная цветастым ковром разнотравья, прихотливо извивалась, бежала вначале по молодому дубняку, потом вильнула в старую ивовую рощу. Обтянутые шинами колеса подбрасывало на узловатых корнях деревьев. Монотонно звенели, стучаясь о телегу, литовки.

— Но-о, чалый, но-о!

Кругом шутили и смеялись. Кто-то пел частушки. Сарьян отвечал на вопросы, улыбался шуткам. А сердцем был дома. Сенокос радости не приносил. Солнечный день, казалось, внезапно померк. А когда Сарьян сделал первые взма-

хи косо́й, уложив первые валки влажной травы, он вдруг отчетливо понял, что нестерпимо хочет видеть Минсылу. «Если б она была тут, рядом...» И с пугающей ясностью понял, что она приехала НА ВРЕМЯ, что скоро она УЕДЕТ. И остановился в растерянности.

— Ты, Сарьян, что там нашел?

— Да нет, ничего, просто так...

Проведенный на лугу день казался Сарьяну бесконечно длинным. А вечером... Это было как чудо, как награда за бесконечные думы! На горе близ аула повозку косарей (а может, его, Сарьяна!) встречала Минсылу. Она была в белом платье с крупными, в ладонь, лазоревыми цветами. Еще издали улыбнувшись Сарьяну, она подбежала к ним навстречу, непринужденно уселась на арбу, подмяв мягкое, душистое сено. И, смутившись, притихла.

Чалый шел ровным шагом. Увидев знакомые строения, он быстрее затрусил. Шедшие следом другие кони, ободрившись, понеслись за ним. Ветер, утихший было к вечеру, ожил вновь, прошелся по гривам лошадей, разгоряченным лицам. Со стороны фермы донеслись повелительные голоса скотников, мычание коров. Навстречу косцам попались доярки, запах парного молока ударил в ноздри.

Сарьян наклонился к девушке.

— Минсылу, поедешь завтра на луг?

Та утвердительно кивнула.

7

Короткая ночь, полная неясных и тревожащих сновидений, пролетела незаметно. Чей-то громкий смех разбудил его. Так вот кто это так самозабвенно смеялся — из тысяч голосов он уз-

над бы этот единственный в мире голос! И, проворно собираясь на сенокос, Сарьян с каким-то сладким страхом подумал, что, не будь Минсылу сейчас рядом, мир не казался бы ему таким радужным,

Хорошее настроение не покидало его. Сегодня в бричку запрягли не чалого мерина, а горячего жеребца. Минсылу, в приливе нежности, гладила и ласкала коня, к уздечке игреневого привязала голубую ленту. И подводы гуськом двинулись в путь.

Залихватски растянув узорчатый мех тальянки, рванул шуточную гармонист. Кто-то из девушек высоким голосом затянул частушку. Ее дружно подхватили подружки, к ним присоединились парни:

Сколько раз я зарекалась
Под гармошку песни петь.
Как гармошка заиграет,
Разве сердцу утерпеть?..

Утренняя песня, вспугивая птиц, неслась над сонными полями, полными запахов медвяной росы и наливающихся хлебов. Даже жаворонок, летевший высоко в небе, услышав ее, казалось, от удивления позабыл собственную.

Милый мой, беда с тобой,
Пять годов корят тобой,
Пять годов не мало лет.
Замуж ты возьмешь иль нет?.

— Эхма-а! Пойте, детки, пойте, от песни сердце молодеет!.. — зычным голосом крикнул Ульмаскул-бабай и чуть привстал с козел.

Кони рванули дружно. Свежий ветер с низовьев реки проворно растрепал конские гривы,

тугой волной навалился на липы, дозором вставшие по правой стороне дороги, весело зашелестел листвою. Росинки, беспорядочно слетая с затрепетавших листьев, жемчужинками замерцали на солнце.

Кто-то с передней подводы, доехав до опушки молодого березняка, росшего по склону покатой горы, встал во весь рост и крикнул:

— Эгей, джигиты!.. Угостим девчат костяникой!..

— Дава-ай!..

— Тррр!..

Бодрые голоса, дробясь во влажном березняке, рассыпались по склону.

Еще не успели остановиться кони, как девушки вспорхнули с подвод и врассыпную кинулись в березняк.

— Попробуйте поймать нас вначале!..

За ними с хохотом и гиканьем бросились парни. Молодой лес наполнился голосами, визжаньем девчат.

Сарьян с разгоревшимися щеками, задыхаясь, мчался за Минсылу. Она стремительно неслась по редколесью. Скорей, джигит, скорей! Еще несколько рывков... но девушка перехитрила его. В последний миг, когда Сарьян почти уже дотянулся до нее, она, озорно вскрикнув, резко отскочила и обежала куст с другой стороны. Сарьяну достались лишь росинки, обильно посыпавшиеся на него с потревоженного куста...

В эти короткие, счастливые мгновения он успел почувствовать близко горячее дыхание девушки... Сердце джигита сладко сжалось... Он остановился, глядя, как тает в березовом разбросе платье Минсылу...

Была на этой неделе у них еще одна встреча. Тихой лунной ночью Сарьян вышел вместе с Минсылу из клуба, и они неторопливо побрели по улице. В дальнем проулке о чем-то грустном тихо пела одинокая гармонь. На кого-то лаяла собака. Сонно промычала корова. Аул спал.

Увлечшись разговором, они не заметили, как скоро оказались на окраине аула. Нигде — ни души. Лишь луна полноликая, присев на продолговатую белую тучку, ласково глядела на влюбленных. Роса уже успела выпасть, за Минсылу и Сарьяном тянулись голубоватые следы.

— Ой, как здесь хорошо! — воскликнула Минсылу, слегка сжав руку Сарьяна. — Постоим немного...

Повернувшись к аулу, они остановились и, как бы слушая сердцебиение друг друга, притихли. Аул в лунном свете казался подернутым еле заметным дымчатым пологом, и на далекой излучине Базы мерцал огонек. Кто-то из парней был в ночном. Грустно прокричал коростель на ближнем лугу.

Большой аул, утомившись за день, положив голову к березовой рощице, безмятежно спал. И клуб, возвышавшийся в середине аула, и школа, и колхозный двор с высокой водокачкой — всё приобрело мягкие, спокойные очертания, и казалось, ничто не может нарушить эту голубую оцепенелость... Луна, осторожно заглядывая в окна, белыми невесомыми одеялами укрывала младенцев в колыбели, серебристым светом заливала березы, мирно дремлющие на косогоре. Передохнув малость на застывших крыльях ветряка, луна продолжала свой вечный путь...

В нагретом за день воздухе стыл густой аромат полевых цветов. Сарьян и Минсылу шли молча, взявшись за руки. Им было хорошо. Ничто не смущало их. Оба жили счастливой радостью, которая в эти минуты казалась им бесконечной. Сарьян, не отпуская руки девушки, склонил голову к Минсылу и почему-то шепотом спросил:

— Ты вспоминала иногда обо мне?

— Вспоминала... — Минсылу, девичьим сердцем остро чувствуя близкую разлуку, как-то сникла и вдруг прильнула к Сарьяну. — Теперь буду скучать... И ждать тебя...

Сарьян не мог оторвать взгляда от ее пылающего лица, от ее зовущих, чуть приоткрытых, трепетавших влажных губ.

В лунном сиянии Минсылу была удивительно хороша. Крупные завитки ее светлых волос упали на лоб и виски. Тонкие брови, изогнутые, как крылья чайки, взметнулись над глазами, такими бездонными в тени длинных ресниц.

— Ты, Минсылу, одна в моей жизни и навсегда...

— Ты, Сарьян, тоже один в моей жизни и навсегда...

Они не говорили, а шептали друг другу, словно боясь, что деревья и кусты подслушивают их лунной ночью.

— Пиши мне, Минсылу. Почаще пиши...

— И ты мне тоже...

— А на будущий год, когда учебу закончишь, я за тобой приеду.

— Я буду ждать тебя, дорогой. Хоть всю жизнь буду ждать.

Они поклялись друг другу в вечной верности, дали друг другу слово, обещая нести его в своем сердце до конца жизни, что бы ни случилось.

Будущее казалось обоим ласково-голубым и розово-солнечным, как горы на рассвете, когда свет нового дня озаряет далекие снежные вершины.

Домой они возвращались повзрослевшими и обновленными, неся в сердцах своих тайну скорого счастья.

Минсылу недолго пробыла в ауле. Мать ее быстро нашла покупателей на старый дом. И через несколько дней они уехали. Уехали, оставляя добрую память о себе, все по той же знакомой проселочной дороге — дороге давней, как сама земля, бесконечной, как судьбы людские...

Глава вторая

1

После отъезда Минсылу родной аул в глазах Сарьяна как-то сразу поблек и опустел. Его ничего здесь не радовало и не удерживало. Завод тянул к себе неудержимо. Он соскучился по запахам цеха, ставшего теперь родным, по железу. Ему хотелось видеть железную стружку, которая струится из-под резца и бежит, сворачиваясь, голубоватой лентой, и гладить рукою свежевыточенную деталь, слышать ровный гул токарного станка... Сарьяну порой казалось, что в нем просыпается кровь далеких предков, которые в глухих пещерах Урала ковали булатные сабли. Он не только любил железо, а, казалось, понимал его душу. И с утра до вечера пропадал на кузне, помогая Ульфату. И как-то незаметно быстро освоил кузнечное дело, хотя об этом сам и не думал. Просто ему нравилось видеть, как под ударами молотка и молота на наковальне

огнедышащая пурпурно-алая заготовка превращается в нужную для крестьянской жизни вещь.

— У тебя, Сарьян, ничего... выходит!— похвалил его скупой на слова Ульфат и добавил то, что еще никому не говорил: — Тебе и кузню можно доверить. Справишься.

— Что ты!.. Я ж только так, помогаю тебе.

— Э-э, друг, не говори. Я руку мастера сразу вижу.

Ульфат поправил длинными щипцами краснеющие заготовки в огне, подгрел угля и, вытерев руки, направился в угол кузни, где на низком, сколоченном из грубых досок столике стояла пузатая трехлитровая посуда с холодным айраном. Разлил в две пиалы, позвал Сарьяна:

— Освежись. Мне айран больше кумыса нравится.

— На работе, конечно, айран лучше,— согласился Сарьян. — А вечером за хорошим куском баранины можно выпить и кумыса. Ученые люди, я слышал, высоко ценят наш башкирский кумыс. Лечебным напитком называют.

— Водку тоже напитком называют, а от нее одна сплошная головная боль,— сказал Ульфат и как бы поставил точку.

Не спеша осушил пиалу, наполнил ее снова айраном.

— Вот что я тебе скажу, Сарьян,— Ульфат подошел к товарищу и положил ему на плечо свою шершавую ладонь. — В кузне нам двоим тесно не будет. Работы хватит. В общем, жить можно! А если там у тебя на заводе что-либо не так, не держись за город. Ты меня понял? Вот тебе моя рука.

Сарьян хотел было возразить ему, сказать, что на заводе у него дела идут хорошо, что профессия токаря пришлась по нраву и он сдружил-

ся со своим станком, но ничего не сказал, боясь обидеть кузнеца. Ведь тот предлагал от чистого сердца. И вслух сказал:

— Спасибо, Ульфат.

И пожал протянутую руку.

2

До конца отпуска осталось меньше недели, когда под вечер в кузню пришел инженер и два монтажника с колхозной электростанции. Там были горячие предпусковые дни. Работали от зари до зари. Инженер и раньше приходил к кузнецу, и Ульфат ковал ему то фасонные скобы, то еще что-нибудь. И сейчас инженер, поздоровавшись за руку, выложил чертеж на замасленный стол:

— Выручай, друг. Пока из города привезем такие штуковины, неделя пройдет.

Ульфат уставился на чертеж, смотрел и тер пятерней щеку. Многое, что было нарисовано на бумаге, ему было непонятным. Он не привык работать по чертежам. Но вслух сказать об этом не решился. Смотрел на линии и пытался сам додумать.

— А ну-ка, дай и я взгляну, — Сарьян подошел ближе и склонился над листом бумаги.

Сарьяну в своем механическом цеху приходилось работать по чертежам. Правда, если говорить начистоту, чертежи не трудные и детали не сложные. Сложные детали точили токаря высших разрядов. Но за прошедший год, когда учился в заводской профтехшколе, когда проходил практику в цеху, научился понимать значение строгих линий чертежа. В профтехшколе каждый день было четыре урока по теории и четыре — практика у станка. Сарьян изучил черчение,

понял технологию обработки различных металлов, основы машиноведения. Как потом ему эти знания пригодились в цеху, когда делал первые самостоятельные шаги!

И сейчас, в кузне, Сарьян сразу сообразил, что к чему. Чертеж был не сложным, но вот выковать такие «штуковины», как их назвал инженер, нужно было умеючи. Ул фат, конечно, сможет. Только объяснить ему надо толково. И не так, как этот инженер. А попроще, не мудрствуя.

— Ты сюда гляди, видишь верхнюю сторону? А здесь прогиб, — Сарьян провел ногтем большого пальца по бумаге, оставляя черту. — Потом здесь отверстие, чуть больше, чем на подкове... Смекаешь? Для болта, значит. И еще такое же отверстие, только на другом конце...

Ульфат вытер тыльной стороной ладони пот со лба, почесал тяжелый подбородок и, вздохнув, утвердительно сказал:

— Ясно дело. Попробуем!

— Может, помощники нужны, я вот монтажников привел с собой, — предложил инженер. — Слесаря они приличные.

— Сами справимся, — с достоинством ответил Ульфат. — Сарьян мне поможет, у него башка смекалистая.

Инженер обратился к Сарьяну:

— Вы, как я вижу, в чертежах разбираетесь. Где научились?

— На заводе, в Уфе, — ответил Сарьян, — токарем я там в механическом.

— Токарем? — переспросил инженер, и лицо его сразу сделалось еще приветливее, словно он встретил родственника. — Нам позарез нужен токарь! Специалист с вашего завода, если говорить точнее. Ваш же мы дизель устанавливаем, понимаешь?

— Наш дизель?! — Сарьян даже не поверил.

Ему почему-то казалось, что те дизеля, которые выпускает их завод, увозят куда-то далеко, и ему еще ни разу не приходилось видеть, как эти машины трудятся в обычных условиях. Он видел, как они работают на испытаниях, но там совсем другая обстановка. Там проверяют, налаживают.

— Ваш, ваш. С уфимского завода, — инженер был рад такой неожиданной встрече. — Приходи к нам, посмотри.

— Я ж не слесарь-сборщик, а просто токарь, — ответил Сарьян, смущенный и польщенный таким вниманием.

— Я и говорю, что токарь. Может, и свою деталь увидишь, тобой сделанную. А заодно и монтажникам поможешь. Запарка у нас, пускать станцию будем. Дизеля тебе знакомы, ты в них кумекаешь больше, чем наши монтажники. Одним словом, приходи. Договорились?

Когда инженер с монтажниками ушел, Ульфат снова склонился над чертежом. Видно было, что ему не все понятно, он еще не во всем разобрался. Кузнец смотрел на бумагу и чесал пятерней свой подбородок.

— Мудреная штукавина. Не знаешь, с какого бока и подступать-то к ней.

— У тебя глина есть? — спросил Сарьян.

— А на кой она мне, глина, — Ульфат даже не повернулся к Сарьяну.

— Именно сейчас и нужна, — деловито произнес Сарьян. — Мы в профтехшколе всегда глину держали под рукой.

Сарьян взял лопату, накопал и замесил глину. Помял в ладонях приличный комок, словно тесто. Подошел к кузнецу.

— Давай разберемся в чертеже. Слепим из глины эту самую мудреную штуквину, чтоб посмотреть на нее в натуральном виде.

— Хорошо придумал! — Ульфат хлопнул друга по плечу своей ладонью, сам засмеялся. — Молодец!

3

И вот наступил долгожданный момент.

Едва упали сумерки, как глухо застучал дизель. Народ, собравшийся перед электростанцией на небольшой площади, радостно насторожился. Взгляды всех были устремлены вверх, туда, где высоко на столбе под трепетавшим на ветру красным флагом чуть заметно круглилась электролампа. Затем невольно прослеживали путь, по которому побежит живительный ток, — провода тянулись к колхозному двору, клубу, ферме. Минута, две...

Волнение собравшихся передалось и Сарьяну. Ему казалось, что его собственное сердце бьется в унисон с ровно и бойко постукивающим движком станции. Но вот рука дежурного электромеханика включила генератор, через секунду кто-то невидимый решительно толкнул трезубец рубильника — и повсюду вспыхнули ярким светом фонари.

Толпа ликовала. Аплодисменты и приветственные возгласы долго носились в воздухе. Каждый норовил протиснуться поближе к главным виновникам торжества — строителям, монтажникам. Те, счастливые и смущенные одновременно, еле успевали пожимать тянувшиеся к ним руки. Не остался без внимания и Сарьян. Односельчане поздравляли и его.

— Да я-то тут при чем? — недоуменно спрашивал он, чувствуя себя с каждой минутой все более неловко.

— Ай, якшы¹, улым! Зур рахмат² от нас твоим товарищам! — восклицал белобородый Ульмаскул-бабай. — Так и передай на завод: ваши моторы не только деревню нашу осветили, но и сердца согрели. Так и скажи!

— И второй движок надо купить! — радовался кто-то в толпе. — Установим его на молотилке, пусть крутит себе барабан. Никаких трудностей ему не надо, не то что нам, грешным.

Раздались взрывы смеха. А Сарьян чувствовал себя именинником. Такие дизели выпускает их завод! И он сам, своими руками выделывает удивительные вещи, которые так нужны не только родному Башкортостану, но и всей стране.

Ощущение полной причастности к этому торжеству наполнило его легким и, впрочем, вполне понятным тщеславием: «Действительно, куда ни посмотри, всюду наши движки: и в полевых партиях геологов, и у лесорубов, и в таких вот деревнях, как этот родной ему аул. Да мало ли где! В соседнем Мурапталово они крутят мельничные жернова, в Тирэкле круглый год гонят воду на ферму...»

Сарьян вдруг особенно остро почувствовал прилив гордости за дело, которому он уже посвятил свою жизнь и которое так зримо и весомо сказалось здесь, в родном ауле. И он мысленно перенесся в город, где каждое утро начинается со знакомого заводского гудка, певуче раздающегося на берегу реки Агидель³.

¹ Хорошо.

² Большое спасибо.

³ Река Белая.

Жизнь... Сложна и интересна она. Осенью упадет на землю и зароется в грунт, накроется пожухлой листвой обыкновенный желудь с шершавой тюбетейкой на макушке, и кажется, больше никогда его не увидишь. Наступит зима. Жесточайший мороз могучими челюстями скует землю. Долгие холодные месяцы над желудем яростно свирепствуют студеные ветры, протяжно стонут вьюги, трещат морозы. Но он не умирает, ждет своего часа. С приходом теплых дней весны, с приходом поры буйно цветущей молодости желудь пробуждается. И росток — вестник будущей могучей жизни — словно острое копьё, литое из розовой стали, взрывает непокорную землю, смело выходит наверх — природа торжествует! Она свою молодость выносит на белый свет. Каждую весну наступает новое пробуждение.

4

В душе у Сарьяна тоже что-либо постоянно рождалось. Но вечно не затухающее, бессмертное пробуждение зарождалось не сразу. До появления большого и сильного чувства, остро волнующего сердца, успело пройти множество интересных событий.

Разве забыть Сарьяну свой первый приход на завод? Слов нет, он робел тогда. Аульский парень, первый раз в городе. И на завод повел его не брат, а друг отца, дед Крайнов.

— Вот тут и рождаются наши движки, — обняв его за плечи, сказал Крайнов. — Знаешь, сколько здесь цехов? Литейный, кузнечный, механический, сборочный... Словом, на один движок работают тысячи людей. Нравится тебе?

Сарьян восторженно закивал головой:

— Очень! Пойдем туда, своими глазами все посмотреть хочу. Пойдем! — Он нетерпеливо потянул Крайнова за рукав.

— Экий ты приткий! — усмехнулся тот. — Не-ет, брат, так дела не делаются. Ты ж, милый мой, кроме как косить да коня запрягать, ничего не умеешь! — Он взъерошил ему волосы и повел к кирпичному двухэтажному зданию, фасад которого выходил на небольшую площадь. Они прошли коридором и очутились в просторной комнате. Крайнов озабоченно взглянул на часы:

— Рановато мы с тобой пришли, парень. Начальник отдела кадров к одиннадцати велел. Ну, да ничего, подождем.

И он повел Сарьяна в зал заседаний. Там было пусто. Дед Крайнов раздвинул темные шторы большого, с частыми переплетами окна. Сарьян уселся на одну из длинных скамей. Солнечные лучи, ворвавшись в зал, сразу же осветили строгие голубоватые стены помещения. Сарьян огляделся и увидел огромную, в два человеческих роста, картину, изображавшую второй Всероссийский съезд Советов. На трибуне — Ленин. Делегаты, приветствуя вождя, поднялись с мест.

Сарьян, осторожно взглянув на Крайнова, понимающе улыбнулся: «Ага-а... дед не зря, оказывается, привел меня сюда. Завод-то отсюда начинается...»

Ленин... С ранних лет вся жизнь Сарьяна была освещена светом этого великого имени. С именем Ильича в сердце отдали свои жизни отец и дед. И Сарьян с необычайной ясностью начал понимать всю значимость того, что происходит с ним, обыкновенным деревенским парнем, пришедшим в большой город из захолустья. Вспомнились рассказы матери о мытарствах, которые

они претерпели в давние тяжкие времена. Сарьян встал и, отойдя прямо к двери, начал пристально рассматривать картину. Лицо Ленина, обычное и такое необычное в то же время, как бы светилось изнутри, и этот свет наполнял огромный зал, битком набитый людьми...

Дед Крайнов, теребя чуть обвислые усы, внимательно наблюдал за Сарьяном. А когда тот сел рядом с ним, он вновь посмотрел на часы.

— Еще полчаса... — сказал дед Крайнов. — Раньше-то здесь маленький чугунолитейный заводик был. — И начал рассказывать историю этого завода. Основал его один проныра — заводчик Чухман. Крайнов помнил его до сих пор. Мелочевку на заводе выпускали: вьюшки, чугунные плиты, дверцы для печей. Жарища была, не приведи господь. Люди до сорока — сорока пяти лет выдерживали, а потом — ногами вперед на погост...

— Умирали? — осторожно переспросил Сарьян.

— Как мухи, — угрюмо подтвердил Крайнов. — Заводишко так и звали — «ад Чухмана». Кляли все на свете, да куда денешься, семью кормить надо? Ну, да недолго дымил этот ад. В революцию да в гражданскую чуть ли не развалины только от него и остались. Радоваться-то и радовались вроде, а когда мирное время пришло, крепко в затылках почесать пришлось... Ты-то не помнишь, а я... Страшное дело: разруха, голод, эпидемии, по лесам банды прячутся, беспризорники... Словом, запустение. Да тут еще меньшевичье да эсеровская сволочь железнодорожный транспорт парализовать пытались, самый важный участок между Сибирью и Центром И в это трудное время, как всегда, впереди оказались коммунисты. Восстановили завод, стал он

зваться госзаводом. Чуешь — государственным, а не этого богом клятого Чухмана. В общем, хорошая жизнь пошла. Хоть и пояса потуже подтянули, но работали как угорелые. К тому времени в Ишимбае нефть нашли. Вот и приказано было бывшей чугунолитейке выпускать дизеля, которые на нефти бы работали. Неслыханное дело, с вьюшек да сразу на двигателях! Я в то время работал начальником цеха в паровозо-вагоноремонтном заводе. Ну, на том самом, где мы с твоим дедом в вооруженном восстании девятьсот пятого года участвовали, слышал наверняка? Вызвали меня в Уфимский горком партии и сказали: принимай новое назначение, большевик Крайнов, нам люди на госзаводе нужны позарез. Ответственное задание дали... Так я попал сюда. Теперь не узнать завода. Вон какой махина!..

Дед Крайнов вздохнул, потерел свои седые усы.

— А я постареть успел, на заслуженный отдых проводили. Да не сидится дома. Ну, кажется, пора нам, начальник, наверно, уже пришел. Пошли, сынок!

Так Сарьян стал рабочим. Вернее, сначала учеником заводской профтехшколы. С каким-то благоговением принял из рук кладовщицы грубую спецовку, рукавицы, бирки на инструмент. Жил на квартире у брата. Валихан снимал комнату неподалеку от завода.

Сарьян помнит свой первый приход в механический цех. От гуда механизмов сотрясался под ногами пол.

Он шел по цеху, стараясь никого не задеть, случайно не зацепиться за какой-нибудь маховик. Казалось, что одно неосторожное движение, и швырнет его к станку, притянет, наматает на

вал... Затаив дыхание, Сарьян двигался рядом с дядей Костей, боясь отстать от своего провожающего хоть на шаг. И с удивлением рассматривал окружающий его новый таинственный мир. На станках, мимо которых проходил, с удивлением увидел, как бесконечной тонкой струей лились вода и молоко. Лишь потом Сарьян узнал, что это вовсе и не молоко, а эмульсия, состав, которым поливают разогревающиеся при обработке детали.

Через несколько минут Сарьян освоился в цеху. Присмотревшись повнимательнее, увидел: у станков спокойно работают такие же, как и он, парни. Некоторые были, как ему показалось, даже моложе его. Увидел и девушек. Они деловито трудились. Сарьян заметил, что в цеху, несмотря на невероятный шум, многие переговариваются. И даже смеются чему-то. Глядя на них, Сарьян стал успокаиваться. Кажется, ничего страшного нет. Привыкнуть можно.

И тут неожиданно Сарьян увидел своего односельчанина Хасаншу. На душе как-то потеплело. Свой же парень, аульский. Хасанша снял со станка сверкающую серебром деталь, деловито осмотрел ее, промерил, потом аккуратно положил к точно таким же, что лежали стопкой.

Сарьян хотел было крикнуть ему, поздороваться. Но осекся. Хасанша, посмотрев свысока в его сторону, презрительно скривил губы, как бы говоря: «Всякие тут шлятся, работать мешают! Деревенщина!» И, задрав нос, важно отвернулся. Сделал вид, что не узнает, вернее, совсем не знает этого неловкого аульчанина, который широко раскрытыми глазами глядит на гудящие машины, на людей, управляющих станками... Привезли его из деревни показать завод, посмотреть на чудо двадцатого века! Что ж,

пусть смотрит да запоминает, чтоб было потом о чем говорить в ауле, когда погонят пасти скотину..

О встрече с Хасаншой, о его надменном виде Сарьян рассказал брату. Валихан только хмыкнул. Он хорошо знал Хасаншу. Разве можно было ожидать от него иного поведения? Ведь с детства он такой — задавака, хитрюга. Завод его не изменил. Хасанша лишь приспособился к нему.

— Поживешь, сам увидишь, — закончил Валихан. — Давай лучше чай пить будем. Я меду купил и хлеба.

Валихан оказался прав. Сарьян, пока учился в профтехшколе, не раз сталкивался с Хасаншой то в проходной, то на территории завода, то на улице после смены. И всегда тот поглядывал свысока, как бы подчеркивая свое превосходство. Сарьян несколько раз пытался поговорить с ним, но Хасанша от разговора уходил. Сарьян же, доброжелательный и незлопамятный по своей натуре, никак не мог понять причину этой заносчивости, этой неуступчивой отчужденности. Сарьяну порой даже казалось, что там, в ауле, Хасанша был и мягче и приветливее. Впрочем, может быть, ему только так казалось. «Поживем — увидим», — решил про себя Сарьян, пряча, как говорится, в дальний карман свои догадки и предположения.

5

Сарьян постепенно привыкал к заводской жизни. Стал задумываться над тем, зачем возят от одного цеха в другой разные заготовки и детали. А когда побывал в сборочном, где из разных деталей собирали дизеля, понял главное:

на заводе все процессы поделены между разными цехами и рабочими. Каждый должен выполнять порученное дело качественно и своевременно, чтобы не подвести соседей. Даже от такой пустячной, на первый взгляд, работы, как перевозка деталей с одного места на другое, тоже зависит, будет ли завод работать слаженно. Сарьян понял, что на заводе существует свое строгое расписание, свой строгий порядок, как и на железной дороге. И этот строгий распорядок заводской жизни пришелся по нраву недавнему колхозному парню. Особенно ему понравилась его будущая специальность токаря. Сарьян считал, что она самая главная на заводе. Не зря же механический цех, где трудились в основном токари, самый крупный на заводе. И людей там больше, чем в других цехах.

Токарное дело ему пришлось по душе сразу, едва он увидел сложный и мудрый станок, умеющий творить с железом чудеса. Сарьян видел, с каким уважением относятся к токарям высокой квалификации. Им дают чертежи будущих деталей, технологическую карту, в которой указаны и порядок операций, и способы крепления детали, и какие нужны резцы, и даже допустимая скорость. От квалификации рабочего, от его сноровки, от теоретических знаний и от того, насколько хорошо он знает свой станок, зависит и успех в работе. Но все это Сарьян узнал потом, уже в цеху.

А на первых порах ему приходилось не очень-то легко. Теорию он осваивал быстро, как-никак, а за плечами средняя школа. А вот у станка робел. Робел, и все тут! И потому злился на себя, а злость, ясное дело, плохой помощник в работе.

— Станок аккуратность любит, он вроде живой, хотя и из железа, — наставлял дядя Кос-

тя. — Ты к нему с ласкою, с душою. Ну как вроде бы к лошади или там верблюду, понял?

Одобряюще похлопав Сарьяна по плечу, мастер тут же нахмурил свои кустистые брови, когда увидел, что Сарьян не положил, а бросил выточенную деталь.

— А вот этого делать нельзя! Нет, молодой человек, нельзя. Деталь бросать не положено.

— Она же железная. Что с ней станет? — пытался оправдаться Сарьян.

— В ней могут образоваться забоины, — пояснил мастер. — Такую деталь от нас уже не примут, она потеряла свои качества. В мотор ее не поставят.

Сарьян иными глазами посмотрел на деталь. На металле могут образоваться забоины! И стал аккуратно класть каждую, словно она была хрупкой и нежной, как яичко. А унять волнение, когда включил станок, все ж никак не мог.

В детстве Сарьяну часто снился один и тот же красивый и страшный сон. Как будто белый статный конь с подстриженной гривой, как у военных кавалеристов, которых Сарьян видел в райцентре, стоит перед ним и водит крутыми боками. Но таком коне Сарьян мечтал въехать в родной аул. Но взнуздать его, коня-красавца, никак не удастся. Как Сарьян ни бьется — ничего не выходит. Не дается ему скакун, хоть плачь. А кругом уже народ собирается, все свои, аульские, и смеются: «Эх ты, Сарьян-батыр, какого тебе коня дали, а ты с ним не сладишь! Не тебе, видно, на таких конях ездить!»

А теперь не во сне, а наяву, и не белый конь, а металлический станок стоял перед ним. И у Сарьяна немели руки от робости: боялся осрамиться на людях. Казалось, что протяни к нему

руки, станок и отпрянет в сторону, как тот белый скакун...

— Не робей, джигит, — подбодрял мастер Сарьяна. — Я уверен, ты приручишь этот станок!

И Сарьян вскоре действительно «приручил» его. Умная и строгая машина стала послушно повиноваться каждому приказанию парня. Сарьян не только стал понимать, но сердцем чувствовать станок, напряженный гул его внутреннего механизма, казалось, пальцами осязал острие резца, когда из-под него струйкой выскальзывала железная стружка... А мастер постепенно усложнял задания, давал работу потруднее. Глаз у парня, как он говорил, верный, рука крепкая, а на плечах башка мозговитая. Да к тому же еще и школа за плечами, хотя и сельская, но ведь и там математике учили, углы вычислять сам умеет. В механическом цеху есть группа знатных токарей, пользующихся особым уважением. Мастера они отменные. Любую работу делают чисто и аккуратно, подгонят, как говорят, впритык детали. А вот если случается им нарезать резьбу, то они зовут мастера и просят его рассчитать шестерни по шагу резьбы. Мастер расчет производит по формуле, не очень сложной, но токарям, многие из которых важно носили бороды, самостоятельно разобраться в тех немудреных формулах было не просто, ибо образование их не поднималось выше двух-трех классов сельской или городской школы. А дядя Костя видел, что Сарьян, парень грамотный, прирастает сердцем к станку, и потому мысленно рисовал ему путь к высотам токарного мастерства.

Сарьян не обманул его надежд и схватывал все, как говорят, на лету. Надоедал вопросами и расспросами. За положенный срок обучения он стал хорошим токарем. И дядя Костя часто ло-

вил себя на том, что уже не указывает парню, а со стороны любит его красивой и точной работой. И даже вслух говорил:

— Эх, кабы моя воля была, дал бы я Сарьяну высший разряд!

6

Наступил день, вернее, утро, когда Сарьян вышел наконец в свою первую самостоятельную смену. Еще с вечера он был в механическом цеху, знакомился с его начальником Рахмаевым, хотя знал его и раньше. Хафиз Ибатуллоевич не раз заглядывал в профтехшколу, незаметно приглядывался к молодежи и, естественно, уже определял их будущие рабочие места в своем цеху.

Сарьян пришел в цех задолго до начала работы. Хотел походить, осмотреться. Тут уже не учеба, тут и мастер другой, он больше спрашивать будет.

С волнением Сарьян подошел к своему станку. Он стоял на цементированной площадке, вделанной в торцовый деревянный пол цеха. От трансмиссионного вала к нему тянулась ременная передача. Сарьяну хотелось еще раз вымыть и вытереть свои руки, прежде чем прикоснуться к станку. Сарьян не замечал, что его токарный станок старый, изношенный, что подавать резец надо вручную верхним суппортом.

Сарьян не заметил, как к нему подошел бригадир. Невысокого роста, в очках, борода клинышком, почти как у Калинина. Слыл он строгим и требовательным.

Поздоровался с Сарьяном за руку, деликатно, чтобы не задеть самолюбие новичка, спросил:

— Станок знаешь?

— Знаю, агай, — ответил Сарьян.

— Включать умеешь?

— Умею.

— Разбираешься?

— Разбираюсь.

— Тогда давай действуй! — И уже другим тоном, ровным и спокойным, повелел: — Будешь точить шкив для мотора. — И внимательно посмотрел на парня. — Сможешь?

— Смогу, — ответил Сарьян, мысленно прикидывая порядок операций.

— Гляди, работа требует большой точности.

Но дело пошло не совсем гладко. На первый взгляд, выточить деталь казалось весьма просто. Рядом трудились другие токари. Они изредка поглядывали на Сарьяна. Неподалеку оказался и станок Хасанши. Деловито сновал вверху по цеху кран, перевозя тяжелые детали. Цех жил своей обычной жизнью. Но Сарьяну казалось, что все исподтишка наблюдают за ним, за его действиями и отмечают его промахи. Он еще больше краснел, потел. А дело не спорилось. Станок вроде бы и знакомый, точно на таком работал в школьном цеху, но здесь он почему-то не подчинялся парню. Сарьян часто ошибался, делал лишние обороты. С большим трудом расточил первую деталь. Снял, подержал в руках. Радости она не приносила. Промерил, вроде бы все в норме.

А волнение не унималось. Сарьян стал устанавливать для расточки вторую деталь, зажимать заготовку в патроне. Но от волнения перестарался, слишком сильно нажал на рукоятку ключа. Раздался чуть слышный треск, головка зажимного винта патрона сломалась.

И надо же было случиться такому, что именно в этот момент у Сарьяна за спиной оказался

Хасанша. Он проходил мимо и остановился. И все видел.

— Ай-яй-яй! Ну и токарь !.. Только к станку поставили, он сразу и на тебе! Винт сломал! — Хасанша говорил громко, на весь цех, и укоризненно качал головой. — Разве можно новичкам доверять станок? Вон в углу уже один такой стоит, на нем пробовали работать аульские лапотники. И что вышло, а?

У Сарьяна сердце остановилось. Он стоял ни живой ни мертвый. Только краска стыда залила щеки, и жаром полыхнули уши. Даже в самом страшном сне он не видел такого позора. Вот когда над ним посмеются в цеху!..

— Чего, Хасанша, орешь? Чего рот раздираешь? — раздался вдруг голос одного рослого, сурового на вид, парня. — Ты сразу, что ли, токарем родился на свет?

Послышались смешки в адрес Хасанши. Тот как-то сразу сник.

Сарьяна обступили рабочие.

— А ну покажь, что там у тебя? — говорил все тот же рослый парень с белобрысым чубом. Он взял винт, стал осматривать.

— Винт совсем новенький, — вставил слово Хасанша, пытаясь оправдаться.

— Ну что из того, что новый. Он с трещиной.

— Где? Где?

— А смотри на излом. Видишь?

Хасанша примолк. На изломе чуть виднелась темная старая трещинка.

— Тебя как зовут? — спросил рослый парень Мирхалитова.

— Сарьян.

— А меня Алешкой. Так будем знакомы, — он крепко пожал руку Сарьяну. — Ты не теряйся! Наш бригадир на вид строгий, а в душе доб-

рый. Вот он идет. Давай я тебе помогу патрон снять.

— Не надо, я сам.

— Ладно, действуй самостоятельно.

Подошел бригадир. Посмотрел на сломанный винт. Поднял очки на лоб и посмотрел на пунцового Сарьяна.

— Что, токарь? Сил много в деревне накопил, девать некуда? Ну ничего, не велика беда. Сам сломал, сам и сделаешь новый. Сможешь? Резьбу умеешь нарезать?

Сарьян облегченно вздохнул. Бригадир его и не ругал. И не наказывал. В школе на практике Сарьян довольно умело нарезал резьбу. И потому сразу выпалил:

— Сделаю, агай!

— Тогда давай делай. А что будет непонятно, подходи и спрашивай.

Сарьян поспешно снял патрон, разобрал его и, сосредоточившись, занялся определением шага резьбы сломанного винта. Ничего сложного, сделать можно. Еще раз облегченно вздохнул, подобрал подходящий кусок металла, укрепил его и стал не спеша точить. Через некоторое время заготовка будущего винта была готова. Оставалось сделать самое главное — резьбу.

В ней-то и был весь секрет. На Сарьяна поглядывали рабочие. Удастся ли парню самостоятельно нарезать резьбу?

Такую резьбу положено нарезать в два приема. Сперва прорезается на заготовке канавка, а потом специальным фасонным резцом придается резьбе форма трапеции в сечении.

Все эти требования к нарезанию такой резьбы Сарьян хорошо знал. Он и в школе делал ее в два приема, как и положено. Но сейчас ему хотелось поскорее исправить свою оплошность.

Сознание собственной вины торопило его, подталкивало. Парню хотелось поскорее приступить к выполнению своего дневного задания. И у него мелькнула светлая мысль: а что, если делать сразу — и прорезку резьбы и ее разваливание? Конечно, так его не учили. Как говорят, это не по правилам. Но зато быстрее, решил Сарьян. Он установил сразу фасонный резец. Ни к кому не обращаясь, сам рассчитал в рамке зубья шестерен. И, включив станок, принялся нарезать.

Сарьян увлекся и не заметил, как за его спиной очутился бригадир. Он ходил рядом и не спускал с парня внимательных глаз, следил за каждым его действием. А Сарьян, для лучшей чистоты, смазал резцы пятипроцентной смесью керосина с вареным маслом. Этим тонкостям его научил дядя Костя.

Сарьян нарезал резьбу довольно быстро. Она получилась чистой, точной. Сарьян остановил станок и хотел было снять готовую деталь, но тут неожиданно рука бригадира опередила его. Бригадир взял выточенный винт и стал внимательно его рассматривать. Потом тут же проверил его.

— Ну и ну! — произнес он многозначительно, потом посмотрел на Сарьяна. — Как тебя звать-то?

— Сарьян. Сарьян Мирхалитов, агай.

— Мирхалитов! — громко произнес бригадир. — А ты, оказывается, токарь!

Он произнес слово «токарь» таким уважительным тоном, словно говорил «генерал». Сарьян смутился и с дрожью в голосе ответил:

— Да, агай, токарь.

— Молодец! Резьбу нарезаешь здорово, шестерни сам считаешь. Молодец! — бригадир закрутил новый винт на место сломанного, похло-

нал Сарьяна по плечу. — Сегодня заканчивай задание, а завтра получишь новое. Большой заказ получишь! Сложный! Будешь, Мирхалитов, нарезать червячные винты к установкам. Покажи нашим, как надо нарезать резьбу одним резцом.

От такой похвалы у Сарьяна опять запылали уши. Вышло, как говорится, по пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Не сломайся тот злополучный винт у него под рукой, кто знает, как и каким бы образом Сарьян смог бы обратить внимание на свои способности.

Сколько же времени прошло с тех пор, Сарьян, как ты пришел на завод? Впрочем, дни, месяцы, годы — это не только прожитое время. Они — учителя. Недаром аксакалы, белобородые старики, говорят: человек рождается всю жизнь. Знаешь ли ты свои силы, не сникнешь ли в пути длиной в человеческую жизнь? Конечно же, хорошо сделал, начав уверенно трудиться в цеху. Пока жизнь одобряюще улыбается тебе — твори, пробуй, рискуй! Путеводной звездой светит тебе далекая улыбка любимой, и перехватывает дыхание от сознания того, что ты нужен еще одному человеку на земле — матери...

Глава третья

1

В тот день с утра Минсылу собиралась на школьный выпускной вечер. Хлопот было много. Мыла, стирала, гладила и мимоходом, как бы невзначай, прихорашивалась перед небольшим зеркальцем. Хорошо быть молодой и красивой.

— Минсылу, сходи-ка за водой, — попросила ее мать.

— Хорошо, мама.

Минсылу взяла ведра и пошла на улицу.

У колонки была очередь. Женщины, как обычно, судачили, но какие-то странные сегодня были у них разговоры: о кроваво-красном дожде, который якобы выпал где-то, о дождевых каплях, не долетающих до земли, о вечерней звезде, которая больше не поднимается над горизонтом.

— Не к добру все это, бабоньки, — возбужденно говорила светлобровая озабоченная толстуха. Она уже набрала воду, но ее ведра продолжали стоять близ колонки. Толстуха понизила голос до шепота: — Быть большой беде, это уж как пить дать.

И хотя Минсылу пропустила мимо ушей сплетни насчет всевозможных чудес, но слова о большой беде наполнили ее смутной тревогой. И она вернулась домой настороженно-озабоченной. Поставила полные ведра на место. Прошла в комнату, не посмотрев на себя в зеркальце.

И перед финской войной кумушки тоже несли разную чушь о предзнаменованиях, а отец покачивал головой: «Нет дыма без огня. Правы старики: раскалится железо — беды не миновать». Отец тогда ушел на войну и не вернулся. Минсылу только после получения черного письма осознала по-настоящему, какой он, отец, был веселый, добрейшей души человек, с постоянно беспокойным сердцем. Его непоседливость и заставляла кочевать семью с места на место. Мать Минсылу не могла привыкнуть к частым переездам и ворчала:

— Если бы жили мы, Фаррах, как люди, на одном месте, то золотые хоромы, наверное, выстроили бы. Так нет, шарахаемся от оседлой жизни, как шайтан от молитвы. Эх...

Минсылу невольно припоминала теперь все, что слышала от отца о его родичах. Семья Хабировых была вообще одаренная мастеровыми людьми. Старший из братьев, как только началась индустриализация, сразу же подался на Днепрогэс. Остальные — в Донбасс на шахты, в сибирскую тайгу на лесоразработки. Даже единственная их сестра, далеко не молоденькая, и та, не раздумывая долго, умчалась в теплые края — в Ташкент.

Отец Минсылу, Фаррах — тот еще в двадцатом году под командованием Фрунзе штурмовал последнюю белогвардейскую крепость Перекоп, там и был ранен. Потом гонялся за недобитыми бандами Махно, участвовал в подавлении антоновского мятежа. Наконец-то судьба занесла его в далекий Кайынлыкул, где он и женился. А вскоре появилась на свет Минсылу, за ней сестренка Кюнсылу.

В те годы частенько приезжала в гости сестра Фарраха из далекого Ташкента и днями напролет рассказывала о Средней Азии, о благодатных краях, о горах дынь, арбузов и овощей. Словом, по ее рассказам, там была земля обетованная. На воображение маленькой Минсылу ее рассказы так подействовали, что она начала видеть эти чудесные края во сне. А может быть, заиграла наследственная кровь вечных странников-зимогоров? Она замучила мать просьбами съездить в Ташкент, и та, вначале неохотно, начала поговаривать о теплом солнце Узбекистана. «Взбаламутила всю душу! — с легкой досадой говорила она о сестре мужа. — Видать, и в самом деле прикипела душой к этому самому Ташкенту, будь он неладен».

Минсылу в ту осеннюю пору часто с грустью смотрела за косяками птиц, улетающих на юг.

И сжимало ее сердце какое-то щемящее, тоскливое чувство. Тут была и зависть к птицам, и желание увидеть мир. Она еще не понимала, что стоит на пороге ранней юности, что жизнь только начинает открываться перед ней.

— Ну, что ж, давайте съездим, — отец внимательно поглядел тогда на своих детей, на жену. — Да и девчонки белый свет повидают... Я вроде бы Россию со всех концов потрогал. И на Черном море был, и в Тамбовской волости Антонова гонял, в Магнитке землю копал, завод строил. И в Ташкенте лишними не будем!

Было это осенью тридцать пятого. Собрали нехитрые пожитки, погрузили в телегу и подались на станцию Буздяк. Не забыть Минсылу своего первого в жизни и столь дальнего путешествия. Раскрыв рот, она разглядывала водонапорную башню на станции, тяжело сопящий паровоз и шарахнулась, услышав пронзительно-сиплый гудок.

Ехали долго, с пересадками. Минсылу понравились хлопотливая вагонная жизнь, картины природы, как в волшебном фонаре проплывавшие за окном. Чем дальше на юг двигался пассажирский поезд, тем меньше мелькало в окнах деревьев, и земля постепенно становилась желтее... Неправдоподобной пронзительной синевой мелькнуло Аральское море. Но ни одной деревушки вблизи. На глаза попадались высокие и пологие курганы, и на их вершинах грозными изваяниями маячили степные коршуны.

Бесконечные песчаные моря, кое-где покрытые причудливыми, похожими на бересклет саксаулами, дымившиеся от ветра верхушки барханов нагоняли тоску. Но вот поезд вкатился в благоухающий зеленый оазис, и тоску сменило безудержное восхищение.

— Так вот ты какой, Ташкент!

Поначалу этот большой и шумный город поразил ее многоцветием красок, какой-то загадочностью. Особенно красочные и шумные базары. Но вскоре она привыкла к нему. Минсылу в первые же недели успела с тетей объездить весь город.

Отец устроился работать в депо, потом перевели его на стройку. Настало время, когда их семье дали квартиру в доме неподалеку от железнодорожного вокзала.

Язык узбеков очень похож на родной башкирский. И через год Минсылу и ее сестренка уже бойко болтали по-узбекски. Даже привычным своим нарядам Минсылу стала предпочитать яркие узбекские платья.

Училась она в узбекской школе, быстро обзавелась подругами. «Совсем ты у меня узбечкой стала», — посмеивалась мать. Но временами, а в последние годы все чаще, Минсылу ощущала приступы тоски по родному Қайынлыкулу. Да и мать как бы пенароком заводила разговор о прежнем житье-бытье. И однажды отец сказал:

— Так и быть, как закончим строительство ТЭЦ, переберемся поближе к Уфе.

Но мечте их не суждено было сбыться. Они съездили в Қайынлыкул, но уже без отца, погиб он на финской...

К ним зачастил тем временем стекольщик Хайри-агай, работавший вместе с отцом на стройке. Он сочувственно вздыхал, повторяя, что слишком рано ушел из жизни его друг-приятель. Потом поворачивал разговор на то, что живым надо жить, а вдовья доля — далеко не сахар, и ей, Магире, нужно думать о детях, о себе.

— Ты ведь еще молода, Магира, — все чаще

повторял Хайри-агай. — А жизнь не только из горестей состоит.

Мать, как замечала Минсылу, вначале слушала его, как говорится, вполуха, слишком свежо было горе. Но ненавязчивая настойчивость Хайри, его слова, которые начали приобретать все более определенный смысл, заставили ее призадуматься. И в самом деле, она ведь еще не старуха, а живым действительно надо жить. Да и человек он вроде бы положительный, вон как внимателен к детям. Смущало лишь отношение ко всему этому Минсылу, хотя, конечно, никакого разговора на эту тему не было. А между тем дочь видела, как мучается сомнениями мать... Хотелось подойти к ней и откровенно сказать: «Мама, я уже взрослый человек. Окончу школу, буду работать. Так что в своих решениях ты свободна...»

Да, она, Минсылу, могла болес или менее спокойно отнестись к замужеству матери, а вот младшая сестренка... Совсем еще ребенок Кюнсылукай...

Как-то раз стекольщик пришел к ним, озабоченно оглядел квартиру и предложил смснить потускневшие, в частых пузырьках стекла в окнах. И, не слушая возражений, принес несколько листов прозрачного звонкого стекла, разложил их на полу и стал ловко орудовать алмазом. Потом внезапно поднял голову и в упор взглянул в глаза Магиры, наблюдавшей за его работой:

— Ради бога, Магира, не тяни... Дай ответ. Сил моих больше нет ждать. Мы с тобой...

Он не договорил. Маленькая Кюнсылу, сердцем почувствовав в словах Хайри-агай смутную угрозу, вдруг выбежала из соседней комнаты, вихрем промчалась к матери, и под ее туфельками захрустели разложенные на полу куски стек-

ла. Она бросилась на шею растерявшейся Магиры и закричала:

— Скажи ему, мама, пусть уйдет! Пусть уйдет!!

Потрясенный Хайри-агай переводил глаза с них на раздавленное стекло. Руки его вздрагивали, из пальцев вывалился алмаз. А Кюнсылу, вся в слезах, иступленно повторяла, пряча лицо на груди матери:

— Не уходи от нас, мама! Пусть он уйдет!..

Мать, успокаивая девочку, пристально смотрела на стекольщика. Тот все ниже опускал голову, потом нагнулся, и рука его никак не могла нащупать на полу алмаз. О чем думала мать? Может быть, о том, что настоящие мастера гнут дуги не спеша, тщательно вымачивая дерево, шаг за шагом придавая дереву нужную форму? Иначе от грубого и внезапного нажима оно попросту сломается, и тогда — выбрасывай. Не так ли получилось и сейчас?

Магира осторожно освободила руки дочурки от шеи, отвела ее в другую комнату. Вернулась и, не поднимая глаз на растерянного Хайри-агай, тихо сказала:

— Извини меня, Хайри. Только, понимаешь, нас больше не беспокой, пожалуйста...

С тех пор стекольщик не приходил в их дом. Прошел почти год...

...Думы Минсылу прервала мать:

— Я готова, доченька.

— Я сейчас, мама, полью только цветы...

Минсылу взглянула на мать и вдруг подумала, что она, в сущности, действительно еще молода и хороша собой. Особенно идет ей вот это платье из тонкого белого шелка с причудливыми цветами по подолу, любимое ее платье. Магира, поймав ее взгляд и словно прочитав ее мысли,

вздохнула и вытерла уголком платка набежавшие на глаза непрошенные слезы:

--- Отец твой, бывало, не налюбуется мной в этом платье. Ах ты господи...

Они молча вышли из дому и зашагали рядом. Свернули на улицу, ведущую к школе, и остановились. По улице нескончаемой живой лентой шли пропыленные колонны красноармейцев. Что-то суровое и властное было в их совсем еще молодых лицах; золотистые блики вспыхивали на кончиках граненых штыков. Разогретый на солнце асфальт глухо дрожал под мерной поступью сотен ног. И тут молодой, звонкий голос откуда-то из середины колонны затянул песню:

Дан приказ ему на закат,
Ей в другую сторону...

Минсылу, каким-то странным чувством подхваченная, рывком взяла мать под руку. Они, как бы по еле заметным приметам, угадывали чутким женским сердцем что-то опасное, и настороженно-тревожными взглядами провожали воинские части куда-то далеко-далеко, быть может, в тяжелые походы...

2

Что-то особенное появилось в осязке, в облике школьников, нынешних выпускников. Может быть, прибавилось серьезности, меньше стало беспечности? Школа открывала двери в будущую жизнь. Дорог впереди много, выбирай любую. Конечно же, многие выпускники страстно желали поступить в военные училища и уже видели себя в мечтах бравыми красными командирами. А у других были свои планы: кто — в институт, а кто — в беспокойные цеха Ташссыльмаша

или огромного текстильного комбината. Но всех их сегодня объединяло одно — сознание того, что годам учебы, годам беспечной юности пришел конец, и в зале они сидели притихшие, торжественные. Директор школы сказал напутственное слово, задумчиво смотрели в зал учителя, сидевшие за столом президиума, уставленном вазами с цветами. Особенно грустным показалось Минсылу лицо учительницы пения, которую она никогда не видела хмурой. Обычно теплая улыбка пряталась в уголках ее красивых губ. Перед началом торжественного вечера она полу-серьезно-полушутливо сказала Минсылу:

— Вот и пришла пора расставаться, девочка. Да, ты окончишь институт, впереди тебя ждет целая жизнь, а у меня впереди только старость...

Откуда было знать Минсылу, что не суждена учительнице долгая жизнь? Ей не верилось, что скоро эти пышные вьющиеся волосы покроются сединой...

Она взглянула в окно... Неподалеку трудились асфальтировщики. Машины сбрасывали дымящиеся синеватые груды горячего асфальта, рабочие торопливо лопатами разбрасывали эти груды, и катки тяжелых машин утюжили, выравнивая асфальт в ровную лоснящуюся ленту дороги.

Дорога... А куда поведет она ее, Минсылу? Как узнать, что дорога эта твоя, единственная на всю жизнь? Кто подскажет? Семнадцать лет — далеко не мудрые подсказчики. Минсылу мысленно обратилась к Сарьяну:

«А что ты посоветуешь? Мне почему-то кажется, что ты твердо знаешь, что надо делать в жизни. Или это погому, что мужчинам вообще легче выбрать себе цель?»

— Минсылу Хабирова награждается Почетной грамотой...

Аплодисменты не смолкали... А потом начались танцы. Минсылу стояла у окна. Танцевать не было желания, и ребята разочарованно отходили от нее. Она вдруг заметила, что к школе торопливо идет одна из женщин-асфальтировщиц. Вот она появилась в зале и подошла к директору. Минсылу отчетливо расслышала ее слова:

— Понимаете, слишком много асфальта привезли, не успеваем раскидывать. А если затвердеет — выбрасывай. Помогите!..

— Асфальт?! — растерялся директор. — Но ведь... выпускной вечер, все принаряженные...

Но их уже обступили вчерашние школьники.

— Поможем!

— Да мы враз все разбросаем!

— Стройся! — скомандовал между тем рыжеволосый классный староста. Все с гомоном выбежали на школьный двор.

Минсылу потом часто вспоминала о том, как они азартно трудились до позднего вечера. И что-то символическое было в этом неожиданном прощальном субботнике — выпускники строили дорогу. А куда поведет она их? Никто этого не знал.

3

На другой день пришло письмо от Сарьяна. «Ты пишешь, что хочешь учиться заочно, — писал он. — Обеими руками голосую «за». А то, что собираетесь приехать в Уфу, — это так здорово, что не хватает слов. Только поскорей, пожалуйста...»

Минсылу была на седьмом небе от счастья. Казалось, груз сомнений, тревог, колебаний — разом слетел с плеч. Может быть, там, в родных краях, рассеется, словно утренний туман, и предчувствие надвигающейся беды? Ведь это так важно, чтобы рядом — стоит только протянуть руку — находился человек, о котором думаешь дни и ночи.

Письмо послужило тем последним толчком, который утвердил ее в решении поскорее вернуться на родину. Она уже представляла себе, как Сарьян встречает ее. И это видение было настолько явным, что каждый раз невольная дрожь пробегала по телу.

Повторяя про себя чьи-то стихи, она вышла на балкон. Через минуту неслышно подошла и мать. Они облокотились на перила... Солнце, багровое и огромное, медленно опускалось за далекими садами и домами, небо над городом полыхало неистово и щедро. А звонки трамвая и гудки автомашин, мчавшихся по улицам города, были слышны особенно отчетливо и резко.

— Когда отец уходил на войну, был такой же кровавый закат, — вдруг тихо произнесла мать и, обняв дочь за плечи, заплакала.

Испуганная Минсылу долго успокаивала ее.

4

Вернувшись из столовой, Рахмаев уселся на скамье в курилке перед входом в цех. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что Рахмаев просто греется на нежарком солнце, не обращая внимания на сновавших мимо него людей. Однако это было не так. Его всевидящие глаза замечали многое. И снова он невольно стал сопоставлять между собой двух односель-

чан — Сарьяна и Хасаншу, таких разных по характеру, по взглядам на жизнь. Уж за эти месяцы он их изучил предостаточно.

«Оба энергичны, деловиты, правда, Сарьян поуравновешенней, любит обдумать и взвесить все, прежде чем взяться за дело. Хасанша — взрывной, работает лихорадочно. Утомительно компанейский, даже свои ребята надоедливо огмахиваются, когда он с налету встречается в разговор. Какие-то странные перепады настроения у парня: то неделями молчит, замкнут, фыркает на все замечания, то треплет, как базарная торговка. Ну, а в деле ничего. Трудолюбив».

В это время из цеха, шумно споря, вывалилась группа токарей. Среди них были Сарьян и Алексей.

— Брось, Мирхалитов, из-за одного резца хвост подымать! — горячился молодой паренек, недавно принятый в цех. Сиреневый берет сдвинут на затылок, того и гляди свалится. — Ну, что ты шумишь из-за пустяка?

— Это пустяк?! — Сарьян сунул под нос попятившемуся парню победитовый резец.

— Уж не затачивать ли прикажешь? Такого дерьма на заводе... Два гривенника — красная цена этому добру.

— Ладно, ты сложение-умножение знаешь?

— А что?

— А то. Допустим, как ты говоришь, красная цена этому резцу двадцать копеек. Давай считать. Пусть каждый из рабочих выбросит в мусорный ящик по резцу. Знаешь, сколько составит это за день? Минимум сорок рублей!

— Ерунда!

— Я уже подсчитал. А за год?

Алексей остановился. Посмотрел на Сарьяна, нахмурился.

— Если без выходных и праздничных... По-
годи, так... Это будет...

— Четырнадцать тысяч рублей! — выкрикнул
кто-то.

— Видал? — Сарьян сделал выразительный
жест. — А цехов на заводе сколько?

— Что-то около двадцати.

Рахмаев не ожидал от молодых токарей та-
кого хозяйственного подхода. Даже более того,
государственного подхода к делу. Вот он, моло-
дец, смена, будущие хозяева страны! Он встал
и неожиданно вмешался в серьезный разговор.

— Да если мы даже десять цехов возьмем?
Сколько получится в пересчете на год?

— Да...

— То-то. Сто сорок тысяч рубликов.

— А если взять по Башкирии в целом? Ура-
зумел? — не успокаивался Сарьян. — Возьми
свой резец и подумай кой о чем, — он протянул
резец парню. — Эх ты, токарь-универсал!..

Начальник цеха был скор на решения. Не
прошло и двух часов, как художник написал
огромный плакат с цифровыми выкладами по
экономии, и его укрепили на торцовой стене ме-
ханического цеха.

После этого Рахмаев стал внимательнее при-
глядываться к Мирхалитову. Он и раньше, когда
еще Сарьян ходил в учениках, подметил в парне
дотошность, порой излишнюю, как ему казалось.
А теперь вот чем оно обернулось. «Серьезный
мужик. Из таких, что кусок хлеба в уличную
урну не швырнет. Хорошей закваски, видать.
Надо бы поинтересоваться, из какой он семьи.
А то знаю, что из Кайынлыкула — и все. Даже
у деда Крайнова не удосужился узнать. Непоря-
док, товарищ Рахмаев, — упрекнул он сам се-
бя. — Непорядок!»

Через некоторое время на одной из цеховых планерок Рахмаев повел разговор о новичках. Мнение всех, собственно, было единым: хорошие ребята пришли в цех. Особенно хвалили смекалистого и трудолюбивого Сарьяна Мирхалитова. Не отстают паренек от старшего брата, наступают ему на пятки. А кто-то из мастеров вставил слова и о Хасанше:

— Есть еще и Хасанша Яныбаев. Толковый паренек. Хоть сейчас в бригадиры.

В конторке стало тихо. Начальник цеха Хафиз Ибатуллоевич Рахмаев, горбоносый, сухопарый, пристально взглянул своими черными глазами на мастера, бросившего реплику. Краем рта прихватил кончик уса. Все уже знали: начальник чем-то недоволен. Так оно и было. «Что это? — размышлял Рахмаев. — Заранее продуманный ход — продвинуть Яныбаева, создать заранее ему имя? С чьей это подсказки он ляпнул? Не по просьбе ли самого Хасанши? Или по глупости ляпнул, не подумав? Действительно, у нас острая нехватка бригадиров. Но новичка сразу в руководители? Это уж слишком!» А вслух сурово сказал:

— Так дело не пойдет. Не рановато ли на щит парня поднимаем? То, что неплохо работает, это мы знаем. Но ведь плохо работать мы все не имеем права. Так чем же лучше других Яныбаев?

И взглянул на того самого мастера, что заикнулся насчет бригадирства Яныбаева. Тот смущенно закашлялся.

— Яныбаева, между прочим, чересчур скромным не назовешь. Да и с людьми туго сходится, живет как на отшибе, ребята его почему-то сторонятся. А здесь мы — одна семья. Одни у нас думы, одни заботы... — Рахмаев сделал паузу. —

Нет, товарищи, немного повременим с выдвижением.

Суровый на вид, Рахмаев сердцем тянулся к молодежи. Стоило ему появиться в цехе, в проходе между станков, как его буквально со всех сторон облепляли парни и девчата. Порой он на несколько минут останавливался у станка, молча взглянет, как потеет молодой станочник, и наметанным глазом мгновенно заметит неладное. Ни слова не говоря, быстрыми движениями он настроит режим резанья или развернет головку суппорта, подберет нужный резец, скажет два-три слова токарю и неспешно продолжит путь по цеху, а вслед несется:

— Спасибо, Хафиз-агай!

Нет, не лежала душа у начальника механического к Хасанше Яныбаеву. Уже с первых дней он заметил, что Хасанша старается выклянчить задания срочные, выгодные. Допустим, что ничего зазорного в этом нет, кому не хочется побольше заработать? Но его назойливость прямо-таки лезла в глаза. Однажды он попросту вежливо выпроводил его из своей конторки. В курилке от него только и слышишь: «Сколько косых ты выгнал сегодня? Да... у меня всего-то ничего», «На разряд бы сдать. Ну и что, что я только недавно за станком? А если башка варит?», «За рацпредложение сколько отвалили? Не мое дело? Ну, это зря. Я ж просто так спрашиваю...»

И плюс к тому ж, кажется, и на руку не чист. Ну, скажите, на кой хрен ему латунный болт со сдвоенной резьбой? Или пластинка из нержавеющей стали? Или вот этот шуруп с полупотайной головкой? Так нет же, обязательно в карман.

И образ Хасанши в его воображении сливался с неким фантастическим шурупом с универ-

сальной резьбой: хочешь — против солнца вворачивай, хочешь — по солнцу, хочешь — в дерево, хочешь — в олово. Действительно, без мыла куда угодно влезет.

5

Как-то Рахмаев, по привычке обходя после смены цех, увидел Сарьяна. Тот озабоченно разглядывал списанный токарный станок, сиротливо ютившийся в дальнем углу.

— Ты что, Мирхалитов?

— Да вот прикидываю, Хафиз-агай. Если кое-что переделать да нарезать новые шестерни, получится отличный станок. Скорости выше.

Начальник цеха, хмыкнув, пристально взглянул на токаря. Тот улыбнулся.

— Об этом как-то и Сэскэбикэ заикалась, — сказал Рахмаев и посмотрел на миловидную девушку, вытиравшую ветошью свой станок. — Вот, вместе и возьмитесь!

— Так я не против... — и Сарьян тоже взглянул на девушку.

Та, почувствовав на себе взгляды, зарделась. Между тем Сарьян, думая о своем, безотчетно отмечал, что красиво вьющаяся из-под резца затайливая иссиня-темная спираль чем-то напоминает пышные волосы Сэскэбики. Очнулся он, когда откуда-то из-под крыши цеха раздался насмешливо-предостерегающий голос:

— За погляд деньги берут, Мирхалитов! Смотри, она у меня одна-единственная!

Это была Мархаба-апай Аралбаева, крановщица, мать Сэскэбики. Она сверху шутливо грозила ему пальцем, перегоняя кран в другой конец цеха.

Сарьян еще раз посмотрел на девушку-токаря. В цеху работало немало женщин и девушек. В то время, когда Сарьян впервые с робостью перешагнул порог цеха, Сэскэбикэ уже работала на станке самостоятельно. О ней отзывались хорошо: смышленная левчонка, все на лету хватает. Вот и сейчас догадалась, раньше Сарьяна, починить списанный станок, вернуть ему жизнь.

Сарьян дождался, пока Сэскэбикэ приберет вокруг станка, и подошел к ней. Поговорили. На предложение Сарьяна она согласилась охотно.

Целая бригада возилась со станком несколько вечеров. Инженеры помогли с расчетами, принял в них участие и технолог Вишняков, и начальник цеха. Дал «добро» и главный инженер, предварительно упрекнув Рахмаева в отсутствии инициативы: «Рабочие догадались, а вы проморгали».

Но радужные надежды Сарьяна и Сэскэбики разлетелись в прах. Во время испытаний зубья шестерен, не выдержав нагрузок, раскрошились... Станок выл и трясся, как живой конь, пока его не остановили.

Испытатели, безнадежно покачав головами, отправились по домам. Один из них бросил напоследок:

— Как мертвому припарки. Дохлое это дело, ребята. Зря взялись.

А дома начал выражать сочувствие и брат Валихан. Сарьян раздраженно отмахнулся, сказал что-то резкое. Брат обиделся. Сарьян не мог уснуть всю ночь. Язвительные замечания так и лезли в голову. Да бог с ними, с подковырками! Дело заporоли. Замахнулись, а результат — пшик. Не мое это дело, видать, рационализация!

И с отчаяния написал даже об этом Минсылу, а потом пожалел, что не порвал письмо.

Утром в цеху ребята утешали, сочувствовали, что-то предлагали. Ну и тошно же, оказывается, когда тебя жалеют. Хасанша — тот, по крайней мере, выразился откровеннее всех:

— Кулибин из тебя, Сарьян, как из глины пуля...

Сэскэбикэ хоть и переживала страшно, но ходила с высоко поднятой головой. Всем своим видом она как бы говорила: ничего, мы еще не все сказали! Все равно своего добьемся. Первый блин комом бывает, не зря же люди говорят...

Крановщица Мархаба-апай весело прокричала со своей верхотуры:

— Тоже мне, джигит называется! Умеючи и ведьму бьют. Не тушуйся, все хорошо будет!

А в обед подошел взъерошенный Вишняков. Он покаянно ударил себя в грудь:

— Гнать меня надо из технологов, ребята! Таковую ошибку не заметить. Вот здесь просчет. Вот тут... — и показал в захватанном масляными руками чертеже неточно рассчитанный узел.

И пока чертежницы переделывали чертежи, пока самые опытные фрезеровщики тщательно нарезали зубья и вымеряли их зубомером, Сарьян с Сэскэбикой не находили себе места. Настала минута, когда испытатели, механики и свободные от работы станочники собрались у стенда. Сарьян стоял чуть поодаль, словно происшедшее не касалось его вовсе. А стоявшая рядом Сэскэбикэ возбужденно дергала его за рукав спецовки:

— Все... установили... сейчас включат. Ой, глаза бы мои не видели. Что сейчас будет!..

Сарьян на секунду зажмурился, ожидая характерный скрежет крошащихся зубьев. К его

удивлению, станок запел ровно и сильно. Тем не менее Сарьян поежился, словно его самого вот-вот должны были пропустить через какой-нибудь вибростенд...

Так прошел, наверно, добрый час, и никто из собравшихся не проронил ни слова. А внезапно наступившая тишина показалась Сарьяну оглушительной. И когда заговорили испытатели, передавая друг другу снятые со стенда проверенные шестерни, он понял: это — победа! Провел ладонью по лбу и почувствовал капли холодного пота.

На другой же день, не откладывая в долгий ящик, быстро сменили систему шестерен, тщательно смазали станок, впрессовали в нужные места новые втулки, уже поздно вечером Сарьян с волнением — как в тот памятный день, когда впервые стал работать самостоятельно, — зажал в кулачки патрона прутки стали...

Рахмаев долго держал в ладони теплую, переливающуюся при электрическом свете ламп свежеработанную деталь. Повертел ее и так и эдак и немного торжественно подал Сарьяну:

— Храни, как память. — И, подумав, добавил: — А мы-то посчитали, что тот станок и на обдирку не годится. А вообще я тебе скажу, Мирхалитов: нужный ты заводу человек! Вот так!..

Глава четвертая

1

Хасанша был единственным ребенком в семье Яныбая. И, как бывает часто в таких случаях, его любили, баловали, потакали всяким капризам и прихотям. «Наследник мой растет, — гор-

деливо говорил Яныбай. — Опора моя и надежда!» А жене приказывал, когда та пыталась хоть как-то воспитывать ребенка: «Не трожь джигита, пусть вольным растет, как орел! Не бабье дело учить мужчину, он и сам наберется ума-разума!» А что могла сделать мать, когда муж всегда при сыне ее унижал и ни во что не ставил? И Хасанша, к радости отца, вскоре стал махать кулачками на свою мать и хмуриться, капризно надув пухлые губы...

Семья Яныбая была одной из самых зажиточных в ауле. Яныбай не трудился в колхозе, он занимался торговлей, вернее, скупкой кож. Дело выгодное и прибыльное. Он числился заготовителем районной конторы, разъезжал по аулам, скота у людей было много, каждый крестьянин, особенно осенью, когда резали скотину, стремился сбыть кожу, а цены на них устанавливал Яныбай. В его доме стояли никелированные кровати с железной пружинной сеткой, привезенные из города, вызывая зависть у многих женщин, на полу и на стенах — дорогие ковры. У малыша — много городских игрушек, которые скоро надоедали ему, он их разбирал, ломал и выбрасывал.

Хасанша как-то незаметно брал власть в доме. Сначала он своего добивался нендовым ревом, бился о стенку головой, катался по полу. Потом, повзрослев, научился пользоваться слепой любовью отца, ластился к нему, зная и веря, что тот простит любые его проделки.

Что делалось с Хасаншой, как он формировался, видел весь аул. Соседи не раз говорили Яныбаю, что надо учить уму-разуму сына, пока тот еще мал, пока тот лежит поперек кровати, а не вдоль ее. Но Яныбай лишь усмехался в от-

вет, а порой и грубо обрывал незадачливого сердобольного советчика.

Хасанша расцветал, как буйно растет на ухоженной земле дикий куст, не знающий никаких препятствий и ограничений. В тринадцать лет он узнал вкус водки, пристрастился к курению, да и к девушкам начал проявлять откровенный интерес значительно раньше своих сверстников. И надо было тому случиться, что Хасанша, как говорится, «положил глаз» на Сайду.

Сайда была девушка хоть куда. Веселая, насмешливая, большие глаза, словно спелые вишни, а на щеках с ямочками — огненный румянец. А какие у нее были длинные косы! Бывало, как войдет в круг, как начнет плясать, толстые косы от пояса во все стороны разлетаются. А она знай себе самозабвенно и плавно кружится да без усталости притопывает, лихо отбивает дробь каблучками. Многим парням в ауле она нравилась, но сама Сайда почему-то выбрала именно его, Хасаншу. Чем он ее привлек, чем заворожил девичье сердце, осталось неразгаданной тайной. Но их часто стали видеть вдвоем, Хасанша провожал ее с гулянок.

Но дружба между Хасаншой и Сайдой зашла слишком далеко. Парень добился своего и, как бывает в таких случаях, попытался увильнуть, нырнуть в кусты. Между Сайдой и Хасаншой произошло объяснение. Сайда плакала. Хасанша пытался было успокоить девушку, клятвенно божился и обещал «быть рядом с ней до самой гробовой доски...»

Так случилось, что невольным свидетелем их тайного свидания оказался именно Сарьян Мирхалитов. Это было во время сенокоса. Работали в тот день, знойный и душный, до позднего вечера. Травы тогда выдались высокие, сочные.

Мужчины и парни без устали косили, а женщины и девушки орудовали граблями, ворошили на солнце свежее сено, сгребали его. Лишь поздно вечером, когда взошла луна, люди утомнились. После сытого ужина располагались на ночлег. Сарьян с друзьями пошел искупаться к реке, стаскивая на ходу полотняную, задубевшую от пота рубаху.

Вода была теплой и нежной. Сарьян купался дольше всех. Ребята, устав его звать, махнули рукой и ушли. Как-никак, а с рассветом надо опять браться за работу. А Сарьяну, как обычно, хотелось еще поплавать. Он то яростно работал руками, стремительно переплывая реку, то, расслабившись, ложился на спину и отдавался во власть слабого течения, плыл вниз, любуясь бездонным темным небом, усеянным звездами. Вода унесла его далеко. Сарьян выбрался на песчаный берег и медленно побрел назад. Он тихо ступал босыми ногами по воде и думал о своем будущем, которое казалось, как и любому молодому и здоровому парню, светлым и радужным. И совершенно случайно услышал приглушенные голоса. Они раздавались где-то поблизости. Кто же это может быть? Сарьян подошел к прибрежному кусту. В лунном свете на лугу возвышался небольшой стог. Кто-то тихо всхлипывал. Говоривших не было видно, но Сарьян узнал их по голосам.

— Как же я буду... Как же буду дальше жить... Затяжелела я...

— Значит, не веришь?.. Значит, не веришь, да?..

— Ты уже сколько раз обещал...

— Обещал — значит, выполню!.. Не заставляй же тебя поверить моим словам под палкою...

То, что это было Хасанша, сомнений не было. Только Хасанша один в деревне слегка картавил. А вот то, что девушка была Сайда, Сарьян сразу и не поверил. Но, прислушавшись, узнал ее голос. У него сжалось сердце. Так вот, оказывается, как далеко зашла их дружба! Тайна перестала быть тайной. Сарьян стал невольным свидетелем их нелегкого объяснения. Ему хотелось тут же выйти из своего укрытия и встать на защиту оскорбленной девушки. Кулаки сжались сами собой.

Сарьян и Хасанша росли на одной улице. Как водится в детстве, и дрались, и мирились, но особенной симпатии друг к другу не питали. Хасанша всегда как-то незаметно брал верх, то умело выкручивался, то ускользал от наказания. К тому же он и одевался лучше, носил нарядные брюки, привезенные из города, и синий пиджак в полоску. А потом хвастался новеньким велосипедом. Одним словом, между ним и Сарьяном ничего общего не было. И теперь... Сарьяну было жаль Сайду. Но чем он мог ей помочь? Избить Хасаншу? Но что это даст? Что изменит?.. Он сдержал себя. Только заскрипел зубами. «Ну, Хасанша, только посмей обилеть, только посмей нарушить свое обещание, — зло подумал Сарьян, тихо и неслышно удаляясь от стога. — В лепешку превращу, с землей смешаю!»

А ночь стояла ясная, луна заливала серебристым светом луга, ближний лес и дальние горы. Где-то в глубине леса глухо подавала голос сова, слышалось пофыркивание стреноженных коней, пасшихся неподалеку, сонно попискивали во ржи перепелки. На полевом стане уже давно было тихо, сельчане спали, лишь кто-то бодрствовал у костра. Сарьян узнал деда Ульмаскула-агай. Тот смотрел на огни костра, думал о чем-то своем.

Сарьян, минуя полевой стан, направился к своему стогу. Здесь он всегда располагался на ночлег. Свежее сено пахло душисто и терпко. Но на этот раз Сарьян долго не мог уснуть. В ушах слышались торопливые слова Хасанши и всхлипывание Сайды. Сарьян хотел ей помочь и не знал, как это сделать. Сон незаметно обволакивал его. Засыпая, Сарьян смутно услышал, как кто-то еще подошел к его стогу и расположился по другую сторону. Смахнуть сон, проснуться, встать и прогнать неожиданного соседа у Сарьяна не хватило сил. Ему было все равно. Места всем хватит. Кажется, он услышал и чье-то всхлипывание. Кто-то плакал. Но разобраться уже не мог, то ли это было наяву, то ли во сне. Сарьян глубже зарылся в сено, укрылся стареньким пиджаком. Приятно гудели натруженные руки, ныла спина, и сон окончательно сморил его.

А в тихий предрассветный час, когда день еще не народился, около стога появились людские тени. Две женские и одна мужская. Было видно, что они разыскивают кого-то. Если бы Сарьян проснулся, поднял голову, он сразу бы опознал Хасаншу. Но Сарьян спал, спала и Сайда.

Хасанша приблизился, женщины робко шли за ним. Вдруг Хасанша словно бы споткнулся, остановился и поманил к себе женщин. Вытянутой рукой указал наверх, где находился Сарьян, потом на Сайду, что свернулась калачиком сбоку стога, торжествуя зашипел:

— Убедились сами? Видели, с кем спит наша красавица!

Послышались вздохи и причитания:

— Господи, стыд-то какой!

— Кто мог бы подумать, а!

Долго, наверно, доносился бы их шепоток, если бы неподалеку, из-за ближайшего стога, не послышалось сонное покашливание. Хасанша с женщинами растворились в темноте.

На следующий день все с каким-то особым любопытством посматривали на Сарьяна и Сайду, ничего, кстати, и не подозревавших. А в аул победно летела сплетня.

В конце концов, сплетню разнесли по всей округе. Но удивительное дело, Сарьян на все ехидные вопросы и намеки отвечал:

— А чем плоха Сайда? Побольше бы таких!

В Кайынлыкуле любили Сайду. Уважительная, незлобивая. А как звонко и задорно она смеялась. Самозабвенно откидывала назад голову и заливалась так, что выступали слезинки на глазах. И долго потом не могла отдышаться. Все знали, если где-то поют, веселятся девчата, Сайда непременно там.

— Все смеешься, девка, смотри, как бы плакать не пришлось, — предупреждали ее подружки...

И как в воду смотрели: как-то сразу потускнели блестящие глаза Сайды, изменилась она. Да и походка стала другой: пугливой, осторожной, чуть вперевалку. Всем стала ясна причина... Сайда от стыда отсиживалась дома. На все вопросы мотала головой:

— Уйдите все... При чем здесь Сарьян? Что вы на самом-то деле!..

Деревня гудела растревоженным ульем. Кое-кто демонстративно отвернулся от Сарьяна. Это, впрочем, его особенно не трогало. Он и не подозревал о той черной тени, которая легла на него.

И однажды...

Сарьян, стоя на вершине скирды, сбрасывал вниз снопы. В это время, сложив руки на груди,

а ноги положив на руль, с шиком подъехал на велосипеде Хасанша. Объехав вокруг скирды, он прислонил к ней велосипед и, задрав голову, в упор, вызывающе нахально посмотрел на Сарьяна. Когда их взгляды встретились, Хасанша многозначительно хмыкнул и кивком головы показал на работавшую неподалеку Сайду, которая подавала снопы машинисту молотилки. Покачал головой и сделал выразительное округлое движение руками у живота. И вновь покачал головой, как бы говоря: мол, и бессовестный же ты, парень, дело сделал — и в кусты. А потом демонстративно закурил дорогую папиросу.

Сарьян вспыхнул, как ворох хвороста в печи. В одно мгновение ему многое стало ясным, и взгляды, и намеки. Так вот оно что? Хасанша свою вину сваливает на него.

— Сволочь... — Сарьян не выдержал и, в ярости не помня себя, с силой швырнул вилы. Хасанша едва успел отпрянуть в сторону. Вилы, глухо тинькнув, воткнулись в землю. Хасанша, забыв про велосипед, бросился бежать.

— Стой, гад! — Сарьян скользнул вниз со скирды, вырвал вилы и помчался за обезумевшим от страха парнем. Догнал и черенком вил с силой прижал его к необмолотой скирде пшеницы.

— Ты с ума... с ума сошел... Пусти-и!.. — не своим голосом заорал Хасанша. — Помогите-е! Помогите-и!..

Его крик подхватила самая горластая баба Кайынлыкула:

— Убивают, люди-и! Убивают Хасаншу!..

С тока, бросив работу, бежали встревоженные люди, не понимая, собственно, в чем дело.

— Слушай, иуда! Подлая твоя душа! — Сарьян угрожающе направил сверкающие зубья вил

прямо в горло побелевшего, как мел, Хасанши. — Свалил свою вину на меня и радуешься? Обманул такую девушку — и в сторону? Ну, живо, свинья ты грязная, признавайся — кто отец ребенка? Я или ты! Ну?! Говори при людях!

— Я... я виноват...

— Громче!

— Я... я виноват.

Сарьян убрал вилы. В них с плачем вцепилась Сайда.

— Не трогай его! Не трогай!

— Я виноват... свалил на Сарьяна... — бормотал Хасанша, не смея поднять глаз. Люди удивленно смотрели на него.

— Бери тогда в жены ее! — раздались голоса. — А то нашкодил, как блудливый кот, — и в подпол!

— Если Сайда еще согласится!..

Но та, обняв Хасаншу, плакала навзрыд, со страхом поглядывая на еще свирепого Сарьяна. Он же, взяв вилы, с силой запустил их на ту самую скирду, на которой только что работал. Описав крутую дугу, они впились в ее взъерошенный бок. А Хасанша, опасливо оглядываясь на Сарьяна, взял за руку всхлипывающую Сайду и направился к деревне, забыв о валявшемся неподалеку велосипеде.

Сторож тока Ульмаскул-бабай покачал головой:

— Дай тебе бог, доченька, без слез прожить в том доме. Дурная, шалопутная у них вся семейка. Что сам старый бес Яныбай, что его балбес, прости меня господи...

И долго грустными глазами провожал удаляющуюся пару. И только потом повернулся к Сарьяну:

— Горяч же ты, джигит. А если бы насмерть прибил?

— Одной гадостью на свете меньше было бы...

— Горазд ты чужими жизнями распоряжаться. Эх ты, несмышленный!

2

Мать Хасанши, услышав об обещании сына жениться на Сайде, словно взбеленилась:

— Ноги ее не будет в моем доме, пока я жива! Прижила с кем-то ребенка и теперь на шею моему сыну вешается!

Долго она еще бесновалась, несмотря на увещевания соседей. Потом сдалась.

— Ой, аллах! За какие грехи нас наказываешь! — долго причитала она, то и дело падая на кушетку. — Воистину говорят: гору можно обойти, а судьбу — нет. Чему быть, того не миновать...

Так Сайда неожиданно для себя, вернее, вынужденно, пошла в семью Яныбаевых... Но вся деревня словно договорилась не замечать их, все обходили их усадьбу. И месяца через два после памятного случая на току Яныбаевы, продав дом, подались в Уфу...

Сарьян долго и много думал о последних событиях. Нет, он не раскаивался в собственной горячности, хотя в припадке ярости мог уложить Хасаншу насмерть... Сайда до отъезда почти не показывалась на улице, добровольно став затворницей.

Думал Сарьян и о Хасанше. Первый урок открытой человеческой подлости подействовал

на него угнетающе. Он впервые почувствовал, что подлость всегда напориста, нахальна и нередко оказывается победительницей, если вовремя ей не преградить путь, если хорошенько не проучить ее в решительный момент. Жизнь открывалась перед Сарьяном во всей своей сложности.

3

Мир для Сарьяна в детстве определялся расстоянием от родного дома до зыбкой линии горизонта. Дальше его фантазия оказывалась бессильной. Что там, за ним, вон за той синей зубчатой кромкой леса?.. А потом открывшаяся ему беспредельность мира даже немного пугала. Как объять все разумом, как постичь неохватность бесконечной жизни, эту пестроту человеческих судеб, счастье мирного покоя, печаль разлук, трагедию войн, пестроту событий?..

Парень вырос, и беспредельный мир, окружающий его, становился понятным, доступным. Ему, Сарьяну, открывались сложные в своей простоте обыденные законы жизни. Он познал радость первой любви и радость счастливого труда. И сам не замечал, как находит ответы на некоторые из извечных вопросов. Жил он действительно взахлеб, жадно впитывая новизну, которую неизбежно несет в себе каждый будничный день.

В один из вечеров, возвращаясь домой, Сарьян, почувствовал жажду, решил зайти в пивную. Народу было немного. Взяв два бокала «жигулевского», Сарьян примостился за угловым мраморным столиком. Его соседом оказался короткошей толстяк с широким отечным лицом. Судя по тому, как надсадно он дышал, его мучила

еще и одышка. Несмотря на духоту, толстяк пил с «прицепом» — добавлял в пиво водку. Сарьян, не обращая на него внимания, залпом осушил бокал.

— Эх, молодо-зелено! — вздохнул сосед. — Разве пиво так пьют? — И тут же потянулся к его бокалу с бутылкой. — Плеснуть?

Сарьян торопливо прикрыл бокал ладонью:

— Нет-нет, агай, я так не привык.

— Воля твоя, — пожал тот массивными плечами. — Я б не отказался. Хотя... у тебя своя философия, у меня — своя. Будь здоров!

Меньше всего Сарьян был расположен разговаривать с кем-либо, а с этим типом в особенности. От своих забот трещала голова. Но уж очень забавным показался ему этот толстяк со своей «философией».

— Я вас где-то видел, агай. А вот где — не припомню, хоть убей.

— Заведующий я.

— Во-он как...

— Может, когда я завхозом был, виделись? Или когда я еще завмагом работал? Или завстоловой? Э-э, парень, кем только за свои пятьдесят лет побывать не пришлось!

— А сейчас что поделяваете?

— Сейчас?.. Хм... Только что ушел с должности завгаража и, вот видишь, судьба в эту пивнушку забросила, ха-ха!

— Но часто ли вот так... с места на место? Или привычка?

Толстяк поднял голову, побряхтел, стараясь поудобнее опереться локтями на стол. Казалось, он вот-вот ответит на вопрос Сарьяна. Но нежелание вот так сразу разговаривать с незнакомым парнем все же победило.

— Да выпей ты, — он протянул стакан Сарьяну. — Что ж это за разговор на сухую. Смешай, ничего страшного!

— Я так не пью, агай, не привык — и все. Да и голова потом разваливаться будет, знаю. Какой смысл?

— Смысл, смысл... Жить надо как люди, а потом над смыслом голову ломать. Если, к примеру, тебе жрать нечего, ты о смысле не вспомнишь. Вот ты, парень, зачем вообще живешь на свете, если на то пошло?

— На этот вопрос просто не ответишь.

— А все ж-таки?

— Ну... чтобы цель была какая-то, чтобы жить с людьми как с людьми. Да мало ли...

— Вот-вот! — Смех толстяка прозвучал откровенно издевательски. — Знавал я таких... романтиков. Живет возле меня один одноногий. Вторую потерял где-то у озера Хасап. Все его Васькой кличут. А фамилия чудная, навроде как фруктовая. То ли Вишняев, то ли Вишняков. Ладно, в конце концов, что в лоб, что по лбу. Этот хромой вечно среди людей-друзей, никогда хмурым не видел его. — Толстяк мельком, но внимательно взглянул на Сарьяна, словно проверяя, какое впечатление он на него производит, и продолжал: — И подумал я: с чего это человеку весело на свете живется, если он на одной ноге култыхает? Любопытно мне стало. Собрался как-то и пошел прямо к нему домой. Подхожу к дверям и слышу шум-гам. Ну, думаю, друг, и ты весело жить любишь. Вон как разгулялись! И что ж ты думаешь? Этот чудила, оказывается, собрал детишек со всех окрестных дворов и ремонтирует им обувь. А плата такая: тот, чью обувку чинит, должен ему или стишок прочитать, или песенку спеть, сказку рассказать...

— Молодец, — вставил Сарьян. — Просто молодец!..

Тот с некоторым неудомением посмотрел на него: «Шутит, что ли? Вроде, нет». Сделав это заключение, заведующий продолжал:

— У тебя своя философия, у меня — своя. Кому, как говорится, поп, а кому попадья. Мне попадья по душе, например. А у хромого, между прочим, ничего завидного в квартире нет. Книги, журналы, инструменты разные. Спрашивается, что ж тут интересного?

Он трубно высморкался.

— А есть другая жизнь, другие люди. Эти, брат ты мой, крепко жизнь за рога держат.

— Интересно... — вежливо сказал Сарьян.

— Вот мой дальний родственничек, Яныбай. Вот живет так живет! Что ни день — то гости, водка, коньяк рекой. Не дом, а божий храм — чего только нет. Не-ет, что ни говори, а сыто, в свое удовольствие пожить право имеем, Советская власть за это не преследует...

«Не о Хасанше ли он говорит?! --- насторожился Сарьян. — Уж больно все похоже».

— А у супружницы его не жизнь, а малина! — подмигнул он. — Когда к ним ни приди — бражка в бочонке играет-пенится. А в буфете кое-что и получше найдется. И детей нет, кроме Хасанши. Ну, этот деятель десятерых стоит...

«Ясно. Значит, этот тип тесно связан с Хасаншой. А впрочем, чего ж тут удивительного? Рыбак рыбака видит издалека».

— А как вы, агай, довольны своей жизнью?

— А на что ж мне жаловаться? Живу тихо, никому не мешаю, мне тоже. Дела свои делаю по доброму согласию. Вот и не дают пропасть друзья, если бывает, что и ошибусь маленько.

— И прошедших лет нисколько не жаль?

— А чего их жалеть? Все мы гости на этой земле. Так уж это устроено, и не нам дано переделывать. Ел и пил вволю, и баб хватало. Вот и сейчас пью — и никто меня не упрекнет.

Сарьян пригубил пиво.

— Не густо у вас насчет хорошего в жизни. Прямо скажу, даже вспомнить не о чем.

Заведующий пристально взглянул на Сарьяна. Его и без того маленькие глазки превратились в щелочки.

— Стоишь и думаешь: чистый обыватель перед тобой, да? А где была твоя благодетель в те голодные годы, когда люди подыхали? Я, я, Афлетун, помогал им мукой, от смерти спасал, понял?

— Да, конечно...

— А вы в благородство, в высокие идеи играете. А случись что — чем брюхо набьете? Ко мне, к таким, как я, побежите!

— Ну, мне пора, агай.

— Постой. А что такое, по-твоему, обыватель?

— А это ваш вылитый портрет, агай!

Толстяк поперхнулся. Не глядя на него, Сарьян вышел из пивной. Легкий ветерок, потянувший с реки, пахнул в лицо.

Шагая к дому, Сарьян с каким-то недоумением качал головой: «Ничего себе философия. Ай да дядька!..»

И только сейчас до него стал доходить истинный смысл слов «быть рабом вещей». Значит, Хасанша живет такой же жизнью... И Сайда... Бедная Сайда. Это ей-то, с независимым и самолюбивым характером. Сумеет ли вырваться?..

Так Сарьян спрашивал и не мог найти ответа.

Глава пятая

1

День выдался на редкость теплый и солнечный. На синем бездонном небе ни облачка. Солнце ласково улыбалось городу, людям и, поднимаясь выше, щедро заливало теплом землю. В садах наливались и зрели плоды, накапливая под кожурой солнечный дар, завязывая семена для будущих поколений. Лето шло на убыль, но очень незаметно, а в городе и вовсе не было видно тех изменений, которые привычны глазу сельского жителя. В городе лето проходит по-своему и тянется, кажется, несколько дольше.

Валихан стоял у раскрытого настежь окна и смотрел на окружающий мир счастливыми глазами. На его округлом лице блуждала улыбка. Прямо перед окном прогнулись ветки старой аптоновки, и тяжелые яблоки, еще зеленые, чуть белеющие и розовеющие на солнце, источали приятный душистый запах.

— Ух ты, день какой! Радость сплошная! — вслух подумал Валихан, поглядывая на безоблачную синеву неба. — Природа, она тоже с умом, понимает нужды рабочего человека. Выдала какой денек нам на выходной! Вчера висели сплошные тучи, а сегодня весь мир вокруг прозрачный, как стеклышко. Не день, а радость сплошная!

Сарьян сидел на кровати, свесив босые ноги. День ему тоже нравился, хотя радости в нем большой он не видел. И, вздохнув, сказал:

— Сейчас дома всю идет уборка хлеба. Горячее время в ауле. А мы тут, брат, с тобой прохлаждаемся.

— Выходной у нас с тобой по законному праву социализма. Так что нам положено, как рабочему классу.

— А аульским, выходит, не положено? — съязвил Сарьян. Он еще не мог окончательно отделить себя от родных мест, от сельской, привычной с детства жизни. Нет-нет да вспомнит о них, о далеких родных местах, об аульчанах, с которыми прожил большую часть своей еще молодой жизни.

— Когда надо, и мы вкалываем, да еще плюс разные субботники и воскресники, — ответил Валихан. — И после смены у станков работаем не хуже сельчан, которые в страду хлеб убирают. С нас, Сарьян, главный спрос, с рабочего человека. На заводе нет сезонных работ, а значит, и в общей сложности загрузка на каждые рабочие руки потяжелее, нежели в ауле, хотя бы и в нашем родном, где родственники трудятся. Смекаешь? Завод и есть главный двигатель прогресса нашей жизни! — Он, улыбнувшись, добавил: — Разве забыл, ты же сам мне об этом не раз говорил при поступлении заочно в Уральский политехнический институт?

Улыбка тронула и губы Сарьяна.

— Ну, ладно, главный двигатель жизни, хватит философствовать на голодный живот. Рабочему человеку, как и машине, заправка нужна. Что у нас на сегодня?

Обычно по утрам братья завтракали на скорую руку, чаще всего хлеб да чай, но по воскресным дням кухарничал старший брат. Валихан любил готовить и умел варить разные вкусные немудреные башкирские блюда, особенно если удавалось купить на базаре свежей баранины. Правда, Сарьян всегда над ним подтрунивал, заявляя, что из жирной баранины и дурак смо-

жет приготовить вкусную еду, даже если кроме мяса ничего другого не класть в котел. И всякий раз припоминал байку о том, как старый солдат варил скупому башкиру сумар ашы, суп с клецками, закладывая в котел вместо клецок вымытые камни, а потом постепенно добавлял соли, картошки, морковь, разные приправы и, наконец, дав попробовать хозяину, просил «чуть-чуть мяса». Удивленный скупой крестьянин, который очень хотел научиться варить из камней, охотно давал и мяса... Валихан обычно отшучивался или делал вид, что не замечает насмешки, и в свою очередь обещал в следующий выходной сварить сумар ашы из булыжника, выковыряв его из мостовой в центре города. «Почему же именно из центра города?»— удивлялся Сарьян, а Валихан с серьезным видом разъяснял младшему брату: «Там булыжники не простые, их много сотен лет подряд кони копытами месили, они крутыми стали и ядреными. Самый раз на клецки годятся».

Братья жили дружно. Если старший занимался стряпней, то младший носил воду из колодца, колот дрова и топил печку. Впрочем, дома они готовили редко. Как и многие холостяки, братья питались главным образом в заводской столовой.

Жили они на частной квартире. Валихан снимал комнату, к нему и подселился брат. Хозяйка сначала было зароптала и потребовала увеличить вдвойне плату, но почтительный и степенный дед Крайнов сразу же осудил ее и постыдил, заявив, что за двойную плату полагается, естественно, увеличить вдвое жилплощадь, то ссть предоставить не одну, а две комнаты для квартирантов. Но второй свободной комнаты в паличии не имелось, и обе стороны пришли к мир-

ному соглашению при условии, что Валихан, как старший, будет следить за чистотой двора. На том и поладили. Двор был небольшой, рядом с домом находились хозяйские пристройки, сарай, хлев, где вместо коровы содержалась дюжина длинношерстных коз, да несколько фруктовых деревьев, главным образом яблони и вишнискороспелки. Летом во дворе было хорошо, а зимой братьям приходилось вставать до рассвета и потеть с деревянными лопатами в руках, прокладывая дорожки в снежных сугробах.

Мирхалитовы занимали небольшую продолговатую комнату с одним окном и крашеными деревянными полами. Мебели своей братья не имели и пользовались хозяйскими двумя железными односпальными кроватями, шкафом и столом. Валихан еще до прихода в город младшего брата приобрел две подержанные кошмы, которыми устелили пол, одеяла и подушки. А с появлением Сарьяна они вдвоем прикупили на свои заработки еще и другие нужные для жизни человека вещи, в том числе и красивый, обитый полосками жести вместительный сундук, в котором хранили свои выходные костюмы и прочую одежду, да принесли из магазина новый медный пузатый самовар, который на солнце казался золотым. Впрочем, братья не увлекались накоплением вещей, отсылали заработанные деньги своей матери в аул и, как и большинство молодых людей, жили жизнью заводского коллектива. Партийная организация, комсомол и профсоюзы устраивали разные мероприятия, только успевай поворачивайся — и все равно во всех интересных делах не примешь участия, и потому каждый раз приходилось выбирать — то ли ехать за город на сбор грибов и ягод, то ли отправиться в культпоход, то ли плыть на пароходе по Аги-

дели, то ли двигать с утра на стадион, где полным ходом идут состязания на сдачу нормативов для получения модного спортивного значка. Братья Мирхалитовы одними из первых в цеху получили из рук партийного вожака на общем собрании эти значки и с гордостью носили их на своей одежде.

В этот воскресный день братья решили остаться дома. Хотелось отдохнуть, написать письма, а потом побродить по городу, который они уже полюбили как главный город своей молодой республики, полюбоваться красивыми новыми зданиями, что выросли буквально за последние годы, и, главное, посетить Дом-музей, зайти в тихие и светлые комнаты небольшого зеленого дома с мезонином, в котором в самом начале века останавливался и жил Владимир Ильич, когда он возвращался из ссылки в Сибирь. В этом доме Сарьян уже бывал, его туда водил дед Крайнов, когда он впервые прибыл в Уфу. Приходил Сарьян туда и вместе с братом Валиханом. Но тогда они были зимою, а сейчас хотелось побывать летом. Сарьян готовился вступить в ряды партии, членом которой был отец, полпольные ячейки которой создавал в Уфе сам Ленин. Хотелось более подробно знать, хотелось глубже прочувствовать величие и размах ленинских дел, сердцем прикипеть к его идеям вечного рабочего братства пролетариев разных стран, чтобы потом утверждать это братство в общем партийном строю на нашей планете, строя своими руками новую жизнь. И не жалеть себя ради общего дела. Быть стойким и преданным. Уметь стоять до конца, бороться за победы.

Валихан повернулся к брату и повторил его слова:

— Так, значит, говоришь, что рабочему человеку, как и машине, заправка нужна? Заправиться можно и даже нужно. У меня для тебя специально одна вкусная штукавина приготовлена. Только сначала дай-ка мне Устав партии, вынь его из-под подушки.

Сарьян достал из-под подушки небольшую книжицу и протянул Валихану:

— Спрашивать будешь?

— Угадал. Для начала проверим заправку твоих мозгов, а потом и к желудку перейдем.

И Валихан без предисловий начал сыпать вопросы и насчет прав и обязанностей члена партии, и насчет решений партийных съездов, и даже истории коснулся, так что Сарьяну пришлось пораскинуть мозгами, чтобы правильно ответить.

— Что ж, знаешь неплохо в общем и целом, так сказать, — заключил Валихан. — Можно перейти и к другой заправке. Самовар закипел у хозяйки, свой разводить не будем, разживемся чайком. А вот и вкусная штукавина, любимая твоя.

Валихан достал из шкафа и поставил на стол чашку с творогом светло-коричневого цвета. У Сарьяна от радости расплылась улыбка во все лицо:

— Мой любимый кызыл эремсек! Где ж ты достал, а?

— Чудной ты, Сарьян. Думаешь, только в нашем ауле умеют готовить кызыл эремсек? Тут, в Уфе, делают красный творог повкуснее, чем дома.

— Вкуснее, чем мама, никто на свете не умеет!! — выпалил Сарьян, пробуя светло-коричневый творог.

— Ну как, есть можно? — спросил Валихан.

— Очень даже! Почти как мамин.

— То-то же!

И через час после завтрака, побритые и в выходных костюмах, братья вышли из дому.

2

Посещение ленинского музея, где, кажется, многое им было знакомо и давно врезалось в память, все равно оставило неизгладимое впечатление, и братья вышли из этого исторического здания с просветленными сердцами. И новыми глазами смотрели вокруг, на свою ставшую родной Уфу. Город менялся на их глазах. Рос и ширился. И это особенно было видно им сейчас, когда они прикоснулись к недавней истории. В ушах еще звучали слова пожилого экскурсовода, а в глаза светило солнце летнего дня, и оживали окружающие дома и улицы. Вспомнили, как им рассказывал о Старой Уфе в свое время дед Крайнов, а сейчас услышали из уст экскурсовода почти то же самое, и Сарьян с Валиханом стали внимательнее смотреть на город. На улице Ленина, против сквера Ленина, остановились. Дед Крайнов рассказывал, что здесь раньше стоял одноэтажный дом, где висела крикливая вывеска, написанная золотыми буквами: «Мастерская шляп мадам Фанни». А рядом теснились частные киоски, магазинчики, в которых шла бойкая торговля ремешками, пуговицами, платками, материей... Теперь этот район стал совсем иным. На месте частных торгашеских заведений почти на весь квартал поднялось строгое в своей красоте многоэтажное здание Башсоюза. А рядом, не уступая в величавой красоте, выросло здание главпочтамта. Да и все дома, если сравнивать их со старой фотографией, ко-

торуя братья видели в музее, выросли, поднялись в небо, поселились после надстройки третьих и четвертых этажей. А гостиница «Башкирия»? А Дом правительства республики, поднявшийся на новой большой площади? А трамвайные линии, которые пролегали двумя маршрутами, соединяя дальние концы города?

Сарьян и Валихан незаметно двигались к центральному базару, чтобы купить мяса и сварить праздничный обед. На углу, за квартал до базара, с подводы продавали кумыс. Лошадь, не обращая внимания на шум улицы и голоса, нагнула голову и не спеша брала пухлыми губами свежее сено. На подводе, накрытый сеном, возвышался деревянный бочонок. Смуглолицый башкир в черной меховой оторочке, плотно сидевшей на бритой голове, приветливо улыбался покупателям. Одет он был в стеганый бешмет без рукавов, надетый поверх белой домотканой рубахи, в серых штанах, заправленных в поношенные чарыки, старинную обувь с сукоными голенищами и кожаными передками. Голенища были подвязаны ниже колен к ногам тряпочными тесемками.

Продавцу было не более сорока, он выглядел молодцом. Узкие щегольские усики, черная борода. Нос слегка приплюснут. Глаза узкие, лукавые, с огоньком, а лицо круглое, без морщин, налитое, довольное. Он весело приговаривал, наполняя деревянные чашки белой чуть пенистой холодной влагой:

— Пейте кумыс! Ой да хороший кумыс! Ой да отменный кумыс! Подходи, народ! Кумыс пьем, долго живем и всегда молодые будем!

Валихан предложил, Сарьян не отказался.

— По одной чашке можно.

Выпили. Кумыс был и вправду отменный. Утолял жажду и приносил бодрость.

— Еще по одной? — спросил Сарьян.

— Можно. Кумыс — богатырский напиток.

— Молодому джигиту кумыс идет прямо в кровь, как мясо в тело, — продавец дружески улыбался, словно они давно были знакомы. — Лучше моего кумыса не ищите, пейте, копеек не жалейте!

Валихан, поднеся чашку к губам, остановился, как-то сразу нахмурился, помрачнел. Сарьян проследил взглядом в ту сторону, куда устремились глаза старшего брата. На противоположной стороне, где находился кинотеатр, по тротуару в толпе людей шел Хасанша. В сером костюме, завитые волосы черной копной на голове, озорно поблескивает в улыбке золотая коронка. Хасанша шел не один. Рядом с ним была молодая светловолосая женщина. В модном цветастом коротком платье, на стройных ногах туфли на высоких каблуках. Хасанша галантно держал спутницу под руку, что-то ей рассказывал, заглядывая преданно в глаза. Они дошли до угла и повернули к скверу.

Валихан проводил их взглядом, вздохнул. Потом залпом выпил чашку кумыса.

— Пошли, брат, домой.

Сарьян, расплатившись, поспешил за ним. Некоторое время шли молча. Сарьян пытался догадаться о причинах столь резкой перемены настроения брата. Чем ему не по душе Хасанша? Между ними, кажется, ничего не было. Это у меня с ним схлестнулись пути-дорожки жизни. А может быть, и не в Хасанше дело? Наверняка не в нем. В той беловолосой? Нет, Валихан ес, кажется, не знает. Брат бы рассказал о ней, хоть намекнул бы, если бы водил знакомство.

— Жаль Сайду, — глухо произнес Валихан. Сарьян не разобрал сразу и переспросил:

— Кого жаль?

— Жаль Сайду, говорю, — повторил с откровенной грустью Валихан и тихо добавил: — Такая хорошая и кому досталась?

Сарьян с удивлением посмотрел на брата, словно видел его впервые. Как же он до этого сам не догадывался раньше? Валихан, оказывается, сердцем привязан к ней, к Сайде, чья судьба стала такой несчастной... И никому ни слова ни полслова он не сказал, даже не намекнул, что ему нравится именно Сайда. Все в себе носил, в душе таил. И переживал за нес. Даже он, Сарьян, брат, с которым Валихан делился самыми сокровенными тайнами, оказывается, не знал этой давней сердечной боли старшего брата. А может быть, просто Сарьян не замечал, ослепленный своей счастливой любовью, как все здоровые люди, эгоистично не обращал внимания на чужую душевную боль?..

Надо бы продолжить разговор, но Сарьян не находил слов. Он видел страдания брата. Сайда стояла у него на жизненном пути, но судьба распорядилась по-иному. Поэтому-то Валихан и не женился до сих пор. А он-то, Сарьян, другое думал. Вспомнил, как мать не раз про внучат разговор заводила, а Валихан все отмалчивался да отнекивался. На шутки переводил серьезный разговор. А ему, оказывается, в то время было и не до шуток.

Братья присели в ближайшем скверике на зеленую скамейку.

— Может, жениться тебе пора, — вставил наконец слово Сарьян, ободрился и продолжал: — Человек ты серьезный, видный. И на заводе по-

чтением пользуешься. В Москву с делегацией ездил. Характеристика на все сто процентов.

— Ладно, не стоит об этом...

— Нет, я серьезно, Валихан. Квартиру в новом доме, что завод строит, без разговоров сразу выделяют для молодой семьи.

— Не в том дело, Сарьян. Не в том. Нет такой, как Сайда, второй девушки на свете... А я ее прозевал, отдал в подлые руки...

— Ты хоть раз с ней разговаривал о своих чувствах?

Валихан отрицательно замотал головой. Сорвал зачем-то веточку сирени и торопливо оборвал листья, отрывая каждый отдельно. Повертел тонкий прутик в руках, несколько раз стегнул себя по ноге.

— Понимаешь, Сарьян, я почему-то все не решался. Не решался сказать ей главные слова. Все откладывал, все чего-то ждал. А она всегда была в кругу подруг, среди ребят. Задорная такая. Посмотрит мне в лицо и улыбнется. Улыбнется только мне, я это чувствую. Улыбнется так, словно солнце из-за тучки выходит. У меня в груди все так и расцветает, а сердце запрыгает, заколотится в груди, что и дыхнуть не могу. Стою перед ней истуканом, слова вымолвить не решаюсь. Робкий я, когда с женским полом дело вести надо. Нерешительный. И все откладывал. Все думал, что в следующий раз обязательно заведу главный разговор. А на следующий раз, это ты уж сам знаешь, на целый год откладывался. Я ж на заводе, здесь в Уфе, а Сайда в ауле. Отпуск только раз в году. Так и прошло мое время, прозевал, одним словом, свою судьбу. И винить некого. А когда узнал, что она вышла замуж за Хасаншу, когда узнал всю гадкую историю, знаешь, брат, так у меня кулаки зачесались, так

хотелось избить до смерти этого паразита человеческого, что и рассказать трудно. Но сдержался я. И даже когда этот гад на заводе появился, помогал ему. Помогал войти в коллектив, помогал освоиться с работой.

— Ты ему помогал? — удивился Сарьян.

— Ну, чего ты так глаза таращишь. Помогал. Потому что знал главное, помогаю не этому гаду, а Сайде. Ей помогал. Ее ж это муж, значит, все в дом он понесет. Тем более что у них маленький ребенок. Вот ради ее счастья я пересиливал себя, оказывал всяческую помощь и поддержку Хасанше. Никому об этом никогда не говорил, и ты никогда не узнал бы... А теперь вижу, что зря старался.

Сарьян слушал брата, сердцем понимал его глубокую боль. И в то же время из слов Валихана ему многое открывалось. Вот, оказывается, с чьей помощью и поддержкой Хасанша так укреснился на заводе! И не подумал бы никогда. Вот, оказывается, какие повороты на жизненном пути бывают. Сарьян хотел было выложить все свои мысли брату, но воздержался. Зачем? Ему и так больно. И Сарьян лишь согласно кивнул:

— Да, Валихан, ты прав...

Сарьян долго ходил под впечатлением этого разговора. В душе он был согласен с доводами Валихана. Правильно тот поступал. Мудро смотрел на жизнь. А все же Сарьян ловил себя на мысли, что он так бы не смог. Никогда бы не смог. И сразу вспоминал зовущие глаза Минсылу. А как у них сложится будущая жизнь? Только от одной такой мысли Сарьяна охватывало непонятное волнение. Он трогал пальцами нагрудный карман, где лежали ее письма. Он их всегда носил с собой. «Ну, когда же ты прилетишь ко мне, моя милая?»

«Перевыполним нормы!» — этот призыв стал законом будней заводчан. Рабочих не надо было подстегивать — они частенько сами прибегали к инженерам «покумекать» над той или другой «мыслишкой».

— А что, братцы, по две нормы не осилим? — заикнулся как-то Сарьян во время перекура.

— Ну да! — хмыкнул один из токарей Янгир Марванов. — Полторы еле вытягиваем.

— С нас и этого хватит, — добавил Хасанша.

— Так ведь вытягиваем все же! — упорствовал Сарьян и глядел на Марванова. — Бывает, что и по две удается дать.

— Тебе-то легче... — вздохнул Марванов. — Мне, сам знаешь, за тобой не угнаться.

В этих последних словах Марванова Сарьян уловил не протест, а скорее желание подучиться, стремление работать получше.

— Я, между прочим, секреты про себя не держу, Янгир. Да и нет их у меня. Просто нужно получше продумывать все операции. А хочешь — подучу, не жалко. Если согласен, конечно, — сказал Сарьян.

— Да я не против...

— Ничего, мы еще по-стахановски поработаем. Не льком же шиты, в конце концов.

— Эк тебя заносит, — недружелюбно усмехнулся Хасанша. — Куда загнул — «по-стахановски!» Это хлеба с маслом несколько норм можно умять, а у нас, брат, точность и точность. Стаханову что: ворочай да ворочай отбойным молотком, и вся любовь...

— И вся любовь, говоришь? Ты что, считаешь, что вместо семи тонн угля в смену дать сто две — сто две, слышь? — это раз плюнуть! Нет,

шалишь! Он, если хочешь знать, все возможности молотка досконально изучил, разобрался в геологии пласта, каждую секунду рабочего времени использовал.

— У нас свои особенности, — упорствовал Хасанша. — Ни с того ни с сего в десять раз обороты не увеличишь. Как долбанет — будешь пятый угол искать.

— Э-э, спящему коту мышь в рот не прибежит. Думать надо!

Подошли ребята из кузнечного.

— О чем сыр-бор, токаряги?

И, узнав в чем дело, посерьезнели.

— Так мы уже две недели по-бусыгински вкалываем.

— Что это еще за Бусыгин? — поинтересовался Марванов.

— Газеты надо хоть раз в неделю читать, — назидательно сказал один из кузнецов. — Бусыгин тоже стахановец, кузнец из Горьковского автозавода, валы кует. Нормы перскрывает так, что все только ахают.

— А другие? — подхватил Сарьян. — Станкостроитель Гудов, ткачиха Виноградова, машинист Кривонос. Такие рекорды дают!

Разговор этот оказался не зряшным. И долго еще в комнатке начальника цеха горел по вечерам свет — токари с инженерами колдовали над схемами и расчетами. Рахмасв ходил довольный, а Вишняков как-то раз, озорно подмигнув ему, сказал:

— На глазах растут ребята, а?

— Побольше бы таких, как Сарьян. И откуда что берется? И не скажешь, что только что из деревни, — согласился Рахмаев.

— А братец его Валихан? Э-э, да что там! С такими горы свернешь.

— Во-во. Даже стареть неохота...

— Но самим нам, честно говоря, всех дел не осилить. Молодых выдвигать надо. Растить себе смену.

— Вот, вот, и я об этом же толкую. Таких, как Сарьян, надо в первую очередь. Молодой коммунист, парень с головой.

И вскоре появился приказ: Сарьяна назначили бригадиром.хлопот у него прибавилось. Теперь приходилось отвечать не только за себя. И не только за план, спущенный бригаде. И за людей. А они разные. Один сегодня не в настроении, рвет станок — летит брак. И только в откровенном разговоре выясняется, что осложнились отношения с женой. Другой начинает опасные разговоры о завышенных нормах — приходится одергивать, третий за что-то затаил обиду на мастера... И так — каждый день. Да еще курсы техминимума...

Но тем не менее Сарьян был уверен, что ребята из его бригады хорошо сдружились. И вот как-то зимой на завод прибыла делегация по обмену опытом. Как уж это получилось, никто толком не знал, но двое ребята из сарьяновской бригады загорелись желанием уехать с ними. Сарьян кинулся к руководителю делегации, но тот недоуменно развел руками:

— И не думал переманивать, честное слово. А запретить не имею права. Токарей у нас действительно не хватает...

Марванов с одним своим другом, быстренько рассчитавшись, уехали с гостями. Долго ходил Сарьян, терзаясь про себя: «Не удержал, не сумел уговорить! Какой ты, к аллаху, бригадир! Тоже мне, воспитатель называется!»

И едва по улицам хлынули первые весенние потоки, как снег на голову свалились «бсглсцы».

Срочно собрали бригаду. Ехидным вопросам не было конца.

— Ну, как, вкусен южный хлеб?

— Или рубль подлиннее?

— Да нет, они жару не выносят.

— Пиво хуже, чем в Уфе, ясно...

— Пойдите-ка, — прервал всех Сарьян. — Серьезно, что ж вы так быстро прилетели?

— Да понимаете... — мялся Марванов. — И заработки хорошие, и станки, можно сказать, новенькие. Но вот не хватает чего-то...

— Чего же все-таки?

— Скучно живут. Пресно, что ли. Без огонька. В бригаде каждый сам по себе. А мы не привыкли так...

— А повлиять сами не могли, что ли? — с иронией спросил кто-то. И Сарьяну в тот миг хотелось закричать на них: «А что ж вы, мамкины сынки, трусили! Жилки слабоватыми оказались, что ли! Самим бы огонька зажечь, помочь...» Но он, пораженный новым для себя открытием, воздержался. «Значит, не зря трудился... Значит...»

«Блудных сыновей» приняли в бригаду.

Глава шестая

1

Разве предполагала, разве когда-нибудь думала Сайда, что ее жизнь так нескладно сложится? Какую горькую плату приходится ей платить за свою чистую и преданную любовь. За веру и надежду, которые в сердце носила. Сколько хороших и славных парней было в ауле, которые на руках всю жизнь готовы были носить ее,

только дай согласие. А она потянулась душой и сердцем к Хасанше. Поверила его словам, доверилась ему.

Нет, Сайда ни о чем и теперь не жалеет. Она и сейчас продолжает его так же бесконечно любить. Только вот жизнь ее не сложилась. Такая выпала ей судьба. А от судьбы, как говорят, никуда не уйдешь. Со временем, глядишь, все и образуется лучшим образом.

Но время шло, а ничего не менялось в лучшую сторону. Она не слышала ни одного доброго слова от свекрови, а лишь одни понукания и косяе недобрые взгляды, словно она, Сайда, одним своим присутствием в их доме, как черная недобрая туча, бросает тень на их светлое благополучие. И ее, Сайду, и вскоре родившегося сына, которому дали красивое имя — Анвар, невзлюбили сразу. Как она ни старалась, как она ни трудилась, ничего не помогало. Но Сайда и тогда, на первых порах, и сейчас все еще надеялась на перемену, на лучшие времена.

Что касается самого Хасанши, ее мужа, то на него ей на первых порах обижаться не приходилось. Он вел себя порядочно, как заботливый муж. Помогал в хозяйственных делах, охотно возился с сыном, ни словом, ни взглядом не оскорблял свою жену. Иногда, правда редко, он пытался защищать Сайду от несправедливых нападок своей матери. За такие минуты Сайда была ему безгранично благодарна, ибо видела в нем не только мужа, но и преданного друга. Однако так продолжалось недолго, пока не персехали в Уфу.

В Уфе Яныбаевы купили большой дом. Его заранее им подыскал и сторговал родной брат отца Афлетун. Тот давно и прочно обосновался в Уфе. Дом находился в хорошем месте, испода-

леку от центра города, в тихом переулке. Большой участок земли огорожен высоким забором, ворота массивные, с крепким запором. Дом, на высоком фундаменте, находился внутри двора, окон с улицы не видать. На окнах — резные ставни, которые на ночь закрывались на запоры. Одним словом, не дом, а настоящая крепость. Рядом с домом находились большой деревянный амбар, просторный хлев, сарайчик для дров, курятник и собственный колодец. На калитке со стороны улицы была прибита жестянка с угрожающей надписью: «Берегись злой собаки!» Яныбаевы вскоре действительно завели лохматого злого пса, которого посадили на длинную цепь.

В доме, кроме привезенной из аула мебели, появилась и новая, купленная в городе. Не отвыкнув от аульской жизни, Яныбаевы стремились подражать горожанам. Появился громоздкий сервант темного дерева, тахта, шкаф для белья. На полу — кошмы, на кроватях и тахте — ковры фабричной работы. На окнах висели дорогие узорчатые занавески. А в кухне рядом с казанами соседствовали эмалированные кастрюли, рядом с глиняными чашками — городские тарелки, стаканы. Да и сами Яныбаевы изменились, купили себе городской одежды. Старик приобрел себе дорогую шубу с шалевым воротником, шапку из модного меха выдры, на ноги надел тонкие хромовые сапоги. Не отставала от мужа и жена, но более всех постарался Хасанша. И коронку золотую вставил, и волосы стал завивать. А о костюмах и говорить нечего.

В городе Хасанша, к немалому удивлению Сайды, резко изменился. Он начал капризничать, почти ежедневно приходил домой навеселе, уже несколько раз видели его с женщинами в разных районах Уфы. Теперь его раздражало в Сайде

почти все: длинные косы (предмет ее тайной гордости), манера говорить, «деревенскость» платьев. Она покорно отрезала косы, сделала завивку, укоротила платье.

Но Хасанша оставался недоволен. «Губы-то поярче намажь, деревенщина! Хоть у настоящих женщин учись», «Ну куда ты простые чулки натягиваешь — в кино же идем! Надень шелковые», «Выбрось эти дурацкие бусы!» Порой, нарочно сорвав на ней зло, уходил из дому и возвращался за полночь. Несколько раз, не выдержав, Сайда набрасывалась на него с упреками, но это не давало никакого результата. Наоборот, Хасанша злился, ударялся в пьянку.

Что она теперь видела в жизни? Окрестные улицы, по которым гуляла с сыном, ближайший магазин, очень редко — кино. О театре и говорить нечего. Она в нем ни разу не была. Но особенно горькая тоска охватывала ее от сознания, что она, молодая, грамотная женщина, фактически превратилась в затворницу. В доме работы хватало. Живи она, как прежде, в деревне, Сайда бы и мысли не допустила сидеть вот так дома, пока другие работают в поле. А здесь жизнь проходила стороной.

Комсомольский билет, который она получила одна из первых в классе, пылился на дне сундука.

Кто она теперь? Да прислуга! Обыкновенная домашняя работница. Порой она винила себя за робость перед домашними. Почему же она никак не может заявить о собственных правах? Боязнь? Или надежда, что когда-нибудь все станет к лучшему? А тут еще бесконечные гости, гомон, нестройные песни до полуночи. А потом, валясь от усталости с ног, прибирай за ними. Как-то раз она решительно подступила к мужу, намереваясь

впервые серьезно поговорить с ним, но Хасанша по обыкновению фыркнул:

— Много ты понимаешь!..

Она махнула рукой и окончательно замкнулась в себе. Благо была у нее единственная светлая отдушина — сын. Была, правда, попытка поговорить со свекровью и свекром. Те тоже не стали слушать ее: «Кто ты есть? Жена! Баба! Нитка у иголки! Чего тебе не хватает, ну? Живешь, как у господ бога, а еще жалуешься!»

Как-то на улице, возвращаясь из магазина, она случайно встретила Сарьяна. И впервые за многие месяцы выложила ему все, что накопилось в душе. Сарьян задумчиво кивал и, прощаясь, сказал:

— Вот и кстати. Мы его на днях на комсомольском собрании разбирать будем. Хорошо было б, если бы ты пришла. Подумай.

Но вырваться на собрание ей не удалось. О нем рассказал ей все тот же Сарьян. Досталось тогда Хасанше основательно — и за зазнайство, и за привычки ловчить, отсиживаться за чужими спинами, и, конечно, за семейную жизнь. Хасанша не был бы Хасаншой, если бы не стал он клясться и обещать. Так оно и было. А после собрания он дождался, пока появится в проходной Сарьян, и отозвал его в сторону.

— Ну, что, добился своего... воспитатель? — с издевкой произнес Хасанша. — Эх ты, праведник недоделанный!

Глаза Сарьяна недобро сузились. Он вплотную приблизился к Хасанше, но тот предусмотрительно отступил. Уж слишком отчетливо помнил случай на току...

— Смотри, свернешь себе когда-нибудь голову, Хасанша, — с расстановкой сказал Сарьян. —

Жизнь — не асфальтовая дорожка, помни об этом. А то поздно будет.

И, обогнув его, как кочку на дороге, пошел домой, досадуя на себя. На кой черт, в конце концов, дался ему этот Яныбаев, будто своих забот мало. Видать, так уж устроено, что до последнего момента веришь в хорошее.

А в доме Яныбаевых ничего не изменилось... Только еще одно унижение пришлось испытать Сайде. Хасанша избил ее. Но больнее, чем его кулаки, били в самое сердце его слова. Он оскорблял жену самыми последними словами за то, что и в Уфе она «путается с Сарьяном»... Сайда после этого случая еще больше замкнулась, ушла в себя.

Однажды вечером по обыкновению пришел к ним Афлетун. Он располнел, погрузнел. Во время ужина он нахально разглядывал Сайду и несколько раз заговорщицки подмигнул ей. Не выдержав, она вскочила и убежала на кухню, а за спиной слышала его похотливое хихиканье.

Повадился к ним ходить еще какой-то чернобородый тип. Все почему-то заискивали перед ним, не знали, куда усадить, чем угостить:

— Проходите, гость наш дорогой, в этом доме всегда вам рады...

А чернобородый (он оказался муллой) не спускал жадных глаз с Сайды.

Как-то через несколько дней после прихода муллы свекровь как бы вскользь, но тоном, не терпящим возражения, бросила:

— Одевайся, в мечеть пойдем!

— Что?! — отшатнулась Сайда. — В мечеть?!

— Да, в мечеть, чего глаза вытарщила? — повысила голос свекровь и сунула ей в руки какое-то старинное длинное платье.

В голове у Сайды мелькнуло то, о чем приходилось читать в книгах да слышать от стариков: женщина по заповедям ислама — не человек, на улице она следует за мужем сзади, даже хоронят ее на пол-аршина глубже, чем мужчину.

Сайда все это язвительным тоном выпалила в лицо свекрови. Та, сдерживая себя, стала торопливо объяснять снохе, что сейчас мужчины и женщины равны, никто ее, Сайду, унижать не собирается, но в мечеть ходить даже сама Советская власть не запрещает. Так что...

— Не пойду ни за что! — отрезала Сайда и швырнула платье в угол.

И тут начался очередной привычный скандал. Но в словесных помоях, которыми ее обливала свекровь, появилось новое: якобы в невестку вселился злой дух и ей необходимо сделать ушкуртеу¹.

Сайда действительно потеряла душевное спокойствие. По ночам ей начали сниться кошмары, перед глазами мерещились то Афлетун, то чернобородый мулла.

Однажды Сайда — вся измученная, потная — в страхе вскочила с постели. Домашних охватил ужас. И они пуще прежнего забегали по дому:

— Ушкуртергэ, сейчас же, пока аллах не прогневался!

Но все же они не решались сразу пригласить муллу, зная ее строптивость... Сайда с детства любила петь, но после замужества, кажется, в доме Яныбаевых она не спела еще ни одной песни, они как бы увяли в душе. Но сейчас ее охватил дух противоречия. И, наводя страх на родителей мужа, она начала петь громким голосом и самые озорные песни:

¹ Знахарское лечение заговором.

Паровоз идет по речке,
Дым клубится, как из печки.
Птице в небе весело —
С тучки ноги свесила!..

И все-таки пережитое, тяжелая домашняя работа, постоянные укоры, оскорбления, постоянное нервное напряжение сказались на ней. Сайда не выдержала, слегла. Несколько раз впадала в беспамятство. И однажды, в минуты просветления, она открыла глаза и увидела свекровь. Та ласково сообщила, что пришел мулла. Она восприняла эту весть равнодушно, словно это ее не касалось вовсе. Через минуту в ее маленькую комнатку вошел чернобородый. Не отрывая, по обыкновению, от нее глаз, он присел рядом с ее кроватью на табурет и открыл толстую потрепанную книгу. Сайда увидела арабскую вязь. Догадалась — в руках у муллы коран.

— Сейчас, молодушка, сейчас, ушкурэм. Все твои кошмары разлетятся, как прах... Агузе бисмиллахи...

Каким-то угрюмым, слегка приглушенным заунывным голосом мулла начал читать длинную молитву. Время от времени он пухлыми, в волосах, пальцами касался ее щек, ее волос, беспорядочно разбросанных по подушке. И каждый раз, почувствовав прикосновение пальцев, Сайда вздрагивала, словно ее касалась холодная змея. И, сдерживая отвращение, Сайда повторяла про себя: «Потерпи, ничего страшного... Тебя от этого не убудет. Как же — руки святого...»

На вид мулле было не больше сорока пяти. «В аул тебя нужно направить, такого жирного борова, впрячь в плуг», — подумала Сайда, стараясь не смотреть на него. Но тут она почувствовала себя плохо. Опять все поплыло перед гла-

зами. Ее начала колотить частая дрожь. На лбу выступили бисеринки пота...

— Сейчас, молодушка, сейчас... Покинь, нечистый дух, тело, изыдь, сатанинский клубок!..

И чернобородый, входя в раж, гнусаво что-то нашептывая, начал плевать то влево, то вправо... Свекровь на цыпочках вышла из комнаты. Мулла продолжал шептать. А пальцы его бегали по лицу и шее Сайды, медленно приходящей в себя. Погодите, что это он задумал? Вот он осторожно отворачивает одеяло, все ниже нагибаясь к ней. И вдруг Сайда ощутила его потную руку на своей оголенной груди...

Сайда, не давая отчета в своих действиях, рванулась с места. Закричала на весь дом. И с силой, которая как-то сразу вернулась к ней, она пнула чернобородого обеими ногами в живот. «Святой», выронив коран, отлетел к стене, ударился о дощатую перегородку. Висевший на стене медный таз со звоном обрушился ему на голову.

— Убереги, аллах, от козней шайтана! — не своим голосом заорал мулла. — Эй, кто в доме?! Связать ее надо! Силен еще шайтан в грешной плоти ее!

В доме поднялся переполох.

— Сейчас, сейчас, святой отец! — услышался голос свекра.

Во весь голос закричал проснувшийся ребенок. Сайда, схватив одеяло, как была, выскочила во двор.

— Держите ее, оглашенную!..

Все бросились за ней. Неизвестно откуда взялись силы, Сайда рванулась к воротам, отбросила тяжеленный дубовый засов, вцепилась в кольцо калитки. Но в этот миг чьи-то пальцы погрузились в ее взлохмаченные волосы.

— Попалась, дочь шайтана! — мулла с силой заломил ей руки и, пыхтя, пытался набросить на них петлю. Сайда яростно мотнула головой, удар пришелся мулле по подбородку. Тот, охнув от боли, выпустил ее руки и присел на корточки. Сайда скользнула в открытую калитку и чуть не сбила с ног Хасаншу.

— Куда бежишь! — он схватил ее за плечо. — Ты ж больна, дурочка!

Она разрыдалась и, захлебываясь слезами, рассказала обо всем, что произошло. Это был, вероятно, единственный в жизни момент, когда в душе Сайды мелькнуло что-то похожее на уважение к беспутному мужу. Разъяренный Хасанша ворвался во двор. С одного удара отправил почтенного муллу головой в крапиву и, подобрав с земли веревку, начал хлестать его...

Отец и мать с трудом успокоили сына, а мулла, бормоча угрозы и щупая зубы, поплелся со двора.

На следующий день Яныбаевы вызвали доктора из районной поликлиники. Доктором была женщина. Она отчитала Хасаншу и его родителей за то, что те так довели свою сноху до нервного потрясения. Выписала лекарства.

Всю зиму Сайда провалялась в постели. К весне ей стало лучше. Она возвращалась к жизни. Но что-то новое, твердое появилось в ее взгляде. Она много думала о жизни, о себе, о муже.

2

— Уйду! — тихо, но решительно сказала Сайда, когда окончательно встала на ноги. — Сил моих больше нет...

— Только попробуй! — пригрозила ей све-

кровь, плотно закрывая дверь и становясь возле нее.

Сайда с сожалением посмотрела на свекровь, которую она теперь не боялась.

-- Ничто меня не остановит. Хватит! Какая разница, сегодня ли, завтра ли...

Наутро она решительно оделась и, укутав Анвара, снова направилась к двери. Свекровь с криком снова преградила ей дорогу. Сайда решительно оттолкнула ее:

— Уйдите с дороги! Все равно так или иначе... А ребенка сама воспитаю. Не те сейчас времена, пропасть не дадут!

— Это наш ребенок! — закричала свекровь.

Сайда, оттеснив ее плечом, вышла во двор и вскоре уже шагала к автобусной остановке.

Еще не протрезвевший с вчерашней попойки Хасанша, услышав привычный шум, неохотно встал и выглянул на кухню. Мать металась из угла в угол. Увидев сына, набросилась с упреками:

— Доигрался! Собственная жена ушла из дому! Позор-то, позор какой!..

— Вернется... — зевнул Хасанша. — Куда ей деваться! — И вновь завалился спать.

Пока Сайда торопливо шла к остановке, Анвар проснулся и начал звать отца. Серце Сайды дрогнуло. Она замедлила шаги, почувствовав, что вот-вот не выдержит и на виду у прохожих разрыдается. Слезы сами катились из ее глаз. Она с трудом взяла себя в руки. Походка ее стала уверенней и решительней.

«К прошлому возврата нет! Лучше рвать сразу, чем мучиться еще неопределенное время. А сын... сын позже поймет меня. Не хочу ходить в ясный полдень на ощупь, будто слепая. Может

быть, это испытание пойдет мне на пользу, зорче будут глаза, более разборчивым станет сердце. Если ему еще суждено волноваться, как в юности...»

Глава седьмая

1

Удивительно ласковым и солнечным выдалось июньское воскресное утро. Улицы тонули в цветущих липах, ронявших на теплый асфальт лепестки душистых цветов, и голова слегка кружилась от аромата. Над городом в безоблачном небе неистовствовало солнце...

День обещал быть жарким. Многие горожане, в основном люди старшего возраста и дети, с сумками и термосами, с рюкзаками и удилещами спешили за город, чтобы выходной день провести на речном берегу, среди буйно растущей зелени, чувствуя приятную прохладу воды. А другой поток, неугомонный поток молодежи, в это утро со всех концов города стекал в огромный детский парк. Команды физкультурников всех спортивных обществ Уфы выходили на старт традиционного кросса на первенство города.

Задолго до начала соревнований парк был полон людского гомона. Играл оркестр. Загорелые парни и девушки в спортивных костюмах проводили разминку, нетерпеливо ждали старта. Напряжение — и участников забега, и зрителей — росло: «Кто выиграет? Чья команда будет впереди?»

— Вот увидите, «Динамо» и в этом году всемирно утрет! — говорили одни.

— Как бы не так! Смотрите-ка, как идет «Труд»...

Сарьян тоже участвовал в кроссе. Команда заводских спортсменов вышла защищать честь «Труда».

Сначала стартовали школьники, потом на старт вызвали сборные команды спортивных обществ.

Сарьян замер в группе своих друзей.

— Внимание! — раздался голос судьи. Резкий взмах флажка. — Марш!

Со старта сразу сорвались дружно и кучно. Сарьян, чуть нагнув голову, мчитя по посыпанной мелким желтым песком дорожке. «Главное— сберечь силы для финишного рывка...» — думает он, время от времени оглядываясь на товарищей — не отстали ли? Нет, пока все нормально.

Парк ликовал. Радости, казалось, не было конца. И вот этот так удивительно начатый день на всю жизнь запомнился Сарьяну своим драматическим поворотом. В солнечный ясный день, как нежданная молния и оглушительный удар грома из безоблачного синего неба, прозвучало: «Война!..»

Сарьян, еще не отдышавшийся от бега, стоял у репродуктора и, слушая новые сообщения, чувствовал, как сжимаются кулаки. Да, настал этот черный день, в реальность которого верили и не верили люди.

Надо было что-то делать. Сарьян мысленно уже писал заявление в военкомат с просьбой отправить на фронт добровольцем. Об этом же шумно говорили участники соревнований. И тут, заглушая все, призывно и властно раздался знакомый и басовитый гудок родного завода. Вслед за ним подали голоса гудки других предприятий Уфы. Гудки звали и требовали. В их тревожных

голосах слышался призыв тех далеких дней Октября. Так гудки сзывали на забастовку, так звали в минуту опасности. И сейчас, обеспокоенные за судьбу страны, рабочие спешили к своим заводским проходным.

Заводской двор быстро наполнялся рабочими. Над людьми вились десятки табачных дымов, но не было слышно привычных шуток и будничных разговоров. У всех на языке было одно слово — война... То и дело слышались крепкие словечки в адрес Гитлера и его предков по двадцатое колено.

— А что ж ты хотел? Такая силища прет, пол-Европы под себя подмяла!

— Погоди, нарвется мордой на кулак.

— Не сегодня завтра назад погонят.

Сарьян с братом влились в бурлящее, негодующее людское море. Вновь над толпой заколыхался тревожный рев гудка. Он словно напоминал людям о том, что идет война. Тяжелые клубы дыма поплыли над цехами, на несколько долгих минут закрыв собою солнце, и Сарьян с необычайной ясностью вдруг почувствовал, что к прошлому, пусть безмятежному и суматошному, но прекрасному теперь нет возврата, что все его беды и радости — ничто перед той бедой, что обрушилась на страну.

Он все напряженнее вглядывался в людские лица, словно стараясь прочесть в глазах затаенные мысли. Впрочем, мысль у всех была одна. Встретился взглядом с Вишняковым. Губы технолога были крепко сжаты, кожа плотно обтянула скулы.

Людское море, колыхнувшись из края в край, внезапно замерло.

— Товарищи!

Кто-то забрался на дощатый длинный стол, вытасненный прямо из цеха. Был он в белой длинной рубашке, подпоясанной ремешком.

Сарьян дернул брата за рукав:

— Гляди, это ж дед Крайнов!

Валихан с безмолвным восхищением смотрел на старого большевика, все еще сильного, с остро поблескивающими под густыми бровями глазами. Седую бороду развевал ветер. И что-то очень русское, непреклонное было в его фигуре.

— Не усидел дома Тимофей Матвейч...

— А кто усидит?..

Над площадью зазвучал удивительно помолодевший, крепкий голос старика:

— Товарищи! Мне нечего агитировать вас. Вас агитировала, вас пестовала наша родная Советская власть. А теперь фашист хочет нас лишить того, что дороже нам всего на свете, — свободы, мира, счастья. Не бывать тому! Рабами мы не были и не будем! Шалишь! — И Крайнов поднял вверх крепко сжатые кулаки. Он перевел дыхание... И на площади словно взорвалась бомба:

— Не бывать тому!..

— Смерть фашистам!..

— Лучше умереть стоя!..

— Верно, сынки! Не склоним головы! Но сейчас фронт не только там, — оратор показал большим пальцем за спину, на запад, куда клонилось солнце, — наш фронт — здесь! На заводе. И поэтому мое место, как и ваше, на заводе, какая может быть речь о пенсии. И я, большевик Крайнов, даю клятву: пока на нашей земле останется хоть один оккупант, с завода я не уйду!

Площадь ответила старику долгим «ура!». Потом старика осторожно подхватили на руки и опустили на землю. Его место на импровизиро-

ванной трибуне занял технолог механпческого цеха Василий Вишняков. Его, в свою очередь, сменили крановщица Аралбаева, директор завода Мостовой... Единый душевный порыв сотен людей, так ярко вспыхнувший в час грозных испытаний, взволновал Сарьяна. Да, жизнь сделала такой стремительный поворот, что нужно было напрячь все свои нравственные и физические силы, чтобы потом не было стыдно взглянуть друг другу в глаза.

Сарьян работал в тот день с каким-то ожесточением, полностью сосредоточившись, — думать о посторонних вещах времени не оставалось.

Склады не успевали принимать готовую продукцию.

2

Четвертый месяц идет война.

Осень сорок первого выдалась на редкость холодной и дождливой. Унылая мелкая изморось вызывала безотчетную тоску, люди раздражались по самому пустячному поводу. А тут еще ветер — порывистый и промозглый, он врывается во все щели, гуляет по заводской территории, вылетает в вентиляционных трубах.

В репродукторах, висевших в каждом цехе, звучал сильный, ровный голос:

— От Советского информбюро. После многодневных тяжелых боев наши войска оставили...

Люди с угрюмой сосредоточенностью выслушивали сообщение и молча, не глядя друг на друга, расходились по своим местам. Завод жил своей жизнью: ревели на «испыталке» моторы, рвали ночное небо огни электросварки, гудела земля от ударов многотонных молотов.

Сарьян заметно похудел, осунулся, исчезла юношеская округлость щек, подбородка. В чертах появилась непривычная для него суровость. В этом непрерывном напряжении он нередко забывал о Минсылу и, лишь получая от нее письма, вспыхивал застенчивой радостью. Им так и не удалось встретиться: Минсылу с первых дней войны пошла работать на текстильный комбинат и одновременно стала учиться на курсах медсестер.

К лишениям люди привыкли. С невеселыми шутками затягивали на поясах ремни. А страна между тем получала все необходимое: хлеб, металл, нефть. От уфимских заводчан требовались, кроме прочего, запасные части для тракторных дизелей: тыл не мог держаться на лошадях. План выпуска продукции рос непрерывно, рабочие дневали и ночевали в цехах, еду им приносили из столовой или из дома. По особому заказу Комитета Обороны завод освоил выпуск цилиндров и втулок для тракторов ЧТЗ и танковых дизелей. Тут же отливались станины буровых насосов. Изможденные работой, бесконечной бессонницей, люди порой падали прямо у станков.

В редкие свободные часы братья Мирхалитовы подолгу стояли у железнодорожного полотна, каждый думая о своем. Их внимание привлекал тот мощный поток, что неудержимо мчался на запад. И с каждым днем, с каждым месяцем становился мощней и грозней этот поток, переполненный людьми в защитного цвета гимнастерках, танками, машинами, пушками. Радость от сознания силы народа и горечь при мысли о том, что ты все еще в тылу — такие чувства были написаны на лицах братьев.

Раз им удалось даже поговорить с молодыми

веселыми танкистами, когда эшелон ненадолго задержался на станции. Танкисты угостили ребят спиртом. Многие из них уже успели повоевать, об этом говорили боевые награды.

— А вот нас все бронируют! — зло сказал Сарьян рыжеволосому сержанту, командиру «тридцатьчетверки».

— Сколько ни просились, получали лишь отказ, — поддержал брата Валихан.

— Ничего, браток, вы тут большое дело делаете, — успокоил их пожилой старшина. — Война от вас не уйдет, во-он еще сколько топать до Берлина!

— Да обидно...

— Никто вас не осудит. Без вас мы — нуль... Может, еще на фронте свидимся, на войне чего только не бывает. Не горюйте, ребята!

— По вагонам!.. — донеслась команда. И вскоре состав тронулся. Зазвучала песня — уверенная и могучая, которая с первых дней войны овладела душой всего народа и стала его постоянным спутником на войне и в тылу:

...Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война...

И берега Агидели еще долго отзвучивали песню мужества и скорби.

В один из таких дней не выдержал Валихан:

— Все, конец моему терпению! Не могу я больше в тылу отираться! Бабам в глаза стыдно глядеть! После разговора с танкистами спать не могу. Айда к директору! Не инвалиды же мы, в конце концов! Здоровенные бугаи!

— Пошли! — решительно сказал Сарьян, вытирая ветошью руки.

В приемной было многолюдно. Сарьян заметил и Хасаншу. С начала войны тот стал работать в отделе материального снабжения завода. Его словно подменили. Высокомерие, важность так и выпирали из него. Рабочие хоть и недоумевали, но все же посмеивались над ним: мол, чего ж вы хотите с него? Черного кобеля не отмоешь добела...

В приемной кто-то из рабочих у столика секретарши громко отчитывал Хасаншу. Оказывается, Хасанша безо всякой очереди хотел было проскочить к директору, однако взъерошенный кузнец с всклокоченной головой решительно встал на его пути.

— Знаем, зачем ты к нему рвешься! — гремел он. — Пронюхал, делец, что тебе фронт светит, вот и хочешь перебраться назад в цех. Знаешь, что цеховые под бронь попадают. Шкурник ты, вот кто!

Хасанша, обескураженный, словно на него вылили ушат холодной воды, растерянно озираясь по сторонам. Неприятнее всего было то, что здесь же присутствовали и братья Мирхалитовы. Черт его дернул сунуться сюда в разгар рабочего дня! Не мог дожидаться, пока схлынет очередь. Но, подобравшись, с видом оскорбленного достоинства, он небрежно взглянул на очередь и отошел от стола секретаря. Подумав мгновение, подошел к Мирхалитовым и попытался было заговорить:

— Вот люди! Обязательно надо по-своему перевернуть. Я ж в цеху...

Но те промолчали. Хасанша, повертевшись рядом, ушел.

...И Сарьяну и Валихану до мелочей был знаком этот длинный и просторный кабинет с массивным столом из орехового дерева. Директор Степан Федорович Мостовой, и без того невысокого роста, казался на фоне обстановки еще меньше. Но его невзрачную комплекцию компенсировал неожиданно густой и низкий голос, и обезоруживала широкая белозубая улыбка, внезапно вспыхивавшая на широком лице.

— Вижу, понял сразу, зачем пожаловали, — приветствовал он братьев. — Очередная атака. Я прав, нет?

Стоило ему сказать эти слова, как братья враз растеряли приготовленные и очень убедительные, по их мнению, доводы. Они переминались с ноги на ногу, но на лицах читалась решимость...

— Значит, всерьез решили?

С минуту он прохаживался по кабинету, постоял у окна.

— Очень это трудно, товарищи, отказывать людям в их священном праве. Но приходится иногда. Что ж... — он повернулся к Валихану и прямо взглянул ему в глаза. — Тебе не могу отказать, Валихан. Ты — старший. С младшим мы на этом фронте повоюем. Верно ведь? — обратился он к Сарьяну?

А Сарьян не верил собственным ушам... Он что-то не понял: ведь они просятся на фронт, о б а, о б а!.. Значит, директор прав, и впрямь здесь второй фронт?

Сарьян сжал губы. Ничего, никто не запрещает обратиться через некоторое время еще раз.

Резко зазвонил телефон. Директор поднял трубку, продолжая задумчиво разглядывать братьев и одновременно слушая собеседника на

другом конце провода. Потом зазвонил второй телефон, третий. Сарьян впервые понял, какой груз ответственности лежит на плечах Мостового.

Позднее, вспоминая разговор с директором, Сарьян стал еще больше уважать этого человека, который, кажется, знал в лицо каждого на заводе. И только одно удивляло его: как директор с его пронизательностью, с его знанием людей не сумел понять расчетливой хитрости Хасанши, который сумел-таки вернуться в механический цех и начал работать бригадиром в смене Сарьяна?

А война становилась все яростней. В Уфе появились ее первые трагические приметы. Прибавилось и забот у местных властей: в Уфу начали прибывать составы с демонтированным оборудованием заводов, беженцы и эвакуированные, а в больницы непрерывным потоком привозили раненых. Эшелоны мчались навстречу друг другу. И, глядя на платформы с зачехленными орудиями, танками, самолетами, на теплушки с молодыми загорелыми красноармейцами, Сарьян торопил тот день, когда к нему придет рассыльный из военкомата.

А пока нужно было работать. Работать до изнеможения...

4

Сарьян был бы и рад не замечать Хасаншу, но заводские отношения — это не соседские отношения. Правда, он однажды заикнулся Рахмасву, чтобы Яныбаева перевели в другую смену, передали другому мастеру. Но начальник цеха нахмурился и погрозил пальцем:

— Не дури, не маленький...

И вот опять. Бригада Хасанши недовыполнила сменное задание. Срочно собрали летучку. Сарьян едва сдерживал негодование:

— Люди на фронте головы кладут, а ты даже такую норму не можешь обеспечить? Или лозунг партии «Все для фронта, все для победы!» для тебя пустой звук?

Хасанша, словно его подбросили пружиной, вскочил с места. Он яростно набросился на мастера с кучей обвинений:

— А материалом ты нас обеспечил? У меня все записано, не волнуйся! Если я бывший снабженец, то, значит, должен с высунутым языком бегать по заводу и искать заготовки?!

— Материалы? — Сарьян достал потреспанный блокнот и перечислил все, что получила его бригада. Хасанша, пробормотав что-то невразумительное, сел на место.

— Опять меня давишь, Сарьян?

С некоторых пор Сарьян взял себе за привычку не пререкаться с Хасаншой. И сейчас он постарался ответить спокойно:

— Ты ж считаешь себя первоклассным токарем. Неужели не справишься?

-- Сам вставай к станку. Я не двужильный! — огрызнулся Хасанша, но дальше спорить не стал: за невыполнение плана по головке не поглядят.

Хасанша при всей своей неприязни к Мирхалитову не мог не признать, что парень трудится не за страх, а за совесть, умсет толково организовать ребят, сам внес немало различных рацпредложений, выкраивает время и частенько засиживается в технической библиотеке. А в цеху не суетится, не дергает подчиненных. Не накричит никогда, если даже внутри все кипит. «Я бы не

смог так...» — невольно признавался самому себе Хасанша, и от такой мысли ему было не по себе. Он старался убеждать себя, что Сарьян, мол, со своей инициативностью попросту лезет на глаза начальству, завоевывает авторитет. Может, Сарьян от фронта спасается? Нет, целая стопка заявлений об отправке на фронт лежит у директора, Хасанша своими глазами видел недавно. И как же удастся этому выскочке Сарьяну всегда вылезти на передний план? Вот и сейчас, наперекор мнению начальства, которое-то знает лучше него о том, что невозможно перевыполнить плановое задание, он, Сарьян, решительно заявил, что резерв есть, этот резерв в улучшении работы ночных смен. Долго спорили, сомневались, а подсчеты плановиков показали, что Сарьян прав... Как всегда, прав. «Да, прыток односельчанин... Не будь войны, небось уже начальником цеха сделался бы...» — раздраженно думал Хасанша.

5

На рассвете неистовый ветер жадно рвал серые клочья низких осенних облаков и уносил куда-то за город, за излучину Агидели. Всю ночь шел дождь, и теперь на карнизах домов весело переливались в лучах нежаркого осеннего солнца дождевые капли. Над водонапорной башней, в стороне, где находилось кладбище, кружили стаи галок и ворон.

Хасанша, возвращавшийся с ночной смены, даже остановился. Он молча глядел красными от бессонницы глазами на птичью вакханалию.

— Каркали б на голову врагам! — ни с того ни с сего взъярился он и, мрачно сплюнув под

ноги, побрел к дому, провожаемый птичьим гвалтом.

Ночная смена вымотала основательно. Мучительно тянуло ко сну, голова была тяжелой, как чугунный казан, отекали руки и ноги. И еще этот неприятный разговор с Сарьяном. Мстительные планы, один заманчивей другого, рождались в воспаленном сознании.

Особенно раздражало Яныбаева то обстоятельство, что после этого разговора Сарьян продолжал держаться с ним как обычно. Мало того, пытался даже помочь советами. И вообще, что за этим кроется, интересно бы знать? Какой подвох готовит мастер? Не привыкший доверять кому бы то ни было, Хасанша видел злой умысел и в добрых намерениях других. Ну, нет, на дружескую ногу с Мархалитовым он вставать не намерен. Посмотрим еще, чья возьмет.

Хасанша шел медленно, устало передвигая ноги. Опавшие желтые листья прилипли к черному мокрому тротуару. Внезапно заговорил репродуктор, заставил его вздрогнуть:

— От Советского информбюро...

Хасанша, забыв о недавних своих переживаниях, жадно вслушивался в размеренную речь Левитана. И судорожно вздохнул, мысленно представив, что теперь творится там, на немыслимых просторах от Северного Ледовитого до теплого Черного моря. В прошлую зиму немцы получили сокрушительный удар по зубам под Москвой. Казалось, что вот и началось, теперь погоним... Но скоро наступление выдохлось. А летом немцы устремились на Кавказ и к Волге, к Сталинграду. Сталинград... Это слово все чаще произносит диктор. Оно замелькало на газетных страницах. Сейчас бои идут в самом городе. Диктор сообщает, что тракторостроители, оста-

вив инструмент, взяли в руки оружие, дерутся вместе с кадровыми частями, в полуразрушенных цехах продолжают ремонтироваться танки... Где же предел человеческим сплам? И вдруг Хасанша почувствовал, как жаром полыхнуло где-то внутри, как опалило лицо. Бронь, тщательно завернутая в целлофан и аккуратно застегнутая пуговицей кармана, обожгла грудь. Кроме него, Хасанши, все в свое время подавали заявления с просьбой отправить в действующую армию. Лишь он один словчил, сумев переметнуться в отдел снабжения и так же ловко вернуться в цех.

Хасанша быстро зашагал по улице, с силой опустив сжатые кулаки в карманы пиджака. Сумбурные, лихорадочные мысли одолевали его, он никак не мог остановиться на какой-либо одной — все смешалось в голове. На миг ему показалось, что он идет по улице голый и прохожие, возмущаясь и хихикая, отворачиваются от него. А тут еще вспомнились гневные строчки из письма Минсылу: «Ты исковеркал молодость Сайды, отказался от сына. Запомни — отольются когда-нибудь тебе их слезы...»

Хасанша в испуге провел рукой по лицу, словно отгоняя какое-то наваждение.

Он шел, торопливо переставляя ноги. Его покачивало от усталости и злости. Несколько раз он натыкался на встречных прохожих.

— Во надрался парень!— бросили ему вслед.

В сквере всполошно орали вороны и галки. Их неприятное карканье отдавалось у него в сердце.

Хасанша сел на влажную скамью, вынул из кармана мятую пачку «Беломорканала» и жадно закурил. Но успокоение не приходило. Какая-то горечь подступила к горлу.

Чем заполнить внезапную пустоту, чем заполнить душу? Куда податься? В базарную чайную, где собираются забулдыги и спекулянты? Взять водки и напиться в одиночестве? Нет, нужен сейчас сму человек знакомый, близкий, перед кем можно было бы излить душу и, чего греха таить, попросту поплакаться... И ноги сами понесли Хасаншу на знакомую улицу, к дому, где живет Афлетун-агай.

Мокрые пожелтевшие листья скользили по асфальту... Хасанша решительно пересек улицу и постучал в окно большого бревенчатого дома.

— А-а, это ты, пропащая душа? Что давно глаз не кажешь? Проходи, проходи, дядя твой еще со службы не пришел.

Таковыми словами встретила его жена Афлетуна-агай, расплывшаяся женщина с широким, когда-то миловидным лицом.

Ожидать дядю он не стал, поплелся домой. Посидел на крылечке, рассеянно наблюдая за тем, как бравый петух наводит порядок в своем гареме, зашел в комнату. Дома никого не было. Отец на работе, мать на базаре. Хасанша неохотно поел холодного вареного мяса, выпил пиалу холодного чая, на минуту включил радио и завалился в постель. Но стоило ему укрыться одеялом, как сон тут же, как по мановению волшебной палочки, отлетел напроочь. Не спится — хоть убей!

«Послушай, парень, что-то надо делать. Но что? Совершить бы что-нибудь эдакое, сногсшибательное. Из горящего дома, например, кого-то вытащить. Или рацпредложение с несбывальной экономией подать. Или...» Он невесело усмехнулся и повернулся на другой бок. Нет, не получится из него ни передовика, ни новатора. Постепенно высокий душевный порыв сменился

ленивыми поисками вариантов для поднятия авторитета...

Хасанша сел на кровати, свесил босые ноги, закурил и не заметил сам, как придвинул чернильницу, разгладил ладонью тетрадный лист.

«Здравствуй, Минсылу! Хочу тебе сообщить, что плохо я живу в этом мире! Разошлись мы с Сайдой, так и не смогли понять друг друга. После того как она уехала назад в Кайынлыкул, Сарьян разделал меня на комсомольском собрании, как бог черепаху. Ладно, стерпел, не обиделся. Но ведь и у самого Сарьяна жизнь не сложилась. Прожили они с женой около месяца — и разошлись. Ему это можно. Зачем же меня осуждать так громогласно? А когда я сказал ему про это прямо в глаза, он рассвирепел. С тех пор злится, не здоровается при встрече, на работе палки в колеса вставляет. Скажи Сайде, что я люблю ее и пусть возвращается...»

Хасанша дважды перечитал письмо, испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие, и поставил жирную подпись.

— И как это ты раньше, болван, не догадался? — вслух сказал он и расхохотался.

В это время во дворе громко залаял Полкан, заставив Хасаншу вздрогнуть. Кого еще черти несут? Он быстро спрятал письмо и взглянул в окно. Афлетун-агай в солдатской шинели и шапке-ушанке всеревалку шел к крыльцу. Пакопец он показался в проеме двери.

— Приветствую тебя, Афлетун-агай! Смотрю и думаю, что за генерал мне визит наносит.

— Тебе все шуточки, а я от усталости с ног валяюсь. Всю ночь не спал. Перкусить что-нибудь найдется? Потом дрыхнуть завалюсь. Он, пыхтя, сбросил шинель, повесил ее на крючок возле двери и достал из брюк галифе поллитровку.

Хасанша нарезал вареного мяса, достал соленых огурцов, хлеба. После первой стопки Хасанша не удержался и поделился своими мыслями насчет взаимоотношений с Сарьяном.

— Были когда-то друзья детства,— скривился он, тыкая вилкой в огурец.

Афлетун умел слушать, не прерывал восклицаниями, раньше времени не лез с советами. Хасанше нравилось в нем это качество.

— Лихой этот парень, Сарьян,— задумчиво сказал он наконец. — От жизни свое возьмет, не промахнется.

Хасанша недоуменно взглянул на него. Что он хочет этим сказать? Осуждает Сарьяна или...

— Ты, агай, видать, не понял...

Но дядя жестом остановил Хасаншу:

— Сарьян — мастер цеха. Обязательно найди с ним общий язык, тебе собачиться с ним не с руки. И бронью своей не козыряй, ее лишиться — раз плюнуть.

Афлетун вздохнул и выпил еще.

— Знаешь, чего тебе не хватает, парень?

— Интересно... — скривился Хасанша.

— Хитрости. Изворотливости.

— Что ты имеешь в виду?

— Да то же самое, что сказал. Ужом надо ползти по жизни, понял? Незаметней и потише...

— Опять ты за свое, — поморщился Хасанша. — Придумай что-нибудь посвежее. Это я уже слышал.

— Дурень ты! Потому что молодой. У тебя же злоба впереди хитрости скачет. Кто ж так по нынешним временам живет?

Хасанша коротко взглянул на дядю мутными глазами и, не оборачиваясь, на ощупь вытащил из-за шифоньера бутылку с самогонном.

Вскоре оба были основательно навеселе. Крепкий первач сделал свое. Несколько минут Хасанша сидел, покачиваясь из стороны в сторону, и наконец, крикнув, решился. Вытащил только что написанное письмо и прочитал его Афлетуну.

— Письмо письмом...—глубокомысленно изрек Афлетун. — На первый случай сойдет. Но все это мелочь... блошиный укус. Крупней надо играть, соображаешь? Крупне-ей...

Он впился маленькими осоловевшими глазками в Хасаншу.

— Ты в партию пробовал вступить?

— А кто меня примет? — ухмыльнулся Хасанша.

— Это верно! Значит, надо тебе искать какое-то другое место. Сарьян тебя допчет, будь уверен. Неужели на заводе не найдется другого, более спокойного места? Пораскинь-ка мозгами! Какое нынче время? Война. Значит, контроль за продукцией самый что ни на есть зверский. Контроль на контроле и контролем погоняет. — Он прищурился. — Скажи на милость, чем ты, например, не контрольный мастер? Представляешь — все под твою дудку пляшут? Контрольный мастер действует именем фронта, понял, что это значит?

— Контрольный мастер... — протянул Хасанша, вновь наливая в стаканы самогон. — Звучит вообще-то... Ну, ты голова-а... — с пьяным восхищением протянул Хасанша, влюбленно глядя на Афлетуна. — Ну, прохиндей ты, агай...

— Жизнь учит, племянничек, жизнь..., — польщенный, отозвался Афлетун, хрустя огурцами.

Они сидели до тех пор, пока даже у Афлетуна не стал заплетаться язык. Прилег и Хасанша, но, взбудораженный разговором, долго еще не

мог уснуть. В голове тяжело ворочались мысли. К черту всех! Он еще докажет кое-кому, чего он стоит. И прежде всего — Сарьяну. «Попляшешь ты у меня...» — пробормотал он, показав двери кулак.

С дивана, на который рухнул Афлестун, донесся мощный, с переливами, хрип...

6

Трамвай трясет, стучат на стыках рельсов колеса, вагон бросает из стороны в сторону. Неуютно, зябко.

Люди едут молча, каждый занят собственными мыслями. Здесь главным образом женщины, старики да подростки.

Среди тех, кто трясется в трамвае в этот утренний час, — Мирхалитов и Вишняков. Оба они непроизвольно засмотрелись на мальчишку, который, встав на цыпочки, почти повис на брезентовом ремне-держалке. Мальчишке — лет тринадцать, не больше. Но судя по всему, он работает на железной дороге. Скорее всего, на паровозе: в руке — маленький сундучок, который обычно берут в рейс железнодорожники. На лбу у мальчишки четко видна глубокая морщинка. Да, тринадцатилетний кормилец...

Когда трамвай резко тормознул и все разом подались вперед, Мирхалитов обернулся к Вишнякову:

— О чем вы подумали, когда на мальчишку посмотрели?

— Догадаться не трудно, — после паузы тихо ответил Вишняков. — Ему б сейчас голубей гонять, консервную банку на пустыре пинать. Или пескарей таскать вон на том плесе. — И до-

бавил так же тихо: — На морщинку обрати внимание.

— Обратил... Знаете, что интересно? Этот парнишка уже попадался мне, когда я Валихана на фронт провожал. Брат тоже увидел морщину и вдруг говорит: «Знаешь, Сарьян, а ведь на лбу у Хасанши ни одной морщинки. Прямо не-вспаханная пустошь».

Вишняков усмехнулся.

— Точное сравнение... Да, ты ведь знаешь, он уже в контролеры подался. Ну и хват этот Яныбаев!

— Как это он умудрился? — удивился Сарьян. — Как сумел?

— Сумел просто. Руку поранил, ну и попросился временно, пока не может на станке работать, перевести на контроль.

...Цех жил своей привычной сложной жизнью. Стоял мерный, ритмичный гул, неумоимо ухал пресс-молот в кузнечном, пели станки. Сарьян мимоходом подумал о том, что, откровенно говоря, половину станочного парка надо менять. Но сейчас, в тяжелую годину, эта мысль показалась ему дикой, и он постарался забыть о ней.

А работы с каждым днем прибывало. По цеху безостановочно сновали юркие электрокары, груженные отлитыми заготовками и готовой продукцией.

Сарьян по привычке с ходу окунулся в работу: отдавал необходимые распоряжения, подписывал задания, бежал на зов «зашивающегося» станочника, то и дело бегал в конторку по вызову Рахмаева... А перед глазами стоял мальчик-железнодорожник с суровой складкой на лбу... Недавно и к ним в цех направили группу подростков. Здорово это прибавило хлопот. Он всегда выкраивал время для них. То разъяснял,

как выполнить ту или иную операцию, то давал распоряжения опытным токарям заточить для них побольше резцов. А для одного белокурого коротышки самолично разыскал ящик под ноги, чтобы тот мог дотянуться до рукояток станка. Тут же одну худенькую девчонку в дырявых парусиновых туфлях заставил надеть свои старые подшитые валенки — та даже зарделась от радости...

А подросткам было не легче, чем взрослым. Скорее, даже трудней. Четверо из них уже успели пережить ужас потери, получив похоронки на отцов. Суровы и решительны были их лица... У одного из мальчишек вообще не было родителей — погибли во время эвакуации, при бомбежке. Однажды Сарьян в обеденный перерыв увидел, как несколько мальчишек, собравшись у ящика из-под дизеля, азартно играли в камешки. У Сарьяна перехватило горло...

Вечером стало известно, что сегодня же из литейного цеха начнут поступать заготовки новой продукции, изготовленные по заказу Государственного комитета обороны.

Скоро груз поступил. Вишняков на самом видном месте выставил фанерный плакат. Яркие красные буквы били в глаза:

«Смерть немецким оккупантам!»

И люди подолгу смотрели на него, словно стараясь глубже вникнуть в святой смысл этих трех слов.

Почти целую неделю Сарьян не покидал цеха. Дел было невпроворот, цех осваивал новый вид продукции. А кто считается со временем во время пускового периода или ввода в строй объекта? Директор завода сутками не уходил с территории.

Сарьян от усталости почти валился с ног. Спал урывками где-нибудь в красном уголке. И в такие напряженные дни поддержкой для него были письма. Валихан писал из-под Сталинграда. «Сегодня отбили девять атак фашистов. Держимся, теряем людей, но не сдаемся. Город не сдадим, отступить некуда...»

Приходили весточки от Минсылу. Они как бы вторили письмам Валихана: «Работают на комбинате по полторы смены. А после работы — курсы медсестер... Обязательно постараюсь попасть на фронт».

«Вот ведь, тоже рвется на фронт, — нервно кусал губы Сарьян. — А я?..»

7

Сарьян не спеша ел свой суп. Обычный пшенный суп, жидкий, приправленный ложкой постного масла, в котором плавали поджаренные кусочки лука. Обычная еда в заводской столовке. Ее отпускали по талонам. Но почему-то эта немудреная еда казалась вкусной, казалось, что ее можно есть без конца, только было бы ее побольше. А алюминиевые чашки казались очень мелкими, хотя и наливают в них супа почти по самые края.

Здесь, в заводской столовой, Сарьян на какие-то минуты сбрасывал с себя груз служебных обязанностей. Но это не всегда удавалось сделать. Мастеру и на минуту нельзя отлучиться из цеха. Нельзя потому, что в цеху много новичков. Много женщин, мужа которых еще недавно работали в цеху, а теперь они на фронте, воюют, а на их местах, за теми же станками трудятся их жены. Им нелегко. Но они молча переносят

трудности. Много стариков, пенсионеров, они пришли снова на завод. Слабые здоровьем, с них многого и не спросишь, хотя и приходится спрашивать. Но эти старики служат надежной опорой мастеру. На них можно положиться. Они не подведут. И еще подростки... Многие из них — недавние фэзэушники. В войну их обучали кое-как, времени в обрез, доучиваются ребята и девчата уже на заводе. Вот и приходится Сарьяну быть одновременно в двух лицах сразу: учителем, который старается помочь и научить, и требовательным мастером, командиром производства, отвечающим за план...

Сарьян доел суп, старательно вытерев кусочком черного хлеба оставшиеся крупинки на миске. Рядом сидел крупнотелый Петро Иванченко. Он допивал из пол-литровой банки жиденький чай. Петро уже отвоевался, недавно вернулся в Уфу из госпиталя и сразу же явился на родной завод. Пришел он, припадая на левую ногу, которую чуть ли не волочил за собой. «Не дал отрезать, — сказал он буднично, словно речь шла о чем-то самом простом. — Как врачи ни уговаривали, а я не дал согласия. А потом потихоньку заживать стала, только она вроде бы и не моя. Почти не чувствую ее. Хоть коли, хоть режь». Женщины тихо говорили меж собой, что, мол, Петру повезло, живой вернулся. А сам Иванченко очень сокрушался, что так быстро отвоевался, что не удалось ему даже медали заслужить. В первом же бою подранили, когда отбивали танковую атаку. Под Москвой дело было, на шоссе. Петро на всю жизнь запомнил название небольшого подмосковского поселка Голицыно. И все сокрушался еще о том, что так и не удалось как следует разглядеть столицу. На передовую взяли ночью через Москву, а как ранило,

так опять же ночью вывезли, но он не помнил, но вроде бы через Москву.

— После войны обязательно съезжу в Москву и побываю в том самом Голицыне, — в который раз повторил Петро.

Они вышли из столовой, где было так уютно и вкусно пахло едой. Присели на ступеньку. Сарьян вынул газету, а Иванченко неторопливо курил козью ножку, жадно вдыхая махорочный дым.

В это время через двор к цеху подростки переносили инструмент из центрального склада. Сарьян оторвался от газеты, посмотрел на них. Один ящик на двоих. Работают пареньки деловито, солидно.

— Заноси угол... Перехватывай!

— Давай, давай! Боком, боком разворачивай!..

Подростки невольно привлекли его внимание. Вот первая пара ухватила с боков ящик и несет по направлению к цеху. Но нести неудобно, оттого они и останавливаются через каждые десять-пятнадцать шагов.

Вторая пара трудится по-своему: несет ящик поочередно. Потом ребята сменяют друг друга, ставя груз на землю. Уходит время на передышку.

Третья пара оказалась посообразительней. Подростки тоже меняются местами, но при смене не опускают ящик, а перекадывают друг другу на плечо прямо на ходу. Выигрыш явный: и раньше других успевают к цеху, и для отдыха каждый выкраивает минуту. Сарьян повернулся к Петру:

— Заметил, Петро, третью пару?

— Ну...

— Прямо как в спорте. Передача эстафеты!

— Эстафета... — хмыкнул Петро и повел своими могучими исхудалыми плечами. — Механизировать надо, по сути дела, эту работу, а пацанов доотвала накормить. Вот это было б дело!

— Механизация, это, конечно, правильно. Я не о том, — задумчиво сказал Сарьян, погруженный в свои мысли. Он внезапно заторопился:

— Айда-ка в цех!

В последнее время они почему-то сильнее сблизились с Иванченко. Был этот украинец прямодушен, общителен и неизменно жизнерадостен.

— Значит, так... Вот о чем я подумал, Петро: а нельзя ли и нам, когда передаем друг другу смену, не останавливать станки? Ведь в таком случае...

Он не договорил — навстречу шла Дания. Девушка недавно появилась на заводе. Она трудилась в другом цеху. Но тяжелая работа, казалось, на ней никак не отражалась. И полуголодное питание ей было нипочем. И эта заводская роба, ватник, брюки не могли скрыть ее прелестных достоинств. Дания скромно поздоровалась и пошла своей дорогой. Но таким красноречивым был взгляд девушки, брошенный на Сарьяна, что Иванченко пристально, не скрывая усмешки, посмотрел на него.

— Ты что, узоры на мне увидел? — невольно улыбнулся Сарьян.

— Скорее всего, она увидела. Ишь как стрельнула глазами.

— Да брось ты...

— Ничего девчонка! А ты теряй...

В это время загрохотал работавший на угольном складе экскаватор. Высоко взметнув ковш со сверкающими зубьями, он с шумом высыпал антрацит в металлический кузов самосвала.

— Дания многих с ума свести может... — задумчиво проронил Сарьян.

Он ускорил шаги, словно сболтнул что-то лишнее. «Странная штука получается, — размышлял он. — Пока не познакомился с Данией, частенько забывал о Минсылу, работа всего меня забирала. А как появилась Дания... Чем же она напоминает Минсылу? То ли вот этим милым поворотом головы, то ли легким неслышным шагом? Или... Они ведь совсем непохожи, у этой глаза карие...» Сарьян глубоко вздохнул. «Разбросала нас судьба, Минсылу. Да и писем уже третью неделю нет. А без них мне так трудно жить, если б ты только знала...»

Дорогу к цеху преградили железнодорожные платформы, их трудолюбиво тащил к сборочному цеху чуть смешной, короткий и длиннотрубный паровоз «овечка». Он пронзительно и резко загудел:

— Фи-фи-и!..

Сарьян помахал рукой знакомому усатому машинисту, выглядывавшему из окошка, пропустил состав и молча направился к цеху.

— А все-таки, как тебе Дания? — не ушмался Иванченко.

— Фи-фи-нии!... — вновь заволновался паровоз.

8

Работы в тот день было особенно много. И разговор с Петром возобновился лишь на другой день, во время передачи смены.

Иванченко уже остановил станок и намеревался снять незаконченную деталь. Сарьян положил ладонь ему на плечо.

— Зачем снимаешь резцы? — спросил он.

— А что — пельзя?

Сарьян, не отвечая, снова спросил:

— Так, не закончив деталь, и уйдешь, значит?

— Да что ты пристал? — добродушно отрывулся Петро. — Все же так делают.

Сарьян, словно не расслышав, продолжал:

— А сменщик начнет перестраивать станок?

— Как же иначе? — машинально ответил Петро, протирая ветошью станок.

— А ты завтра в свою очередь снова начнешь его настраивать под свое изделие?

— Да... — окончательно сбитый с толку, подтвердил Иванченко.

Сарьян, внимательно глядя на обескураженного токаря, некоторое время стоял молча.

— Как ты думаешь, сколько времени мы на это теряем хотя бы в сутки?

Иванченко пожал плечами.

— Часа два-три, наверно.

— Два-три часа. — Сарьян покачал головой. — А там война, солдаты не ждут! Если каждый станок в сутки потеряет минимум два часа, то подсчитай-ка, сколько часов получится за месяц, за год?

Иванченко уже понял мысль мастера. Он уже не спешил уходить.

— Подсчитать нетрудно. Да еще порядочно деталей остаются недоделанными.

— Вот-вот! Я и подумал: почему бы не доточить деталь, не оставлять ее на завтра?

— Короче, мою работу должен продолжить сменщик? Так я кумекаю? — спросил в упор Петро.

— Абсолютно так.

— Так-то оно так, да це дило треба разжуваты...

В разговор вступил помалкивавший до этого сменщик Петра. Он уже готовился приступить к работе.

— А деньги как делить?

Сарьян сморщил лоб, соображая.

— Так мы поровну поделим, — пришел ему на помощь сам Иванченко. — Не обидим друг друга.

Сменщик с сомнением покачал головой:

— Лихо у тебя получается. Я по пятому вкалываю, а какой-нибудь салага — по третьему. И — поровну обоим? Дураков ищите?

— По-моему, Петро прав, — оживился Сарьян. — Только его слово «поровну» надо понимать так: «по разряду».

— Ну, знаешь, мастер... Бывает сплошь и рядом, что разряд у обоих один, а у одного скорость, разворотливость лучше. Пока, скажем, Петька три детали даст, я только две успеваю. Тогда что?

— Тут уж о сознательности говорить придется.

Иванченко повернулся к сменщику.

— Не журишь, друг. Не в деньгах счастье. Не хоромы же строить собирасшься. Больше друг другу доверять надо, и все тут. Сегодня я больше сделал, завтра ты. Зато качество сразу вверх прыгнет.

— Вот видите. Обдумать надо хорошенько и с ребятами посоветоваться, — сказал Сарьян. — Не может быть, чтобы не поддержали.

Переговариваясь, они с Петро пошли по токарному участку. Подозвали к себе мастеров, гурьбой пошли к строгальщикам и фрезеровщикам. Одни, махнув рукой, сразу отходили, другие с интересом вслушивались в споры.

Страсти кипели несколько дней. Да, страшно-вато было менять давным-давно установившийся порядок. За одного себя отвечать всегда легче. При новом способе, как считали иные, и сачкануть нетрудно, если у тебя сменщик классный.

Хасанша хмуро прислушивался к разговорам. И не находил себе места от злости. Опять Сарьян выскочил с новой идеей. Будь ты хоть трижды контрольный мастер, но не в твоих силах помешать новшеству. Тут днем с огнем не сыщешь нарушения технологии, а организация труда ОТК не подчинена. Хасанша жадно ловил возражения противников Сарьяна и по мере возможностей поддакивал им:

— Заносится больно Мирхалитов! С какого рожна я буду делить свой заработок с кем-то? Пусть дураков ищет. Я-то бывший токарь, меня не проведешь, — важно разглагольствовал он.

Его поддержал и один из старых фрезеровщиков, скупой, нелюдимый, замкнутый, любивший работать строго «от» и «до»:

— Как же это так? — ворчал он. — Всю жизнь так было: свое — себе. А тут... Рано еще за такое браться.

Словом, затея Сарьяна оказалась тем самым прутиком, которым нечаянно разворошили муравейник. Рабочие шумели, грозились пойти к начальству. К одной из ожесточенно споривших групп как-то подошла Сэскэбикэ.

— Агай, — тронула она за плечо пожилого фрезеровщика, — чего вы испугалпсь?

— Да не в испуге дело, -- рассудительным тоном сказал фрезеровщик. — Как бы промашка не вышла. А выйдет ли, нет ли — бабушка надвое сказала. Вот как прет фашист в Сталинграде, люди на пределе работают, а мы тут раз-

ными экпе... эксле... тьфу! — ну, опытами разными балуемся.

Хасанша, бывший свидетелем этого разговора, напрямик направился к Сарьяну.

— А кто будет за брак отвечать, товарищ мастер? — налетел он на него. — Как узнать, например, кто деталь в брак загнал? С кого спросить?

— Беру этот грех на свою душу, — улыбнулся Сарьян. — На то я и мастер. Будешь высказывать свои претензии нашему брату. А с бракоделами у нас разговор крутой, не беспокойся.

— А мне беспокоиться не о чем, тебе продукцию давать, — не унимался Хасанша.

— Да что ты пристал как банный лист? — искренне удивился Сарьян. — Вот начнем работать по-новому, брака вообще не будет! Взаимный контроль, ответственность друг за друга. А со временем, — не удержался он от соблазна поддеть Хасаншу, — контролеры вообще будут не нужны.

— Во-он какой прицел у тебя! — протянул Хасанша. — Жди, пока рак на горе свистнет. Посмотрим, что еще руководство завода скажет.

— Руководство — тоже люди. И там ошибаться могут, — пожал плечами Сарьян.

О новом методе работы Сарьяна спорили и в заводууправлении. Много было таких, которые не только одобряли, но и хулили его предложение. Теперь все ожидали последнего слова от директора завода.

Однако насчет последнего слова у директора Мостового были свои соображения: в тот момент, когда Сарьян с Хасаншой разговаривали у себя в цеху, и в его мозгу крепло определенное, твердое решение. По-видимому, чтобы еще более укрепитесь в своем решении, он пригласил

к себе главного инженера Шакирова. Вскоре Шакиров с толстой папкой под мышкой был уже у него в кабинете.

— Опять Мирхалитов бучу поднял, а? — с притворно-досадливым видом обратился он к директору. Тот пристально посмотрел на него и по привычке прошелся по кабинету.

— Побольше бы таких, как он. Киснуть он не дает — вот что главное. Ты внимательно изучил его предложение?

— Изучает производственный отдел. Выводы завтра будут готовы. А противников много...

— В любом новом деле есть противники, это диалектика. Я вижу, Идельбай Шакирыч, ты сам лишку осторожничаешь. Понимаю: на тебе, как и на мне, висит программа. Но нельзя же перестраховываться на каждом шагу. С нас же молодые специалисты пример берут. А зажмешь разок у них инициативу — некоторые на всю жизнь крылья опустят. Так что идея Мирхалитова — это не только техническая проблема, это еще и воспитательная акция, дорогой Главный! Словом, готовьте расчеты, последнее слово будет за производственным совещанием.

9

В мирное время для освоения того или иного новшества потребовалось бы длительное время, запланированное графиком, помеченное точными сроками исполнения. Но сейчас шла война, и все казавшиеся незыблемыми расчеты возможностей были опрокинуты самой действительностью. Слишком высокой была ставка в этой беспримерной войне, чтобы можно было бесконечно прикидывать и сомневаться...

С того дня, когда директор завода дал распоряжение тщательно изучить предложение Сарьяна, прошла лишь неделя. А в цехах уже твердо говорили о неоспоримом преимуществе нового порядка в организации работы станков. Даже Вишняков, не очень-то щедрый на похвалу, как-то произнес целую тираду:

— Вот это люди, я вам скажу! Смотрите, какие прекрасные начинания идут от нас! Скорей бы конец этой войне! И Сарьян бы завершил учебу... Какой инженерище из него получится, честное слово!..

Заводские люди в эти дни самым сердцем ощущали, что на фронте идет сейчас величайшее из величайших в истории войн испытание. Потому они, с поразительной ясностью поняв неразрывность побед на фронте и их напряженных, полных лишений будней, с еще большей яростью брались за работу. А о таких людях, как Сарьян, умеющих мастерски организовать производство, заговорил весь завод, несколько раз видели крутившихся возле него корреспондентов. Появилась о нем статья в газете «Красная Башкирия», а через месяц машиностроители смотрели столичную газету «Труд», где с первой страницы улыбался Сарьян Мирхалитов. Сам же он оставался прежним, стеснительным, немногословным.

А вскоре пронесся слух, что его назначают заместителем начальника цеха. На Хасаншу это подействовало так, как действует красная тряпка на быка. Он заметался по заводу, выясняя достоверность слухов. Но когда об этом сказал сам Вишняков, сомнений не оставалось... Он успел сообразить, что глупо показывать свою ревность и жгучую зависть и нашел в себе силы поощрительно улыбнуться:

— А что... большому кораблю -- большое

плаваць! Я всегда знал, что Сарьян своего добьется в жизни. Он и в детстве такой был...

— Какой? — усмехнулся Вишняков, с интересом разглядывая его.

— Настырный.., то есть, упорный, — быстро поправился Хасанша и тут же ретировался: разговор принимал явно нежелательный оборот.

«Вот тебе и Сарьян! Да что это, наваждение какое, что ли? Или судьба так шутики шутит? Скажите на милость, ну, чем берет этот человек? Мордой? Да нет, ерунда. Да и нахальным не назовешь... Так чем же?..»

И тут он, вспомнив Афлетуна, разозлился:

«Накаркал, плешивый дьявол, папел сладких песен: контрольный мастер, контрольный мастер! На кой черт мне эта должность? К Сарьяну теперь и на козе не подъедешь!»

Беспорядочно скакавшие мысли его остановились на Минсылу...

«И она что-то на письмо не реагирует. Не поверила, что ли? Ничего, придумаем что-нибудь. Мы тоже кое-что умеем...»

10

...Сарьян задерживался. Квартирная хозяйка — беспокойная, суетливая старушка — без конца выглядывала на улицу. Нет, не идет квартирант. А перед уходом на работу сказал: «Сегодня пораньше постараюсь вернуться, мать». «Не случилось ли с ним несчастье какое, прости меня, грешную, — волновалась старуха. — Время смутное, лихих людей развелось...»

Хозяйка, встревоженная недобрыми думами, наскоро бросив на плечи шаль, вышла на крыльцо и подслеповатыми глазами оглядела улицу.

На дворе быстро темнело. Кругом было безлюдно, как-то по-особенному пустынно и бесприютно; резко и разноголосно посвистывал запутавшийся в телеграфных проводах ветер; ошалело шумели деревья.

— Будь она неладная!— проворчала старуха, не то ругая непогоду, не то военное лихолетье. Она хотела было зайти в дом, но кто-то из соседнего двора хриплым старческим голосом окликнул ее:

— Что-о, не спится, бабка, все ЕГО ждешь?

— А-а... это ты, сосед? — бросила она, обрадованная разговору. — Как не ждать! Сам посуди: смог бы он так ладно трудиться, если б не я?

— Я понял, понял: ты хочешь сказать, что и мы — крепкий тыл?

— А как же! Многое от нас держится, голубчик! — И она, съезживаясь от холода, скоренько вошла в дом; задумчиво улыбаясь своим мыслям, застыла у окна; затем, глядя на пожухлую ветку тополя, бьющуюся о стекло, спохватилась: — Ой, что я стою? Это ж к приходу Сарьяна так бьется ветка! Надо ставить самовар. Пусть себе шипит-поет, хоть жилым духом в доме запахнет... — И пошла ставить самовар. Но вскоре самовар начал исторгать ноющие, протяжные звуки, похожие на всхлипывание и тихий плач. Старухе опять сделалось не по себе.

— Тьфу ты, пропасть какая! — не выдержала она, все еще нетерпеливо вглядываясь в темноту. — Шайтан, что ли, в него вселился?..

А самовар, после стонов и хрипов, расплавился. Вначале покосилась труба, потом отвалились ручки и кран.

— Астагфирулла! — всплеснула руками хозяйка и бросилась к нему. — Воды забыла на-

лить! Совсем с ума выжила, старая! Вот ведь беда какая!..

Огорчению хозяйки не было предела, но она вовремя сумела переключиться; с шумом наливала в большой эмалированный чайник воды и поставила его на керогаз. Тем временем тихо отворилась дверь дома, и на пороге появился Сарьян — целехонький, усталый и добрый.

— Ай, балакайым! — несказанно обрадовалась старуха его приходу. — А я-то думала, что и сегодня заночуешь на заводе... Ну ладно, раздевайся, умойся, сейчас я тебя накормлю. Конечно, тут у меня не бог весть что есть, но чайком горячим из цветков душицы угощу.

Поблагодарив хозяйку за гостеримность, Сарьян вытащил из сумки гостинцев — полкирпичика черного хлеба и консервы — и положил их на скатерть.

За чаепитием разговор шел больше о заводских делах. Затем они, с любовью, бережно подбирая каждое слово, вспоминали о героических защитниках Сталинграда.

— Хорошо бы, если бы не отдали этот город! — сокрушенно говорила старуха.

— Не отдадут, бабушка. И наш Валихан там. Потому не отдадут, вот увидите! - - Сарьян выпалил горячо, с гордой уверенностью, а потом, переведя дыхание, как бы про себя тихо проговорил: — Ах, если бы и мне удалось вырваться на фронт...

В этот вечер хозяйка дома вдруг почувствовала себя помолодевшей. Она, удостоив Сарьяна за оказанное уважение сердечным спасибо, говорила без умолку, что и Сарьян, и Валихан для нее больше сына, зур рахмат. Дай бог вам всем здоровья! — И от радости заплакала, вытирая кончиком платка глаза.

Глава восьмая

1

В один из весенних дней Минсылу, выйдя из проходной текстильного комбината, услышала гул в небе. Подняла голову. В безоблачной синеве, поблескивая на солнце крыльями, мчалась тройка истребителей. Несколько мгновений, и три точки растворились в дымчатой сизоватой хмари, затянувшей горы. «Может, на фронт?..» — подумала она.

Приподнятое настроение не покидало ее. Сарьян... На днях она открыла газету «Труд» и ахнула тихонько: окруженный рабочими, улыбался Сарьян. Она не поверила своим глазам. Неужели это он? Сердце учащенно забилося. Во рту пересохло. Минсылу, смеряя волнение, прочла по буквам подпись под фотографией. Он! Ее Сарьян! Она держала газету в руках и счастливо улыбалась. И тихо приговаривала: «Здравствуй, мой милый!.. Здравствуй, Сарьян!»

Потом газета переходила из рук в руки. В тот же день от имени цсха, в котором она работала, в Уфу отправили телеграмму: «Поздравляем вашу смену с вступлением на фронтовую вахту, с новым патриотическим начинанием. Обязуемся улучшить работу ночных смен и дать фронту больше продукции. Смерть фашистским оккупантам!»

Подруги сразу же узнали и о том, что Сарьян и Минсылу — больше чем знакомые. И все стали донимать ее расспросами: «Когда вы познакомились?», «Ой, какой он у тебя симпатичный!», «Много в Уфе таких?», «А свадьба-то когда, свадьба?»

— Да ну вас, девчонки, выдумали тоже. Война идет, какая там свадьба! — отмахивалась она, а в душе все ликовало.

«Ох, и радуется, наверно, Сарьян! — думала она. — Еще бы — их почин рассматривался в Центральном Совете профсоюзов и получил поддержку. А это значит, что почин подхватят по всей стране...»

Сегодня Минсылу, выйдя из дома, спешила на медицинские курсы.

Ее нагнала запыхавшаяся почтальонша:

— С ног сбилась, пока тебя разыскала...

— От кого письмо, апай?

— Смотри сама, доченька. На-ка вот, распишись. Заказное письмо, не какое-нибудь.

Почтальонша протянула толстое, слегка помятое письмо.

— Хасанша... — облегченно и в то же время озадаченно подумала девушка и присела на расшатанную скамью. — Любопытно. Вначале Минсылу читала текст с легким недоумением. Но потом... Постойте, да что это? Что это?! Минсылу обессиленно прислонилась спиной к забору и закрыла глаза. Может, очередная неуклюжая штука Хасанши? «Несужели?.. Сарьян был женат?!.» Она еще раз перечитала строчки, касавшиеся Сарьяна. Будто обручем сжало сердце. Она охнула и опустила голову на грудь. Подобно тому, как поднявшийся в половодье лед забивает узкую речную излучину, так и мысли ее смешались, перепутались. Она только одними губами чуть слышно выдохнула:

— За что?!

С каким-то неясным страхом в душе встречала теперь Минсылу каждый новый наступающий день. Правда, она еще сомневалась в достоверности сообщения Хасанши, но все же внутренний покой, который поддерживался верой и надеждой, был разрушен. Она незаметно для себя стала раздражительной, взвинченность сменялась приступами лихорадочной веселости. Подруги, знавшие ее спокойный, даже ласковый нрав, диву давались. Но с расспросами не приставали.

Минсылу несколько раз принималась писать Сарьяну злые, язвительные письма и тут же рвала их. Ну что в них проку, в письмах? Любившая ясность в отношениях, порой даже старавшаяся не замечать задворок жизни ради собственного душевного здоровья, она была потрясена. Умом она понимала, что в жизни может быть всякое, но Сарьян? Ее Сарьян? «Чуть не молилась на тебя, даже в мыслях не произносила ничего имени, кроме твоего... А ты?..»

Учеба на курсах не шла, на работе все валилось из рук. Даже мастер не удержался как-то, заметил:

— Что с тобой творится, Минсылу?

И удивленно развел руками. Это его удивление, наверное, и заставило ее очнуться. «Что это я в самом деле раскисла? Кому поверила? Ты думала, что жизнь — это укатанный большак. Про овраги забыла?»

Как трудно, в конечном счете, произносить правильные, справедливые слова! А между тем подушка вот уже который день не просыхает от слез...

Мать Минсылу ничего не знала о письме Хасанши. Она лишь с тревогой отмечала, как ху-дееет дочь, как раздражается по пустякам ее Минсылу, послушная, покладистая, ласковая. «Отдохнуть бы надо ей как следует. Не спит толком. Да какой уж там отдых в наше время...» У матери были свои заботы.

Минсылу была удивлена, когда встретила мать у проходной. Но та и рта не дала ей раскрыть.

— Дочка, пойдем скорес на вокзал. Там сегодня людей на фронт провожать будут. День от учебы у тебя как раз свободный. Хоть свежим воздухом подышишь, — торопливо заговорила она, — глядя в измученные глаза дочери.

— На фронт? — она задумалась, но ненадолго. — Пойдем, если ты хочешь...

Их обгоняли люди, спешившие на вокзал. А навстречу им то и дело неся тоскливо-призывный клич паровоза.

Для Минсылу война началась еще в сороковом, с похоронки на отца. Будто смерть мимоходом, спеша по своим черным делам, заглянула в окошко и умчалась дальше. Она долго не могла представить успокоившиеся навек трудолюбивые руки отца, не могла поверить, что где-то у линии Маннергейма находится братская могила с суровой и простой солдатской звездочкой на пирамидке...

В июне сорок первого у Минсылу опять похолодело сердце: настал черед Сарьяна. И хотя он все еще работал в тылу, она знала: Сарьян не из тех, кто прячется от призыва. Минсылу понимала, она видела, что война — это невероятные человеческие жертвы. Но может же Са-

рьян быть счастливым исключением, и никто не отнимет у нее права мечтать об этом. У войны не бывает любимчиков, она косит и генералов, и рядовых, но есть ли на свете что-нибудь сильнее надежды? И если даже Сарьян предал их любовь, она, вопреки рассудку, желала ему остаться в живых и найти свое счастье.

Скорее всего... Сарьян уже на фронте. Ведь письмо Хасанши шло очень долго, а Сарьян в последнем письме писал, что теперь-то он добьется отправки на фронт, если еще чуть-чуть нажать на директора завода...

И зачем только почтальонша не потеряла проклятого письма от Хасанши!

Задумавшись, Минсылу не заметила, как они дошли до вокзала. И лишь когда очутилась рядом с взволнованно гудящей разношерстной толпой, изумленно спросила мать:

— А кого мы, мам, провожать собрались? Знакомого твоего?

Мать, не отвечая, поудобнее перехватила сверток и озабоченно стала оглядывать толпу. Оглядевшись и Минсылу. Шумные проводы на войну, слезы на лицах остающихся. Жены, матери, сестры... Кто же из этих мужчин и парней в небитых гимнастерках, старающихся держаться непринужденно и бодро — сам черт им не брат! — вернется назад, в Ташкент, ступит на этот щербатый перрон еще раз? Весело играет гармонист, и щемяще-тоскливо от этой веселой музыки. А он растягивает мехи баяна и чему-то улыбается, этот подвыпивший безусый парень. Где-то в стороне играют на зурне и флейте, бьют звонко в бубен. Толпа живая, колышется. Калейдоскоп лиц. Есть и такие, что грустят в одиночестве. Они

молча покуривают: их проводить некому. Скажем, вот как этот пожилой мужчина. Постоите, что-то уж очень знакомое в его облике. Да это ж Хайри-агай, стекольщик!

Минсылу дернула мать за рукав:

— Мама...

Они подошли к стекольщику.

— И вы, Хайри-агай?

Ах ты, человеческая душа! Порой буря кипит в ней, порой звенит летняя утренняя тишина. Словно и не было старых обид: все житейские будничные дела смысла жестокая необходимость прощания.

— Да, вот так, значит. Еду, стало быть... — бессвязно сказал стекольщик, не отрывая глаз от матери Минсылу. Военная форма сидела на нем ладно. В этот миг раздалась резкая, как хлопок камчи, команда. Толпа хлынула к вагонам, слышались женский плач, беспорядочные выкрики.

— Ждем с победой!

— Обязательно возвращайтесь!

— Пиши ради бога, Люда! Каждый день!

— Сына береги!..

Мать, как оказалось, принесла Хайри-агаю на дорогу целый сверток домашних лепешек. И, несмотря на его нерешительные протесты, она уложила их, еще теплых, в его тощий вещевой мешок. Минсылу признательно посмотрела на суетившуюся мать... И когда прозвенел на перроне старый, позеленевший от времени колокол, Магира торопливо протянула Хайри-агаю маленький, красиво вышитый носовой платочек:

— Возьми! И привези его назад.

Товарищи помогли ему взобраться в вагон.

— До свиданья, Магира!..

Минсылу взволнованно махала рукой и думала, что гудок паровоза сегодня особенно печален и тягуч... Состав двинулся с места, с грохотом и лязгом ударились друг о друга круглые буфера, медленно набирая скорость, поплыли вагоны, а за ними, редущая с каждым шагом, толпа провожающих. А над вокзалом томительно и печально, надрывая сердца, плакал гудок.

Минсылу напряженно всматривалась в удаляющийся состав. Кажется, все еще виден белый платочек... Она, внезапно обняв мать, расплакалась.

Почему так тяжелы расставанья? Или, может, потому, что несут в себе неизбежный привкус утрат?..

Глава девятая

1

Рахмаев в тот вечер дольше обычного сидел с главным инженером в его кабинете.

— Тяжко на душе, Идельбай Шакирыч, — вздохнул Рахмаев и сокрушенно покачал головой. — За день три печальных вести на цех. Не слишком ли?

— Что такое? — тот поднял голову от бумаг, которые подписывал.

— У одного сын пропал без вести. У другой муж погиб... Крановщика Аралбаева помните?

— Как же... как же... как не помнить Аралбаева! Такого жизнерадостного и веселого человека я, кажется, не встречал. Это его жена крановщица Мархаба? Это он — отец Сэскэбики?

— Верно. Он, — утвердительно кивнул головой начальник цеха. — А Мархаба-то... Везет се-

годня на кране поковки, ей машут руками — сюда, мол, майнай сюда... А она ничего не видит. Пришлось домой отправить. И это не все. У одной работницы дочка была на фронте. Так вот, ее сегодня привезли в госпиталь. Обеих рук нет... Когда же все это кончится? — вдруг со жгучей тоской произнес он и нервно закурил. Только потом заговорил о том, с чем пришел к главному.

— Как о Мирхалитове решать будем? Вопрос о его назначении решен?

— В принципе да, но не до конца. Есть еще одна кандидатура — кандидатура Яныбаева. Он вполне соответствует этой должности. И снабженческие дела хорошо знает, и систему технического контроля, бывший станочник.

Рахмаев едва не выронил изо рта трубку:

— Вы... вы серьезно?

— Вполне.

— Да неужели вы не знаете, что это за человек? Корову для того покупают, чтобы молочка и маслица отведать. А Яныбаева — это ж... бубенчик на коровьей шее. Рабочие ж смеются над ним. Нахватался по верхам, вот и пыжится. Завистлив, карьерист. Неужели вы этого не видите, Идельбай Шакирыч?

— Мирхалитов хороший мастер, спору нет. Но горяч...

— Значит, и дело горячо потащит...

Шакиров вызвал секретаря.

— Вишнякова ко мне.

Через несколько минут, опираясь на трость, вошел парторг.

— Присаживайся, комиссар. Тут насчет кандидатуры заместителя Хафиза Ибатуллича поговорить надо.

— А тут нечего и говорить, — твердо сказал Вишняков.

— Кого ты имеешь в виду?

— Конечно, Мирхалитова!

— Есть мнение поставить Яныбаева...

— Несерьезно это, — не повышая голоса, сказал Вишняков. — Мирхалитов и Яныбаев — это небо и земля. Яныбаев — безынициативен, к делу относится без души, технически подкован намного слабее, чем Мирхалитов. А главное — авторитет его равен нулю.

Главный поднялся.

— Договорились, — выдохнул он. — Приказ будет завтра. Но за Мирхалитова вы ответственные оба. Это, как вы понимаете, пост не маленький...

2

— Ну, высокого тебе полета, парень! — Вишняков, сияя, обнял Сарьяна.

— Чтоб поменьше с тобой ругались, — пожелал Рахмаев и изо всех сил стиснул ему ладонь. — Двигай, сынок!

— Не дрейфь, Сарьян, потянешь!

Сарьяна окружили рабочие, посыпались шумные поздравления. Даже качнули несколько раз — такой уж был здесь обычай. Но этой чести удостоивались далеко не все. И тем радостнее было сознавать это Сарьяну.

Он вдруг встретился глазами с Хасаншой. В них была такая неприкрытая неприязнь, граничащая со злобой, что он только вздохнул. Ну да ладно, не из одних Яныбаевых состоит мир. Может, поговорим когда-нибудь по душам. Нельзя жить на свете с камнем, все время оттягивающим карман...

В цехе издавна укоренились свои, неписанные порядки и обычаи. В один из дней весь цех, возбужденно переговариваясь, повалил в красный уголок. Когда Мирхалитов занял свое место рядом с парторгом за столом, покрытым кумачевой скатертью, зал выжидающе притих. Особенностью таких собраний было то, что в президиуме занимали места наиболее уважаемые люди — старейшины цеха, как дед Крайнов, Рахмаев, Мархаба-апай Аралбаева, пользующиеся абсолютным доверием рабочих. А смысл всей этой церемонии сводился к откровенному разговору и добрым пожеланиям тому, кому доверялось руководство коллективом.

Аралбаева за последние дни как-то сразу постарела. В густых темных волосах появились седые пряди. А от слез потускнели глаза. Но женщина старалась пересилить свою боль. Горе не только у нее одной. В цеху не она первая получила похоронку.

Мархаба-апай поднялась, поправила черный платок и сказала просто:

— Начали, товарищи!

И в красном уголке сразу установилась деловая обстановка.

Первое слово предоставили Сэскэбике. Та как-то тоже повзрослела за эти дни.

— Пусть мои слова не ложатся облаком на твое сердце, — произнесла она, сдвинув светлые брови. — Но мы, Сарьян, видим, что черная кошка пробежала между тобой и Хасаншой...

— Что-то ты кругами ходишь, доченька, — сурово сказала мать. — Колышет тебя, что болотный камыш под ветром...

— Ну, я прошу... Нет, не прошу, а требую от Сарьяна и Хасанши, чтобы они поладили между собой.

— Вот это, понимаю, конкретно! — Мархаба-апай повернулась к Сарьяну. — А что ты на это скажешь, Мирхалитов?

— Что я скажу? — Сарьян грузно встал, внимательно оглядел собравшихся и подчеркнуто строгим тоном ответил: — Серьезность этого вопроса неоспорима, Мархаба-апай. Вечная натянутость отношений здорово мешает в работе, не дает сосредоточиться на главном... Я, конечно, со своей стороны постараюсь уладить дела, если Хасанша... — Он кивнул в сторону Хасанши.

Тот, низко опустив кудрявую голову, сидел у дверей. Услышав свое имя, встрепенулся, но не ответил; сделав невинный вид, вытаращил глаза, выпятил нижнюю губу и, во все стороны повертев голову, что-то невнятно пробормотал. Глядя на него, все разом заволновались, заговорили между собой, и ничего в этом гомоне нельзя было разобрать. Но тут из-за стола поднялась высокая, сухопарая фигура начальника цеха.

— Вот что, Яныбаев! — Он рукой указал на Хасаншу. — Твою мимику здесь не все понимают. Отвечай по существу: что ты думаешь? Что намерен делать?

Хасанша привстал со скамейки и, состроив улыбку, похожую на гримасу, непонимающе приподнял плечи. Оттого его голова, казалось, глубже ушла в грудь.

— Я-то что... Разве я... — Как испорченный приемник, с хрипотцой проговорил он. — Разве я... Да чего там поладить! Если я что-то делаю, то только по закону, — контроль! А время, сами знаете, какое! Зачем личные обиды...

И сел, не отводя глаз с Рахмаева. В красном уголке повисла какая-то давящая тишина. В этой тиши все отчетливо слышали тяжелый вздох Рахмаева.

— М-да-а... — протянул он сквозь зубы. — Душу-то все-таки не открыл Яныбаев, прикрылся военным положением... — Он, недовольный поведением Хасанши, покачал головой.

— Ну, я... разве я против установления дружеских отношений с Сарьяном, Хафиз Ибатуллин! — снова, как ошпаренный, вскочил Хасанша. Но Рахмаев ответом его не удостоил, повернулся к Аралбаевой и, понизив голос, вежливо сказал:

— Продолжай, Мархаба!

— Да, продолжаем, товарищи! — Мархаба-апай, сделав небольшую паузу, подошла к Сарьяну. — Скажи, пожалуйста, у всех ли рабочих ты бывал дома, когда бригадирствовал?

— У всех, Мархаба-апай.

— А потом — ставши мастером?

— Всех обойти не смог, — честно признался Сарьян, чувствуя, как наливаются жаром щеки и шея.

— Плохо это, большое упущение с твоей стороны. А смог бы! Ведь в душе ты не безразличный к людским судьбам человек... — И Аралбаева перевела свой взгляд с Сарьяна на деда Крайнова. — Вижу, вы что-то хотите сказать, Тимофей Матвеевич?

— Да, да, угадала, Мархаба, — встрепенулся дед Крайнов. — У меня тоже есть словцо, скорее всего, вопрос к Сарьяну Исангуловичу.

— Я вас слушаю, дед! — Сарьян, внимательный и приветливый, выжидающе посмотрел на старого большевика.

— Я бы хотел спросить, как там, в деревне, поживает мать? Чем ты ей помогаешь? — И Крайнов, с сияющим лицом выслушав Сарьяна, воскликнул: — Молодец! Это — по-нашему, по-большевистски! Сердечное спасибо тебе за то,

что не забываешь о матери. — Он, кашлянув несколько раз, костлявую руку положил Сарьяну на плечо. — Мой совет тебе, Исангулыч: вот так же чутко относись к женщинам и подросткам, работающим у нас в цехе. Погляди, может кто недоедает, а может, как Мархаба сказала, к кому домой сходить, посидеть, поговорить надо. Может, кому уголька подбросить или еще что-то. Словом, будь востр на этот счет, детка...

Да, разговор состоялся необычный и жаркий. Высказался почти каждый. Сарьян, как говорится, то краснел, то бледнел, но на каждый вопрос старался давать ясные ответы. Он понимал, что перед этой аудиторией темнить нечего — здесь друг о друге знают почти все. Кто-то выкрикнул: «А почему не женишься?», вызвав этим веселый хохот в зале.

Из цеха выходили группами. «Опять в механическом кого-то выдвинули», — сказал кто-то из встречных.

Сарьян шел с группой рабочих к проходной и, как вестник будущих удач, встретила ему у заводоуправления Дания. Она на мгновение задержалась, сверкнула белозубой улыбкой.

— Сарьян, поздравляю! — И, махнув рукой, побежала дальше.

Он не заметил, как добрался до маленького деревянного домика на берегу Агидели. Какой уж тут сон. Сарьян уселся на замшелое бревно возле дома, вспоминая свои первые в жизни, в большой жизни, самостоятельные шаги, яркие события последних лет. Нет, жизнь шла навстречу ему — щедрая, яркая, строгая, и он был безмерно благодарен ей...

Время текло незаметно — сумерки сменились какой-то мягкой, ласкающей не по-осеннему ночью. Звезды были яркие, крупные, как яблоки.

А позже, покачиваясь, неторопливо выплыла луна — полная, жизнерадостная...

Вот уж сколько времени он не видел Минсылу, но постоянно чувствовал ее рядом — казалось, ее горячее дыхание касается его щек, шевелит прядь волос, выплеснувшуюся из-под фуражки. Он сам до конца еще не сознавал, что произвольно сверяет все свои поступки, все свои мысли и дела с ее мыслями и словами — словно они виделись каждый день и делились новостями, большими и малыми...

Из-за речного поворота показались огни. Раздвигая шугу, тяжело шлепая лопастями, вверх по течению поднимался пароход. От него бежали волны, на них плясали лунные блики.

Шел последний в этом году пароход.

3

Каждый новый день на заводе обычно начинался с обсуждения вестей с фронта. Никто не задавал друг другу привычных вопросов о житействе. В это холодное ноябрьское утро люди бросились друг к другу, крича вместо приветствия: «Поздравляю!»

Несказанная радость охватила всех, когда вечером чуть срывающимся голосом диктор сообщил об успешных наступательных действиях на Донском и Юго-Западном фронтах, а утром вдобавок разнеслась ошеломляющая весть: перешли в наступление и войска Сталинградского фронта...

Сталинград... Город-богатырь с истерзанной снарядами и бомбами грудью, разрушенный и сожженный, **НО НЕПОБЕЖДЕННЫЙ**. И поэтому ты — бессмертен; священные твои руины; не-

утолима жажда мести, которой горят те, кто отстоял тебя в кровавых боях...

Прошло несколько дней. Люди узнали о пленении громадной группировки врага. Наголову разбит хваленый фельдмаршал Паулюс и взят в плен, отброшена группировка Манштейна. И эти ненавистные вражеские имена звучали в те дни музыкой победы...

Торжественный голос Левитана отдавался в каждом сердце:

— Приказ Верховного Главнокомандующего войскам Донского фронта...

В то утро Сарьян с флагом в руке взобрался на высокую крышу механического цеха. А из ворот цеха как раз в это время выбежал, припадая на одну ногу, Иванченко и крикнул во все горло:

— С тебя причитается, Сарьян! Письмо из Ташкента!

Сарьян даже вздрогнул от радости.

— Повтори-и!

— Из Ташкента письмо, говорю!..

— Спасибо, Петро! Я сейчас, только флаг закреплю!

Иванченко исчез, а вместо него появился начальник цеха, а к нему навстречу шел директор завода.

— Доброе утро, Ибатуллич!

Не отрывая глаз от крошечной фигурки Сарьяна, тот ответил:

— Спасибо на добром слове. Оно действительно, доброе!

— Решили поднять повыше!

— А как же! Я думаю, по всей стране сотни тысяч флагов вот так вывешивают. Весь красный материал перевели, наверно... — он улыбнулся. — А Мирхалитов-старший-то в Сталинграде как раз, слышали? Вот младший, — он пока-

зал пальцем на Сарьяна, — и салютует Валихану... Я много повидал в жизни, Степан Федорович, но, знаете, такой, прямо мальчишеской, радости еще не испытывал, честное партийное! Это ж разнести в пух такую военную машину! Какая же силища у нашего народа, подумать только!

— А мне обидно, Хафиз Ибатуллин, что не довелось в этом участвовать. Я ж кадровый офицер, военный инженер. — Директор вздохнул. — Да, как дела идут у Мирхалитова? Тянет?

— А как же! — с гордостью ответил Рахмаев. — Разве я плохого рекомендовать стал бы? Парень далеко должен пойти. Как-то мы разговорились с ним, до полуночи у него чай гоняли. В корень смотрит парень, Степан Федорович! Говорит, у меня сейчас в подчинении столько людей, а понять их очень нелегко. Порой иного человека считаешь близким, а на самом деле ты вовсе не знаешь его. Он в самый неожиданный момент выказывает свое истинное лицо... Видите ли, ошибаться не рекомендуется — с живыми душами дело имеешь. Так-то оно! С металлом работать куда легче, хотя и с ним бывает разное: перегрел и сунул в холодную воду — лопнет, недодержал — слишком мягкий, в дело не годится.

— Верно понимает задачу Мирхалитов! — улыбнулся директор.

...Сарьян не слышал, о чем говорили руководители. Они вскоре, крепко пожав друг другу руки, разошлись. А мыслями Сарьяна завладела Минсылу. «О чем пишет она? Почему так долго не отвечала?..»

Сарьян был очень взволнован. В эту минуту перед его глазами промелькнули давно минувшие дни. Он в детстве любил залезать на верхушки берез. Заберется и кричит:

— Минсылу-у! Где я-а-а!..

Наверху бывало и страшновато, и приятно от того, что одним взглядом можно окинуть весь аул...

Сарьян, взбудораженный разными думами, спустился вниз, пошел разыскивать Петра. На душе и радость, и тревога. Он выхватил из рук Иванченко конверт и тут же дрожащими руками разорвал его. Белым голубем выскользнул из него листок бумаги. Он подхватил его на лету... «Сарьян, ты, оказывается, женился. Поздравляю от души!»

Не поверил своим глазам. Перечел. Недоуменно протянул письмо Иванченко.

— Что это за шутки, Петро?!

— Какие еще шутки? — Петро хотел рассердиться, но, увидев растерянное лицо друга, взял письмо.

— Да... За такие шутки мордой об забор мало... Кто это мог сделать?

Но Сарьян, махнув рукой, уже выбежал из цеха.

В последующие дни Сарьян в тысячный раз, наверно, лез в карман и тщательно перечитывал письмо, искал в нем какой-то скрытый от него смысл. Что бы это означало? Минсылу не из тех девчат, которые способны на такие шуточки. А может, это повод, чтобы... чтобы отвязаться от него? Нет, нет! Минсылу сказала бы ему об этом прямо в глаза.

Обычно, когда он отвечал на ее письма, слова стекали с кончика пера сами собой. А сейчас... Вот уже битых два часа он ходит по комнатушке в мучительных раздумьях. Потом пересилил себя и быстро начеркал:

«Минсылу!

Странное письмо я от тебя получил. И это после такого долгого молчания. Что произошло

с тобой, любимая? Кто тебе наплел такую чушь? Поскорее напиши мне. Знай одно: я не умею делить свое сердце, оно — не яблоко.

Твой *Сарьян*».

Время, увлекая своими бесконечными надеждами, все текло и текло, но ответного письма не было. Тут Сарьян извелся вконец, не зная, что и подумать.

Изводило его и другое... Он несколько раз тайком от начальства ходил в военкомат, но получал один и тот же ответ: «Надо будет — вызовем. А пока вы нужны на заводе». После Сталинградской битвы его с еще большей силой потянуло на фронт. Порой ему попадались на глаза только что выписавшиеся из госпиталя фронтовики. Одни из них были со страшными перчатками-протезами на месте кистей рук, другие — одноногие — неумело передвигались на костылях. И в их глазах Сарьян как бы видел немой укор...

4

Все-таки успела Минсылу к ночному поезду на Уфу. Паровоз уже был прицеплен к составу и, попыхивая паром, ждал сигнала отправления. Закомпостировав вне очереди билет, запыхавшаяся Минсылу подбежала к дежурному и на всякий случай спросила у него:

— На Уфу — этот состав?

— Да, да. Садитесь, скоро отправляем!

Глубокая, тихая ночь. Безветренная, безлунная. Снег шел беззвучно, большими мягкими хлопьями, как в счастливом сне детства. Минсылу постояла у вагона. Хотелось подышать све-

жим воздухом перед тем, как зайти в душный вагон...

Наконец, скрежеща всеми своими промерзшими суставами, поезд тронулся. Минсылу забила в уголок купе...

Сюда, в Ишимбай, она попала неожиданно для себя, по срочной телеграмме тяжелобольного дяди Садрислам-агай, старшего брата отца. Садрислам-агай был старейшим нефтяником, одним из тех, кто начинал бурить здесь. Получив весть о гибели любимых сыновей, невероятно страдал. Тяжело перенес кончину жены. Но он крепился, работал, учил молодежь раскрывать тайны глубинных пластов земли.

И вот пришел его последний час... Он, чувствуя близость смерти, сильно затосковал по родственникам, пожелал увидеть и любимую племянницу Минсылу. Так полетела одна из телеграмм в Ташкент.

В комбинате просьбу Минсылу уважили, и она спешно выехала в родную Башкирию. Но, к несчастью, с живым дядей свидеться ей не пришлось. Его уже похоронили. И Минсылу решила заехать в Уфу. Впрочем, нечего таиться перед самой собой: уехать, не повидав Сарьяна, она просто не могла.

Поезд, останавливаясь на каждом полустанке, шел на север. Вагон раскачивало из стороны в сторону. Проплывали разъезды с тусклыми огоньками фонарей. Протяжная черная мгла за окном порой расчерчивалась трассирующими огнями искр, вылетающих вместе с дымом из паровой трубы. Пассажиры уже спали, лишь молодая женщина в теплом платке баюкала грудного ребенка.

Минсылу долго стояла у окна. С ней попытался заговорить сосед, симпатичный сержант, но

она отвечала холодно, и он, вздохнув, ушел курить в тамбур. Постояв еще немного, Минсылу села на свое место и не заметила, как уснула.

Проснулась она от грохота. Взглянула в окно — поезд шел по мосту.

— Где мы? — спросила она у сержанта.

— Как — где? — удивился тот. — Уфа!

Ну, конечно! Вот она, водонапорная башня на горе, россыпи домишек, взбирающихся вверх по откосу.

Минсылу, схватив чемодан, заспешила к выходу...

5

В проходной завода старый вислоусый вахтер внимательно выслушал ее, потом пригласил в отдельную комнату, предложил табурет и только после этого потянулся к телефону.

— Ну, коль спешишь, попробуем разыскать твоего друга, — пробасил он. — Если найдем, конечно...

Резко екнуло в груди. «А ведь могут не найти... Может, он куда уехал? Что тогда? Господи, лишь бы был на месте!»

— Коммутатор? Соедините-ка с механическим цехом. Але-е! Кто это? А-а, здрасте, это с проходной, Савельич. Мне бы вашего замначальника. Да, позарез он нужен.

Минсылу поднялась:

— Извините, отец... Я ведь просила мастера Мирхалитова. Мастера, понимаете?

Вахтер, прикрыв ладонью трубку, шепнул:

— Он уже заместителем работает, голубушка!

И весело подмигнул ей, заметив в ее глазах радостную растерянность.

— Что-что? Нет, в проходной его нынче не было. Может, в ночной работал? Да-да, поищика, милочка. Ждут его здесь.

Минсылу бросало то в жар, то в холод. Вот когда она поверила в то, что минуты могут растягиваться в часы... Звонок! Вахтер неторопливо снял трубку с рычага.

— Да, проходная. Это ты, Мирхалитов? Тут гостя к тебе. Передаю трубку.

Минсылу с сильно бьющимся сердцем взяла из рук вахтера трубку. А в мембране бился голос. Такой близкий, такой памятный:

— Слушаю... Алло!.. Кто это? С кем я говорю? Почему молчите!..

— Это я... — с трудом вымолвила Минсылу, голос ее задрожал.

— Кто, кто? Не слышу.

— Это я, — чуть слышно произнесла Минсылу. И спешно, уже громче, повторила: — Это я, Сарьян!

Некоторое время трубка молчала. Только слышалось одно дыхание человека.

— Ты!.. — у Сарьяна сорвался голос. — Ты, Минсылу? Или я с ума схожу? Отвечай?!

— Я, я... — едва сдерживая слезы, выдавила она.

— Бегу! Бегу, я мигом!..

Он обнимал ее прямо у проходной, на глазах у вахтера, у озабоченно спешивших прохожих, прямо перед окнами заводоуправления. И долго не мог оторвать губ от ее лица, от ее волос, выбившихся из-под платка. Казалось, они до сих пор хранили тот неповторимый луговой запах, который долго преследовал его после разлуки.

Она смущенно высвободилась из его рук.

— Какими судьбами! Насовсем, что ли? Или?.. — наконец нашелся Сарьян.

Минсылу словно не слышала его, никак не могла отвести от любимого свой взгляд. «Нет, нет, он меня не мог обмануть, он не нарушил обещания...»

— Ну, чего ты молчишь?

Минсылу с грустью рассказала о том, как очутилась в родных краях, и добавила:

— Ты, оказывается, начальником здесь стал. Поздравляю!

— Да... как раз в те самые дни, когда ты меня поздравила... — он прямо смотрел ей в глаза. — Скажи мне, Минсылу, что за дикое письмо ты мне прислала?

— Я получила письмо, что ты...

— Ясно.

— А знаешь, кто написал?

— Я уже начал догадываться. Хасанша, конечно.

— Да...

— И ты... ты поверила?

— Не знаю, что на меня нашло...

Сарьян, сокрушенно покачав головой, взял ее руку.

— Что же мы тут стоим? Поехали к нам!

Минсылу помрачнела и, выйдя на улицу, упавшим голосом сказала:

— Я ж не успею, Сарьян. Ровно через два часа поезд идет в Кинель...

Огорчению Сарьяна, казалось, не было предела.

— Два часа... Два часа, — одно и то же повторял он. — Через два часа... Не уезжай, Минсылу. Я готов прямо силой тебя задержать, ведь два года не виделись.

— Не могу, милый, надо ехать.

— Ты играешь мной, да? Ну, удержишься хоть на день-два. Нельзя же так.

— Это невозможно, Сарьян.

— Нет, возможно! Ты понимаешь? Мы должны быть вместе...

Минсылу не знала, что ответить, мучительно думала: «Как это можно? Что скажут на комбинате, в госпитале?.. Время-то какое... Медсестра Гуля Королева, увидев смерть командира, повела бойцов в атаку, сама погибла в огне... А я — свадьбу играть?..»

Она покачала головой.

— Повременим, Сарьян... Идет война, кровь, страдания вокруг...

Сарьян шагал медленно, опустив голову, как бы стараясь вникнуть в смысл только что сказанных ею слов.

— А кто сказал, что война исключает любовь? Жизнь-то продолжается...

— Не могу...

— Ты не любишь меня. — Сарьян печальными глазами смотрел на ее измученные, чуть припухшие и от этого казавшиеся еще более красивыми глаза. — Так не любят... Снова письма, недоразумения, ожидания? Ведь мы достаточно проверили себя, Минсылу!

— Пусть кончится война, Сарьян. Я ведь не из тех, кто может поддаться мимолетному чувству, поверь. Не осуждай меня, пойми. Наша клятва остается в силе...

До железнодорожного вокзала шли молча. Лишь в транзитном зале Минсылу сказала:

— Давай-ка посидим перед дорогой.

И они, разыскав свободное место возле большого окна, присели на массивный деревянный диван. Вскоре по радио объявили, что кинельский поезд подан на первый путь. Все враз зашевелилось, забурило, загрохотало, люди двинулись к выходу.

— Это мой поезд! — сказала Минсылу. — Пора.

Они встали у вагона. Он взял ее лицо в свои большие огрубевшие ладони и долго всматривался в чуть осунувшиеся нежные черты, словно стараясь навсегда запомнить их.

Минсылу так же неотрывно глядела на него. И пришло к ним ощущение утраты. Откуда оно взялось, они не могли сказать.

— Как я не хочу уезжать! — вырвалось у девушки, и она, прильнув к широкой груди Сарьяна, зарыдала.

— Ну, будет тебе...

— Эх, Сарьян... — терзалась она, всхлипывая. — Что-то неладное чует сердце. Мне кажется, не увижу я тебя больше...

— Что за глупости! — У Сарьяна сжалось сердце.

Раздался гудок паровоза. Фонтан белого пара метнулся в серое небо.

— Пиши, Сарьян!..

— Помни обо всем!..

Глава десятая

1

Поезд медленно уходит. Вот он уже скрылся за поворотом, исчез последний вагон, лишь шлейф черного дыма долго висел над путями. И все... словно ничего и не было. Но в ушах, в сердце звучал ее родной и до боли знакомый голос. И в глаза смотрели ее глаза. И щеки, губы помнили ее поцелуи...

Перрон опустел. Ветер кружил и гнал по асфальту обрывки газет, какие-то бумажки...

Сарьян, опустив голову, побрел через вокзальную площадь. Все, что произошло за эти короткие два часа, казалось ему сном. Сладким сном. Но ладони хранили живое тепло ее щек, прикосновение ресниц.

Кто-то окликнул его. Он нехотя оглянулся.

— А, Дания... Здравствуй.

Она торопливо подошла к нему.

— Добрый день, Сарьян!

Надо было о чем-то говорить. Сарьян машинально спросил:

— Куда спешишь?

— На завод, куда ж еще! — Дания преданно заглянула ему в глаза.

— Странный у тебя маршрут. На завод через вокзал. Или провожала кого-нибудь?

— Да, провожала, — Дания кивнула головой. Они некоторое время шли молча. Каждый думал о своем.

— А ты тоже провожал? — спросила она, но пальцы ее рук нервно теребили кончик пухового платка. Облизнув губы острым кончиком языка, Дания тихо выдохнула: — Кто эта девушка? Твоя сестра?

— Невеста, — ответил он.

— Невеста? — переспросила Дания и сникла. Но Сарьян, занятый своими мыслями, ничего не заметил. Он не обратил внимания ни на тон, ни на поведение девушки. Сарьян еще жил сладким сном, который так внезапно начался и быстро оборвался.

Дания, оглушенная его словами, молчала. «Невеста... Да нет, не может быть! А может, правда? Но я ни разу не видела его с какой-нибудь девушкой». И тут же с чисто женской непоследовательностью решила про себя, что Сарьян в эти минуты разыгрывает из себя верного жениха,

а сам, как и все парни, наверно, не прочь и по-развлечься. Только не здесь, а подальше, от знакомых глаз и от заводских сослуживцев. Ее охватило раздражение, а скорее всего ревность.

Был и в ее жизни красавец парень. Но как уехал на Дальний Восток, так и пропал. Ни слуху ни духу. А ведь клялся, говорил: «Не забудь! Не оставь без ответа мои письма!»

Шагая рядом с Сарьяном, Дания будто вновь услышала клятвенные слова того красавца парня, которые оказались обманом. А обман она не переносила. Со свойственной юности категоричностью она раз и навсегда решила, что никакой любви вообще на свете не существует, что все мужчины скроены на один лад, и стала резко отвергать все многочисленные знаки внимания со стороны даже интересных и серьезных парней. Так продолжалось до тех пор, пока она не увидела Сарьяна. И со сладким ужасом начала чувствовать, что он не безразличен ей...

Она тайно ревновала его к каждой женщине, которой он улыбался, с которой заговаривал. Но ей все не верилось, что он чист и безгрешен. Ей все казалось, что у Сарьяна есть обожательницы, с которыми он тайно крутит любовь. Женщин, молодых и красивых, на заводе много, больше, чем мужчин. Стыдно сознаться, но Дания даже провожала его дважды до дому, прячась за деревьями. Она убедилась, что у Сарьяна никого не было. А он... он смотрел на нее как на девочку, которая еще ничего не смыслит в жизни. И вот теперь... невеста! У Сарьяна невеста!..

Дания шла рядом. Она тоже ничего не видела. На глаза наворачивались слезы.

— Она у тебя красивая, Сарьян.

Он скользнул взглядом по ее вспыхнувшему лицу. И ответил:

— Кто-то из восточных мудрецов говорил: «Родинка на щеке любимой дорожке мне всех богатств Востока». Или примерно так. А она еще и большая умница, Дания. Потому-то и дорожке всех.

Дания этого не могла пережить. Слезы сами заскользили по щекам. Она чуть слышно выдохнула:

— Мне налево!

Дания, не попрощавшись, ушла. Сарьян тотчас же забыл о ней. Ему почему-то вспомнились слова Валихана, воюющего сейчас где-то в районе Харькова: «Война, брат, не прогулка. Убьют — и останется она у тебя одна, а то и с ребенком. Нет, я не хочу сказать, что обязательно должен погибнуть, но тут уж кому какая карта выпадет...»

Может быть, он был прав?..

Однако успокоения эта мысль не принесла.

2

Едва Сарьян появился в цеху, как ему сообщили интересную новость: приходил секретарь горкома партии Раянов и подробно расспрашивал о новом порядке сдачи и приема смен без остановки станков.

Хафиз Ибатуллоевич был донельзя доволен:

— Очень уж тебя Раянов хотел повидать, побеседовать, — он похлопал Сарьяна по спине. — Ты понимаешь, что это значит, если этим делом интересуются партийные органы? Вот увидишь, по всей стране пойдет!

— Ну уж, сразу по всей стране!

— А как же ты думал! Это не шутка — такая экономия!

В этот день Сарьяну удалось вырваться с за-

вода пораньше. Он зашел в техническую библиотеку, подобрал нужную литературу по металлвоведению и отправился домой. Но заниматься не хотелось. Он просто не мог. Сарьян смотрел в книгу, а строчки расплывались. Вместо формул и чертежей видел ее глаза, ее улыбку. Он отложил книгу. Сбросив рубаху, обнаженный по пояс, переколол хозяйке дрова, принес воды. Ему захотелось как-то отметить этот день — день горько-счастливой встречи. Сбегал в магазин, купил бутылку портвейна, и они со старушкой закатали пир. Она долго отнекивалась: «Юк, улым, ярамай, гонах!»¹ А потом, махнув рукой, храбро выпила две рюмки...

Поздно ночью он писал письмо Минсылу:

«...Не знаю, что ждет меня завтра, послезавтра. Если бы не война, я бы знал точно. Но я счастлив одним: у меня есть ты. И если действительно бывают на свете однолюбы, то это, наверно, я...

И я полон ожидания. Очень хочу вырваться на фронт, воевать, не щадя себя, чтобы остаться живым тем, кто будет помнить о нас. И остаться живым самому...

Будь спокойна, будь весела, родная, мне так нужны твои улыбки, твои руки, твои письма...»

Сарьян писал, а где-то внизу, у берегов Агидели, непрерывно проходили поезда. Тревожа его сердце, разноголосо гудели паровозы, звали Сарьяна в дальний путь...

3

Хасанша после отъезда Минсылу явно избегал Сарьяна. Но встречи избежать в любом случае не удалось бы: в одном же цехе работают.

¹ «Нет, сынок, нельзя, грех!»

Встретились они ранним утром. Сарьян обходил станочников. Хасанша был занят странным делом: водил по решетке ограждения станка куском стержня и задумчиво приговаривал:

— Любит, не любит, плюнет, поцелует, к сердцу прижмет, к черту пошлет. К черту!..

— Ты что это? — удивился Сарьян. — Делать нечего, контрольный мастер?

— Молодые годы вспомнил, — буркнул Хасанша, не прерывая своего занятия. — Любит, не любит...

— Не смейся людей, — сказал Сарьян и тут же добавил: — И на кого гадаешь?

Хасанша швырнул металлический стержень в ящик с болтами, но не ответил. А Сарьян пожал плечами и отправился по своим делам.

Сарьян даже не рассердился толком за то подметное письмо Хасанши к Минсылу. Ее приезд поставил все на место. А к мелким гадостям Яныбаева он уже привык, как привыкают на рыбалке к комарам.

На другой день ему опять попался на глаза Хасанша. Улыбающийся, прямо сама благожелательность в штанах...

— Как дела, Хасанша?

— Нормально. — Хасанша закурил и искоса взглянул на него. Улыбнулся. — Да и у нее, видать, все нормально?

— У кого?

— У Минсылу, конечно!

— Тебе-то откуда известно?

— Видел, как вы обнимались. Как раз из заводоуправления выходил.

— А подойти не посмел, что ли?

— Третий лишний, как говорят. Да и с делами закурился. Думал, попозже увидимся.

— Ну да, конечно, чует кошка, чье сало съела. Знаешь, Яныбаев, врезал бы я тебе от всей души по витрине, да уголовный кодекс не позволяет. Да и вообще... Будь это года два назад, это б тебе с рук не сошло.

И, круто повернувшись, ушел.

— Постой, Сарьян!

— Что тебе?

— Если сможешь — прости. Это я со зла. На Минсылу у меня никаких видов нет, не подумай. Сколько мы можем вот так собачиться? И сам в красном уголке говорил, что нам надо уладить дела... Давай забудем. Земляки же, односельчане...

Сарьян, все еще живя ожиданием того, что Хасанша со временем исправится, помедлив, пожал протянутую руку. Но собой остался недоуленным...

С тех пор Хасанша зачастил к нему. «Как дела?», «Как жизнь, ипташ начальник?» Порой у него бывал загадочный вид, словно он собирался сообщить Сарьяну нечто важное, но, словно испугавшись собственного намерения, умолкал на полуслове. И все же однажды он, войдя к нему, решительно закрыл скрипучую дверь конторки. Сарьян, чертыхаясь, искал в ящике стола какую-то бумагу. Он поднял на вошедшего глаза и выпрямился.

— Случилось что? Странный ты какой-то...

— Да вот... мысль одна мучает.

— Выкладывай в таком случае!

— За тем и пришел.

— Садись, слушаю.

— Выкладывать-то особенно нечего. Ты ведь мою жизнь знаешь от корки до корки. Словом,

в партию хочу вступить. Я к тебе первому пришел, как к другу детства. Если бы ты рекомендацию...

Сарьян откинулся на спинку стула. Если бы сейчас на него обрушилась крыша конторки, он бы удивился меньше.

— В партию?! Ну и наха-ал же ты, брат! — с искренним изумлением протянул он.

— Я не шучу! — вспыхнул Хасанша. — И давай-ка... без насмешек.

— Хорошо. Будем начистоту. Ты говоришь, что это — серьезно. Ты сначала в себе разберись, Хасанша, не маленький же ты, в конце концов! Неужели ты не понимаешь, что не из-за одной лишь истории с Сайдой ты стал «популярным». Ты хоть у одного из ребят спроси мнение о себе. Не морщься, кроме нас тут никого нет. Ты как... как отбившийся от стада бычок. Ни в грош не ставишь чужое мнение. А в партию, знаешь ли, не так вступают. Это тебе не кружок любителей...

— Что ж поделывать, характер у меня такой.

— Характер?! — Сарьян сузил глаза. — И даже сейчас ты не можешь без того, чтобы не вилять... Ты не представляешь себе до конца, честно перед самим собой, что это — стать коммунистом? Фу-ты, ну зачем я тебе это все говорю? Дикий какой-то разговор. Неужели ты не понимаешь, что ты попросту чуждый партии человек?

Хасанша не выдержал, опустил глаза. А Сарьян, чуть поостыв, добавил:

— Вот что я посоветую, Хасанша: разберись-ка вначале в себе. Взгляни на себя со стороны, а потом поговорим.

А утром следующего дня Сарьяна отправили в командировку в город Белорецк. Он там много увидел, побывал в мартеновском цехе, присутствовал на выплавке стали, — там, где когда-то работал его дед, и с интересом наблюдал рождение крепчайшей брони.

А рождалась она в огненной печи, где варились вместе с многими компонентами. Жидкая сталь бурлила, клокотала, гудела — глазам было больно смотреть. К концу же плавки на поверхности стали всплыл шлак. И только теперь, как ему поясняли, и начиналась долгая жизнь стали — в сложных машинах, в оборудовании, в оружейи. А шлак шел в отвал...

Сарьян, увлеченно следя за процессом плавки, обратил внимание на одну аналогию. Есть тут что-то схожее и с людьми. Часто бывает так: до поры до времени варишься в одном человеческом котле и не всегда знаешь, кто есть кто. А в минуты испытаний явственно определяется нравственная сущность человека. Тут сразу все встает на свои места: сталь есть сталь, а шлак есть шлак...

Иногда Хасанша напоминал вот этот клубящийся на поверхности шлак. И здорово напоминал.

По приезде он начал было рассказывать Вишнякову о беседе с Яныбаевым. Тот вежливо прервал его.

— Что я тебе скажу, Сарьян: семь раз отмерь, один раз отрежь. Ты же с уставом знаком.

Сарьян понял его совет как напоминание ему самому, Сарьяну, об уставе. В самом деле, там все предельно лаконично и ясно сказано, требо-

вания его тверды и недвусмысленны. Он усмехнулся и пошел разыскивать Хасаншу.

— Пойдем-ка, решим все окончательно с рекомендацией.

Хасанша охотно согласился. И не бездумно. Ведь он за время нахождения Сарьяна в командировке сложа руки не сидел, успел несколько раз потолковать с Афлетуном и утвердился в своем решении окончательно. И, наверно, поэтому держался с Сарьяном вполне независимо.

— Ты был прав, безусловно, — говорил Хасанша. — Я крепко помозговал над твоими словами и теперь многое понимаю по-другому. Словом, думаю, что как-то где-то мне уже удастся изменить характер в лучшую сторону. Но если где еще не так, прости...

Сарьян досадливо пожимал плечами. «Черт его знает! Вчера у него — одно на уме, сегодня — другое. А как будет выглядеть завтра? Ладно, скажем, я прощу его, а если отчебучит что, простит ли меня партия? Нет, Сарьян, слишком мягкосердечным нельзя быть. Такие, как Хасанша, очень умело пользуются этим. Надо всегда наготове кулаки держать... Да, как у него с семьей? Спроси, и он откроется.» И он спросил вслух:

— А как у тебя с семьей?

Расчет Сарьяна оказался верным. Тут уже как не верти, нужен разговор начистоту. И было видно, что Хасанша с трудом сдерживается от резкого слова. Развод до сих пор не оформил. Ребенку не помогает. Несколько молодых женщин, из эвакуированных, уже приходили на завод, жаловались, плакали, мол, обещал жениться...

Хасанша поспешно перевел разговор на другую тему.

— Что, ты на мою бронь намекаешь? — грубо спросил Хасанша и тут же, наткнувшись на насмешливый, всепонимающий взгляд Сарьяна, приумолк... «Стоп, не поднимай пыль, — одернул он себя. — Ширяев прав: «Не прыгай, когда не надо. Осторожно, обходителен будь, умело и тонко подольсти ему. И рекомендация у тебя в кармане...» А сейчас зачем ты насчет брони? Зря, зря...» — И улыбнувшись, превратив все сказанное в шутку, ткнул пальцем в лежавшую на столе бумагу.

— Может, напишешь все же?

Сарьян не торопясь вытащил из кармана партбилет, перелистал его.

— Вот что, Хасанша. Я пока воздержусь от дачи тебе рекомендации.

Хасанша рывком вскочил с места и, потеряв самообладание, выкрикнул:

— Боишься?

— Бояться? Не то слово... Я тебя слишком хорошо знаю, Хасанша.

— Раз знаешь... что тебе стоит? — Хасанша шел напролом.

— Это много стоит... Вернемся к этому разговору через год.

— Как через год?! Значит, ты мне не доверяешь? Сколько можно проверять?

— Сколько, говоришь? Человек всю жизнь поднимается по крутым ступеням испытаний, можешь ты это понять? Ну, а насчет тебя... Жизнь сама покажет, когда ты сможешь уверенно стать в ряды коммунистов. — Сарьян встал. — Да, тебя испытывают окружающие, меня — партия. А для того, чтобы дать рекомендацию, у меня самого еще не хватает стажа.

Хасанша, не дослушав, опустил голову и пошел к выходу...

...Навстречу эшелону, как бы желая его остановить, рвался тугой, влажный ветер. Обжигал щеки, раздвигал сомкнутые губы. Пахнул он терпким угольным дымом, подтаявшим снегом.

Сарьян, высунувшись в приоткрытую дверь теплушки, смотрел на запад. Но ранняя весенняя ночь была темна, и эта темнота окутала, казалось, все вокруг. Только где-то очень далеко мерцали алые сполохи огней.

— Эй, друг, прикрой-ка двери! Весна весной, а до костей пробирает, — раздался чей-то простуженный, с хрипотцой, голос.

Сарьян, словно бы очнувшись, с грохотом задвинул тяжелую дверь, сел на скамью возле раскаленной буржуйки, трещавшей смоляными дровами в середине вагона.

Да, весна в этом году выдалась затяжная, слякотная. Только чуть потеплеет, как неведомо откуда надвинутся свинцовые тучи и обрушат на землю снежные заряды. Настоящий буран бушевал на улицах Уфы в течение недели. Потом как-то сразу потеплело. Вода выступила поверх льда, на дорогах засверкали мелкие, воробью по колено, лужицы. И снова, в который уж раз, неожиданно ночью ударил мороз, стылая земля гулко звенела под ногами. Зима не хотела уступить весне...

И чем-то напоминало это весеннее противоборство грозные дни военного лихолетья.

Каким-то шестым чувством Сарьян ждал этой весной значительных перемен. И они произошли. И на работе. Новый порядок передачи смен без остановки станочного парка распространился на крупные заводы страны. И в лич-

ной жизни. Письма Минсылу были полны светлой нежности.

И вдруг, как обвал, тяжелое потрясение. Письмо с черной каймой. Валихана больше нет. Убит!.. «Погиб геройской смертью...» Не хотелось верить этой черной бумаге. Но потом пришло письмо от его фронтовых товарищей. Погиб в атаке. Война ворвалась и в их семью. И нервы Сарьяна не выдержали. Сначала был бой в кабинете у директора завода, у грозного Мостового.

— Сарьян, я тебя понимаю...

— Если понимаете — подписывайте заявление.

— У нас не хватает специалистов, Сарьян. Нужно уметь пересилить себя, такое сейчас время.

— Подпишите заявление, Степан Федорович!

— Я не имею права оголять завод! Мы выпускаем оборонную продукцию...

— У вас в столе лежит пять моих заявлений! Отпустите лучше, Степан Федорович, а то...

— А то что?

— Сам убегу на фронт.

Молчание. Степан Федорович вертит в руках карандаш.

— Хорошо. Пусть это решает партком.

...Вагон мерно покачивается на стыках. Одни красноармейцы спали, другие, прижавшись спинами к стенкам вагона, думали о своем. Кто может знать, о чем думает солдат, едучи на войну? А дорога длинна...

Перед глазами Сарьяна чередой прошли события последних дней. Услышав, что его сверстник перед отправкой на фронт собирается захватить домой, Хасанша со свертком прибежал к нему:

— Передай, пожалуйста, это Сайде. Подарок небольшой.

— А примет она его?

— Скажи, для Анвара. — Хасанша старался не встречаться с ним взглядом, и трудно было понять, что сейчас творится в его душе.

...И опять знакомая дорога. Со станции Сарьян пошел пешком. Свернул с большака. Посидел у камня, погладил его шершавые холодные бока. Где-то под снегом притаился и тот немудреный полевой цветок. Жив ли он? Выжил ли?

Вдалеке светлым силуэтом маячили знакомые горы. А неподалеку отсюда, в лесу на березе есть вырезанные его ножом две буквы и знак плюс: «С+М»... Минсылу он написал, она его поймет. Он не мог поступить иначе.

А вокруг лежала родная и знакомая земля. Кое-где на солнце оттаял снег. Пробивалась первая травка.

По дороге на Кайынлыкул Сарьян догнал односельчан. У каждого за спиной объемистая поклажа. По письмам он знал, что они теперь вот так, на себе, за пятьдесят верст носят с элеватора семенное зерно: машины, лошади — все было отдано фронту. Мужчин на селе почти не осталось. И тяжело было видеть эти согнутые под тяжестью заплечных мешков спины...

А сколько выпало на долю матерей? Все хозяйство на их попечении. Рубка леса, весенняя и осенняя пахота, целыми днями в руках поводья и косы. Вот идут они цепочкой, по колено утопая в грязи. Женщины, девушки, подростки. Видно, что измотались окончательно, слышится их тяжелое дыхание. Сарьяну на миг показалось, что вот так же, со стоном, вздыхает сама земля.

Шедшую впереди процессии он не узнал, голова этого пешего каравана уже втягивалась

в деревню. А замыкающая... Она шагала тяжело, с остановками, с трудом вытягивая ноги из хлюпающей цепкой грязи. У Сарьяна дрогнуло сердце.

— Мама!

— Сарьян! — мать, ухватившись за его локоть, с трудом выпрямила согнутую спину. — Дал бог свидеться. А сейчас... — и, не договорив, заплакала.

— Мам! — Сарьян, сняв с нее мешок, погладил ее волосы, выбившиеся из-под платка. — Не надо, не плачь!..

Мать, внезапно перестав плакать, посмотрела ему в глаза.

— И тебя? Ты... попрощаться приехал? Сыночек!

И, все поняв по хмурому молчанию сына, сказала тихим твердым голосом:

— Иди, сын!

Сарьяну надолго запомнилась и встреча с Сайдой. Она встретила его на крыльце, посуровевшая, похудевшая. Трудно было узнать в этой женщине прежнюю смешливую, подвижную девушку. И только глаза были те же. Когда Сарьян вошел в избу, на столе дымился чугунок с картошкой. Маленький Анвар, присмирив, с любопытством поглядывал на гостя. И потом, стесняясь чужого дядю, придвинулся ближе к столу и прошептал, заглядывая матери в лицо:

— Мама, можно? Я одну картошку возьму?

— Возьми, возьми, сынок, — ответила Сайда и усадила его за столом поудобнее. — Ты ж у меня самый главный помощник. И носки-варежки помогаешь мне вязать для фронтовиков. И домашнее хозяйство на наших с тобой плечах, сегодня ты меня первым встретил с элеватора. Вот мы с тобой какие!

Хасанша в разговоре пока не был упомянут ни разу. Лишь когда взяла подарок, Сайда обронила:

— Вспомнил наконец о сыне. Что он хоть поделявает?

— Живет... Один по-прежнему, — осторожно ответил Сарьян. Сайда больше о нем не расспрашивала. Они вышли во двор. Уже смеркалось. В воздухе стоял тот особый, ни с чем не сравнимый будоражащий запах просыпающейся от зимнего сна земли. Вдруг на дальнем конце деревни послышался звук гармонии. Они переглянулись.

— Молодость берет свое, Сарьян, — улыбнулась Сайда. — Земля еще не просохла, а они уже готовы до утра петь...

Сайда была уже иной. Ее не тянули к себе, как раньше в юности, шумные веселья. Сарьян видел, что она знала и о гибели Валихана. Но знала ли она, что тот ее беззаветно любил? Сказать ей об этом Сарьян не решился. Да и нужно ли было ей говорить именно сейчас?

Стремглав пронеслась последняя ночь в родной деревне. Сарьян, встав на рассвете, попрощался с матерью и заторопился в путь. Вначале он шагал медленно, нет-нет да и оборачиваясь, чтобы еще раз увидеть родительский дом. Наконец резко прибавил шаг, и за холмом скрылись избы аула.

Солдата ждала впереди дорога — полная боев, тревог, скупых радостей и утрат.

Вот так судьба и разбросала в разные стороны четверых сверстников. И кто знает, соберутся ли они вновь?

...Тах!-тах!-тах!..

Все вздрогнули от оглушительного лая зениток. Красноармейцы кинулись к двери. В темном

небе, схлестываясь друг с другом, метались белые лучи прожекторов.

— Прихватили!

— Где, где?

— А вон... в перекрестье!

— Ага! Ишь, вертится, сволочь, как вошь на гребешке!

— Слепи его, ребята!

Сарьян жадно смотрел, как в далеком черном небе рвутся снаряды.

— А, черт! Упреждай! Выноси прицел!.. — возбужденно кричал какой-то знаток. В эту минуту самолет дрогнул, ярко вспыхнув как бенгальский елочный огонь, прочертил огненную дугу в темном небе и камнем полетел вниз...

— Накрылся! — радостно заорал кто-то.

«Так вас! — сжав кулаки, думал Сарьян. — За смерть брата, за глубокие морщины на лбу подростка. За слова Анвара, который робко просил разрешения съесть картошину...»

В темноте вспыхивал венчик искр над трубой паровоза. После разъезда, круто свернув на запад, состав помчался еще быстрее. Впереди, где-то за смутно очерченной линией горизонта, полыхало зловещее зарево войны...

Часть вторая

ВИХРИ ВОЙНЫ

Глава одиннадцатая

1

Шел 1944 год. Ревущие огненные вихри войны, бушующие на огромных просторах земли, неудержимым валом катились на запад, к границам Германии. Кровопролитные схватки не прекращались ни на земле, ни в воздухе. Советские воины неудержимо шли вперед, и перед ними оказывались бессильными новые мощные фашистские танки «тигры» и «пантеры», и бронированные железобетонные укрепления, и широкие водные рубежи. Все преодолевали советские солдаты. Дымили кострами недавно грозные «тигры» и «пантеры», в руины превращались мощные укрепленные пояса, падали вражеские самолеты на истерзанную землю...

По разбитым дорогам, понуриив головы, шли бесконечные колонны пленных. Тысячи, десятки тысяч. Шли, тяжело волоча ноги в разбитых сапогах, в тех самых, которые совсем недавно топтали чужие земли.

Войска Второго Украинского фронта, форси-

ровав Прут, своим правым флангом захлестнули Восточные Карпаты. Здесь проходила заранее подготовленная, сильно укрепленная линия обороны врага. Гитлеровцы, кроме сооруженных ими бесчисленных железобетонных укреплений, оседлали все мало-мальски доступные горные дороги, речные долины и ущелья, перевалы, превратив их в непроходимые, напичканные боевой техникой и людьми, оборонительные рубежи. Начались тяжелые затяжные бои. Темп наступления сбавился. Но не остановился. Ничто уже не могло сдержать наступательный порыв советских войск. Они, неся потери, продвигались вперед. Продвигался с тяжелыми боями и полк, в котором воевал рядовой Сарьян Мирхалитов.

...Теплый летний вечер. Сумерки упали на землю сразу. Саперы стрелкового полка, лежавшие в наспех отрытых окопах первой линии, готовились к выходу на задание. Готовились, как всегда, основательно. Такой уж был у них порядок. У саперов мелочей нет. И нужно уметь свести до минимума любую возможность непредвиденного. Задача, в общем-то, была привычной — сделать проходы в минных полях немцев. И бойцы спокойно делали свое дело, думали, как о неизбежном, — что иные из них, возможно, не вернутся назад в окопы. Это было ясно как божий день, потому что лежавшая перед ними деревня со всех сторон была окольцована рядами окопов, разведчики обнаружили и несколько дзотов. Кроме того, немцы, догадавшись о причине временного затишья, сумели вновь заминировать уже сделанные кое-где проходы в своих минных полях. Вчера ночью не вернулись в расположение полка несколько саперов, которые должны были уничтожить дзот, прикрывавший дерсвню с севера.

Быстро темнело. Штурмовая группа была наготове. По первому сигналу саперов: «Есть проход!» — она просочится на ту сторону. За бруствером со стоном взорвалась мина. Потом вторая. Немцы вели минометный огонь. Сарьян, стряхнув с плеч комья земли, нагибаясь, пошел по ходу сообщения к командиру саперного отделения.

— Переждать немного надо, — сказал Сарьян, усаживаясь на корточки, оперевшись спиной о теплую стенку окопа.

Сержант Александр Хижняк не торопился с ответом. Предложение Мирхалитова совпадало с его мыслями. Он задумчиво посмотрел на Сарьяна, сдвинул на затылок помятую каску:

— Ты так считаешь?

— Сам посмотри. Они ждут удара отсюда, считают, что мы пойдем в атаку. Вот обстреливают, не дают высунуться из окопа.

Хижняк посмотрел на трофейные часы со светящимися в темноте стрелками:

— Нам приказано к полночи закончить проходы.

— Через час будет совсем темно. Я пойду первым.

— Хорошо.

Сарьян уже давно перестал кланяться каждому снаряду и не обращал внимания на свист пул. памятуя о том, что пулю, предназначенную для тебя, ты попросту не успеешь услышать. Словом, понюхал пороху. Но он все же никак не мог преодолеть в себе волнения, которое охватывает его перед каждым наступлением. Не сосчитать, сколько он сделал минных проходов. Казалось бы, что ему давно пора бы привыкнуть к опасностям и своей суровой службе. Сапер всегда идет первым. Но сердце его уча-

щесно билось в груди, особенно в минуты перел выходом «на работу».

Когда Сарьяна призвали в армию, сформированные в Башкирии части уже готовились к отправке. Среди них был и саперный батальон, в составе его Сарьян и прибыл на одну из станций, расположенную вблизи фронта.

Ночь была беспокойной. Близость передовой чувствовалась по глухим перекатам артиллерийской канонады, по раненым, в одиночку и группами бредущим к санбатам.

Встретивший их капитан Железнов внимательно приглядывался к новичкам. Те, в свою очередь, к нему. Солдатская «аттестация» капитана была вполне нормальной: боевой офицер, требователен, но, по всему виду, справедлив, зря не наорет. И главное, у него за плечами сталинградское сражение. При внешней суровости капитана бойцы разглядели в нем что-то располагающее — то ли в манере говорить, то ли в суровой доверительности, с которой он рассказывал о сложной, опасной профессии сапера.

Он почему-то сразу выделил Сарьяна.

— Ко мне в роту пойдешь?

Сарьян, не раздумывая, согласился. Капитан ему понравился.

— Тяжело придется, я поблажек не даю.

— А я их и не жду. Война.

Ответ понравился Железнову. Та Сарьян попал в отделение Александра Хижняка.

Хижняк — черноусый украинец, крепко сколочен, подвижен. Глаза постоянно прищурены. Как-то, пробираясь по траншее, Сарьян задел его плечом и успел ощутить его жесткое твердое плечо. Подумал: как железо. Сам не из слабеньких, Сарьян всегда завидовал вот таким, будто

свитым из стальных жил ребятам. Как-то они разговорились с Хижняком.

— Значит, из рабочих? Дело, нам как раз такие и нужны. — Хижняк усмехнулся. — Командир четвертой роты вчера шум поднял. Кричит: Железнов из пополнения всех квалифицированных новичков умыкнул. Правильно — не зевай... В моем отделении минеры-взрывники. Фронт есть фронт, тут, брат, все надо уметь делать, при случае пригодится. Как говорится, смежные специальности иметь не вредно. Словом, работа. И не из легких. Сам посуди: во время отступления мы, саперы, позади всех: рвем мосты-переправы, дороги минуем. А при наступлении кто впереди? Опять же мы. Мосты наводим, минные поля ковыряем, укрепления рвем... Не горюй, научим. Ты кем на заводе работал-то?

— Сначала токарем. А на фронт уходил замначальником механического цеха.

— Ого! Да ты просто клад, Мирхалитов. Проредили нас здесь здорово, досталось ребятам... Вас еще, хлопцы, натаскивать да натаскивать надо.

Надолго запомнилась Сарьяну эта Черная Калитва. Здесь, неподалеку от Россоси, на берегу реки провел он около двух месяцев. И хотя боев как таковых не было, у Мирхалитова было такое ощущение, что он уже воюет. Молодые саперы учились наведению переправ в немыслимо короткие сроки и их подрыву. Бесконечные, до изнеможения, ползания по-пластунски, постановка тяжелых противотанковых мин, скрупулезное изучение немецких мин и всевозможных взрывчатых устройств с хитроумными секретами и ловушками...

В саперном ремесле бывает только одна ошибка — последняя. И только тогда Сарьян на-

чал понимать суть незамысловатой фронтовой песенки:

...Там, где пехота не пройдет,
Пройдут отважные саперы.

— Главное в нашем деле — внимательность. Держи уши топориком, а нервы в кулаке, — втолковывал Хижняк. — И учти, что на работе ты не один, а еще и сосед рядом с тобой на минном поле возится. Скажем, драпает немец. А ты головы не моги терять! Потому как земля, что свекольное поле, минами начинена. А немцы на хитрые штучки мастаки, с ними шутить не приходится. Ты, сапер, должен быть хитрее и умнее мин, ты соображать должен, чтобы обмануть эту железную тварь. А безмозглый сапер и на винтовочном патроне подорваться может запросто...

Все это вспомнилось Сарьяну, когда он делился своими соображениями с Хижняком накануне вылазки в немецкую линию обороны.

— Пошли, Мирхалитов, — сказал, потушив окурок, сержант. — Пора.

2

На следующий день, вернее, на рассвете, после уничтожения одного вражеского дзота, немцы открыли остервенелый артиллерийский огонь. Командир полка мгновенно использовал канонаду: посадил на броню штурмовые группы и отделение саперов и двинул на правый фланг танковую группу, чтобы с ходу взять высоту и вклиниться в немецкую оборону.

Отделение Хижняка облепило «тридцатьчетверку». Но едва они вырвались на дорогу, как раздался скрипучий, изматывающий душу звук.

Ударили шестиствольные вражеские минометы. Кольцо взрывов быстро сжималось вокруг наступающих, несколько мин взметнули рыжую землю едва ли не у самых гусениц.

Саперы посыпались с танка и помчались вперед. И тут очень кстати ударила наша полковая артиллерия. После четырех залпов шестистволки перестали выть.

К тому времени саперы, раскидав завал из деревьев, обезвредили мины и, не задерживаясь, двинулись дальше. Но снова затор: метров через двести вновь обнаружился завал. Вдобавок, отсечный огонь автоматчиков. Пришлось вжаться в землю. Трех тяжелораненых под сильным огнем удалось оттащить в укрытие. Чумазый механик-водитель с головного танка, приоткрыв люк, крикнул Хижняку:

— Отходи назад, ребята. Осади трохи. Мы их из пушки...

Танкисты двумя снарядами разметали большой завал, а саперы, извлекая оставшиеся мины, снова двинулись по лесной дороге. Так восемь завалов подряд пришлось им преодолеть, и только тогда, ближе к вершине, увидели среди поредших деревьев зигзагом проходившую линию обороны. Наши танки всей своей мощью навалились на боевые порядки.

«Скорей, скорей!» — мысленно повторял Сарьян, стараясь не отстать от танков. Он задыхался от бега, пот застилал глаза. Но он думал лишь об одном: скорее на высоту, захватить ее, разгромить врага. Но удастся ли? Не бросятся ли фашисты в контратаку, вводя свежие силы в бой? Что у них на уме? Что скрыто от глаз? Где резервы, и где, в конце концов, возможное направление контрудара? Должно быть, контрудары не могут не учитываться командирами.

Не потому ли и капитан Железнов, со своей стороны, распорядился наготове держать противотанковые мины и неотступно вести их на подводах следом за наступающими.

Да, Сарьян уже по опыту знал, что немецкое командование для достижения своей цели ни перед чем не гнушалось. Были случаи, когда эсэсовцы огнем загорали пути отхода своим союзникам — румынам, в упор расстреливали мадьяр-хортийцев, и под дулом автоматов погнали их в контратаку.

Что предпримет оно сегодня? Сумеют ли наши танкисты предотвратить возможные беды?..

Сарьян до боли сжимал кулаки, когда наши танки, маневрируя между раскидисторастущими вековыми дубами, вынуждены то и дело подставлять свои бока противнику. И вот как бы подтверждая опасения Сарьяна, откуда-то слева неожиданно ударили противотанковые орудия врага. Головной наш танк загорелся. Но второй тяжелый КВ, круто повернувшись влево и на ходу стреляя, тут же разнес пушку противника; раздавил второе орудие и сам завертелся на месте, теряя перебитую снарядом гусеницу...

Вслед за танками на высоту ворвались наши штурмовые группы. Отчаянно отстреливаясь, гитлеровцы покатались вниз.

Высота наша. Даже не верилось, что так, с ходу ее захватили. Солдаты, не теряя времени, укрепляли ее. На подводе привезли противотанковые мины. Капитан Железнов торопил своих подчиненных:

— Минируйте подходы! Фрицы в атаку сейчас ползут!

Хижняк, а за ним и остальные минеры, не теряли времени даром, хотя каждый еще и не отдышался, не передохнул и минутки. Откуда

только брались у них силы. Сарьян, чувствуя спиной, как прилипает к телу повлажневшая гимнастерка, привычно орудовал тренированными руками, натыкая мины в землю среди мелких кустарников. Рядом орудовал ефрейтор Ковалев и Котэ Абашидзе, который, как всегда, чему-то улыбался.

— Фашист он, — хуже зверя, и родную мать живьем разорвет... — Хижняк выругался и, тут же повысив голос, командовал: — Поживей, поживей, ребята! Рубеж-то выгодный, немцы его обязательно вернуть попытаются... Ну, я ж говорил! По места-ам!..

Хижняк, повернув назад, живо спрыгнув в оставленный немцами окоп, передернул затвор автомата. За ним последовали и остальные.

— Сарьян! Мирхалитов, не рискуй зря. Занимай оборону!

В низине, поросшей старыми дубами и мелким кустарником, показались темные силуэты танков, а следом — тучи пехотинцев...

— Давай... ближе, ближе, боги дети... Сейчас вам будет Бахчисарайский фонтан!..—спокойно говорил Хижняк, располагаясь поудобнее.

— Огня не открывать! — командовал Железнов. — Пускай сначала танки на минах попляшут!..

«Да, теперь посерьезнее будет..» — про себя сказал Сарьян, оглядываясь на своих, с тихой тревогой отмечая, что подмога еще не подошла. Защищать высоту предстоит своими силами. Одним словом, штурмовой группе и минерам.

Впереди, непрерывно ведя огонь, тяжело двигались две «пантеры». На бортах уже отчетливо были видны кресты, обведенные белой краской. «Новенькие, — подумал Сарьян. — Давай, давай, не сворачивай. — Сарьян покосился

на соседа минера Котэ Абашидзе. — Гостинцы приготовлены...» Горячий, неунывающий грузин с какой-то безмятежностью смотрел на приближающиеся танки, рука его то расстегивала, то застегивала пуговицу нагрудного кармана гимнастерки. А чуть побелевшие от напряженного ожидания губы все так же улыбались.

Высота молчала. Казалось, на ней нет никого, казалось, она опустела. Только доносится снизу, с низины, шум моторов, треск ломающихся кустов и голоса немцев...

Передняя грузная машина двигалась как раз к тому месту, где Сарьян, вырвавшись далеко вперед, заложил тяжелую мину. Мирхалитов, забыв обо всем, смотрел на приближающуюся стальную громадину.

— Иди, иди сюда, — беззвучно шептал Сарьян, словно давая указания водителю.

— Встанут, генацвале¹, подожди...

Прошло несколько томительно длинных минут.

— Гамарджоба!² — торжествуя, заорал Котэ и ударил кулаком по прикладу автомата.

Обе «пантеры», одновременно наткнувшись на мины, окутались дымом. И когда опали огненно-грязные зонты взрывов, стало видно, что у обеих разбиты гусеницы. Черный дым медленно окутывал их. Но остальные танки, изрыгая на ходу из стволов всплески огня, неукротимо двигались к высоте.

— Огонь! Огонь! — скомандовал капитан, и окопы враз ожили. Сарьян чувствовал, как быстро нагревается от стрельбы его автомат. Но он все стрелял и стрелял. Гитлеровцы падали. Но

¹ Дорогой.

² Здравствуй!

другие продолжали двигаться вперед. Двигались и танки.

— Не пройдешь, гад! — выкрикнул Абашидзе. Стремительно перевалившись через бруствер окопа и держа в руках бутылки с горючей смесью, ящерицей заскользил к танкам. Бросок — и первый танк занялся огнем. Но вторую бутылку метнуть не успел. Пулеметная очередь отшвырнула его назад, и он опрокинулся на спину. Было видно, как пули рвали его уже мертвое тело...

— А-й, Котэ! — Хижняк обими руками схватился за каску, словно хотел сорвать ее. Между тем распахнулся башенный люк горящего танка, показалась охваченная огнем фигура орущего танкиста. Сарьян успел повести стволом, и фигура повисла на башне.

— Вот тебе, за Котэ...

— Наелся, мать твою... — выругался Хижняк и вдруг схватил Сарьяна за руку:

— Обходят! Слева! Шесть штук! Ну, теперь ягодки пошли... Отсекай пехоту, ребята!.. Отсекай!..

Ефрейтор Ковалев, выплюнув давно потухший окурок, приник к ручному пулемету. А Сарьян, держа в руках мину, нагнувшись и петляя меж деревьев, бросился к ближайшему тяжелому танку.

— Минеры, за мной!.. Под гусеницы!..

Мирхалитов удачно проскочил в «мертвую» зону, где его уже не мог достать пулемет. На миг ощутил запах горелого масла, торопливо сунул под надвигающуюся гусеницу плоскую мину и тут же скатился в подвернувшуюся воронку... Четвертый танк таким же отчаянным способом остановил Хижняк. Приготовились и остальные саперы, но в это время тяжко охнула наша

полковая артиллерия. Большие фонтаны взрывов встали в низине, по склону высоты. Атака сразу захлебнулась. Остальные танки, спешно развернувшись, на полной скорости загромыхали вниз по склону, без разбора давя своих же убитых и раненых, снами лежащих в самых невероятных позах, особенно в полосе заградительного огня. В эти минуты в тяжелом грохоте боя Сарьян, казалось, ясно слышал и скрежет металла, и хруст ломающихся человеческих костей...

— Так вам и надо, гады!.. Землю советскую захотели? Получайте же!.. — Мирхалитов рванул теснивший дыхание ворот гимнастерки и тяжело откинулся к стенке воронки. — Дай-ка табаку, товарищ ефрейтор.

Ефрейтор Ковалев удивленно поднял брови:

— Ты же не куришь?

— Поневоле закуришь...

3

После короткого, но яростного и кровопролитного боя линия фронта вновь на несколько километров продвинулась на запад. Мирхалитов, весь почерневший от копоти войны, осунувшийся, живой-невидимый шел в голове своего полка с двумя медалями на вылинявшей гимнастерке. Шел, презирая смерть, побеждая смерть.

Тяжело переживал он боль утрат и беззаботно не радовался нашим многотрудным успехам. Правда, каждое выигранное сражение создавало в нем определенный душевный настрой, но оно же требовало от солдата особой настороженности, ибо отдельные победы, хотя их было много множеств, и они, в конечном счете, определяли общий тонус битв на фронтах Великой Оте-

чественной, но все равно еще не являлись завершающими. Война продолжалась, и продолжалась она, бушуя на огромных площадях, становясь все более ожесточенной и разрушительней. Поэтому Сарьян всецело был поглощен мыслью: бить коричневую чуму наверняка и, удержав отвоеванное, быстрее развивать наступление. Видимо, оттого Сарьян, крайне возбужденный, в критических моментах битвы с каким-то бесстрашием бросался в атаку.

Сегодня — в новом бою — как бы обычный на передовой, его подвиг повторился. Мирхалитов, во все горло крикнув: «Бей, гадов!», одним из первых ворвался во вражеские траншеи.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, напряжение росло. Но... еще миг... и оккупанты дрогнули: одни, стараясь уйти от возмездия, спешно драпали, а другие, побросав оружие, высоко поднимали руки:

— Гитлер капут!..

— Гитлер нэт!..

Сарьяну уже не в новость видеть такое. Еще вчера вот эти друг друга грызущие гадкие псы, теперь, загнанные в тупик, лихорадочно трясаься от страха, позеленевшие, с выкатившимися на лоб глазами, выбежали из окопов.

— Гитлер капут!..

Сарьян, с отвращением глядя на них, плюнул под ноги.

— У-у... мерзавцы! Как заговорили...

— Я им сейчас покажу, где раки зимуют!..

Они расстреляли моего отца, утопили мать. Они... — молодой солдат, долго не раздумывая, скинул автомат, но его резко остановил Мирхалитов.

— Не смей! Коль сдаются — бери! Вот окончится война, они приедут домой, расскажут де-

тям своим, на чьей стороне была правда. Они уже не обманут, живые свидетели...

— Куда ж их вести?

— Конвоировать их надо до сборного пункта! — И Сарьян, рукой показав в сторону Москвы, с иронией крикнул пленным: — Топайте, господа, да поживей! Вы же хотели на восток! Нах остен! Шнель-шнель!..

И те все еще с поднятыми руками, испуганно озираясь, гуськом потрусили в сторону только что освобожденной украинской деревни, где в утреннем белесом тумане смутно темнели обуглившиеся остатки сожженных ими хат.

Сарьян, тяжелым взглядом провожая пленных, чуть слышно проговорил:

— М-да-а... война для них, по существу, кончилась. Может быть, они отныне на мир другими глазами начнут смотреть?..

И солдат, еще с минуту постояв в раздумье, круто повернулся на запад, размашисто зашагал по рытвинам войны.

Солдат спешил, в бой рвался. И не зря. Он хорошо знал, что дорога домой проходила только через передний край...

4

Минсылу не раз восхищалась водопадом в горах. Серебристый, брызжущий, он, вырвавшись из каменных теснин гор, с веселой яростью обрушивается в ущелье. В летний полдень над искрящейся водяной пылью встает многоцветная радуга. Удивительно звонок и прозрачен голос поющей воды.

Осенью ее краски становятся глуше, а в песне водопада звучат чуть грустные нотки. И даже

Острроверхие строгие скалы, сторожащие его, кажутся нахохлившимися.

А весной, отшвырнув от своих закраин тесные ледяные оковы, водопад начинает сверкать широко и слепяще. В эту пору, как бы от победного шума падающей воды, пробуждается природа от зимней спячки. Дикий горный козел, стоя на рыжем крутом выступе скалы, настороженно смотрит вверх, жадно раздувая ноздри, смотрит на бурливый поток; распластав крылья с белым подбоем, высоко в небе плывет орел; льются, льются золотистые лучи солнца...

В такие минуты, когда слушаешь неумолчное победное пенье водопада, вдыхая полной грудью тревожный весенний воздух, как-то особенно обостренно начинаешь воспринимать нетленность этой красоты, что окружает тебя, ее немыслимую бесконечность. И вдруг приходит ощущение собственной незначительности перед этой властной, оглушающе-громадной силой бытия. И необычайно светло и спокойно становится на сердце — ты словно бы живешь в ожидании чуда...

Руки Миисылу заняты привычной работой. А мысли... Безостановочный шум ткацких стелков напоминает ей веселое пенение горной падающей реки. И слышится в этом пенье призыв весеннего водопада. Или это чувство близкого счастья — встречи с Сарьяном после победы, которая так близка?

Письма с фронта приходят непрерывно. Она без конца перечитывает их. И красным карандашом отмечает те дороги, по которым он прошел с тех пор, как они виделись в последний раз.

Эта огненно-красная линия потянулась от Харькова, пересекла синюю ленточку Днепра, Белую Церковь и уперлась в Умань. Потом,

свернув чуть левее, пройдя Буковину, взбиралась на Карпаты.

«...Какие здесь горы, Минсылу! — писал Сарьян. — Выше туч! Вот уж никогда не думал, что буду шагать по облакам. Стоишь на перевале, а под ногами клубки белой-белой ваты. А когда идешь в колонне, на десять шагов впереди не видно. Значит, вошли в облака. Даже не облака, а туман — тяжелый, душный какой-то и сырой. Ноги скользят. А тебя самого словно ртутью облили — все в крошечных водяных капельках: и одежда, и тело, и оружие.

За меня не волнуйся. Один шутник у нас говорит: я буду жив до самой смерти... Мы, саперы, как обычно, впереди. Будто врачи — от разных мин-болячек землю освобождаем. Кажется, идем в Трансильванию в Румынии. Хотя, командованию виднее...»

«...Странное дело: пока шли по своей территории, все было нормально. Стоило ступить на чужую, как невыносимо заныло сердце: так потянуло домой. Капитан Железнов говорит: это, Мирхалитов, ностальгией называется, тоской по родине...»

«...Родная, задержался с ответом. Слегка оглушило, пока минное поле обрабатывали. Ничего страшного, я уже в строю!

Вчера был тяжелый бой. Взяли много пленных. Среди них был один палач в чине обер-лейтенанта. На груди — награды за Крит, Норвегию. В кармане этого мерзавца нашли кучу золотых безделушек и маленький блокнот с фотокарточками. На одном снимке он стоит с маузером в руке, стоит довольный, улыбающийся. А рядом с ним — на земле — трупы казненных...»

«...Разреши похвастаться: всех троих нас — меня, Хижняка и Абашидзе наградили орденами

Красной Звезды. Котэ Абашидзе — посмертно... Ты знаешь, на фронте, в затишье между боями, особенно сильной становится тоска, дурацкие мысли лезут в голову. Это счастье, что у меня есть на свете ты... А у многих ребят не осталось никого, всех прикончили немцы. Страшно подумать, как они возвратятся к себе домой после победы...»

«...Взяли мы Дебрецен. Перестрелка на улицах уже закончилась, а народу почему-то не видно. Обычно все население выскакивало из домов. А тут — тишина. Удивились мы, конечно. А потом прихватили с собой переводчика и подошли к крайнему домику, постучали, как положено. Долго не открывали. Хижняк говорит: что-то нечисто здесь, хлопцы, треба побачить. И тут-то выходит женщина, лет так тридцати пяти, платок прямо на глаза опущен. Спрашиваем ее о том, о сем, а ее всю трясет. Потом промямлила что-то да как побежит в дом. Переглянулись мы, плечами пожали, оружие на изготовку и к ней.

Прошли длинный коридор, завернули в большую, как зал целый, комнату. И остановились: эта женщина стоит в углу, глаза сумасшедшие, губы трясутся, а из-за спины малыши выглядывают. И как закричит что-то. Потом мы узнали: нет, мол, лучше расстреляйте вместе с детьми, не дам их под танки бросать. Мы глаза вытаращили. Оружие опустили, сели на стулья и молчим, как обалделые. В общем, наш переводчик с трудом этой женщине объяснил, что Красная Армия не для этого сюда пришла, что мы не людоеды и прочее такое. Словом, успокоилась она, детишки тоже реветь перестали. Присела рядом и начала понемногу рассказывать. Ясно стало: фашисты про нас тут такое наплели! Будто мы

у мадьяр детей отбираем и под танки их, что, мол, никого не щадим.

Друзьями расстались, потом несколько раз к ней заходили. Хлеб приносили, консервы, сахар. Жила она бедно, кое-как концы с концами сводила, фашисты и салашисты все подчистую подмели. И с детишками ее сдружились, они так и льнули к нам. До самой окраины всей семьей нас провожали...»

...Минсылу, переходя от станка к станку, меняла цевки, связывала оборванные концы нитей, нетерпеливо поглядывая на стенные часы. Скоро должна быть вечерняя почта. Может, от Сарьяна придет весточка?

Последнее письмо пришло с чехословацкой границы. Уже больше месяца пролетело с тех пор. Мысль о самом страшном она отгоняла... Может быть, секретное задание командования выполняет? Ведь он же минер. Одно обнадеживало Минсылу, что письма ее не возвращались назад. Сколько раз, придя с работы, она подолгу стояла у карты, с надеждой глядя на красную полосу, уверенно пересекавшую чехословацкую границу. «Где же ты, что с тобой? Если ранен, глубоки ли твои раны? Где оборвалась твоя огненная дорога, милый?»

Отправляясь после смены на дежурство в госпиталь, она не пошла, как это было заведено, в закрепленную за ней палату. Вначале заглянула в приемный покой, взяла в руки журнал учета раненых, лелея сумасшедшую надежду... Вдруг в списках мелькнет дорогое имя? Ведь бывает же чудо на свете: старшая медсестра вот так нежданно встретилась со своим отцом.

А работы в госпитале хватало. Одному надо вовремя дать назначенное врачом лекарство, другому поставить грелку, помочь отвезти на

операцию третьего, быть при старшей сестре, когда она вводит физиологический раствор. Особенно тяжело приходилось, когда привозили новую партию. А на комбинате к тому же ее уговорили взять под свою опеку группу новичков. Свободного времени, можно сказать, почти не было. Она забыла, когда последний раз выпалась вволю. И как это у некоторых девчат еще хватает сил сбегать на свидание, на танцы! Иногда Минсылу во время госпитального дежурства удавалось подмениться с сестрой и поспать часок-два. Поглядела как-то в зеркало и ахнула: кожа да кости. От былого нежного румянца, который так нравился всем, и следа нет. А платье пришлось ушивать дважды.

Голос, монотонно кричавший: «Почта, почта!» — вывел ее из задумчивости. Первым желанием ее было кинуться навстречу почтальонше, но когда та, не повернув головы, прошла мимо, девушка вдруг почувствовала такой упадок сил и страшную усталость в ногах, что, качнувшись, оперлась о станок.

«Вот новости! Не хватало еще заболеть... — Она равнодушно взглянула на замерший станок. — Терпи, не раскисай, на тебя подростки твои смотрят. Столько выдержать и свалиться? Ты ж никогда не была маменькиной дочкой. Ну, подумаешь, долго нет писем! Война же, а с полевой почтой может всякое случиться. Помнишь ведь, однажды тоже не было долго писем. А потом сразу три пришло. Армия наступает быстро, по сто километров в день некоторые части продвигаются. Конечно, перебои с почтой могут быть».

Все-таки она передохнула с четверть часа, пока не набралась сил...

Вечером ее пригласили в фабком.

— Ты у нас одна из лучших ткачих, — без обиняков сказал председатель. — У тебя четыре станка?

— Четыре, — ответила Минсылу, недоумевая на странный вопрос, словно в фабкоме ее не знают, словно не были в цехе.

— Справляешься?

— Да не помню, чтобы план сорвала.

— Ну и отлично, — сказал председатель фабкома и вдруг предложил: — Мы тут посоветовались с товарищами. Не возьмешься ли шесть станков обслуживать? Сначала, конечно, тяжело будет... Мы понимаем. Но надо. Дело в том, что пришли новые станки, а кадров не хватает. Ну, сколько дней на размышление тебе дать?

— Я уже думала об этом, — смущенно призналась Минсылу. — Да предложить не решалась.

— Ну и зря. В случае чего — поможем. Войне скоро конец, дочка, народ одевать-обувать надо...

Наиболее опытные ткачихи уже несколько лет работали на трех-четырех станках. В прошлом году Минсылу решилась взять четвертый. Постепенно дело пошло на лад. А вот с шестью сразу... Страшновато! Здесь недостаточно того, чтобы все механизмы исправно работали. Сноровка тоже еще не все. Нужны какие-то новые приемы, строгий расчет времени, отлаженная ритмичность...

Когда она вышла из фабкома, ей стало по-настоящему страшно. «Зачем согласилась, дуручка! А вдруг оскандалишься? От подруг прохода не будет! Получится как в пословице: пыжилась лягушка, да лопнула».

Под конец смены на следующий день она решилась, подошла к соседке Малике-апай.

— Дай-ка мне на несколько минут два твоих станка, Малика-апай.

— На шести хочешь попробовать? Да ты рехнулась, девка! — всплеснула та руками. Но, увидев упрямое выражение в глазах девушки, пожала плечами:

— Попробуй, мне не жалко...

По мере того как постепенно успокаивалась Минсылу, как уверенно и цепко она контролировала работу станков, Малика-апай удивленно разводила руками.

— Погляди-ка, успеваешь ведь!

— Вроде получается... — Минсылу, улыбаясь, смотрела на нее. — Я думаю, получше надо следить за порядком операций. Сам процесс почтче организовать. Понимаешь? И дело пойдет, вот увидишь.

И с жаром начала делиться с соседкой своими мыслями:

— Главная наша беда — непродуманность в работе, суетливость. Вот посмотри. Я только первый станок запустила, а уже к четвертому надо бежать, потому что там кончилась нить в цевке, вот-вот станок встанет. Вожусь с четвертым, на третьем уже челнок надо ставить. И так без конца. А сколько времени теряем на этом? А если перевести на... Нет... ну, системы, что ли, продуманной. Мы ни в коем случае не должны ждать остановки станка, а предупреждать, опережать остановку. В общем, график обслуживания станков составить. Жесткий график...

Опытная, немало лет отдавшая ткацкому делу, Малика-апай была обескуражена простотой рассуждений Минсылу:

— Вот уж истинно: век живи — век учись. Ищем журавля в небе, а синица, своя, в руках...

Эксперимент Минсылу взбудоражил весь цех. Около ее станков собралась толпа. Минсылу еще раз продемонстрировала работу на шести агрегатах. И тут же все враз, разногласно, заговорили:

— Отлично, отлично, Минсылу!

— Ой, не каждый так сможет. И так с ног валишься!

— Не умрешь. После войны отдохнем...

— Да бросьте вы галдеть, в самом деле! Человек дело предлагает, ему спасибо надо сказать!

— И как сама не догадалась, ума не приложу...

А час спустя, обходя привычные ряды коек в своей палате, Минсылу вдруг явственно представила тот день, когда внезапно распахнется дверь и в ней, в выцветшей шинели, со знакомой смущенной улыбкой на лице, появится Сарьян. И тогда забудется все — и бессонные ночи, и станки, и одиночество. Останутся они вдвоем, наедине — с тишиной, которую так долго ждали оба...

Глава двенадцатая

1

Линия фронта, пляшущая при мерцающем свете ракет, осталась позади еще на рассвете.

Особое задание штаба. Получив его, разведчик — любой, кто выполняет его, — получает фамилию Никто. Он не имеет при себе ни документов, ни воинских знаков различия. Он безвестен, как безыменна вот эта маленькая гора, поросшая по склонам дикой смородиной.

Группа разведчиков и приданные им саперы ночью преодолели перевал между двумя лесис-

тыми горами и углубились в немецкий тыл. В полдень они остановились на второй привал.

Вещевой мешок, до отказа набитый толлом, натер плечи. Сарьян, не снимая его, устало присел к подножию большого дуба и задумчиво посмотрел на Хижняка. Тот одеревеневшими пальцами скручивал самокрутку. Как удастся выполнить задание? Какие неожиданности подстерегают их на пути? — словно спрашивали его глаза. Да, тишь да гладь не бывают на войне. И раньше в разные переплеты попадали они, но всегда выходили победителями и, к счастью, будучи ранеными, дальше санбата не уходили. Вот и сегодня они снова в пути. Наступила пора и с чехословацкой земли выдворают немцев. Заканчивался победный апрель сорок пятого... Удачной ли будет дорога, начатая в дождливую апрельскую ночь?..

Судьба разведчика и сапера во многом зависит от случайности. В тылу врага здесь тебя никто не прикроет огоньком, не поддержит артиллерией. Маршрут не разведан, потому что в тылу врага ты первый. И, кто знает, может, твоя судьба притаилась вон за тем глубоким распадком и тебя уже держат в прорези прицела.

Ветер стих. Постепенно перестал и дождь. В редких провалах между тяжелыми тучами ослепительно поблескивала голубизна весеннего неба... Завтракали сухим пайком — сухарь, полплитки немецкого шоколада и ледяная вода из реки. Одни, дожидаясь высланных вперед разведчиков, уснули чутким тревожным сном, не выпуская оружия из рук. Другие курили, тихо беседовали. Напротив Сарьяна, прислонившись спиной к дереву, сидел коренастый ефрейтор, потянув к подбородку колени. Ефрейтор Ковалев, тщательно протерев тряпкой влажные патроны,

вновь зарядил диск и, найдя кусочек белого камня, нацарапал на диске одно-единственное слово «Катюша». Сарьян не первый раз замечает, что Ковалев перед трудным боем выводит это имя на оружии. Несколько раз Сарьян хотел было спросить Ковалева о таинственной Катюше, но почему-то всегда откладывал на более подходящее время. Сарьян не любил, когда к нему лезут в душу с расспросами, и сам старался не докучать другим. Но сегодня совсем другое дело. Вернутся ли они назад, останутся ли в живых, никто не знает.

— Катюша... — как бы про себя сказал Сарьян и задал вопрос: — Кто это, Максим?

Ковалев коротко взглянул на него. Тихо ответил:

— Дивчина моя.

— Расскажи о ней... если можно, конечно?

Наверно, только на фронте, в редкие часы затишья можно вызвать человека вот на эту откровенность.

— Отчего ж... Сам я из Белоруссии, в детстве вырос. Батяка с матерью умерли, когда я еще совсем мальцом был. — Максим Ковалев, сдвинув широковатые белесые брови, на миг задумался. — Мы рожь косили, когда из деревни примчались и о повестке сообщили. Ну, я верхом на коня и поехал. Попрощался со всеми, собрал пожитки и скорей к Катюше, она на дальнем покосе была. Лошадь стреножил. Долго мы с ней тогда говорили, не заметили, как время прошло. Клятву друг другу дали. До самого большака она меня проводила. Смотрю на нее, грустная, поникшая такая, как былиночка, того и гляди сломится. И до того, поверишь ли, тоскливо на душе стало... Будто чуял, что не увижу ее больше...

Он замолчал. Сарьян не перебивал и ждал продолжения рассказа. Максим сломал веточку, скомкал ее в пальцах. Потом продолжал свой рассказ:

— Я сразу же в бой попал, окунулся, что называется, с ручками. Ранили три раза. Ну, на мне зарастает быстро. Последний раз крепко зацепило, еле врачи выцарапали. Выписался из госпиталя. Мы тогда как раз в Белоруссию вошли. Думаю, время еще есть, дай-ка заверну в родные места. Для солдата, сам знаешь, полсотни верст — это пустяк. Пошел на то самое место у дороги, где с Катюшей прощались. В ушах ее слова стоят, слышу, как мой меринок ржет, будто вчера было. Кажись, кустики полыни и те тут же...

— А Катя? В деревню-то заходил?

— А не было ее, деревни-то. Сожгли. Одни печные трубы стоят да одичавшие собаки бегают. Гляжу, дымок вьется неподалеку. Сторож колхозный Матвеич оказался. Вырыл землянку и смерти дожидается. Старик глубокий был, лет под восемьдесят. Ну, и рассказал, как оно все было. Как немцы всех загнали в амбар и подожгли. И Катюшу тоже. В отместку за убитого солдата... Пробыл день я со стариком, оставил ему все свое довольствие и в часть...

Много Сарьяну довелось видеть и крови, и слез на горькой солдатской дороге. Но бесхитрый рассказ Максима поразил его.

— Значит, сейчас у тебя никого нет?

— Выходит, так. Ничего, страна большая, уеду куда-нибудь на восток. Больше в родные края не вернусь.

Сарьян оживился. Ковалев ему давно нравился. И он тут же ему предложил:

— Давай договоримся: живы останемся — поедем со мной в Башкирию.

Максим с благодарностью посмотрел на товарища.

— До этого дожить надо.

Сарьяна удивило выражение его глаз. В них что-то было доверчивое, детское. А такой богатырь...

— Выживем, Максим. Только сначала в Ташкент съездим.

— А это зачем?

— Девушка моя там живет. Минсылу.

И, волнуясь, Сарьян рассказал о ней. И Минсылу, словно наяву, вставала перед его глазами — усталая, с выбившейся из-под платка светлой прядкой, с натруженными руками, которые еще успевают ухаживать за ранеными в госпитале. Максим, выслушав короткий рассказ Сарьяна, молча взял тот же белый камешек и нацарапал на диске его автомата: «Минсылу».

— Я правильно написал?

Сарьян кивнул, оба понимающе улыбнулись друг другу.

Вернулись разведчики. Старший тихо докладывал Железнову:

— В пяти-шести километрах открытая местность, товарищ капитан. Худо, конечно, но обойти можно. Вот тут, — старший провел пальцем по карте, — высохший ручей, по нему проберемся наверняка. Правда... — на секунду он замялся, — немцы траншеи неподалеку копают.

Быстро собрались и тронулись в путь. Солнце, разогнав тяжелые облака, обрушилось на лес, и он засверкал торжественно и радостно.

Разведчики шли, настороженно озираясь по сторонам, шли легко и бесшумно, стараясь не выдать себя. В ушах у каждого звучали слова

приказа: «Мост должен быть в наших руках до рассвета. Командование придает ему исключительно важное значение. В крайнем случае мы должны его взорвать. Но это в крайнем случае. Ни один танк, ни один бронетранспортер не должен пройти через него».

Сарьян хорошо представлял, что это значит. В переводе на общепонятный язык — стоять насмерть, ибо отступать некуда. Он это понял сразу, когда было приказано набрать больше патронов — «кто сколько унесет», и максимум взрывчатки.

Сарьян шагал, чуть согнувшись под тяжестью мешка с толом, и, убирая норовившие вцепиться колючие ветки шиповника, вспомнил свой первый бой на Украине, где он в деревне Юрченково с глазу на глаз столкнулся с фашистским насилием. Они, отступая, угнали детей на запад, а селение подожгли.

Пламя жадно лизало аккуратные белые мазанки. Всюду стоял плач. Причитали оставшиеся в живых женщины и старики:

— Шоб тебе скрутыло, гадюка! Шоб тебе по-вылазило, фриц проклятый!

— Люди добрые, да що ж такое робытсья!

Женщина с распущенными волосами, с безумными ярко-карими глазами бежала по дороге, по которой ушли каратели, и кричала страшным срывающимся голосом:

— Де моя дитына? Отдайте!.. О-о... людоеды!..

Сарьян стиснул зубы. Да, за войну пришлось насмотреться вдоволь, воспоминания будут тревожить до самого смертного часа. И каждый раз, сталкиваясь с человеческим горем, он чувствовал, как откладывается оно горькой зарубкой в памяти. Гитлеровец есть гитлеровец, еще, может

быть, не раз придется увидеть подобные картины и здесь, в Чехословакии...

Саперы, услышав одинокий деловитый стук дятла, остановились, прислушиваясь. Это был условный сигнал разведки, идущей впереди. Группа немцев, пересекая открытую местность, напрямик направилась к месту, где в лесу притаились наши разведчики. Их было шестеро. «Странно... Или что почуяли? В лес войдут или нет?..» Кажется, пронесло. Немцы, не торопясь, прошли поляной и свернули в сторону.

Повинуясь жесту Железнова, группа спустилась в глубокую лощину, усеянную старым валяжником и поросшую густым вереском. Бойцы старались идти бесшумно, но то и дело кто-то, поскользнувшись, падал на размокшую от дождя землю, обдирая в кровь руки и лицо. Тех, кто нес в мешках капсюли-детонаторы для взрывчатки, поддерживали под руки — падать им совсем «не улыбалось».

Снова послышался стук дятла. Навстречу шла новая группа гитлеровцев. Эти были подозрительно деловиты. Они ходили по широкой поляне взад-вперед, старательно обходя, судя по их осторожным движениям, заминированные участки, что-то вымеряли, подсчитывали. И слепому было ясно, что сейчас о переходе через открытое пространство и думать нечего. Пришлось затаиться до заката солнца, другого выхода не было.

Когда стемнело, была дана команда трогаться. Шли по ранее выбранному маршруту — по дну высохшей речки. Кое-где приходилось вставать на четвереньки, а порой и ползти. И тут случилось непредвиденное. Очевидно, кто-то из часовых заметил черные силуэты. Раздался тревожный вопль:

— Партизанен!!

Округа взорвалась автоматными очередями, отрывисто залаял крупнокалиберный пулемет. Пули косили кустарник. Яростно цокали о гранит берега. Разведчики залегли. Железнов приказал нескольким бойцам отвлечь внимание всполошившихся немцев и, в случае преследования, увести их в другую сторону, с тем чтобы дать возможность основной части двинуться по заданному направлению.

«Крепко дали вам прочихаться чешские партизаны. Вон как с ума сходите», — подумал Сарьян, услышав, как в ход пошли минометы и глухо ухнула полевая артиллерия. Между тем основная группа, миновав опасную зону и выйдя из-под обстрела, быстро двинулась дальше. Но долго еще немцы бесновались за их спиной: ухали взрывы, захлебывались пулеметы и автоматы. Порой, когда звуки выстрелов становились явственней, командир с тревогой думал, что их настигают; потом шум стал угасать.

Река уже была близко. Явственно повеяло влажной прохладой. Группа беззвучно вышла к берегу. Стали приближаться к мосту. Он, опираясь на каменные быки, красиво выгибался ажурной спиной над черной, как нефть, водою реки.

Группа заняла исходную позицию для решающего броска.

Вот он, мост, цель их назначения. По данным разведки, на рассвете немецкие части должны были начать переброску на тот берег. Времени у разведчиков было в обрез...

Мост был нашпигован патрулями и постами. Да, не зря его охраняли так тщательно — был он добротен и широк, мог выдержать, пожалуй, любую технику. После продолжительного наблюдения Железнов понял, что у них нет иного

выхода, чем внезапная атака, никакими хитростями тут не возьмешь. Главное — стремительность и согласованность действий.

Перед рассветом, как можно ближе подобравшись к мосту, разведчики разом обрушились на него. Нападение было настолько внезапным, что часовые не успели сделать ни одного выстрела — они были или заколоты, или сняты очередями. Пока немцы приходили в себя, группа сапсров быстро перерезала провода, ведущие к взрывателям. Другие во главе с Максимом, по шею в ледяной воде пробравшись к сваям, отвязывали от них объемистые связки тола. И только после этого немцы, засевшие в запасной линии обороны за рекой почувствовали неладное и открыли огонь. Вначале беспорядочный, потом более прицельный. Показались многочисленные солдаты, перебежками приближавшиеся к берегу.

— Подступить ближе! — крикнул Железнов.

Немцы, уже не таясь, глухо топая сапогами, бежали к мосту. И хотя было еще темно, Сарьян отчетливо видел сидящего на мушке автомата «своего» немца, его широко открытый в крике рот, выставленный вперед и прижатый к животу «шмайсер».

— Огонь!..

Подступы к мосту были открытыми, это играло на руку оборонявшимся. Через несколько минут не меньше десятка гитлеровцев валялось перед мостом, но остальные упорно рвались вперед, Железнов знал, что опасность артобстрела им не грозит, — немцам слишком нужен этот мост. Оттого они так бешено кидаются на них, разведчиков. Вблизи-то никакой другой переправы нет, это капитан знал точно. Наводить понтоны бессмысленно, наши войска под носом.

В минуты короткой передышки, когда немцы отхлынули, делая, очевидно, перегруппировку, Железнов успел заметить среди перебежавших черные мундиры СС. «Значит, разведка точно доложила. Эти будут лезть напролом».

— Мирхалитов!

— Я!

— Бери группу, готовь к взрыву верхнюю часть среднего пролета, понял? Сигнал к взрыву — красная ракета!

— Так точно, понял!

Сарьян с группой бросился на мост. Быстро заложил взрывчатку, подключил провод к детонаторам и стал спешно разматывать провод. Пули свистели вокруг, щербатили настил моста, рикошетили от стальных балок. Ах, черт! Вышла из строя подрывная машинка. Пуля пробила ее... Сарьян похолодел. Но тут же торопливо стал присоединять детонирующий шнур к заряду. Оставалось только поджечь его. Глянув на левый берег, Сарьян оцепенел: из леса, разворачиваясь для атаки, выползали танки.

Немцы, что на правом берегу, ободрившись, усилили автоматный и пулеметный огонь. Разбившись на три группы, они полукольцом двинулись на разведчиков. Железнов бросился к рации:

— Заря, Заря!.. Я Беркут! Я Беркут! Поддержите! Да... Одновременно на западный и восточный берега, — кричал он, стараясь перекрычать грохот боя. — На западном берегу, сразу за мостом, — пехота, а на восточном — у самого моста — танки!.. Мы...

Но тут рядом с ним земля качнулась и грохнул взрыв. Когда дым рассеялся, Железнов отчетливо увидел ползущие и стреляющие на ходу танки. Два из них горели, но оставшиеся упорно

рвались к переправе. Пять, восемь, двенадцать... От второго близкого разрыва воздушная волна бросила на землю Железнова, и он на миг потерял сознание. Когда пришел в себя, почувствовал режущую боль в плече и с каменеющим сердцем увидел разбитую рацию. Превозмогая боль, выхватил ракетницу и, теряя силы, спустил курок. Кроваво-красный хвостатый шар взметнулся в небо.

Сарьян вздрагивающими от волнения руками приложил спичку к косому срезу бикфордова шнура и чиркнул коробком. Голубоватый огонек, оставляя за собой дымную струйку, резво побежал к взрывчатке.

Бойцы, отбившиеся от немцев на берегу, с тревогой посматривали на мост, на неуклюжие громады танков и последними словами крыли Сарьяна. Почему он медлит? Почему нет взрыва?!

Сарьян, отбежав от взрывчатки, залег и вдруг с ужасом увидел, что огонек в бикфордовом шнуре погас. Шнур перебит автоматной очередью. Раздумывать было некогда. «Или выполнить приказ, или...» И сапер побежал навстречу танку, который уже вступал на мост, навстречу свинцовому ливню...

По мосту полосовали длинными очередями из автомата и пулемета. Сарьян плашмя упал на настил, перерезал шнур почти рядом с капсулом-детонатором и вновь поджег его, не замечая, что пуля вонзилась в бедро. Ошеломленные его дерзостью, враги даже остановились на мгновенье...

Последнее, что помнил Сарьян,— это желто-черный фонтан перед глазами и ощущение, что он, подхваченный неведомой страшной силой, летит в пропасть...

2

С задания не вернулись многие. Оставшиеся в живых продолжали свой путь, раненые долечивались в санбатах и госпиталях.

Капитан Железнов, морщась как от зубной боли, вертел в руках пачку писем, написанных девичьей рукой. Кружными путями добирались они до адресата, адресата, которого сейчас нет. Он остался там, у моста, в том скоротечном страшном бою.

Долго размышлял капитан, подбирал утешительные слова и не мог их найти. Да и есть ли они на свете, такие слова? И, глубоко вздохнув, взял в руки карандаш...

А письма все еще приходили, разыскивая Сарьяна... Старые письма, написанные еще до рокового дня... Потом этот ручеек из белых листов иссяк и оборвался навсегда...

3

Минсылу качало от усталости, глаза слипались, когда она после дежурства возвращалась из госпиталя. Группа девчат из текстильного комбината, шедшая на утреннюю смену, окликнула ее:

— Минсылу, ты куда запропастилась? За муж, что ли, вышла? Целую неделю глаз не кажешь!

Смуглая молоденькая узбечка, подбежав, обняла ее. Минсылу устало ответила:

— Ушла я от вас, девчонки. Насовсем, в госпиталь!

Все заохали, начались расспросы. Минсылу и в самом деле уволилась с комбината. На днях ее пригласили в партком и предложили перейти на постоянную работу в госпиталь.

— Медперсонала не хватает. А дело тебе это знакомое, врачи о тебе хорошо отзываются. Раненые тоже. Может, согласишься? А когда разгрузишься, захочешь на комбинат вернуться, милости просим. Ну, как?

Она согласилась. Сейчас, страшно соскучившись по подругам, она засыпала их вопросами: как там в ее цеху?

— Минсылу, сейчас шесть человек уже освоили твой метод.

— Жалко, что ушла!

— Соскучилась страшно! — Минсылу крепко обняла маленькую узбечку. — А ты что не заходишь? И дом знаешь, и место работы. Ну, рассказывай новости.

— Новостей много.

— Оттого и забыла меня?

— Ой, не сердись, Минсылу. Понимаешь, парнек один недавно из ФЗО приехал, наладчиком у нас работает... — Девушка сжала локоть подруги. — До чего хороший!.. — с детской непосредственностью выпалила она.

— Вот оно что!

— Он уже третью неделю здесь, мы с ним вместе в одной смене работаем. Сарьян меня каждый день до дому провожает...

Это имя словно током обожгло ее. Минсылу выдохнула криком:

— Сарьян!

— Что с тобой? Ты вся побелела!

Минсылу взяла себя в руки.

— Да нет, устала просто... Пройдет. Дежурство трудное было. Красивое пмя... — с трудом вымолвила она.

Между тем девушка трещала без умолку, выкладывая одну новость за другой. Минсылу слушала ее рассеянно, невпопад кивая головой.

«Сарьян, Сарьян...» Незаметно для себя она ускорила шаги. А сердце колотилось так, что казалось, вот-вот остановится от страшного напряжения.

— Ну, я пошла! — Веселый голос подруги заставил ее прийти в себя. Она машинально кивнула. Та, помахав рукой, побежала к комбинату.

Минсылу посмотрела ей вслед, и что-то похожее на грустную зависть подступило к сердцу. Удивительно светлый характер у девчонки, ей и горе не беда...

Она шла к дому, и острая тоска, охватившая ее при одном лишь упоминании имени любимого, не проходила. Войдя во двор, она по привычке заглянула в почтовый ящик, ни на что уже не надеясь. И нетерпеливо вытащила письмо в зеленом конверте.

«Здравствуй, дорогая Маня!..»

— Опять «Маня»! — вздохнула Минсылу и произвольно улыбнулась. — Совсем взбесился парень...

«...У меня сегодня хорошее настроение. В основном, связано с работой. Зарплата выросла вдвое. Радость, конечно, большая, но не с кем с ней поделиться. Сайда не отвечает ни на одно письмо. Хоть на луну пиши. Краем уха слышал, что гуляет она с другим. Мне все больше начнет казаться, что мы с тобой созданы друг для друга. Не смейся, пожалуйста, и не считай меня сумасшедшим, я попросту не сумел разглядеть тебя раньше. Пиши мне, я очень жду твои письма!

С приветом, Харитон».

— Ах ты, горе Хасанша-Харитон, непутевая твоя голова! Уже в ребячество начинаешь впа-

дать. Не рано ли? — Минсылу давпо не смеялась так весело и самозабвенно, от всей души. Даже голуби, ворковавшие на железной кровле, враз замолчали и завертели головами. В окне появилась Магира-апай. Голуби дружно взмыли в воздух.

— Ты что это хохочешь на всю улицу? — удивилась мать и, увидев в ее руках конверт зеленого цвета, сама усмехнулась. Эти конверты бледно-зеленого цвета были ей хорошо знакомы, знала она и то, о чем пишет Харитон-Хасанша. Порой вместе с дочерью посмеивались над ним. Пишет и пишет, глупости какие-то несет. А про себя подумала: пусть действительно посмеется дочка, от тяжелых дум отойдет. А то ведь молодая совсем, а радостей — кот наплакал.

Но когда дочь долго не переставала хохотать, Магира-апай одернула ее.

— Да хватит уж, или тебя шурале¹ щекочет, что ли? Смотри, как бы плакать не пришлось. Уж не поверила ли и впрямь этому бездельнику? Гляди...

Минсылу, посерьезнев, дочитала письмо до конца и вздохнула. Встревоженные голуби снова уселись на крышу, и вскоре оттуда донеслось привычное воркованье.

В конце письма была приписка: «Жду категорического ответа». Она сложила письмо, вошла в дом, медленно, с каким-то наслаждением разорвала его на куски, смяла обрывки и швырнула в печку, на пылающие поленья. И, присев на корточки, задумчиво смотрела, как на сизом пепле съеживаются буквы...

«А ведь бывает в жизни, что женщины с отчаяния, от минутного порыва бросаются к та-

¹ Леший.

ким, как Хасанша». И ее передернуло от отвращения, когда представила на секунду, что ее обнимает Хасанша...

Огонь горящих поленьев испулся в ее глазах. Тонкая струйка дыма от сгоревшего листка впорхнула в дымоход.

«Вот тебе категорический ответ...»

Сидевшая за расшатанной швейной машинкой Магира-апай несколько раз взглянула на дочь, словно собираясь что-то спросить. И лишь когда Минсылу поднялась, окликнула ее:

— Что он там пишет хоть, балаболка этот?

— Да ну его! Своих забот хватает! — ответила Минсылу и вдруг, качнувшись, прислонилась к печке.

— Мама...

— Что, дочка? Что ты? — Мать, проворно вскочив с места, обняла ее. — Пойдем, присядька. Лица на тебе нет, совсем извслась, бедная моя... Дежурство трудное было, наверно? Еще ты когда во двор вошла, я неладное заметила.

— Привезли тяжелораненого солдата. Совсем плох был. Ну, и свою кровь дала, как раз подходящая группа оказалась. Вот и отпустили домой пораньше, отдохнуть.

Мать, горестно покачав головой, ласково погладила дочь по плечу:

— Отдыхай. — И тут же, сняв с плиты теплое молоко, заставила выпить целую кружку.

Когда головокружение прошло, Минсылу устало развязала платок. Тяжелые косы упали на высокую грудь. Посмотрев на настенные часы, на измятый медный маятник, она задумчиво сказала:

— Если б ты только видела, мам, как его изрешетили всего, этого парня. Весь в бинтах, страшно взглянуть. Только один глаз и виден.

— Ох, господи...

— А пулю из легких до сих пор еще не вынули. И говорить запрещают, чуть что, так сразу кровь горлом... Знаешь, медсестра, которая его сопровождала, говорит, что он просил его именно в Ташкент направить.

— Наверно, родные здесь, друзья.

— Но ведь никто его не навещает. Кроме пионеров...

В доме снова стало тихо, каждый размышлял о своем.

— Ты знаешь, мама, я никогда не задумывалась над тем, что я просто живая,— тихо сказала Минсылу.— Что вижу на оба глаза, что у меня сильные длинные ноги, есть обе руки. И только в госпитале поняла, каким счастьем обладаю. Ты меня слышишь, мама?

— Слышу, доченька, слышу.

— И еще один раненый поступил к нам. Он не ранен, он просто слепой, на оба глаза.— Минсылу поежилась.

Распахнулась крошечная дверца в настенных часах, остроносая кукушка возвестила, что уже восемь часов.

— Восемь, — машинально ответила Минсылу.— Сейчас вливание одному должны делать. Не знаю, сумеют ли спасти...

— Очень плох?

— Вот человек... Оторвало обе ноги выше колен, всю голову побил осколками, сам совсем еще молодецкий. А в сознание придет, всю палату смешит. А боли какие, представляю. Сам он из Таджикистана. «Девушка у меня есть, — говорит, — только насчет ног ничего ей не сказал».

— А сообщить-то надо.

— А вдруг приедет и уедет? Кто знает, какая она. Скажет еще, мол, извини, мне калека не нужен. Вот у нас девчонка одна работает, тоже таджичка. Так она двух стариков из Украины кормит...

В это время кто-то нетерпеливо постучался в окно. Девушка встрепелась.

— Мам, посмотри!

Мать кинулась в сени, Минсылу услышала знакомый голос почтальона. У нее оборвалось сердце. Откуда только нашлись силы подняться с дивана и рвануться к двери!

— Вот спасибо тебе, спасибо! От Сарьяна, дочка!

Минсылу помертвела, увидев, что конверт надписан чужой рукой. Она пошатнулась, схватилась рукой за край стола. Сердце похолодело от страшного предчувствия. Глотнула воздух. Впившись глазами в треугольник, она беззвучно повторяла побелевшими губами:

— Погиб, мама. Погиб! — вдруг закричала, как от боли. — Не вскрывай!.. Брось в огонь!..

У матери затряслись руки. Она выронила письмо на пол. Бросилась к дочери, подхватила ее и повела к постели.

— Успокойся, доченька моя... Крепись, девочка моя...

В этот вечер в доме Магиры-апай не зажигали огня. Лишь скорбная луна медленно ползала по сумрачному небу. Она напоминала Минсылу давние и теперь казавшиеся сном бесконечные прогулки с Сарьяном по околице Кайынлыкула. Она не видела и не слышала ничего — ни матери, бесшумно сновавшей по дому, ни треска дров в печке, ни молодых голосов, доносившихся с улицы. На нее словно напала полная глухота. То, о чем было написано в письме, не укладыва-

лось в сознании, показалось чудовищной бессмыслицей или чьей-то злой шуткой. Но не может же так шутить гвардии капитан Железнов! И только сейчас перед ней в полной своей очевидности встала страшная правда: Сарьяна нет. И не будет никогда... А сердце отказывалось верить в эту правду...

Ночь таяла. На востоке, за далекой грядой гор, прорезалась первая полоска зари. Строгие и причудливые контуры завода, домов, деревьев, переплетаясь меж собой, казались на фоне зари каким-то фантастическим узором.

Многоэтажное здание сурово по своим очертаниям, как сурова судьба тех, кто сейчас находится внутри его, в военном госпитале. И сейчас, когда город еще спит, там все еще бодрствуют подруги Минсылу — с припухшими от бессонницы глазами, полуголодные — разве восстановит силы скромный паек? — с чиненой-перечиненной под белыми застиранными халатами одеждой. Что они пережили здесь, пока их мужья, братья, сыновья дрались на фронтах, — это, наверно, никогда не забудется. Работали до головокружения, дрались за жизнь незнакомых людей...

Нельзя распускаться, Минсылу. Чем же горше твоя потеря? Беды военных лет похожи одна на другую.

Минсылу, съездившись и теребя кончик косы, сидела в уголке кровати всю ночь, глядя на белеший в темноте листок бумаги.

Утром, выйдя на крыльцо, — надо было идти на работу, — она как бы заново увидела победно полыхающее небо над городом. И зашагала по улице. Голова поднята, сухие, измученные, за-

павшие глаза, четкие упругие шаги. Кивком головы здоровалась со знакомыми, как будто ни в чем не бывало, обменивалась репликами. И потянула на себя тяжелую дверь госпиталя...

4

Очевидно, письма, касавшиеся судьбы Сарьяна, капитан Железнов написал в один день. На Уфимском машиностроительном многие тяжело переживали известие о его гибели.

Чаще всего Сарьян писал Петру Иванченко. Они особенно сдружились незадолго перед отправкой Сарьяна на фронт. В последнем письме Иванченко с горделивой радостью сообщил Мирхалитову, что заводу вручено переходящее Красное Знамя Госкомитета Обороны. А ответ пришел от неведомого капитана Железнова...

— Дожить до конца войны и... Ах, Сарьян! — убивался Петро, слушая сообщения Совинформбюро о стремительном наступлении наших войск на берлинском направлении. Ведь там мог быть и Сарьян!..

Выдержанный, способный, никогда особенно не расстраивавшийся, будь то большие или малые неприятности, Петро сорвался. Его с трудом увели ребята из ресторана, где он пил с демобилизованным морячком, поминая друга. Впрочем, получилось как в поговорке — «нет худа без добра»: морячок оказался рулевым-мотористом, и его без труда устроили на завод, в сборочный цех.

Огорченным ходил и директор. Мысль о том, что Сарьян может погибнуть, никогда не приходила ему в голову, ему казалось, что такие, как

Мирхалитов, всегда смогут обмануть смерть. Владать, не было выхода. Забившись за верстак, горько плакали Сэскэбикэ и Дания, и никто не успокаивал их — пусть выплачутся.

Глава тринадцатая

1

С трудом разлепив тяжелые вски, он несколько мгновений бессмысленно, отрешенно смотрел перед собой. На белый потолок с желтыми потеками. Скользнул взглядом вниз. Под потолком сверкали стекла окон, и все это странно колыхалось, плыло перед глазами, а он никак не мог осознать реальность, вещественность увиденного. В голове стояла странная пустота. Тишина давила в уши. Сознание прояснялось.

Мысли ворочались тяжело, словно каменные колеса. Он пытался понять окружающую его незнакомую обстановку. «Да где же я нахожусь в конце концов? И почему так тупо болит все тело?» Попытался было пошевелить руками и ногами, но они оказались неподвижными, словно были скованы невидимыми обручами. Это, как ни странно, не испугало его. «Или я сплю?.. Почему гудит в ушах? Неужели все еще продолжается танковая атака? А где выстрелы? Почему так тихо?» Он попытался что-то произнести, но язык словно распух и не умещался во рту... «А что это за люди стоят рядом? Откуда взялась эта голубоглазая девчонка с беззвучно шевелящимися алыми губами? Вот еще один. Он в белом халате, торопливо вставляет в уши красные резиновые трубки...»

Раненый еще не пришел в себя полностью. Мучительные попытки осознать свои ощущения

и окружающее привели к тому, что он снова обессилел и устало смежил измученные глаза. Но все-таки он пришел в себя. А это верные признаки жизни. Значит, будет жить. Огромная радость была написана на лицах тех, кто окружил койку раненого.

Голубоглазая девушка с темными волнистыми волосами нагнулась к нему.

— Очнулся... — радостно прошептала она. — Он скоро заговорит, да? Ян, Ян, ты слышишь?

Голос ее вздрагивал от волнения... Когда раненый вновь впал в беспамятство, она тихонько положила узкую ладонь на его пылающий влажный лоб.

— Столько времени между жизнью и смертью...

Доктор Йозеф, шумно вздохнув, вытащил из ушей трубки стетоскопа.

— Невероятно, — покачал он головой. — Кроме тяжелой контузии еще и крупозное воспаление легких. Я уже не говорю о мелких ранениях. Нужен немедленно укол...

Кажется, было сделано все... Но раненый поправлялся медленно и тяжело. До сих пор ничего не слышал и не мог произнести ни слова. Руки и ноги были лишены подвижности полностью. Это страшило его. Об этом говорили его глаза — в них билась мучительная живая мысль. Однажды, в очередной раз придя в себя, раненый долго в упор смотрел на голубоглазую девушку. Смотрел до тех пор, пока сами собой не прикрылись уставшие от напряжения отяжелевшие веки.

— Ян, как ты себя чувствуешь? Скажи что-нибудь? Хочешь покушать?

Девушка снова склонилась над ним, поправила подушку. Раненый молчал, не отрывая от нее глаз. Порой казалось, что он все еще нахо-

дится в плену бредовых представлений. Девушка растерянно и как-то просяще улыбнулась. Доктор, пристально взглядываясь в лицо раненого, сказал:

— Ничего удивительного. Это типичное последствие тяжелой контузии. Вот тебе и ответ некоторым врачам, дочка, которые считают, что контузии — это не столь серьезно, как кажется. А она опаснее порой, чем открытое ранение. Ударная волна, не нанося внешних ранений, разрушает внутренние органы.

— Папа, — укоризненно сказала девушка. — А вдруг он все-таки слышит? И ты такое говоришь, будто на лекции...

День и ночь не отходили они от постели Яна. И заботливый уход понемногу начал делать свое дело: снизилась температура, ровнее и спокойнее стало дыхание. Самая большая радость пришла недавно. Раненый, выпив теплое молоко, вдруг сделал попытку улыбнуться. Да, это была настоящая, еще слабая улыбка. Улыбались и глаза в окружении ранних морщинок.

— Папа! — Девушка с радостным криком бросилась к доктору. — Он улыбается!

Доктор Йозеф только что отправил в партизанский отряд большую партию медикаментов, марли, бинтов, и поэтому в это утро у него было превосходное настроение.

— Отлично! Попытаемся поговорить с молодым человеком, — деловито сказал доктор, поправляя очки в круглой оправе. — Но ответить он наверняка не сможет.

— Почему ты так думаешь?

— Я знаю. И все это следствие контузии. Слух, кажется, восстанавливается, я заметил, он реагирует на звуки. Но отвечать пока не в силах. А обычно после контузии первое, что пытается

делать раненый, это говорить. Инстинктивный порыв к информации...

Они торопливо вошли в маленькую комнату, куда был помещен Ян. Когда на их громкое приветствие Ян ответил слабой улыбкой, доктор широко улыбнулся ему в ответ и удовлетворенно потер свои небольшие ладони. Потом, бросив выразительный взгляд на дочь, громко и радостно сказал:

— Прекрасно, дорогой товарищ! Прекрасно. Следовательно, мы уже слышим!

Доктор говорил по-русски безупречно, даже с каким-то изящным щегольством. Он, пододвинув стул, сел рядом с койкой раненого.

— У каждого есть в жизни свой мост. Перешел его — жив, нет — ...значит, судьба. Вы, дорогой товарищ, перешли этот смертный мост, этот роковой порог, а теперь можете смеяться над судьбой, да-да...

Раненый смотрел на него и все так же слабо улыбался. Но улыбка была напряженной. Он пытался понять, вернее, услышать слова доктора. А слова застревали в вате, которой, казалось, все еще были заложены его уши.

— Ничего, ничего, товарищ, дело идет на поправку.

Прошло еще несколько дней. И при каждом посещении доктор со все более возрастающей уверенностью утверждал, что дела идут как нельзя лучше, повторяя: «Теперь — терпение, вот что требуется от вас...» Вскоре раненый стал глазами отвечать на вопросы. Доктор видел в серьезных, все понимающих глазах Яна невысказанный вопрос. Его наконец осенило:

— А-а, вон в чем дело! Вы, конечно, хотите знать, как сюда попали?

Ян несколько раз прикрыл глаза веками. Доктор, испытующе глядя на него, спросил:

— А не будет ли тяжело слушать?

Ян нетерпеливо смотрел на него.

— История эта длинная, Ян. Ты сейчас находишься в небольшой горной деревушке, в Словакии, далеко, весьма далеко от того моста, который вами был взорван. Деревню эту все зовут партизанской, ее часто навещают партизаны. Но бывает, иногда и немцы налетают. — Доктор немного постоял в раздумье, а затем добавил:— Тебя сюда, чуть живого, партизанские разведчики принесли. Спрячьте, говорят, лечите, это — русский солдат. Разведчики же рассказали нам о том, как они, возвращаясь с задания, переправлялись через реку и увидели большое скопление плывущих брусьев, обломков досок. Поняли, что повыше по реке взорван большой мост. И тут один из них воскликнул: «Человек в воде!» Разведчики были на лодке. Подъехали. Видят, в самом деле над водой, как раз на том месте, где на спаренных брусьях торчали искореженные металлические прутья и скобы, виднелась голова человека. Мы, говорят, догнали эти брусья и не поверили своим глазам — русский солдат! Он чудом держался на поверхности реки, зацепившись за скобу воротником шинсели... Это были — вы. Но и вид же у вас был, доложу я вам... Ну, я тут же оказал первую помощь. Одежду вашу сожгли. На всякий случай, знаете ли, подальше от неприятностей. У русских ведь поговорка — бережного бог бережет... И собрались на семейный совет — что же делать с вами дальше? Выдать вас, пожалуй, никто в тот момент не мог... — Доктор помолчал и, зачем-то сняв очки, надел их снова. — Был у меня сын примерно ваш ровесник, партизанил. Он погиб. Вот я и

предложил назвать вас именем своего сына... Ага, понимаю — откуда я знаю русский? Изучал, батенька, самостоятельно. А потом мне помогал мой коллега, судьба в свое время забросила его в Словакию...

Глаза раненого заволокли слезы. Доктор положил ладонь на его лоб.

— А вот этого не следует делать. А она... — он кивнул на дочь, — Зденка, сестра Яна... — Доктор немного постоял в раздумье, а потом, успокаивающе погладив Яна по щеке, ушел, сказав напоследок:

— Я немного задержусь, дочка.

2

Вернулся он неожиданно скоро, встревоженный, и, коротко сказав: «Немцы!», тут же бросился на чердак. Вскоре оттуда — из потайной рации — к партизанам полетел нужный сигнал...

Доктор Йозеф, спустившись вниз, хотел было куда-то унести Яна, спрятать, но не успел. Гитлеровцы, грохоча сапогами, уже поднимались по крыльцу.

Через минуту немецкий фельдфебель, обрюзглый и рыжий, с двумя полицейскими вломился в дверь. Ни слова не говоря, они начали переворачивать в доме все вверх дном. Потом рванулись в маленькую комнатку, где лежал раненый. Зденка и доктор помертвели.

— А это кто?

— Этот? Да сын доктора Йозефа, господи! — торопливо заговорил пришедший с ними староста. — Он очень болел...

— Ты что, свинья, валяешься в постели, когда с тобой разговаривает немец! — гаркнул один. — Вста-ать!

— Он болен, господин фельдфебель, четвертый год болен. У него паралич! — староста, протиснувшись вперед, поправил одеяло на раненом. Фашист, пристально взглянув в глубоко утонувшие глаза Яна, на его исхудалые щеки, процедил:

— С концлагеря сбежал, наверно, скотина. Паспорт, живо! — И он, внезапно схватив край тюфяка, резким движением перевернул раненого на бок. Зденка, от страха прижавшаяся в угол, одним прыжком оказалась у койки, обняла раненого:

— Не смейте! Что вы делаете?

Немец замахнулся на нее автоматом, но не успел ударить. Как раз в это время на улице застрочили из пулемета, кто-то во всю глотку закричал: «Партизаны!» Фельдфебель со своими мрачными спутниками пробкой вылетел на улицу...

3

Яну стало плохо после встречи с фашистами. Доктор целый день просидел у его кровати. А в голове билась мысль: что они искали? Может быть, кто-то о Яне донес? А кто бы это мог? Кто?..

Ему вспомнилось, что недавно он видел Карела, парня, который давно нахально ухаживал за его дочерью и даже домогался ее руки. Зденка лишь фыркала при упоминании его имени. Различные темные слухи ходили про Карела, говорили даже, что он тайный доносчик... В последний раз, когда Карел умолял выдать за него дочь, доктор, сославшись на молодость Зденки

и на ее собственное нежелание, категорически отказал ему. Тот пробормотал что-то вроде: «Вы еще меня вспомните...» и исчез.

4

Перед самым рассветом возбужденный доктор, вернувшийся откуда-то, вбежал в дом, широко распахнул окно и долго стоял возле него, прислушиваясь к артиллерийской канонаде.

— Слышишь, Ян? Советские войска перешли в новое наступление! — Он осветил ручным фонариком, нашел в темноте очертания фигуры Яна на кровати. Луч переполз на понимающе улыбавшееся лицо раненого, которое как бы кричало: слышу, хорошо слышу!..

Доктор осторожно повернул койку Яна к окну, и в этот миг дрогнула земля и раздался оглушительный свистящий звук, который перекрыл все звуки недалекого боя.

— Что это? — ошеломенно спросил доктор.

Небо полосовали фантастические молнии, заливая окрестность пульсирующим, режущим глаза светом, где-то далеко замерли дробные глухие удары и вспыхнуло огромное, вполнеба зарево. Ян радостным расширенными глазами смотрел в окно...

— Бог мой, это же «Катюши»!.. — воскликнул доктор и вопросительно взглянул на Яна; тот утвердительно прикрыл глаза.

По каменистому тротуару прогремели чьи-то кованые сапоги.

— Совсем близко день победы, Ян! — волновался доктор. — Такая сила, такая мощь!..

И тут же за окном раздался чей-то издевательский смех:

— Праздновать собрался, красный эскулап? Получай подарочек!..

— Ах ты, иуда! — доктор сразу узнал Карела по голосу и выхватил подвернувшийся под руки нож, но не успел высунуться в окно, граната влетела раньше. Страшный, раздирающий уши грохот и ослепительное пламя...

Зденка с матерью и сестрой прятались в это время в кухонном погребе. Когда от взрыва содрогнулся дом, девушка, преодолевая подступившую к горлу тошноту, открыла плечом крышку и вылезла наружу. Кашляя от удушливого дыма, кинулась в комнату...

— Папа!.. — в голосе ее был ужас. — Папа!..

Доктор молчал. Он лежал у порога, уткнувшись в него седой головой. Дочь с трудом перевернула его на спину и отпрянула, закрыв лицо руками.

— Мама!..

Когда запыхавшаяся мать подбежала к ним, доктор, последний раз вздохнув, затих.

Зденка, как слепая, хватаясь за угол ободранной осколками печи, с трудом поднялась на ноги. И только тут вспомнила о Яне.

— Ты жив, Янек?!

Ян остался жив. Увидев плачущую девушку, он тяжело вздохнул, в груди у него что-то забулькало.

А по улице, сотрясая каменную мостовую, шли танки с красными звездами на иссеченных осколками бортах. Шли усталые бойцы в плащ-палатках. В колонну со всех сторон врезались женщины с кувшинами и кружками в руках. Солдаты, не останавливаясь, с наслаждением пили холодное молоко, бодрящее виноградное вино и приветливо махали высыпавшим на улицу жителям пилотками и касками.

А словацкие партизаны, шедшие с ними в общем строю, проходя мимо дома доктора Йозефа, торжественно вздымали вверх оружие:

— С победой, доктор!..

Но доктор уже ничего не мог сказать им в ответ.

...Его похоронили на центральной площади села в братской могиле. Проститься с доктором Йозефом пришли жители — от мала до велика, партизаны, которым так помогал он, советские бойцы и офицеры. И лишь Ян, которому доктор завещал жить, не смог быть там, вместе со всеми, и это особенно угнетало его.

А в это время в партизанском штабе шел допрос Карела: его поймали на окраине деревни.

5

Минсылу, почувствовав на себе чей-то взгляд, обернулась. Опять эти глаза... Вернее, один глаз раненого Максима Ковалева, пристально и вопрошающе смотрящий из бинтов. Что хочет сказать этот товарищ? Ах, если бы он мог говорить! Ей самой было мучительно видеть уже несколько дней этот требовательный и немного пугающий взгляд.

От волнения она выронила градусник. Ударившись о плиточный пол, он разлетелся вдребезги, и серебряные шарики, догоняя друг друга, весело разбежались в разные стороны. Минсылу поежилась: деликатный выговор от врача обеспечен. На днях, вот так же нервничая, разлила дефицитное лекарство, вчера разбила градусник и вот сегодня. Почему на нее действует этот взгляд? Хотя, ведь это тяжелораненый, нервная система расшатана, все чувства обострены... А вдруг? Нет, это невероятно...

Она замерла от неожиданного предположения. И стала торопливо листать историю болезни Ковалева. Вдруг он был вместе с Сарьяном? Идет война, а в ней бывает всякое, так говорили многие раненые, прошедшие через ее палату. Да, конечно же! Максим Ковалев тоже сражался на Втором Украинском фронте. И ранен в Чехословакии...

Она похолодела при мысли о том, что Ковалев знал Сарьяна и, быть может, даже встречался с ним на фронте... Минсылу ходила обеспокоенная. Ею овладело безудержное стремление немедленно спросить. Но от этого шага медсестру удерживало плохое состояние здоровья раненого. Пересилив нетерпение, она решила ждать подходящего момента и уже не так страшилась пристального взгляда Ковалева. Тем не менее Минсылу попросила перевязочных сестер освободить от повязок второй глаз Максима. Те охотно согласились и во время очередного дежурства встретили ее шутками:

— Получай двуглазого Максима!

— До свадьбы остальное заживет!

— Правую бровь смазали зеленкой и мазью, все в порядке, Минсылу!

В палату, будто сговорившись, собралось полно народу.

— На-ка, Максим, взгляни в зеркальце! — весело сказала одна из медсестер и поднесла к его лицу крошечный осколок зеркальца. Девушки, улыбаясь, окружили койку Ковалева.

— Это ничего, что маленькое. В него, Максим, всех своих заплаток не увидишь, ни к чему пока. Вот заживет все, хоть в трельяж смотришь!

Ковалев отличался покладистым нравом. Раненый есть раненый. И сейчас, поддавшись веселому возбуждению девчат, слабо улыбнулся.

Раны на лице его действительно рубцевались быстро. Через пять дней был снят первый лейкопластырь, еще через неделю — второй, потом — третий, последний. На их месте оставались лишь темно-розовые пятна.

Сестры — молоденькие и смешливые — постоянно вертелись возле Ковалева. Им доставляло удовольствие, по мере того как лицо бойца обнажалось от пластыря, подносить к его глазам все большие кусочки зеркальца.

К Ковалеву притягивало их и другое. Раненый солдат, лежа на приподнятой постели, опираясь спиной на подушку, рисовал карандашом. А девушкам его рисунки нравились.

Да, не рисовать Ковалев не мог, это была его страсть с детства. В госпитале же, в обстановке временного безделья, увлечение стало одним из основных его занятий. Тем более медсестры правдой и неправдой где-то доставали ему плотные белые листы бумаги, краски, карандаши.

Рисовал Максим чаще карандашом. Рисовал по памяти, с удивительным вдохновением, быстро, уверенными движениями. И листки с его рисунками мгновенно расходились по палате, вызывая одобрителные замечания.

— Глянь-ка ты, не дурно ведь получается!

Рисунками Максима интересовалась и Мишусу. Она подолгу рассматривала его работы. Особенно ей понравился портрет его соседа по койке.

— Вы совсем молодцом, Ковалев!— воскликнула она. — Как похоже получается. Вот грудь заживет, и окончательно выздоровеете. А насчет пятен на лице не переживайте: кровообращение восстановится, сами себя не узнаете. Скоро говорить будете, врачи свое дело знают...

Максим, внимательно вслушиваясь в ее плывущую, с легким акцентом, речь, согласно кивал головой, и глаза его улыбались. Но тут же он часто-часто мигал глазами, а пальцы рук нервно терсбили бахрому марлевой повязки на груди. Минсылу, внимательно следя за Максимом, с трепетом ждала, что он вот-вот заговорит и сообщит ей что-то важное. Но раненый молчал. Минсылу, прикусив губу, всякий раз нехотя отходила от его кровати...

Чутье не обмануло медсестру. Раненый, пока Минсылу стояла рядом, несколько раз порывался о чем-то спросить ее. Нетерпеливо посматривал на бумаги, лежащие на табурете, но так и не решился. Поэтому он, провожая ее взглядом, мысленно ругал себя: «Ах, как же так получилось? Опять ничего не спросил. Надо хоть на бумаге было написать вопрос. Сарьян же говорил, что его любимая находится в Ташкенте... Минсылу... Так зачем же робеть? Что тут зазорного? Ну, пусть даже не она, мало ли что в жизни? Но мне кажется, что эта сестричка и есть любимая девушка Сарьяна...»

Призадумался Максим, вспомнил своих однополчан и загрустил. А из-под острия карандаша уже текли другие рисунки из фронтовой жизни.

«Да, да! — твердил он себе. — Ты и впрямь, Максим, все свои сокровенные мысли должен переносить на бумагу! Но переносить так, чтобы думы художника-любителя Ковалсва и воина Ковалева слились воедино, чтоб рисунки сражались!..»

Рисовал Максим с неукротимым рвением, волнуясь. Он был уверен, что Минсылу, интересуясь его здоровьем, обязательно взглянет и на его новые работы. Так и случилось. Во время одного из дежурств Минсылу подошла к нему.

Возле койки Ковалева, как обычно, полукругом сидели ходячие больные. Максим, наклоном головы приветствовав медсестру, вновь углубился в свою работу. Но Минсылу успела заметить, как по его лицу нервно пробсжало чувство смятения. Она старалась быть спокойной и, пересбывая новые рисунки Максима, сделала для себя открытие: они стали другими, притом несравненно лучше, чем прежние; они о многом говорили; глядя на них, хотелось спорить...

Один из рисунков поразил ее: безногий раненый, в отчаянном порыве подавшись всем телом, смотрит на дверь палаты, в которой исчезает испуганно оглядывающаяся смазливая девушка... Слов не требовалось.

— Ясно... стерва эта больше не придет, — грустно вздохнул одноногий танкист и молча улегся на свою койку.

Второй рисунок изображал парня с раскосыми глазами, бережно принимавшего от кого-то винтовку. И надпись внизу: «Крепче бей врага, Сапарбай!»

Вот хирург, спасший от смерти, наверно, сотни людей. Сгорбив плечи от смертельной усталости, он сидит на стуле после тяжелой операции. Руки сложены на коленях.

А этот...

Дубовая роща у подножья горы. В разных позах отдыхают на коротком привале солдаты. На переднем плане сам Ковалев, а рядом...

Минсылу, увидев на рисунке родные черты Сарьяна, коротко ойкнула. А затем, схватившись за горло, будто ей не хватало воздуха, другой рукой впиалась в спинку кровати.

— Скажи, Максим, не Мирхалитов ли это?! Так он здорово на него похож... — сдавленным

голосом выговорила она и, как-то враз обессилев, присела на табурет.

Встревоженные раненые оцепенело глядели на нее. А Ковалев побелел, растерянно опустил руку с карандашом и, судорожно глотнув воздух, как бы в ответ на вопрос медсестры из кипы рисунков вытащил еще один. На нем были изображены два автомата с именами «Катюша» и «Минсылу», нацарапанными на дисках. И подпись внизу: «С этими автоматами мы ходили на выполнение особого задания».

— Кто это... Кто эта Катюша? — непослушными губами спросила Минсылу, чувствуя, что говорит не те слова.

На лицо Ковалева набежала тень, он отвернулся. Минсылу, признательно взглянув на него, тихо вышла в коридор, прижимая к груди бесценные рисунки.

6

На другой день Минсылу вызвал к себе начальник госпиталя. Она встревожилась. «Что это могло значить? По работе у меня, кажется, никаких нарушений не было...»

Однако главврач, приветливо улыбаясь, сказал:

— Развеяться не хочешь немного, Минсылу? А то все в госпитале да в госпитале. Другие медсестры уже по три-четыре раза сопровождали тяжелораненых домой.

Она сразу успокоилась. Действительно, она ни разу еще не ездила в командировку. И сразу приняла такое предложение начальника:

— Я согласна. Кого сопровождать?

— Повезешь слепого сержанта в Киев...

Сборы были недолги. Через несколько часов они уже были в поезде. Правда, поезд шел до Украины не так быстро, как хотелось бы. Особенно после Москвы. Она увидела разрушенные станции, сожженные заводы, каменные остовы домов... Она близко увидела на земле шрамы войны. Сердце ее сжималось от боли и ненависти. Сдав раненого, Минсылу отправилась назад. Путешествие можно было считать благополучным, если бы на станции Брянск не случилось событие.

Обычно Минсылу, выйдя из вагона на остановках, прогуливалась по перрону. А в Брянске решила не выходить, да и стоянка была короткой. Она, присев к окну, стала наблюдать за стоящим на соседних путях санитарным поездом, возле которого сустились железнодорожники.

— Один вагон у санпоезда отцепляют, — сообщили вошедшие попутчики.

— А раненых куда же?

— Наверно, по другим вагонам распределяют, куда ж их девать. У их вагона, говорят, с буксой непорядок.

Увидев сестер, несших посылки, Минсылу вскочила с места.

— Помочь надо...

— Не успеешь, девушка! — схватил ее за рукав сосед по купе. — Трогаемся сейчас.

И поезд, словно дождавшись этих слов, двинулся с места. Прижавшись к окну, Минсылу провожала глазами скорбную цепочку санитаров, несших посылки между колесами. И вдруг...

— Сарьян! Сарьян!! — она забарабанила кулаками по толстому стеклу. — Остановите!..

Люди не особенно удивились. Во время войны бывали и не такие случаи. Но когда Минсылу кинулась в проход и вырвалась в тамбур, соби-

раясь рвануть рукоятку стоп-крана, кто-то успел перехватить ее руку:

— Да ты сдурела, девка! Под суд захотела?

Минсылу, сразу же обессилев, прошла на свое место и села, обхватив голову руками. Так, покачиваясь в такт с движениями поезда, она просидела целый, наверное, час. Подняла глаза: за окном мелькали выбитые снарядами и бомбами сосновые перелески. Будто и не было никогда носилок с бессильно запрокинутым таким родным лицом.

Задумавшись, она не заметила, как кто-то осторожно поставил перед ней алюминиевую кружку.

— Сестричка, выпей-ка воды холодненькой. А то духотища в вагоне, не приведн господь. Выпсй, выпсй, полегчает.

Минсылу, судорожными глотками отпив из кружки, и вправду немного успокоилась. Но к горлу время от времени продолжала подступать спазма: слишком неожиданно было нервное потрясение. Ей даже стало совестно. Она стеснялась поднять глаза, посмотреть на людей. «Вот ненормальная! Всех взбудоражила. Да просто померещилось тебе, все время же о нем думаешь. Мало ли на свете похожих людей. А раненые вообще все друг на друга чем-то похожи. Ведь сам Железнов видел, как он взорвал мост...»

— Показалось тебе что, милая? — пожилой старшина, тот, что поднес ей кружку, участливо смотрел на нее.

Минсылу смутилась.

— Нервы не выдержали. Близкого человека на войне потеряла. Думала, он...

Попутчики переглянулись, понимающе кивнули. И, словно сговорившись, начали вспоми-

нать отдельные случаи, когда человек оказывался живым-здоровым.

— Ах, война, война...

Минсылу не спала ночь. Умом она понимала, что Сарьяна нет в живых. А сердцем никак не соглашалась с этим. Сердцу хотелось чуда. Перед глазами все плыли и плыли те носилки с раненым, очень похожим на любимого... И тоска опять терзала ее душу.

Еще в Ташкенте, выезжая в командировку, Минсылу заручилась согласием начальства, что на обратном пути она заедет в Башкирию, в родной Кайынлыкул. Сошла на станции Буздяк, по пути в деревушке Тирэкле у знакомых выпила чаю, выслушала положенную порцию охов и ахов и, попрощавшись, на попутной подводе тронулась дальше. Равнодушная ко всему на свете лошаденка, перевалив взгорок, пофыркивая, резво побежала по дороге. Земля, влажная от недавно прошедшего дождя, податливо скользила под колесами. Из-под копыт летели черные лепешки.

— Но, каурая, пошевеливайся!..

Незабываемый день... Лошадка, казалось, увидев знакомые избы Кайынлыкула, почувствовав возбужденными ноздрями пахучее сено, паддала ходу и теперь бежала, вскидывая голову и звеня мундштуком. Минсылу, глядя на развесающуюся под ветром густую гриву каурой, на крепкие ноги, отталкивавшие от себя землю, решительно взяла вожжи из рук пожилого возницы.

— Давайте я буду править, а то спать хочется.

Вот и родной аул. Минсылу соскочила с подводы. Ноги подкашивались. Ее охватило такое волнение, что она на мгновение прижалась к плетню. А первая, кто попалась ей навстречу,

была Залифа-апай. Увидев Минсылу, она все поняла чутким материнским сердцем. Бросилась к ней, обняла ее:

— Здравствуй, здравствуй! Попрощаться захотела, видно, доченька... — и, не выдержав, заплакала.

Да, это, наверно, и было прощанием. Прощанием с юностью, с бездумными светлыми годами. Дни улетели незаметно. С Сайдой, ставшей уже агрономом, они до полуночи бродили по близким с детства местам. Молча, без слов понимая друг друга, постояли на берегу Базы. И лишь два имени не было упомянуто в их бесконечных беседах — имена Сарьяна и Хасанши. Слишком свежа была еще душевная рана Минсылу, а Сайда вообще относилась к своему прошлому, как к дурному сну.

Расставание было нелегким, какой-то осадок — то ли грусть, то ли сознание своей ненужности здесь — остался в сердце. Многие односельчане запомнили ее одиноко сидящей на подводе и прощально махавшей рукой. Это был и последний привет юности, и поклон людям, свидетелям ее первых шагов по теплой родной земле. Доведется ли снова вернуться сюда? Кто знает. Без НЕГО — не было смысла...

И даже когда Минсылу вернулась в Ташкент, настроение ее не поднялось. Она сразу же написала в деревню. Ответ пришел быстро. Залифа-апай — каждое слово ее дышало иступленной надеждой — писала: «Глаза выплакала. И верю, что жив. Иначе жить не смогу. Верь и ты, надейся до конца, доченька...»

И она верила. Сердце так и не смирилось с мыслью, что все окончено. И в бессонные ночи, лежа в своей узкой постели, она рисовала в во-

ображении его лицо, с каждым днем становящееся все более молодым и ласковым, таким, каким оно было в незабываемые дни в Қайыңлыкуле.

7

Незаметно заканчивалось лето победного со-рок пятого. В одних семьях была неописуемая радость, в других навсегда поселилась печаль, ибо с окончанием военных действий как бы навсегда обрывалась тонкая ниточка надежды на чудо — вдруг еще найдется, еще отзовется из нового освобожденного района... В Ташкент возвращались эшелонами победители. Вокзал расцветал в цветах и кумачовых лозунгах. Минсылу с матерью несколько раз ходили на вокзал и каждый раз возвращались со слезами. Им некого ждать. К ним никто не вернется.

Но однажды раздался робкий стук в дверь. Минсылу была после ночного дежурства дома. Она замерла на месте, слушая биение своего сердца. Стук в дверь стал для нее вестником нежданного горя... Но этот стук был робкий и в то же время уверенный. Она открыла дверь. На пороге стоял пожилой бравый солдат, в котором Минсылу сразу же угадала стекольщика Хайри-агая. Он изменился за годы войны. Стал стройнее, поджарее, словно помолодел. На выцветшей гимнастерке сияли боевые награды. Он стоял на пороге и застенчиво улыбался:

— Вот по дороге домой решил завернуть к вам на часок... Стучу и не знаю, здесь вы еще проживаете или уже уехали куда... Война ведь прошла, четыре года.

Минсылу обрадовалась ему, как близкому человеку, словно она никогда и не возражала

против его прихода в их дом. Минсылу широко и приветливо улыбнулась:

— Ну, что вы!.. Как мы рады!.. Заходите!..

И тут же крикнула матери, которая возилась на кухне, приготавливая завтрак:

— Мама!.. Какой гость к нам пришел!

Мать, вытирая руки о фартук, выскользнула из кухни и замерла на полпути. Она верила и не верила своим глазам. Улыбнулась смущенно и счастливо:

— С приездом, дорогой Хайри! С победным возвращением вас.

И засмушалась. Краска бросилась ей в лицо. Она зачем-то поправила прядку волос.

— Проходите, проходите... Через порог не будем здороваться.

Хайри-агай старательно вытер о половику подошвы сапог, перешагнул порог, потоптался на месте, не зная, куда поставить свой вещевой мешок, который явно ему мешал. Потом бросил его на стул.

— Вот, приехал я и прямо с вокзала к вам...

— Садитесь, садитесь... В ногах, говорят, правды нет...

— И то верно говорят, — согласился он, никого не видя, кроме одной-единственной женщины, с думой о которой уезжал на фронт, с думой о которой прошагал нелегкими путями до столицы чужой страны и к которой ноги сами привели в родном городе, едва он сошел с эшелона.

— Счастливый вы человек, Хайри. Вернулись живым и невредимым. Вернулись, — повторила смущенно мать Минсылу.

— Благодаря вам, дорогая Магира... Все благодаря вам.

И с этими словами солдат расстегнул нагрудный карман у сердца и вынул потертый конверт. Из него извлек маленький вышитый платочек.

— Вот, который вы мне подарили в день отправки... Помните? Так я благодаря ему и выжил... От всех пуль, как броня, меня защищал...

С этими словами он приложил платок к губам, поцеловал его и протянул Магире:

— Вашу просьбу выполнил, дорогая Магира, возвращаю вот... Примите с благодарностью солдатскую.

Магира взяла платочек и приложила его к своей щеке, как самую дорогую вещь.

— Он самый!.. Какой вы, Хайри, человек верный...

Минсылу сердцем поняла, что она тут лишняя свидетельница. Она быстро собралась, объявив, что ей некогда, что ее ждут в госпитале. И ушла. Она просто была рада за свою пострадавшую мать. Хоть под конец жизни у нее могут появиться счастливые годы. И еще одна мысль окончательно утвердилась в ней. Минсылу уже дважды приглашал к себе главный врач и предлагал выехать в город Витебск, куда перебазировается часть медперсонала, чтобы там открыть новый госпиталь. Минсылу все не решалась, не давала положительного ответа. Она не решалась и заикнуться об этом своей матери. Она не могла ее оставить одну в Ташкенте, в этом большом городе, где нет у них родных. А теперь, кажется, можно и дать согласие. Минсылу понимала, что ее присутствие в небольшой квартире будет только лишним.

Три дня гостил у них Хайри-агай. Три дня пролетели для матери как одно мгновение. Три дня тянулись долго для Минсылу, которая радо-

валась за мать и тосковала в своем безутешном горе.

На четвертый день Хайри-агай засобираился в путь. Минсылу решительно сказала матери:

— Ну, куда же он поедет? Пусть у нас остается, мама.

У матери по-молодому вспыхнули щеки. Она только спросила:

— А ты, дочка, как будешь?

— Так я же ведь уезжаю, мама. Помнишь, говорила, что часть медперсонала переводят в Белоруссию, в город Витебск. Я ж дала согласие...

Глава четырнадцатая

1

Нет, раненый, увиденный Минсылу в Брянске, не был ее Сарьяном. Но именно этим путем провезли еще в мае неокрепшего слабого Сарьяна. Никто из медперсонала не знал его настоящего имени. В историю болезни со слов Зденки он был занесен как «Ян, русский солдат».

Его привезли в рязанский эвакогоспиталь, поместили в двухместную палату. Раненые переглянулись: плохо дело у парня, сюда помещают безнадежных. И они не ошибались.

У врачебного консилиума, собравшегося у койки безмолвного раненого, вывезенного из чехословацкой деревни, был более или менее единодушный вывод: вряд ли выживет, безнадежен. А русский солдат Ян между тем, назло всем заключениям, упорно карабкался из смертной ямы. И вскоре врачи в полной мере сумели оценить незаурядную волю к жизни у полуживого солда-

та, и теперь все силы, имеющиеся в их распоряжении, были брошены на его спасение.

Он медленно возвращался к жизни. После взрыва гранаты в доме доктора Йозефа Сарьян снова впал в шок, и в тяжелом состоянии его передали в санбат, а оттуда врачи срочно эвакуировали в тыл. Он не помнил ничего. У него не было сил и удивляться новой обстановке, новым людям. Он свыкся с тем, что не чувствует ни рук, ни ног. Лишь порой по ним пробегала, словно ток, острая жгучая боль. Еще в доме чешского доктора он уже стал было различать звуки, понимать человеческую речь. Но взрыв гранаты снова отбросил его в прежнее безмолвие. Уши опять как будто заткнули ватой, и ему нестерпимо хотелось вырвать ее. В разгоряченном мозгу стремительно пробегали пестрые картины прошлых событий, смешивались, как в трубке калейдоскопа, и терялись.

Его одолевали сильные мучительные боли. От них не было спасения. Во время кратких минут, когда боли отпускали его, он жестоко ругал сам себя: «Распустился, маменькин сын! Ну, чего ты ноешь? Крепиться надо. Все будет хорошо! Терпи, фронтовик! Думай о том, чтоб скорее на ноги встать и разыскать Минсылу».

Молодость брала свое. И заботливый уход врачей, и неистовое желание выжить, ощутить ослабевшими ногами твердую землю — все это делало свое дело. Он почувствовал вскоре явственный прилив сил. Веселее стал блеск его глаз, а однажды слабо зашевелились пальцы на парализованных руках. Он не поверил. Попробовал еще раз, и они снова подчинялись ему. Двигались! Пальцы двигались. Пусть слабо, еле-еле. Но шевелились. И это событие придало ему уверенности. Он выживет! Он вернется в строй!

А ранним утром, услышав заводской гудок, Сарьян долго лежал улыбаясь. Ему казалось, что это его родной завод зовет к себе...

Его улыбка словно переселилась на лица медперсонала, который тоже воспрял духом. Настал день, когда его стали переворачивать на левый и на правый бока, класть животом и грудью на подушки.

Безмерно радовало его и то, что прошедшие события уже не теснились перед ним беспорядочно и разорванно, а как бы выстраивались одно за другим в логической последовательности. По мере того как восстанавливалась память, начали возникать и тревожные вопросы: «Как там мать? Как Минсылу?» Сейчас он думал о Минсылу с особенной горечью и тоской. Вдруг ему суждено остаться полностью... ну, не полностью, а все же парализованным? Имеет ли он право калечить ее жизнь?

А вокруг кипела жизнь. Сарьян с горечью сознавал, что эти месяцы, проведенные на койке, попросту вычеркнуты.

2

А в далеком Ташкенте Ковалев, который обрел способность говорить, сотый, наверное, раз рассказывал Минсылу о последнем бое у моста. Понимая, насколько дорога девушке каждая мелочь, касавшаяся друга, вспоминал все новые и новые подробности. Он был откровенен до конца и прямо сказал ей, что спастись при таком взрыве и тем более когда поджигаешь шнур у самой мины, нельзя. Чудес на свете не бывает.

Минсылу, к огорчению Максима, уехала. Перед отъездом она зашла попрощаться.

— Ты увидишь мою родную Белоруссию, — сказал грустно Максим, — мою родину. Я б туда на крыльях полетел.

Минсылу уехала в Витебск. А в сентябре, когда ему пришла пора выписываться, медперсонал, привязавшийся к нему и знавший трагическую историю его любви, начал уговаривать Максима остаться здесь, в Ташкенте.

Максим, казалось, был не прочь последовать их совету. В самом деле, что ждет его там, в Белоруссии? Пепелище и горькие воспоминания? Но едва лишь наступил октябрь, как он заговорил о своей Назаровке, о тамошних лесах, о белом-белом снеге. И вскоре Ковалев поехал в родные края.

Однако поездка не принесла ему ожидаемой радости. Встреча с родной Назаровкой вновь вызвала нервное потрясение у Ковалева... Молча, обнажив голову и стиснув зубы, так что побелели следы ран, стоял он у страшного пепелища. А когда подошел к месту, где стоял сарай, в котором сожгли Катюшу, у Максима внезапно горлом хлынула кровь... Земляки сумели доставить его до ближайшего города — Витебска и снова уложили в госпиталь.

Придя в себя, он не удивился, что у его кровати стоит Минсылу.

— Ты не уедешь из Витебска? — спросил ее Максим. В глазах его было страдание. — Ну... побудь со мной... пока...

Он не договорил. Но все было ясно и без слов. Минсылу только удивленно смотрела на Максима. Она действительно тосковала по ставшему ей родным Ташкенту. Ей хотелось вернуться назад. И письма матери звали ее домой. Но об этом еще никто не знал.

Минсылу и сама понимала, что в таком угнетенном состоянии духа она не может оставить Максима. В тот вечер в бараке, где жил медперсонал, и ей выделили комнатку, она долго сидела, не зажигая огня.

А уже на следующий день снова, как ни в чем не бывало, вышла на работу.

3

В эти же самые дни в рязанском госпитале Сарьян начал самостоятельно переворачиваться с боку на бок. А в один из пасмурных октябрьских вечеров, когда за окном беззвучно падали мягкие снежные звезды, он почувствовал, что сейчас должно произойти что-то из ряда вон выходящее. Он полежал еще несколько минут, словно проверяя это предчувствие, и вдруг самостоятельно, без чьей-либо помощи, сел на койке. И сам не поверил. Только необычно закружилась голова, словно выпил спирту. Захватило дух. Он схватился, оперся о стенку. Улыбнулся. И снова лег. Никто этого не видел. Но это была его собственная победа над недугом. Он встанет, он вернется к жизни!

Мало-помалу исчезал утомительный шум в ушах. Начали понемногу двигаться руки. Потом — ноги. Неуверенно и робко. Как у ребенка. Он с удивлением, как бы со стороны наблюдал за собой. И вся палата — его давно перевели в общую — бурно радовалась за него. Здесь лежали солдаты, и уж они-то могли попятить, что это означает.

Дальнейшие события происходили стремительно. Настал день, когда он более или менее внятно, с огромным трудом смог произнести свое имя. Говорил чуть слышно, хотя ему и казалось,

что кричит. Попросил написать письмо матери, успокоить ее. Медики с изумлением услышали его краткий рассказ о себе. Но долго еще палату, в которой он лежал, все по привычке звали «палатой Яна».

Он дождался и того благословенного дня, когда смог, поддерживаемый другими, выйти в коридор. Первые самостоятельные шаги после изнуряющей неподвижности... Навстречу ему вышел едва ли не весь персонал. Встав перед ними, Сарьян молча низко склонил голову — в знак признательности и благодарности, которые иногда нельзя выразить никакими словами.

Палата была залита ярким светом. Сердце билось сильно и тревожно. Ему вдруг вспомнилось то далекое весеннее утро и маленький огонек, туго бивший из обреза бикфордова шнура. И еще фигуры обреченных гитлеровцев, в страхе застывших неподалеку...

4

В конце декабря, почувствовав себя окончательно здоровым, Максим выписался из витебского госпиталя. И хотя не показывал вида, в душе растерялся: куда податься теперь? И тут выход подсказало госпитальное начальство. Прослышав о его способностях к рисованию, оно предложило ему остаться при госпитале: нам, мол, такие люди нужны. Максим нехотя согласился.

Новый год встречали в комнате Минсылу. Народу было немного, всего четыре пары. Принесли свои пайки, бутылку разведенного спирту, банку с американской тушенкой... Одним словом, настоящий пир.

Одна медсестра более или менее сносно играла на мандолине. Когда один из гостей, немного игравший на баяне, устал, она привычным движением положила округлую деку мандолины на колени и тронула медиатором струны. Сидевшие подхватили знакомую мелодию. И уже собираясь было уходить, с воодушевлением спели только появившуюся тогда песню:

...Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забыли мы нигде...

И снова запели ее, когда шли по свежей морозной улице, взявшись под руки. Запавшие в сердца слова продолжали звенеть в ночной тиши:

...Хороша страна Болгария,
А Россия — лучше всех!..

Первое раннее утро нового года оказалось довольно-таки холодным, хотя и безветренным. Кое-где от мороза лопнула кора на деревьях. Хрупкий иней мгновенно оседал на бровях и ресницах. Максиму и Минсылу не хотелось идти домой. Говорили они мало, и каждый думал о своем. К тому же Максим в последнее время стал молчаливей. Правда, была у него привычка насвистывать. Сейчас он, тихо насвистывая, осторожно взял ее под руку, и они побрели по тихой заснеженной улице.

А Минсылу думала о своих гостях, которые только что разошлись. Да, девчата пришли со своими парнями, у них были оживленно-счастливые лица...

Остро завидуя их счастью, Минсылу с какой-то спокойной грустью подумала, что у них с

Сарьяном уже мог бы быть ребенок, — тоску по теплему смешному существу она ощущала порой особенно сильно, до слез. И впервые пожалела, что не согласилась выйти за него замуж тогда, в Уфе, по возвращении из Ишимбая... Верно говорят, что первая любовь вспоминается до самых седин. А сегодняшние девчата были счастливы бесконечно — оба парня, их школьные друзья, уцелели в страшное время. Оба остались живы, и партизан, и танкист...

— Минсылу... — тихо окликнул Максим.

Она, вздрогнув, обернулась к попутчику.

— Да, Максим.

— О чем ты думаешь?

— Да так... Новогодняя ночь вообще странная. Взгрустнулось что-то.

Она улыбнулась ему, но улыбка ее была какой-то далекой и смутной.

Когда повернули к дому, Максим заговорил:

— Мне тоже... не по себе как-то. Иногда думаю: зачем было все это — ранение, госпиталь. Лучше бы... — он осекся и взглянул ей в глаза. — Страшно это, когда одиночество за глотку берет. Вдвоем не так тоскливо...

— Макси-им! — Минсылу ласково прижала руку в варежке к его губам. — Не надо об этом.

— Ведь я не зря это говорю...

— Скажи мне, ведь ты свою Катюшу ни на кого бы не променял? Верно?

— Да.

— Ты думаешь, я могу забыть Сарьяна?

— Таких не забывают.

— Вот видишь. А ты... ты мне как брат. Как друг. Но не другое, Максим. Пойми меня...

— Я все понимаю. Но ты еще и женщина. А жизнь идет. А все время жить воспомина-ниями...

Она прибавила шаг. А Максим больше ни единым словом ее не потревожил.

Через несколько дней его отправили в Минск в командировку. И, словно давая Минсылу возможность как следует подумать над его словами и не желая постоянно торчать у нее перед глазами, он продлил командировку и пробыл в Минске две недели.

Думать Минсылу было о чем. Полупризнание Максима не было для нее открытием. Обостренным женским чутьем она поняла, что далеко не безразлична ему. Она ждала этих слов и раньше. Но Максим, видимо, долго мучился и размышлял, прежде чем решился на откровение. И все же она не готовила ответа заранее. Исход их разговора был для нее ясен с самого начала.

Того, что было у них с Сарьяном, уже никогда ни с кем не будет. Хотя... Что же было? Редкие встречи, любовь в письмах? Было главное—чувство. Никогда она не сможет забыть себя в мгновенья самой жаркой страсти... Максим — чудесный человек, слов нет. Но что это за благополучная, «как у всех людей», жизнь, так называемое уважение к друг другу, если во всем этом нет жара любви? Это же страшно. Говорят, недостаток любви к мужу восполняется любовью к детям. А справедливо ли это, если женского сердца хватает на всех — и на того, кто дал ребенку жизнь, и на самого ребенка?

Эти мысли не давали ей покоя.

5

Через полмесяца вернулся Максим, вечером раздался знакомый стук в дверь. Она и обрадовалась и встревожилась.

— Входи, Максим, не заперто.

Встреча оказалась обычной. Теплой, непринужденной. Пили чай, делились новостями. Минсылу надеялась, что они так и расстанутся. Однако, заметив в глазах Максима решительность, внутренне собралась и насторожилась.

— Минсылу, ты помнишь наш разговор... ну, тогда, в новогоднее утро?

— Какой разговор?

— Не надо так, ты же отлично знаешь, о чем я... Давай будем вдвоем. И мне тяжело, и на тебя глядеть тяжело. Измучилась вся...

— Вот ты о чем!

Ей стало грустно. Нет, не таких слов ждала она от него. Пусть не вызывает этот ровный, очень порядочный парень того сумасшедшего, неистового желания, дрожи во всем теле... Но ей, истосковавшейся по ласке, по обычным и вечно новым словам любовного признания, хотелось слышать другое. Может быть, чуть больше волнения в голосе. Запинки во время признания. В общем, того, что нельзя объяснить.

Тихонько вздохнув, она встала, закуталась в шаль. Подошла к тумбочке и поправила небольшую раму с портретом Сарьяна.

— Нет, Максим. — Она подняла голову, голос ее был ровным и усталым. — Любовь и жалость не уживутся. И моста между ними никогда не перекинуть.

Максим от стыда и горечи не знал, куда деть глаза. Его вдруг начал бить озноб. Нужных ответных слов не находилось. И, как всегда в минуты сильного душевного волнения — то же самое было на пепелище в Назаровке, — у него потемнели следы ожогов. Сердце стало биться неровными тягучими толчками, он ощутил что-то похожее на удушье. Торопливо расстегнул ворот гимнастерки, ошупью нашел на вешалке

свою старенькую шинель и, чуть поклонившись Минсылу, вышел на улицу.

Внезапно начался снегопад...

Минсылу подошла к окну. Белые пушистые снежинки падали бесшумно и белой пеленой, чем-то похожей на бинты, закрывали улицу, дома, деревья, ложась на все свежей, чистой повязкой...

Минсылу долго не могла успокоиться. А может, нужно было ответить более деликатно? Нет, внушать надежду и потом разбить ее — тоже не дело. Чувства смешались: и жалость к нему, и досада на его неумение затронуть нужные струны сердца. И досада на себя за нежелание пересилить одиночество.

Заснула она поздно. А наутро...

Утром, когда пришла в госпиталь, узнала, что Максиму вновь стало плохо. И опять привычная осточертевшая палата, бесконечные пичканья лекарствами, инъекции, анализы...

Так прошли две недели. Максим впал в угрюмое оцепенение. Лежал, целыми часами глядя в потолок. Врачи начали поговаривать о необходимости какой-то сложной операции. К середине февраля состояние его немного улучшилось, операцию отложили. Минсылу вдруг ощутила в душе опустошающую усталость. Сказались и переживания, связанные с Максимом. Она попросила у начальства разрешение съездить к матери в Среднюю Азию. В это время отчима Хайри-агая вместе со строительным управлением, где он работал, перевели в Андижан. Погостила она там недолго. А когда вернулась в Витебск, многие заметили, что в глазах старшей сестры Хабировой поселилась ровная застывшая грусть.

Одной из причин тому был и Ташкент. Она проезжала через него. Стоя у ворот текстильного

комбината, с которым так много было связано в ее жизни, она впервые, пожалуй, с такой пронзительной и холодной ясностью поняла, что Сарьяна — нет.

Откуда было знать ей, что счастье ее было рядом, только протяни руку! Стоило зайти к кому-нибудь из подруг или к себе в цех. За несколько дней до этого сюда пришло письмо Сарьяна!

По пути в Витебск, глядя на проплывающие мимо поля, на снег, укрывший нанесенные войной шрамы, она решила, что ей пора перестать метаться из города в город. Нужно найти какую-то пристань. А если вернуться в Башкирию? Надо все серьезно взвесить. Надоело все на свете, надоело!..

Не знала она и того, что в Қайынлыкул пришло письмо, первое письмо от стремительно выздоравливающего Сарьяна. Не знала, что уже идут письма, разыскивая ее.

Она решила: с прошлым все кончено, жизнь властно требует перемен.

Да, надо было жить, и вместе с ней будет жить ПАМЯТЬ.

6

Сайда собралас на республиканское совещание агрономов. В поезде ей вспомнилась встреча с Минсылу, приехавшей в Қайынлыкул, вспомнилась их негласная договоренность не вспоминать о Сарьяне и Хасанше... Но сейчас ей вдруг захотелось увидеть Хасаншу. Захотелось, и все. Ведь и у них были короткие, как вспышка огня, минуты нежности...

Встретились они неожиданно. Выйдя из здания, где проходило совещание, она встала на

массивных каменных ступенях и залюбовалась роскошной пылающей радугой, которая, казалось, одним концом уходила в родную сторону, в Кайынлыкул.

— Вот красотища-то! Добрый дождь был. Лишь бы нас не миновал.

И где-то за фиолетовыми тучами, плывшими в безбрежную даль, слышались ворчливые раскаты грома. Они прозвучали продолжением шквала аплодисментов, раздавшихся в это время в зале совещания. Сайда, охваченная смутным чувством, похожим на беспричинную радость, шагала по тротуару, перепрыгивая веселые бурлящие потоки. Воздух был свеж и упруг; щеки ее разгорелись, она то и дело прикладывала к ним тыльную сторону ладони.

Прошумевший дождь умыл город. Ослепительно блестели крыши, деревья стряхивали на прохожих дрожащую водяную пыль. Пестрые россыпи голубей покрыли скверы и улицы. Сайда шла помолодевшим шумным городом, и словно ее нечаянная радость делала ее шаги легкими и звонкими.

Она завернула за угол, старательно обходя лужи, вышла на центральную улицу. Дорогу ей пересекал пьяный. Шел он угрюмо и тяжело. Волосы беспорядочно рассыпаны по лбу, окуроч прилип к губе. Она похолодела. Сверкающий звенящий день померк.

— Хасанша?!

Пьяный дернулся, остановился, будто натолкнувшись на преграду. Поднял голову и уперся взглядом в Сайду. Несколько секунд бессмысленно глядел на нее. Потом вспомнив, заорал на всю улицу. Да так, что от него шарахнулись прохожие:

— Ты откуда взялась?!

И спотыкающимися шагами направился к ней. Сайда испуганно отшатнулась. Торопясь, зашагала прочь. Потом побежала. «Господи, опуститься до такой степени!..»

— Где сын, Сайда? — донесся и замер за спиной пьяный голос. — Где-е?..

И, как бы продолжая его голос, донесся заводской гудок. Далеко на севере полосовали небо слабеющие молнии, легкое марево стояло над городом. Солнце, подсвечивая края туч, медленно клонилось к западу, оранжевые его лучи ослепительно вспыхивали золотом в умытых дождем окнах.

Однако этого вечернего великолепия для Сайды уже не существовало. Она пришла, вернее, доплелась до гостиницы, упала на койку и затряслась в беззвучных рыданиях... Когда она наконец успокоилась и встала, в комнате царил полумрак. Сайда умылась и, крепко повязав голову платком, села у открытого окна.

Небо очистилось от туч, и бездонная густая синева, переходя в фиолетовые тона, повисла над городом. Притихли и голуби, стригшие воздух во всех направлениях. Сейчас они, сбившись в кучу, бормотали что-то свое на карнизах. Появились первые робкие звезды.

Сайда опустила подбородок на сцепленные пальцы. Где-то запели, и тихая, волнующая в своей простоте мелодия доносилась сюда.

Рядом с месяцем всегда
Бродит яркая звезда.
Я не месяц, не луна,
Без тебя хожу, одна...

Сайда поежилась от вечерней прохлады... Или это слова песни, переключаясь с ее настроением, вызвали эту нервную дрожь? Ей вспомни-

лась старая сказка о грустящей лунной девушке с коромыслом на плечах.

Слезы немного успокоили ее. Вот ведь дикое сочетание — теплый летний дождь, сполохи летучих молний, говор ручьев и вдребезги пьяный Хасанша... Ей повезло, что номер оказался одноместным. Сейчас присутствие постороннего человека было бы для нее невыносимо.

Тишина... Давно она не слушала ее, дни были полны хлопот.

Сейчас думалось о том, что жизнь, в общем, не удалась. Оказалась она какой-то вымученной, лихорадочной. Ее скрашивала, выручала лишь природная жизнерадостность и легкость нрава.

«Нет, я все-таки вру себе: я не могу считать себя несчастной. У меня есть сын, самое родное существо на свете. Мне всего двадцать четыре, и я дождусь того дня, когда кто-то скажет, волнуясь: «Хылыуым...» А разве это не счастье — то, что окружает меня: дымящаяся по весне земля, колосающееся под солнцем поле, боль натруженных рук? Лгут те, кто говорят, что они счастливы только трудом. Можно быть счастливым и в ожидании счастья...»

Месяц уже успел перекочевать на другую сторону небосвода. И вдруг опять послышались голоса. Где же они поют? Не в гостинице же!

Когда смотрю на месяц полный,
Душа кипит, как в бурю волны.
Не знал ты цену наших встреч
И не сумел любовь сберечь...

Сайда прилегла на жесткую гостиничную кровать, но сон не шел. Она свернулась калачиком в углу... В памяти замелькали отрывочные картины детства, она упорно старалась вспомнить лица матери и отца, но они сливались в од-

но неопределенное расплывчатое лицо, смотревшее на нее из далекого прошлого...

Отца она не помнила совсем. Лишь односельчане время от времени всплескивали руками: как ты похожа на него! А мать... Худенькая женщина, неясной тенью мелькнув в памяти, вдруг отчетливо встала перед ней. Вот она, взяв ее за ручонку, идет на жатву. Хорошо и весело шагать с ней рядом. Из-под босых ног взлетает легкая серая пыль. И где-то рядом грустно вскрикивают перепела...

Сайда вздохнула.

А та худенькая женщина поит ее, уставшую от игр, холодным молоком из горшка и укладывает спать в тень от стожка. Да, это была, конечно, мать. Ее ласковые теплые руки гладят косички, и, кажется, до сих пор помнится ее голос: «Отдохни, маленькая моя...» Нет, чужая женщина, наверно, так не запомнилась бы. Почему она умерла так рано?

Смутно, как во сне, припоминается еще один день: она плачет, стоя у холмика свежей земли. Было это, конечно, в день похорон. Вряд ли теперь отыщешь эту могилу, поросшую травой, среди других, таких же неухоженных и забытых.

Сайду вырастила бабушка. Старуха сделала для нее все, что могла. Девочка окончила среднюю школу. А вскоре и бабушка умерла. Сайда поняла, что все теперь зависит от нее самой — и выбор дороги, и судьбы. Всего потом было вдоволь — и удач, и тревог. Последнего, наверно, больше. Пришла ее пора — внезапным, кружащим голову обвалом обрушилась на нее первая любовь. Мучительная, с сомнениями, со слезами, но полная неизбывного счастья.

Как она любила Хасаншу! Мечтала — да и кто в такую пору думает иначе? — пройти с ним рука об руку долгую счастливую жизнь. Но все разлетелось вдребезги, как чашка, выскользнувшая из рук. Осталось чувство недоуменной обиды, опустошенность — неизменные спутники неудавшейся первой любви.

Она вернулась в деревню... Вначале не смела поднять глаз. Но односельчане, понимая, что у нее творится в душе, не донимали ее расспросами и соболезнованиями. Понимали — дело житейское. Сколько еще на свете вот таких матерей-одиночек. А Сайда не пропадет, мир не без добрых людей.

К ней одним из первых пришел Ульмаскул-бабай вместе с Залифой-апай. Разговор они начали издали. Потом Ульмаскул-бабай, решив отбросить недомолвки, прямо сказал:

— Мы тут, дочка, посоветовались с руководством колхоза и подумали, что учиться тебе надо. Поступай в сельскохозяйственный институт. Как сама на это смотришь?

— И черные мысли ветер унесет, доченька. Жизнь — это лучшее лечебное средство, — подхватила Залифа-апай. — Ведь как говорят люди: сильный — одного одолеет, знания — тысячу.

Сайда согласилась.

Институт теперь позади, годы пролетели быстро. И вот встреча с Хасаншой. Сразу спросил о сыне... Может, не все человеческое умерло в нем?..

С тревожным звоном в комнату влетел жук и, треща крыльями, вновь устремился к окну. Ударился о стекло. Сайда осторожно взяла его за глянцевые бока и выпустила на волю.

«Ну, что толку, что голос громкий, коли перед собой ничего не видишь?» — подумала она, глядя вслед летевшей черной точке. И тут же усмехнулась: тоже мне, философ отыскался!

7

Проснулась Сайда разбитой. В ушах звенел голос Хасанши: «Где сын, Сайда?»

Утро разгоралось, день обещал быть солнечным. Вот уже тает в небе, как цветная льдинка в воде, Вега — утренняя звезда. Заалела за громадами домов, на улицах сонно зафыркали, зазывно закричали первые машины.

Забрав в узел густые тяжелые косы, Сайда быстро оделась и отправилась в сад Салавата. Ей захотелось пройтись, немного развеяться.

В саду, как бы нависшем над крутым яром Агидели, неистовствовали соловьи, словно пытаясь перекричать друг друга. Она посидела на скамье, с наслаждением вдыхая настоянный на речной прохладе воздух.

Со стороны Оренбургского тракта потянул порывистый ветер. Ключья белесого влажного тумана, обнажив обрывистые берега, поплыли вниз по Агидели. Внизу, у самого берега, невидимый в тумане, кто-то кричал высоким надорванным голосом:

— Эге-гей! Держи левее, а то прижмет к яру!..

«Плотогонщики», — подумала Сайда. Она представила себе не видимых глазу парней. Плечистых, в грубых кирзовых сапогах, с черными от мозолей руками и прищуренными от постоянного напряжения глазами.

Сайде вдруг пришло в голову известное стихотворение Сайфи Кудаша — «Плотовщики». Слова сами, словно цепочка, потянулись одно за другим:

Занялась заря полоской алой,
И шумит, шумит прибрежный лес,
Над моей землею солнце встало
И ее приветствует с небес.
Листья шепчутся о чем-то тайном,
Встрепенулись птички голоса.
От цветов идет благоуханье,
И блестит прозрачная роса.
И когда в часы зари румяной
Соловьев слышна повсюду трель,
Дышат счастьем рощи и поляны
И река — спокойная Идель.
По Иделю, тихой и далекой,
Не спеша проходит легкий плот,
У руля, задумавшись глубоко,
Плотовщик и правит, и поет...

Сайде вдруг стало весело, и она повторила услышанные недавно в тумане слова:

«Эге-гей! Держи левее, а то прижмет к яру!..»

И торопливо, скользя по влажной от росы траве и придерживаясь за кустарник, сбежала вниз по узкой тропке, погрузилась в прохладный, еще не успевший рассеяться туман. И неожиданно для себя запела. И песня полетела, догоняя плотогонов:

Тихи волны Агидель-реки,
Золотом горят ее пески.
Льется в душу говор светлых вод,
Знать бы мне, о чем река поет!

И вдруг с реки донесся чей-то мужской приятный голос. Он подхватил и продолжил песню:

И тиха прозрачная река,
Тайна старой песни глубока.
Чье же сердце прячет Агидель?
Если б знать мне песню Агидель...

То ли оттого, что неожиданно и грустно ответили на ее песню, то ли оттого, что обжигающе свежа была речная вода, которой она ополоснула лицо, щеки ее разгорелись, как маков цвет. Она насухо вытерла их, поправила платок и поднялась в сад той же тропкой.

И не поверила своим глазам: у берега ее ждал Хасанша!

Раннее утро. Сад безлюден. Они стояли друг перед другом. Снова тоскливо заняло сердце. Она вначале остановилась, но потом уверенной и легкой походкой — она раньше так нравилась Хасанше — пошла прямо к нему, словно не замечая его, задумчивого, аккуратно, даже с изяществом, одетого.

— Сайда, мне нужно поговорить с тобой.

Она попыталась обогнуть его.

— Да послушай же ты в конце концов. Мы же не каждый день видимся!

Во взгляде Хасанши было смятение... «Да полно, Сайда ли это? — говорил его взгляд. — Почему я никогда не видел ее такой ослепительно красивой? Или просто не замечал? Какой плавной и свободной стала ее поступь... Шерстяное синее платье обнимает ладную фигуру, на ногах модные туфли. Чуть пополнела, но как чертовски идет ей это. На черных волосах брызги воды вспыхивают на солнце. Изящный поворот головы... Неужели все это когда-то принадлежало безраздельно ему?!»

И едва ли не впервые он почувствовал, что робеет перед ней. А она, поправляя волосы, лихорадочно гадала, с чего начнет он разговор.

Она смотрела на бывшего мужа и поражалась собственному спокойствию. Была просто легкая усталость — и больше ничего. Ни волне-

ния, ни интереса... Они зашагали рядом. Сайда шагала первой.

— Что ж ты хотел мне сказать?

Хасанша, смущенный, шагал, опустив голову.

— Что же ты, Хасанша?

Хасанша искоса поглядел на нее. Вздохнул.

— Если бы ты смогла простить мне ту давнишнюю ошибку...

Сайда остановилась и с интересом взглянула ему в лицо:

— Ты хочешь сказать, что осознал? Или сейчас придумал? — и про себя подумала: «Что у него на уме?»

— Я собрался уезжать в деревню.

— Ну и что тебе мешает? Уезжай.

Вынырнувшее из-за деревьев солнце ослепило ее, она прикрыла лицо ладонью и нечаянно задела локтем Хасаншу.

Хасанша повел головой, ослабляя галстучный узел.

— Точнее сказать... не уехать, приехать туда, забрать вас с сыном.

Сайда удивленно посмотрела на него.

— Забрать? Нас?!

Она отступила на шаг. А Хасанша продолжал:

— Да. Здесь бы и место хорошее для тебя нашлось, отец бы постарался...

Сайда нахмурилась. Губы ее дрогнули. Вспомнились незабытые горькие обиды. На лицо упала тень от неведомо откуда взявшегося облачка.

— И ты предлагаешь мне это? Чтобы я получила помощь из рук... твоего отца? Неужели ты никак не поймешь, что за эти годы изменилось многое? И, прежде всего, я?

Говоря это, внимательно наблюдала за ним. Она в свое время хорошо изучила все признаки наступающего гнева на лице бывшего мужа. Вот он начал нервно теревить пальцами, вздрогнули уголки раздраженно опущенных губ. Сейчас...

Но он молчал. Сдерживался.

— Приезжай в деревню, оставайся там... — примирительно сказала она. — Может быть, все будет хорошо... — и замолчала, поняв, что говорит не то.

— На кой дьявол сдалась мне твоя деревня? Что я там буду делать? — не выдержал Хасанша.

— Знающие люди там как раз нужны.

— Тебе что... ты по уши в своей земле.

— Она и твоя тоже. — Сайда резко повернулась к нему. — Да, я на всю жизнь связана с землей, понимаешь! А ты — как... как чертополох на краю поля. Ты вот сейчас говоришь о семейной жизни. Это, конечно, хорошо, что ты еще нас помнишь. А я тебе так скажу: будешь жить в деревне — может быть, и что-то получится у нас с тобой, хотя в это я не верю. Я давно не видела тебя, может, жизнь тебя научила чему-нибудь...

Солнце, встав над городом, окончательно разогнало туман, и вот уже внизу во всем своем лениво-величественном спокойствии, сияя серебром, предстала водная ширь Агидели.

Между тем Хасанша, глядя, как вниз по рассветной реке плывут бесформенные клочья тумана, невольно сравнил свою судьбу с ними. Вот так... дунул ветер, и тумана нет. Как нет и счастья. Да и не искал он его. Вернее, искал, но не там, где нужно. Что же делать? Каждый выбирает в жизни свое. Неужели счастье должно достигаться ценой подчинения собственных же-

ланий прихоти другого? Ехать в деревню, с зари до зари быть на поле? А если у него иная дорога? Может, он просто еще не нашел ее? Ведь иные ищут всю жизнь...

Хасанша чувствовал, что фальшивит перед самим собой даже в этом споре с самим собой. И сказал решительно:

— Я не останусь в деревне.

— Что ж, ты выбрал сам. Прощай! — Сайда, резко повернувшись, быстрыми шагами направилась из сада. Он заторопился за ней — так поднятая колесами пыль, клубясь, некоторое время бежит вслед за машиной.

— Сайда! А деньги для сына я...

Она не ответила.

Хасанша прислонился к стоявшему на обочине свежеекрашенному алюминиевой краской столбу с уличным фонарем. И подумал, что все было зря: и ранний визит в гостиницу, и «выслеживание» бывшей жены, и нудный тягостный разговор. С визгливым ржавым воем промчалась пожарная машина. И сразу вокруг стало сумрачно и тихо, словно солнце зашло за тучу. Пройдя немного, Сайда оглянулась. Хасанша, глядя себе под ноги, шел на противоположную сторону улицы. Лица его не было видно, лишь на спине белела алюминиевая краска...

Глава пятнадцатая

1

Сарьяну оставшиеся до выписки из госпиталя последние недели казались вечностью. Он мысленно окинул взглядом проведенное на больничной койке время и ахнул: позади, и весна в Че-

хословакии, и все времена победного года здесь, в России. И вот — весна сорок шестого. За окном уже носились хозяйственные грачи.

Медики действительно поставили его на ноги. Он окреп. Заиканье почти исчезло. Оно появлялось лишь тогда, когда что-нибудь заставляло его волноваться. Врачи все чаще и чаще стали говорить о предстоящей выписке. И, слыша эти уверения, Сарьян волновался все больше...

Где же ты, Минсылу? Из Кайынлыкула и родной воинской части шли ободряющие и теплые письма. Не забывали и заводчане: приезжай, ждем, если выписка задержится, отправим к тебе целую делегацию. И лишь отсутствие писем от Минсылу выводило его из себя. «Скорее всего, она где-то под Ташкентом, — писала, тоже недоумевая, Сайда. — Ведь когда она была у нас, она сказала, что работает на комбинате. Странно, что куда-то переехала и ее мать. Мое письмо, Сарьян, тоже прибыло с надписью: «Адресат выбыл». Какой-то заколдованный круг. Как я хочу, дорогой Сарьян, чтобы вы наконец нашли друг друга. Вы заслужили это оба. А Минсылу — это ж твое, настоящее...»

Сарьян посмотрел карту Узбекистана, отправил письма в Наманган, Бухару, Термез и Фергану. Первые три города откликнулись быстро. А пока ждал ответа с Ферганы, истосковался весь. В голову приходили самые мрачные мысли...

В конце апреля ему разрешили походить по городу. Это можно было считать выздоровлением. Он по-детски верил, что именно в такие радостные дни должна прийти весточка от Минсылу. Так размечтавшись, он доехал до самой окраины. И в который уж раз рисовал в воображении долгожданную встречу... Вот он, пытаюсь

унять биение сердца, подходит к ее дому и стучит неуверенной рукой в дверь. В коридоре слышится легкий перестук каблучков. В темном проеме двери появляется стройная, с перекинутыми на грудь тяжелыми косами девушка в голубом, как ее глаза, платье... «Минсылу!..» — «Сарьян?!» — и, отшатнувшись на миг, она с криком бросается ему на грудь, плача и смеясь одновременно. «Сарьян, милый!» — «Минсылу моя...»

От грез его оторвал грохот. Трамвай слегка ударился обо что-то. Девушка-кондуктор, посмотрев на подавшегося вперед от толчка солдата, сказала:

— Пора выходить, товарищ военный, до самого депо доехали. Я же сказала давеча, что тормоза неисправные...

С трудом вникнув в смысл слов, произнесенных кондуктором, он рассмеялся и соскочил с подножки.

Когда он вернулся в госпиталь, ему тут же передали письмо из Ферганы. Взглянув на конверт, Сарьян понял все...

Он снова стал заикаться в разговоре. Время от времени силясь вспомнить что-либо, начинал нервно тереть виски. Сестры сочувственно перешептывались...

Сарьян нашел в себе силы не раскисать. Он понимал, что если раскиснет, то неокрепший организм может сдать — и тогда опять месяцы в постели. Он чаще стал выходить на прогулки, много внимания уделял лечебной физкультуре...

А вскоре подошел и вечер проводов. Такие торжественные проводы устраивались и раньше. Сарьян тщательно побрился, надел выданную ему новенькую гимнастерку, прикрепил к ней орден Красной Звезды, начистил медали.

К его приходу зал был битком набит выздоравливающими и свободным от дежурства медперсоналом. Его встретили приветственными возгласами, аплодисментами, со всех концов несло: «Привет, Ян!», «Давай на трибуну!», «Счастливо на гражданку!» Имя, данное доктором Йозефом, накрепко прикипело к нему. Молоденькая сестричка, пунцово-красная от смущения, преподнесла букет первых подснежников. У него от волнения выступили слезы на глазах. И все хорошо понимали, что такое солдатские слезы.

Кто-то попросил рассказать о боевых делах. С лица Сарьяна сбежала смущенная улыбка. Он встал, по привычке поправил гимнастерку.

— Не умею о себе. Воевал как и все. Извините...

— Ян, ну хотя бы о том, как взорвал мост,— попросил главврач.

Сарьян смущенно пригладил волосы.

— Нет, правда, ничего особенного. Взорвал, и все.

— Ты забыл сказать — вместе с собой... — тихо уточнил главврач.

Зал в едином порыве, встал...

...Утром, когда он прогуливался по перрону в ожидании поезда, увидел живописную, кричавшую на все голоса группу цыган. Одна из молоденьких цыганок — красивая, хлесткая, увидев военного в шинели и пилотке, подбежала к нему:

— Не пожалей пятерку, касатик! Дай погадаю, всю правду насчет твоей судьбы скажу.

Сарьян, улынувшись, продолжал прохаживаться по перрону. Но цыганка не отставала.

— Пасмурно у тебя на сердце, красавец, лежит на нем бубновая дама, — заговорила она вкрадчиво. — Только пустые хлопоты все это. Червонный валет лежит на ее пути. Забудь о ней, касатик, не рви сердца своего. Слушай меня, всю правду скажу: чтобы не жгла кручина, выпей чарку сладкого вина и все пройдет! — Цыганка прищурилась. — Ну, не пожалей пятерку, солдатик! — И, понизив голос, добавила:

— Ждет тебя вскорости разговор с пиковой дамой...

Сарьян с легкой усмешкой слушал болтливую гадалщицу, но что-то смутное и угрожающее было в ее словах. Он весело сказал ей:

— Врешь ты все, черноглазая! За такое гаданье и рубля жалко. — Он протянул ей смятую ассигнацию. — Эдак и я гадать могу. Чего проще: у людей горя непроворот, тут и дурак не ошибется. Вот и пользуетесь. А слова, шайтан вас заберит, прямо в точку находите!..

У входного семафора показался поезд. Вскоре Сарьян вскочил на ступеньку вагона.

«А ведь подходит все, — никак не мог он выбросить из головы пророчества цыганки. — «Бубновая дама на сердце», видишь ли. Еще бы, у каждого какая-нибудь дама да есть — и крестовая, и червовая... Червонный валет лежит на ее дороге...» Что ж, и так может быть. Разве вправе я потребовать от Минсылу такой непосильной веры и верности. Ах, капитан Железнов, капитан Железнов!.. И тебя-то винить трудно... Все видели, как я взлетел на воздух... Я бы тоже написал такое письмо. Вот тебе еще одна жестокая причуда войны. Так что крепись, товарищ Мирхалитов! Остается одно — надежда, глупая, неистовая, святая...

Как она плакала тогда на вокзале... Сейчас ее слова о том, что они друг без друга не найдут своего счастья, казались полными пророчества.

Поезд набирал ход, неся его в Башкирию. К счастью или к еще одному душевному потрясению — он не знал. Действительно, как поется в песне: «Знать не можешь доли своей».

Да, война продолжается, хоть и отгремели бои. Продолжается разлуками, поисками, надеждами, разочарованиями.

Что ждет его в родном Қайынлыкуле?

2

Поднявшись на знакомое взгорье, Сарьян задержался, окинул глазами местность, открывшуюся перед ним, и глубоко вдохнул пряный, кружащий голову запах пробуждающейся земли... Куда ни кинь взор, везде нежно зеленели поля, отдавая едва заметной голубизной. В туманной дали, куда убегала чекмагушевская дорога, маячили горы — Карабаш и Чалпы. Они, слоясь, дрожали в серебристом утреннем мареве.

А там, где у большака начиналась проселочная дорога к родному аулу, все так же лежал крупный камень. Сарьян подошел к нему. Стояв в глубоком раздумье, опустил к ногам вещевой мешок и тут же поднял его — вспомнил о том упрямом васильке, который рос тут у камня. Отыскал его. Полевой неказистый цветок упрямо тянул к солнцу первые листки.

— Жив! — обрадовался Сарьян и, улыбнувшись родному и близкому ему миру, зашагал дальше.

Над головой захлебывался трелями жаворонок. А выше, выискивая добычу, кружил коршун. Где-то в жнивье посвистывал суслик. Ка-

жется, ничего не изменилось с той поры, как он в последний раз прошагал по этой дороге на станцию. И что-то щемящее, грустное почудилось ему в негромком пении прохладного ветра, в утреннем гимне жаворонка, купавшегося в солнечных лучах.

Или так всегда кажется солдату, пришедшему с войны и еще не знающему, что многие его сверстники, с которыми рос, с которыми учился познавать жизнь, уже никогда не соберутся вместе с ним за праздничным победным застольем? Солдату, как никому другому, понятна жестокая правда жизни. Рядом с живыми неизменно присутствуют мертвые.

Сарьян перевел взгляд на поляну, раскинувшуюся в чаще. Там работал трактор. По мере того как разгорался день, все громче становилась песня жаворонка, и его причудливые трели вплетались в деловитый натужный рокот мотора. Сарьян посмотрел на поредевшую березовую чащу.

«Сохранилось ли мое дерево? — мелькнула у Сарьяна мысль. — Не срубили ли его на дрова?»

Левее зеленеющей озими, отороченной осоками, по буздякской дороге шла легковая машина. По своим делам спешили верховые.

Впереди — родной Кайынлыкул. С замиранием сердца Сарьян увидел на холме знакомые очертания ветряной мельницы. Дощатые почерневшие крылья призывно махали, словно приветствовали его. Сарьяну невольно бросилось в глаза, что аул за эти годы все-таки изменился. Обветшали надворные постройки. Огрузнул, осел к земле и его родной дом. Печальным в своей заброшенности показался ему и дом Минсылу.

Двигаться вперед у него не было сил. Чувства переполняли его душу, сердце учащенно ко-

лотилось в груди. Ноги стали ватными и непослушными.

Сарьян, взяв в руку переброшенную через плечо шинель, присел на изрытый сусликами холмик влажной земли. К его плечу робко приутилась прошлогодняя полынь, ее однообразное сухое шуршанье навело его на невеселые мысли. «Мать постарела... Минсылу не удалось разыскать. Дед наказывал не бросать завод, да и вряд ли он, Сарьян, решится это сделать, если, конечно, ничего не случится из ряда выходящего...» Будущее казалось тревожным и неопределенным.

«А может, все обернется лучшим образом?» — шевельнулась надежда. Он рывком поднялся на ноги и зашагал к деревне.

Жизнь вокруг кипела. Пользуясь погожей солнечной погодой, люди высыпали на поля. Все дышало весной — и деловитая переключка птиц, и черная земля, и желтоносые начальственного вида черные грачи, вышагивающие по пашне, и молодые, резные листочки берез, терпко пахнущие на всю округу.

Он оглянулся. Давешняя легковая машина неторопливо пробиралась по колее мимо сеяльщиков. «Удивительно, как похожа эта «эмка» на машину директора нашего завода. Может, он? Ничего удивительного: завод — шеф колхоза...»

3

В машине ехал Кайсаров, секретарь райкома. Сначала «эмка» остановилась в деревне Тирэкле, затем она, забрав председателя колхоза, двинулась дальше. Часто сбавляя ход на рытвинах, машина двигалась по тряской дороге, и Кайсарову собственная жизнь представлялась такой

же вот дорогой — с ухабами и рытвинами, с ровными шоссевыми участками. Подумать только: тридцать лет прошло с той поры, как маленький пастушок с котомкой через плечо пас скот килемского помещика! Чего только не было на этом длинном отрезке жизни, и все ее горькие страницы откладывались инеем на волосах.

Машина сбавила ход и, медленно покачиваясь на рессорах, перевалила на узкую дорогу. Секретарю припомнился день, когда по этой дороге, связанные друг с другом, тяжело шагали кандалники, а мимо них, развалясь в добротных тарансах, с хохотом проносились богатеи. Кандалники шли опустив головы, лишь время от времени кто-нибудь поднимал взгляд, и такая тяжелая свинцовая ненависть была в нем, что становилось не по себе.

Что им насмешки и брань власть имущих, им, испытавшим все на свете! Они-то знали, что близится день, когда в просторных, как сама свобода, башкирских степях появится мифический конь Тулпар и тысячи обездоленных поднимутся под призывным кличем!..

Он, Хабир Кайсаров, был среди них... Пришлось ему глотнуть фосгена в первой мировой, воевать против белогвардейцев. Одним из первых он начал устанавливать здесь Советскую власть. Всего хватало: и угроз, и открытых нападков. Познакомился и с кулацкой пулей, вошедшей в бок. И назло кулакам выжил. Стал директором первой в округе МТС. Через несколько лет избрали секретарем райкома.

Невелик был еще его секретарский стаж, когда началась война. Вот тут-то и подверглись испытанию его качества старого большевика-организатора. Теперь-то он знал, что кроется за словами «всю жизнь района переводить на военные

рельсы». Требования военного времени не шли ни в какое сравнение с законами мирной жизни, с ее тоже вечными хлопотами.

Машина бежала по земле Кайынлыкула. Кайсаров увидел человека в защитной армейской форме.

— Возвращаются и возвращаются наши соколы,— задумчиво обронил он.

Солдат оглянулся и сошел на обочину, уступая дорогу. Блеснули на солнце награды. Кайсаров цепким взглядом оглядел его.

— Кто это? — напряженно вглядываясь в солдата, недоумевал секретарь. Он был уверен, что всех местных знал хорошо. А этого что-то не припоминал.

Председатель неопределенно пожал плечами.

— Тоже не припомню, Хабир Рахманович.

Взвизгнули тормозные колодки. «Эмку» чуть занесло в сторону. Кайсаров приоткрыл дверь.

— Далеко путь держишь, герой?

— Да уж добрался. Я из Кайынлыкула.

Услышав это, председатель проворно выбрался из машины.

— Из Кайынлыкула? Я, правда, здесь человек новый, но многих знаю.

— Моя фамилия Мирхалитов. Сарьян Мирхалитов.

«Мирхалитов, — мысленно повторил Хабир Рахманович и, что-то вспомнив, стал пристальнее всматриваться в лицо Сарьяна.— Не сын ли первого председателя?»

Председатель дружески улыбнулся:

— Сарьян? Как же, слышал, слышал, здравствуй, в таком случае.— Он пожал ему руку.— Садись в машину.

— Да уж почти дома.

— Садись, садись. Познакомлю с секретарем райкома.

Хабир Рахманович пожал руку Сарьяну.

— Очень рад, товарищ Мирхалитов. С приездом!

— Спасибо.

— Как здоровье у фронтовика?

— С-сейчас ничего, могу, как говорится, приступить к работе.

— Успеется. Малость и отдохнуть не грех, заслужил.— Секретарь поправил очки.

— До смерти надоело валяться в госпитале,— сказал Сарьян, садясь в машину.— Руки чешутся, так работать охота.

Кайсаров оглянулся.

— А какая же работа больше по душе?

— Хотел бы на старое место, на завод. Если возьмут.

— Возьму-ут! Как не взять, если там работал, да еще фронтовик! Правда, и нам здесь ох как работнички нужны. Не передумаешь?

Председатель колхоза не расслышал ответа солдата, он все пытался вспомнить его. «Мирхалитов... Кажется, слышал! Но ясно одно, что призывался он не из деревни, раз говорит, что работал на заводе».

— А чей же ты сын будешь, Сарьян?

— Отец у меня давно умер, агай. Вернее сказать, кулаки убили.— Кайсаров и предколхоза переглянулись.— А мать жива. Залифа зовут, ее-то вы должны знать.

— Отца Исангулом звали? — спросил секретарь, припоминая имя первого руководителя коммуны, а затем и колхоза.

— Да, Исангул, — ответил Сарьян и сразу встрепенулся:— Вы знали отца?

— Да, знал. Золотой был человек!

Председатель колхоза тоже оживился.

— Вот оно что! Ну, что ж, поехали, обрадуем старую.

— Конечно, — улыбаясь, поддержал Кайсаров. — А поля осмотреть еще успеем.

Секретарь видел в зеркальце, как нетерпеливо выглядывает парень из окошка. И подумал, что выше счастья, чем возвращение домой, у солдата не бывает.

4

Вот и родной дом.

— Мама! — выдохнул Сарьян, распахивая дверцу.

Мать стояла на крыльце. Она опустила два полных водой ведра и невольно посмотрела на легковую машину, резко затормозившую у дома.

— Мама!..

Она сердцем услышала его голос. Качнулась, словно под ногами дрогнула земля. Опрокинула ведро с водой. Широко расставила руки и радостно крикнула:

— Сынок!.. Улым!

И мелкими спотыкающимися шагами начала спускаться с крыльца, по которому стекала вода.

— Смиловивился аллах... Сынок мой! Дождалась светлого дня!

Слезы застилали глаза. Она, не чуя земли, летела, бежала к воротам и уткнулась в грудь сыну. И замерла. Схватила его в объятия. И, не веря глазам, снова и снова вглядывалась в его лицо, ее высохшие руки без конца гладили волосы, плечи, щеки младшенького... Сарьян бормотал что-то невразумительное, счастливое, осторожно поддерживая мать.

Ах, материнские руки! Что может быть род-

нее их, этих худеньких, в маленьких трещинках от неустанных трудов. Пахнут они свежее испеченным хлебом, терпкой сухой коноплей, дымком домашнего очага. Не они ли взрастили богатырей, отстоявших родную землю от темной вражьей силы? Неутомимые во время работы, пленительные во время веселья, дарящие успокоение во время горестей и неудач, святые материнские руки!

Когда улеглась первая радость встречи, мать снова и снова вглядывалась в лицо сына. Как он изменился! Увидев седые виски, с тайным ужасом заметила его запинаящуюся речь... Осторожно — одну за другой — бережно потрогала босвые награды.

— Вырос-то как, ласковый мой! И повзрослел. Ну, дай тебе бог долгой жизни, ведь вынес-то сколько! — она ласково гладила его по спине и, прежде чем повести домой, поманила его пальцем и кивнула на ветлы, росшие у гумна.

— Помню, в тот год, когда ты уехал, буря такая поднялась, не приведи аллах. Вот у этой молоденькой ветлы и сломало ветку. Так я уж привязала ее к стволу, ухаживала, как за хворым ребенком... И загадала, что если суждено тебе вернуться живым домой, ветла приживется... И видишь сам, зажила рана. Даже следов не видать.

Сарьян обнял ее.

— Не волнуйся, мам. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Я здоров, как... как эта ветла. Еще мы с тобой поживем!

Мать, вытирая концом платка слезы радости, поставила самовар, набросила на стол белый, как сахар, ашъяулык¹, достала сохраненную для сыночка пшеничную муку, сбегала в погреб и

¹ Скатерть.

принесла оттуда огненно-красную, сочную калину, придвинула к нему тарелку с любимым красным творогом и начала спешно разжигать печь.

Сарьян, усмиряя волнение, уселся на знакомую с детства скамью. Оглядел дом. Он не изменился. Все так же на кровати высятся горкой взбитые подушки. На полке лежат постаревшие его учебники. В открытом шкафчике — несколько тарелок, деревянных ложек и большой черпак. Вдруг взгляд его остановился. Со стены прямо на него со старой фотографии смотрел он сам и рядом брат Валихан. И оба улыбались. У Сарьяна дрогнуло сердце. Брата нет в живых. Погиб на фронте... Невольно вспомнился и тот теплый осенний день, когда Сарьяна принимали в партию. Именно тогда и сфотографировались. Хорошее у обоих тогда было настроение. И никто из них не догадывался, не думал о том, какие лихолетья их ждут впереди...

Встретиться с Сарьяном пришла едва ли не вся деревня — изба не пустовала ни минуты. Жена Ульмаскул-бабая хлопотала вместе с Залифой — разве обойдешься в такой светлый день без традиционного чак-чака? Уж кто-кто, а она считалась первой в округе мастерицей по чакчаку.

По-разному зовут это удивительное, тающее во рту кушанье. Кто — «тош», кто — «май ашы». А вроде ничего премудрого: замешанные на яйце шарики из теста варят в кипящем масле, а потом — непременно в меду. Бывает готовый чакчак похож на пустотелый орех розоватого или желтого оттенка. Можно и просто так его есть, но лучше с чаем. Да и при простуде лекарство отменное. Поешь его, прихлебывая чай, — обязательно горячий и душистый, — и хворь как рукой снимет.

Нет, неужели это не во сне? Он, Сарьян, исходя обильным потом, держит на вытянутых пальцах чашку с крепко заваренным янтарным чаем и прихлебывает из нее — шумно, с наслаждением, с полузабытым ощущением полного блаженства. Сколько раз он мечтал о такой минуте в сырых окопах! Угадав предупреждающее движение матери, он решительно перевернул чашку и положил ее на стол вверх доньшком.

— Не могу, мама!.. Спасибо!

— Совсем не ешь, сыночек. Выпей еще, небось соскучился по домашнему угощению... Один тоже вот так говорил: сыт, не могу, а потом еще девять тарелок супу умял за милую душу...

И мать, смеясь, налила новую чашку. Сарьян не стал противиться.

Он знал этот любопытный обычай, связанный в родных местах с чаепитием. Если перевернул чашку — значит, сыт, больше уже не наливают. Вернее, можно не наливать — хозяйка, не ахти любящая угощать, так поступает. Если гость, который еще вдоволь не наевшись-напившись, только для вида перевернет чашку вверх доньшком, мол, пусть не подумают, что обжора пришел, так у скупых он и остается без чая... Коль уж попадешься к гостеприимной хозяйке, то покрепче держи даже перевернутую чашку, иначе она опять будет полной...

5

Ближе к вечеру Сарьян все чаще стал поглядывать на дорогу, уходящую в поле. «Когда же они закончат работу?»

Мать, имея в виду секретаря райкома, то и дело озабоченно спрашивала:

— Не едут еще?

— Едут! — обрадованно вскочил с места Сарьян.

Залифа-апай всполошилась и, спрятав волосы под платок, завязав его концы на затылке, вновь захлопотала у печи.

— Проголодались небось на свежем-то воздухе. Целый день в поле...

Когда машина остановилась у их подворья, шофер выразительно закатил глаза. Выйдя первым из машины, Ульмаскул-бабай сразу же почувал знакомый запах и, зажмурившись, как и шофер, повел носом.

— Ну и пирог, прямо слюнки текут! — воскликнул Ульмаскул-бабай и почмокал губами в предвкушении угощения. — А вдруг не хватит, а?

Кайсаров, улыбаясь, пропустив вперед старика и Сайду, пошел следом за ними к крыльцу, где уже стоял Сарьян.

У Сарьяна снова влагой блеснули глаза... Постарел, сгорбился Ульмаскул-бабай, бороденка стала совсем белой, знаменитая ольховая палка подрагивает в сморщенной руке. А вот и Сайда. Хоть и похудела немного лицом, но что-то новое, уверенное и... очень женственное появилось во всей ее крепкой фигуре. И тут же Сарьян — это уже стало болезненной привычкой — представил на миг Минсылу. «Какая же ты теперь, любовь моя?..»

Бессвязные расспросы, восклицания — они везде одинаковы. Сарьян весело оглядел семидесятивосьмилетнего, одетого в бешмет, перепоясанного алым кушаком старика и польстил ему:

— Ты еще хоть куда, бабай! Походка как у джигита!

— Раз наши сыны такие батыры, нам негоже стареть! — в тон ему ответил старик и, подмиг-

нув, обернулся к секретарю: — Вот какие люди у нас растут, Кайсаров-ипташ! ¹ — и он концом палки торжественно указал на Сарьяна и Сайду. Сайда вспыхнула, потом нахмурилась.

Ульмаскул-бабай хотел сказать еще что-то, но, услышав голос Залифы-апай, звавшей гостей, заторопился:

— Ну, да ладно, сынок, мы еще с тобой вдосталь наговоримся! — и, повернувшись, затрусил было к воротам, но Сарьян успел схватить его за плечо.

— Это как понимать, бабай? Угощение на столе, а гость со двора вон? Обидеть нас хочешь? Да и председателя что-то нет.

— Да уж... не зашел. Его на поле и так угостили, — ответил старик, и было трудно сказать, шутит он или говорит всерьез. — А я сейчас приду, не волнуйся.

Сарьян искоса взглянул на секретаря. «Не из-за одной посевной приехал сюда, — подумал он. — Видать, с людьми поговорить любит, особенно с бывалыми».

Он угадал. Кайсаров бывал в райкомовском кабинете по необходимости или во время приемов по личным делам. Старался всегда быть среди людей, любил толковать с аксакалами ². И люди тянулись к нему. Особенно было им по душе то, что секретарь ни на час не упускал из внимания семьи фронтовиков. Помогал чем мог, некоторые с его помощью даже построили себе избы.

Между тем старик, вернувшись домой, наскоро умылся, переоделся в чистую вышитую рубаху, взглянул на лежанку. Там стояла неболь-

¹ Товарищ Кайсаров!

² Старейшины.

шая деревянная бочка. Довольно ухмыльнулся, покачал ее. Внутри аппетитно и заманчиво колыхнулась брага из чистого меда. «Понести что ли? А что? В честь такого события не грех. А как удержишь ее в руках, холеру? Покатить по улице? Обсмеют на всю округу. Ладно, успеется, тут еще сев в разгаре, бог знает что подумают люди. Да и секретарь по головке не погладит...»

Когда он пришел к Мирхалитовым, жена встретила его ворчаньем:

— За бочонком небось ходил?

— Не шуми, старая, всему свое время! — сурово ответил он и, значительно посмотрев на нее, сел на свободное место напротив Кайсарова. А вот уже торжественно уместился на середину стола румяный — будто от стеснения, что долго заставил себя ждать, — калиновый пирог. Залифа-апай обратилась к гостям:

— Угощайтесь, дорогие гости, чем богаты, тем и рады.

— Спасибо, замечательный пирог, один запах чего стоит! — заговорили все.

— Вкусно-то как!

Кайсаров откупорил бутылку водки. Сам разлил в рюмки. Встал, крикнул:

— Разрешите мне первому поднести бокал и приветствовать сына моего давнего товарища по гражданской войне, по коллективизации... Приветствовать и поздравить с возвращением на родину! С победным возвращением, солдат!

Дружно выпили. Слегка остывший пирог таял на языке. Гости ели с отменным аппетитом. Постепенно завязался неспешный, обстоятельный разговор о войне, о делах. И когда кто-то заикнулся о том, что, мол, хорошо бы Сарьяну ос-

таться здесь, застолье неловко притихло. Молчанье прервал Ульмаскул-бабай.

— Ну, это вы зря... Негоже заветы покойного Нигмата, деда Сарьяна, забывать, — решительно сказал он, строго посмотрел на старуху и перегнулся через стол к Кайсарову: — Да вы знаете, что он за человек был?

Секретарь внимательно, согласно кивая головой, слушал разговорившегося старика, время от времени поглядывая на Сарьяна и переводя с него взгляд на мать... И хоть он понимал, что такие, как Сарьян, позарез нужны колхозу, сознавал и то, что душа этого рано поседевшего парня будет рваться на завод. А что работать будет демобилизованный солдат до седьмого пота, в этом Кайсаров не сомневался. Руки, державшие оружие, накрепко возьмутся за плуг, это закон жизни. Ему вспомнились фразы, которыми они обменялись с Сарьяном в машине.

— Сарьян прав, его место на заводе. Его руки сейчас нужнее там. Стране строиться надо... — убежденно произнес он. — И учебу продолжать надо. Обязательно! А то, как у нас говорят, незаконченное дело снегом заметает.

— Не так уж много до окончания осталось, — кивнул Сарьян. — Забылось, конечно, многое. Да ничего, наверстаю.

А мать плохо вслушивалась в разговоры, глядела и не могла наглядеться на сына. Солдат... Награды. Господи, могла ли она подумать, что и на его судьбу выпадет война, будь она проклята! Ей представилось, как встретят Сарьяна на заводе: с почетом, уважением, как героя. И, окрыленная этой грядущей радостью, она птицей носилась по избе, выставляя на стол новые угощения.

— Лишь бы войны не было. Только там начинаешь понимать, что ты потерял, — сказал Сарьян.

Сайда посмотрела на него пристальным взглядом и тихонько вздохнула. И тут же грустно сказала:

— Учеба учебой... А смотрите, что творится? Молодежь уезжает на учебу, а назад кто возвращается? Ну, кто? Рабочих рук в колхозе с каждым днем все меньше...

— Ну, не везде же так, — возразил Кайсаров. — Возьмите, к примеру, колхоз «Звезде». Да оттуда молодежь никакими калачами не выманишь. Потому что их учат, к их труду уважительно относятся. Дают молодым понять, что они сейчас — главные в деревне.

Подал голос Ульмаскул-бабай:

— Сами мы виноваты во многом.

— Не мешай людям есть, — оборвала его жена. — Раз сам виноват, помалкивай. Чья бы корова мычала... Не ты ли глотку свою драл когда-то: выберем да выберем нынешнего председателя. Вот и выбрали.

— А ты что, не голосовала, что ли?

— Я? Да ни в жизнь!.. Если хочешь знать, я хотела Сайду предложить. И сам ты, старый черт, все время нашептывал: мол, грамотная, в институте учится, не голова — Верховный Совет. Иль забыл?

— Так ведь... больно молода еще.

— Людям по работе воздают, не слыхал?

После пирога на столе появился пышущий жаром ведерный латунный самовар. Зазвенели чашки. Ульмаскул-бабай с женой, остановившись на мысли о том, что в следующий раз с выбором председателя будут поаккуратнее, помирились. Сайда, которую все еще беспокоила

какая-то мысль, снова обратилась к секретарю райкома:

— Еще одно дело, товарищ Кайсаров. Почему бы, к примеру, в сельских школах не учить ребят нужным специальностям? Ну, скажем, полевода, механизатора? А в городах готовить из них кадры для промышленности?

Секретарь внимательно выслушал ее. Мысль агронома была верной, хотя и не новой.

— Дело, конечно, очень важное. Думаю, что вопрос этот будет рассматриваться в общегосударственном масштабе. Обязательно. Хозяйство-то поднимать надо.

— Даже такой простой вещи надо учить, как оформление документов.

Кайсаров кивнул.

— Тоже верно. И этим не ограничиваться. Вообще нашим учебным заведениям пора думать над тем, чтобы готовить по-настоящему высокообразованные, злые на работу кадры.

Снова подал голос Ульмаскул-бабай:

— Верные слова, секретарь. Особенно деревни это касается. А то появились такие, что уж стариков со счета сбрасывать начали. Один такой приехал к себе в село, в гости, стало быть, и пошел из себя разные фигуры гнуть. Хворостина несчастная. И говорит-то не по-нашему, хотя и слова его вроде бы те. Культу-урным себя решил показать. Ну, не вытерпел я, говорю: брось ты здесь русский язык ломать-коверкать. Скажи-ка лучше нам, грамотей, как по-русски будет «завязка лаптей?» Смотрю — мнет себе башку, а ответить — ни бе, ни ме. Хотел вывернуться: мол, времена не те, социализм строим... Ну, наши старики так и скорчились от смеха на завалинке...

По тому, как вспыхнуло лицо Сайды и как она опустила голову, Сарьян понял, что старик рассказывал о Хасанше. А старика понесло:

— Пустоцвет — вот ему имя. Такую жену оценить не мог, елгыуар¹. А еще брехню несет, готов аксакалов по плечу похлопывать. Сказал я ему: сопля ты висячая, мы в лаптях всю жизнь проходили, чтоб ты, бездельник, в лакированных ботинках топал. А теперь на нас и поплевывать можно, по-твоему? А он губы выпятил, эдак через зубы сплюнул и какое-то паскудное слово мне в ответ — «гуд бай», что ли? Ну, тут уж я не сдержался. Была в руках вот эта самая палка, а ее весь аул знает, огрел его по спине. Веди себя по-человечески перед стариками. Петух, он всегда петушится, пока по гребешку не ударят.

— И правильно сделал! — решительно поддержала его вечно возражавшая старуха. — Сильнее надо было...

Так за разговорами и воспоминаниями не заметили, как время перевалило за полночь. Когда вышли провожать Кайсарова к машине, деревня спала мертвым сном безмерно уставшего за день человека. Лишь в палисадниках и на речном яру заливались соловьи.

Распрощались и со стариками. Долго стояли у ворот, пока за поворотом не погас свет фар. Сарьян пошел провожать Сайду. Когда они остались вдвоем, постоянно мучившие мысли о Минсылу вновь охватили Сарьяна. Но разговор о ней облегчения не принес, скорее растравил. Ничего нового не могла сообщить и Сайда. Сарьян остановился на улице у черемухового дерева... Вдруг раздался свистящий шум крыльев. Черной тенью

¹ Ветреный.

мелькнул рядом филин. Встревоженно заметались птицы.

«Подругу ищет», — машинально отметил Сарьян, напряженно вслушиваясь в темноту и ожидал ответного призыва.

Наверно, что-то случилось, если так встревожена ночная осторожная птица.

Вновь раздался тревожный голос птицы, теперь уже со стороны заброшенного подворья Минсылу. Он становился все жалобнее и тише, пока не угас совсем... А ночь была удивительно теплой и тихой. Над деревней — крупные, хоть бери их в ладонь — качались звезды. Сарьян долго стоял еще у черемухи, не в силах расстаться с этой полной скрытого смысла тишиной, которой ему так не хватало в последние годы и особенно там, на фронте. Стоял не шелохнувшись, замороженный напевами родной стороны...

Глава шестнадцатая

1

Говорят — чужую беду руками разведу.

Минсылу за нескончасмыми хлопотами и бессонными ночами и не заметила толком, что за окнами торжествует весна... Как-то сразу зазеленели уцелевшие от бомбежек скверы. И первые птичьи хороводы начали по ночам тревожить сердца раненых в больничных палатах. Госпиталь оживал на глазах. Врачи разрешили распахнуть окна.

Зимой Минсылу было легко. А весна — буйная, несущая радость неустанного обновления — снова начала томить ее, пробуждая неясные, странные желания.

Весна сорок шестого. Едва ли не самая тяжелая послевоенная весна. Впереди была засуха, и никто о ней еще не мог знать. А следы прошедшей войны были повсюду — в черных островах разрушенных домов, во взрытой, искалеченной земле, в страшно иссеченных осколками деревьях. Березы, как живые, плакали соком, лившимся из ран...

И пришла пора великого воссоздания жизни — на запад шли бесконечные составы с продовольствием, нефтью, тракторами, эшелоны с людьми.

Тянулись на запад и те, кого разбросал по огромной стране огненный вихрь войны. Шли по изрытым дорогам, добирались на лошадях, попутных разбитых машинах, на крышах вагонов. И за этот немислимо короткий срок разоренные, разрушенные районы наполнялись жизнью. Война не убила в людях главного — неистового желания жить, и жить лучше, чем раньше.

Земля залечивала раны. А кто сможет вылечить ноющие от невозвратных утрат сердца? Долго, очень долго будут еще саднить эти раны, будоража память. В том, сорок шестом, на диво расплодились голуби — их веселые стаи можно было видеть на крыше едва ли не каждого дома, и не одна женщина украдкой вытирала слезы, глядя на воркование голубиных пар...

Минсылу видела, как тоскует Максим. Но ничего не могла поделать с собой. Невольно страдали оба, И, будто стараясь заглушить свою боль, Максим рисовал. Рисовал исступленно, жадно, с какой-то злостью, стараясь насытить краски буйством необычайной весны.

Но это были не пейзажи. В нем, в солдате, неукротимо и тревожно клокотало огненное прошлое. И в его тесной и по-холостяцки неуют-

ной комнатухе, громко именовавшейся мастерской, росла стопка бесчисленных рисунков-воспоминаний о недавних боях. С них глядели строгие лица друзей — и живых, и погибших, и пропавших без вести. В конце марта он даже решился показать свои работы на городской выставке художников-любителей и, к своему великому удивлению, занял второе место. Это подхлестнуло его, прибавило уверенности. Он часами не выходил из своей комнатухи, до изнеможения колдуя над очередным рисунком или этюдом.

Появились и новые знакомые. Но приходили они изредка, словно бы ненароком. А невысокая девушка со светлыми льняными волосами стала появляться все чаще. Пришла и третьего дня, и вчера навестила. Нужно, наверно, ждать ее и сегодня. Придет и будет так хорошо молчать, глядя, как работает Максим Ковалев...

Минсылу с легкой грустью наблюдала за тем, как меняется на глазах Максим, как исчезает в нем нервная неуверенность, мнительность... Придя к себе в комнату, Минсылу как-то взяла мандолину, тронула струну. И вдруг — так, что она даже испугалась, — захотелось поговорить с Максимом, поговорить просто так, высказать, что томит ее, — без нелегких слов и недомолвок, которые тенью легли на их отношения...

А были они у них дружеские, ровные. Так шло до того дня, пока Максим не сделал предложения. Внешне как будто ничего не изменилось. Но встала меж ними невидимая стена, ударившись о которую, гасли чувства, а обычные слова приобрели какой-то опасный смысл.

На днях Максим постучался к ней. Вошел и, улыбаясь, несколько мгновений смотрел на нее. Минсылу первая не выдержала и ответно улыб-

нулась. Спросила дружеским тоном, словно между ними ничего не происходило:

— Ты чего?

У Максима потеплели глаза.

— Ты как тихий ясный вечер. Прямо расцвела.

— Твоя радость передалась, наверно?

Он ожидал всего, но только не такого вопроса.

— Радость?! Моя?!

Минсылу прошлась по струнам. Давно она так хорошо не играла — сама чувствовала это, — звуки были чисты и легки, струны отзывались послушно и чутко. Увлечшись, на какое-то время забыла о Максиме. Это была одна из самых любимых ее мелодий — «Кара урман»¹, и удавалась она ей редко, в минуты особого душевного подъема. Максим не отводил от нее глаз, и она бессознательно чувствовала, что она сегодня действительно может волновать...

— Красивая мелодия.. — сказал, словно очнувшись, Максим. — Я ни разу не слышал.

— Старая, народная. Мама в детстве пела мне... Я просто вспомнила твою вчерашнюю блондинку, и в голову пришла эта мелодия.

— Блондинка? Она же учиться ко мне ходит, ей нравятся мои работы, вот и все, — растерянно ответил Максим.

— А ее работы... как тебе?

— Трудно сказать... — Максим пожал плечами. — Она ж только начинает. Рисунок еще слабый, а это главное. Есть, правда, чувство, настроение... Помнишь, я сомневался одно время: может, ошибаюсь, что пишу на военные темы? Стоит ли ворошить в памяти людей недавние военные годы? Ты еще успокаивала, мол, ты

¹ Дремучий лес.

прав, люди не должны забывать об этом. Так и эта девчонка... смешная, говорит, вы тяготеете к батальной теме, попробуйте что-нибудь масштабное. Смешная такая...

— Знаешь, с этого слова «смешная»... может начаться что-то серьезное. Ты ее полюбишь...

— Не знаю... — голос Максима прервался. — А ты своего согласия не даешь...

— И не дам! — почти вскрикнула она. — Запомни раз навсегда!

Минсылу выпалила эти слова залпом и сама испугалась за себя. Настроение ее резко упало. Максим, попрощавшись, ушел к себе. Минсылу в тот вечер долго сидела на кровати, обхватив и прижав к лицу подушку. На нее вдруг с неодолимой силой нахлынули воспоминания о Сарьяне, о родине. А еще о Ташкенте, о комбинате, ее властно потянуло туда, назад, в Среднюю Азию. Да и мать в письмах все чаще просила дочку вернуться.

— Скорее всего, я уеду в Ташкент, — решительно сказала она на следующий день Максиму. — Моя помощь тебе уже не нужна.

На Максима было жалко смотреть, он как-то сразу поник, словно стал меньше ростом. И беспомощней.

— Мне без тебя совсем плохо будет, Минсылу.

Но она не могла себя пересилить. К Максиму она относилась по-братски. Искренне жалела его. Но жалость — это не любовь. И нечего мучить друг друга.

И ей сразу стало как-то легче. Решение принято! Ехать, ехать! Что держит ее здесь? Максим? Но все ясно теперь, все стало на свои места. Подслеповатый в тонких любовных чувствах, он все еще был убежден, что причина ее отъезда —

беленькая художница, и никак не хотел понять главного. Ходил растерянный, поникший. Вдобавок, проработав на субботнике по посадке деревьев, схватил жестокую простуду. И снова его положили в госпиталь, и снова Минсылу, повинаясь своему, ставшему привычным, долгу, осталась...

2

Посоветовавшись между собой, врачи пришли к выводу, что необходим консилиум. Состояние Ковалева вызывало настоящую тревогу. Была приглашена и Минсылу. Врачи попросили ее высказаться — все-таки она была одной из самых опытных сестер. Да и другие, далекие от медицины, причины заставили пригласить эту голубоглазую, миловидную, с независимым характером сестру.

— Он вообще после ранения ослаб. Да и восприимчивый слишком, первничает по малейшему поводу, — осторожно сказала Минсылу.

Худой, в очках, с усталым желтым лицом пожилой врач прервал ее:

— И в прошлый раз вы говорили то же самое. Что между вами происходит? Да, да, между Ковалевым и вами? Недомолвки, обиды...

— Недомолвки? Между нами... происходит? Да как вам... — Минсылу, разрыдавшись, выскочила из ординаторской.

...Кто-то постучал в дверь комнатухи Минсылу. Неуверенной походкой вошел пожилой врач. Лицо его было явно обескураженным.

— Я прошу простить меня за бесцеремонность...

Первым желанием все еще не успокоившейся Минсылу было высказать ему накопившиеся злые слова — обида была слишком острой. В самом деле, не знать покоя ни днем ни ночью, ухаживать за ним в Ташкенте и в разрушенном Витебске, ухаживать, в сущности, за чужим для нее человеком, забыв о личных делах... Но она взглянула на сконфуженного, искренне огорченного врача и смягчилась.

— Чего уж там. Проходите, садитесь.

— Спасибо.— Он сел на краешек табурета.— Хотел бы вам дать один совет, я постарше вас. Конечно, если сочтете нужным выслушать.

— Слушаю.

— Положение Ковалева чрезвычайно тяжелое, чрезвычайно. У него двустороннее воспаление легких и, к несчастью, открылась старая рана. Он слаб физически, несмотря на такую мощную на вид фактуру. — Врач, сцепив пальцы, смотрел на пол. — Я уже не говорю о нервной системе... Ему ни в коем случае мельзя волноваться. Вы знаете, что одну пулю извлечь не удалось, она почти касается сердца, понимаете? Еще одно сильное душевное волнение — и возможен, даже неизбежен летальный исход.

— Что же делать? — почти крикнула она.

— Мы сделаем все, что сможем. На консилиуме решили после некоторого отдыха сделать операцию. Но повторяю, ему категорически противопоказано волнение. Мы очень надеемся, Хабирова, и просим вас пока никуда не уезжать...

Минсылу вздохнула.

— Как я его могу бросить сейчас, доктор, что вы...

— Вот и прекрасно, значит, договорились. Всего хорошего.

Врач ушел.

Минсылу, с опухшими от слез глазами, некоторое время просидела в полутьме, а потом решительно набросила на плечи платок и поспешила в госпиталь.

Максим лежал на спине с закрытыми глазами. На посеревшем лице его выступили бисеринки пота.

— Как себя чувствуешь, Максимушка? — нагнулась к нему Минсылу.

Максим попытался улыбнуться. А когда услышал, что она никуда не уедет, тихонько вздохнул и взглядом, полным нежности, долго смотрел на нее.

Минсылу просидела у его кровати всю ночь. И все эти долгие часы перед ее глазами стояла та блондинка, девушка-художница. «Придет она или нет, узнав о его болезни?»

Лишь под самое утро Максим забылся тревожным и чутким сном. Незаметно для себя задремала и Минсылу, прислонившись головой к подоконнику.

А рассвет наступал. Теплые лучи, дробясь в широких окнах, залили палату золотисто-алым светом. Остро ипряно пахло расцветающей сиренью. Минсылу раздвинула тяжелые шторы, выглянула. И тут же взгляд ее упал на знакомую белокурую девушку, поднимавшуюся по госпитальной лестнице с прижатым к груди огромным букетом цветов. Ее пропустили в палату. Она стояла у койки Максима, и такой счастливый и тревожный свет мерцал в ее серых, слегка раскосых глазах, что Минсылу поняла все...

Девушка шепотом спросила Минсылу:

— Как его состояние? — Голос ее был тонок и робок. — Говорите, лучше? — Глаза ее наполнились слезами. — Я не могу без него. Если б вы знали, какой это человек...

Минсылу с грустью взглянула на него.

— А Максим любит вас?

— Максим? — Она подняла на нее глаза, все еще полные прозрачных слез, попыталась улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. — Право, еще не объяснялись...

Минсылу вдруг захотелось плакать от беззаветной и чистой наивности этой пичужки с льняными волосами.

— Букет можете оставить, я ему обязательно передам. А пока ему нужен сон.

— Спасибо вам...

3

Казалось, нечаянная и большая радость поселилась в Минсылу. Голос ее звучал уверенно и жизнерадостно и в больничной палате, и в комнатушке, и в тихих ольховых рощах предместья, где они обычно гуляли с Максимом.

Она сама не могла толком объяснить причин этого редкого душевного подъема. Может быть, виной тому — робкая радость в глазах девушки-художницы, неуверенная улыбка на бледных губах Максима.

Сняв платок, Минсылу прислонилась к стволу ольхи. Ветер стих. И даже кудрявое облачко, спешившее куда-то вдаль, казалось, замерло, зацепившись за густую крону.

В тот день, когда они с Максимом пришли сюда, маленькие почки только стали набухать. И вот недавно, не в силах сдержать могучую зреющую мощь жизни, они раскрылись навстречу солнцу, и ольха окуталась трепетным зеленым облачком. В свое время кто-то водрузил меж

крепких верхних ветвей колесо телеги, и вот уже вьют крупное гнездо вестники семейного счастья — аисты. Целый день над деревом слышны были взмахи сильных крыльев, и от их упругого ветра дрожали тысячи сережек. И часто Минсылу смотрела, как вступает в свои права новая молодая жизнь. Она уже научилась сдерживать свои чувства, боль утраты стала глуше, да и не верила она в возврат прошлого, прошлых ощущений и желаний, прошлых порывов и надежд.

Она желала счастья Максиму и его беленькой Лесе. Но в этом пожелании был, однако, и привкус легкой успокоительной горечи.

4

Сарьян намеревался провести в деревне несколько дней, привести в порядок обветшалую крышу, починить сарай. Но вышло иначе. Празднества по поводу его возвращения затянулись, приглашали его чуть ли не в каждый дом. А разве откажешься, если не хочешь обидеть? И лишь после сева односельчане дружно помогли ему привести подворье в порядок.

Дождался наконец своего дня и Ульмаскул-бабай, он приволок-таки бочонок с брагой-медовухой. Долго сидели в тот вечер. Помянули не вернувшихся с войны. За Валихана выпили отдельно. Не забыл Сарьян и покойного доктора Йозефа и его семью, и Максима, и Котэ Абашидзе. За всех поднимал тост.

Через все скитания по госпиталям он сохранил коротенькое прощальное письмо Зденки: «Когда выздоровеешь, обязательно приезжай,

милый Ян». Как она там, в своем селе на освобожденной земле? Далекая Словакия стала близкой его сердцу. Там он словно бы второй раз родился. И с благодарностью вспоминал доброту и отважность братьев-словаков.

Часто вспоминали и Минсылу. И когда кто-то произносил имя голубоглазой девушки, Сарьян мрачно смотрел перед собой, трезвея. Сочувствие тоже порой бывает пыткой... Кто-то деловито предположил: «Что же сделаешь. Для нее Сарьян-то того... в погибших. Замуж, наверно, вышла. Женщине нужна семья. Это мы, кобели, до сорока лет можем бегать, хвост задравши...» Сайда отчетливо видела его мучения и теперь мучилась угрызениями совести. Дернуло же тогда ее за язык сказать Минсылу, что мертвые не возвращаются. И, встречаясь взглядом с Сарьяном, виновато заливалась краской.

За день до отъезда, как бы желая накрепко запомнить родные места, Сарьян прошелся по полям. Шагая вдоль борозды, он нагнулся, взял горсть крупинчатой, духовито пахнущей земли и покачал головой.

— Как пух, земля, — он понюхал ее и медленно, задумчиво пропустил ее через пальцы. Вспомнились братские могилы — сколько вот таких горстей побросал он в них...

Он вздрогнул от дружного «ура», раздавшегося где-то внизу у моста. И невольно улыбнулся: ребятишки играли в войну. Вернее, в тот бой, последний бой Сарьяна у моста, о котором он рассказал землякам. И те, конечно, детишкам...

Подошел поближе и удивился переимчивости ребят: оборона моста шла по всем правилам тактики. Потом он убедился, что игра в войну стала игрой целого ребячьего поколения. «Стреляйте,

ребята, подрывайте мосты, танки. Но дай бог, чтобы все это было только игрой... Вот и «в тебя» уже играют, Сарьян. Что ж ты не гордишься, а хмуришься?»

Он пришел домой, рассказал матери. Они не весело посмеялись, мать взгрустнула. Сарьян вышел во двор, взял в руки топор и наколол целую гору дров. А вечером зажег лампу, с жадностью набросился на книги. Читал без разбора, истосковался по печатным страницам. Вначале залпом одолел фантастическую повесть Циолковского, потом принялся за книгу о героизме конников в Великую Отечественную. Не заметил, как стрелки часов показали полночь.

— Спать пора, засиделся. Не праздник же завтра, — подала голос мать. — Отдыхай, сынок.

— Сейчас, сейчас, мама, — нетерпеливо отмахивался он.

Проснулся он на рассвете от дуновения прохладного ветра, выглянул во двор. Словно зацепившись за ворота, висела луна. Легким, теплым, беззвучным снегом осыпалась черемуха.

На подоконнике ветер шевелил страницы недочитанной с вечера книги. Откуда-то издали донесся приглушенный колокольный звон. Ему вдруг почудилось, что околицей мчатся косяки веселых и сильных коней.

Удивительная ночь... Не открывая глаз, он слушал предутреннюю тишь, в которой до ломкости был прозрачен каждый звук. И пьянящее чувство покоя охватило его.

Воображение рисовало самые фантастические картины. Уже это не луна, а серебряная в золотой оправе чаша, льющая на землю лучи. Где-то вдоль извилистой линии горизонта скачут, раздувая ноздри, серебряные кони; радушно перели-

ваются кошевка; серебрится, путаясь в звездах, длинная борода сказочного богатыря — владельца дивной упряжки.

А музыка — странная, приглушенная, звучащая в синем безмолвии, усеянном звездами. Словно хрустально поют звезды, задевая друг друга. Живая, дышащая тишина, так не похожая на ту, что освещается ракетами...

Взвились на дыбы огнедышащие кони, сильная рука богатыря натянула вожжи, и крутошеие скакуны остановились как вкопанные. Могучие руки втянули Сарьяна в возок-кошевку.

И мчатся кони по звездам, в ночной светящейся дымке, и нет сил остановить их. Будто вырвались они из тяжелого подземелья и спешат теперь нагнать упущенное, неясно мерцающее вдали, что-то очень похожее на сказку. И лишь предостерегающий голос растаял сзади:

— Закусят удила кони — погибнете!..

Сарьян встрепенулся и проснулся окончательно. Страна детства осталась где-то позади в ночной синеве.

5

Радость! Многообразная, переливающаяся всеми цветами радуги, как сама жизнь. Хороша не та преходящая зыбкая радость, которую способна потушить любая маленькая невзгода, а большая, настоящая радость, освещающая человека изнутри, могущая подготавливать его к многотрудным испытаниям.

Говорят, улыбка дороже клада. Втрое дороже она, если завоевана дорогой ценой. Если спрятана глубоко в сердце и не каждому встреч-

ному открывается она. Потому что эта награда выстрадана тобой.

Сарьян с какой-то опаской подходил к проходной завода, словно прислушиваясь к самому себе и спрашивая сам себя: не исчезло ли в тебе то глубоко скрытое мужское благоговение перед ним, перед заводом, который вывел тебя в люди? Он вслушивался в ритмичный шум цехов, в грохот железной дороги, вглядывался в очертания родного механического.

На улицах стоял победный запах цветущей черемухи.

«Вот здесь, на этом самом месте, я прощался с тобой, завод, уходя на фронт, не зная, доведется ли сказать тебе: здравствуй! Я пришел. Здравствуй, на веки вечные!..

Мне часто чудились в мокрых окопах запахи твоей горячей окалины и радужной стружки изпод резца, слышался хриплый твой гудок, я вдыхал сытный аромат горячего пара твоих котельных. У меня явственно зудели руки, мне казалось, что вот сейчас, закончив смену, я пойду вместе с моими ребятами в твои душевые...

Я вернулся к тебе...»

Сарьян, забыв обо всем на свете, наслаждался этим непередаваемым чувством узнавания... И вдруг сзади раздался удивительно знакомый голос. Оглянулся... Вишняков! Секретарь парткома в изумлении раскинул руки. На постаревшем лице его — растерянная улыбка:

— Сарьян?!

— Василий Харламович!

Они обнялись. Сухощавый Вишняков так притиснул Сарьяна к себе, что винтик ордена

Красной Звезды больно впился в грудь. Он сразу же повел его к директору завода Мостовому, главному инженеру, к Рахмаеву. И Сарьян видел, как нелегко дались им эти военные годы. Война, война... Постарели, сдали старые товарищи. С особенной ясностью он понял, что и здесь был фронт, требующий полной отдачи, самоотречения, мужества.

Друзья повели его по заводу. Конечно же, сразу зашли в механический, и Сарьян поразился тому, что цех оказался буквально напичканным новыми мощными станками. Ему вспомнился разговор с Кайсаровым, твердившим ему об учебе. «Да, тут с его техникумом и делать нечего. Смотри-ка ты, какая техника пришла. А что будет завтра, послезавтра?»

Его быстро окружили. Руки болели от бесчисленных пожатий. Всплакнула и крановщица Мархаба-апай. Обняла его, вспоминая погибшего мужа. А вечно хмурый фрезеровщик с каким-то радостным изумлением проговорил:

— Выпала же карта парню, в живых остался!

Радостно поблескивая черными глазами, тянет к нему руку предцехкома. Торопливо прячет под платок выбившиеся волосы, прихорашивается дочка Мархабы-апай Сэскэбикэ. Радостным возгласам нет конца. А Петро Иванченко от избытка чувств даже на руки подхватил.

А-а, вот и Хасанша! Улыбаясь во весь рот, торопится к Сарьяну. Рядом с ним его дядя Афлетун. Петро успевает сказать Сарьяну:

— А Хасанша на заочном, в институте...

— Ты писал.

— Да, правда. А того ты не знаешь, наверно. Заведующий складом. Недавно у нас работает.

— Как не знать. Это его дядя, Афлетун Ши-ряев.

— Точно! А откуда ты...

— Так уж вышло, что знаю, — улыбается Сарьян и протягивает руку Хасанше, а потом Ширяеву: — Здравствуйте, давний знакомый. Значит, и вы здесь?

— Здесь, — машет рукой тот. — Судьба, она такая заковыристая штука...

Сарьян идет дальше. А тут как тут Сэскэбикэ. С восторженной улыбкой смотрит на него, переводит взгляд на награды, слегка подвитые волосы горят на солнце, как корзинка подсолнуха.

— Сарьян, здравствуй!

— Какая ты хорошенькая стала, Сэскэбикэ! Прямо цветок!

Девушка фыркает и не сводит с него глаз. Потом переводит взгляд на добродушно улыбающегося Петра.

— Всем хороша ты, Сэскэбикэ, — продолжал Сарьян. — Только...

— Что?

— Подросла бы чуток, отменная жена была бы кое-кому.

Девушка от души смеется, показывая ровные белые зубы, и берет под руку Петра.

— Мал золотник, да дорог, — со значением говорит Петро.

Так во встречах, разговорах и расспросах незаметно прошел день. Из цеха он вышел, утвердившись в своем решении немедленно продолжить учебу в институте. Захваченный радостными впечатлениями, он долго стоял на перекрест-

ке и смотрел на завод. И вдруг с силой хлопнул себя по лбу:

— Вот это да! Я же, кажется, даже заикаться перестал!

И рассмеялся. И тут же увидел грациозную девушку, вошедшую в проходную. «Постой-ка... уж не Дания ли это? Ну, конечно, она. Вроде даже стройнее стала».

Он пошел вверх по улице. Откуда-то выскочил бродяга ветерок, тронул тяжелые гроздья цветов черемухи, и белый рассыпчатый дождь душистых лепестков осыпал Сарьяна...

Глава семнадцатая

1

У этой липы, когда-то величественной и стройной, в войну снесло верхушку снарядом. Но и после того как отгремели последние залпы, она все еще продолжала пышно цвести по весне, заполняя своей кроной госпитальный переулок. И вдруг в этом году она рухнула на глазах у пораженной Минсылу. Сторож госпиталя, мигая подслеповатыми глазами, глядя то на увядшую крону, то на срезанную вершину, вздохнул:

— Эх, все еще гуляют ветры войны по белу свету. Когда это кончится, одному господу богу ведомо...

Минсылу стало немного жутко от его слов, словно где-то рядом крался в этой благословенной тишине Азраил¹, призрак смерти и угасших надежд.

¹ Ангел смерти.

Вихри войны... Ее тревожное дыхание чувствовалось и в маленькой палате, где лежал Максим. Глядя на него, Минсылу сильно волновалась: «Выдержит ли операцию? Как сложится послеоперационный период?»

Во время одного из дежурств Максим попросил ее:

— Посиди со мной, кошки на душе скребут. Измучил я тебя, наверно, просьбами? Тоже мне, минер, гроза смерти.

— Я сейчас, сейчас приду... Только укол сделаю в соседней палате.

Они долго сидели вдвоем. За окнами плыла тихая синяя ночь.

— Странно... Особенно сильно в последнее время я по деревне скучаю, — задумчиво сказал Максим. — В поле хочется, косу в руки взять.

— Вот поправишься, и поедете в деревню. — Она намеренно сказала «поедете», имея в виду Лесю

Максим мечтательно улыбнулся.

— И малевать времени вдоволь будет, — с какой-то небрежной легкостью сказал он и вскоре уснул с этой непонятной мечтательно-небрежной улыбкой.

На следующее утро настроение его заметно поднялось. Может быть, сказалось и улучшение рациона. Пришла пора ягод и ранних овощей. Во всяком случае, врачи радовались его аппетиту и жизнерадостности. И приближения операционного дня ждали уже с меньшей опаской. Лишь Минсылу, вообще-то далекая от суеверий, волновалась, вспоминая приснившийся ей недавно странный сон.

Начало весны. Полдень. Воткнутая в сугроб железная лопата, нагревшаяся на солнце, медленно падает...

Минсылу, вздрогнув, проснулась. Необъяснимая тревога охватила ее. В голову лезла всякая чушь, связанная со сном. Лишь придя в больницу, сумела отвлечься от навязчивых мрачных мыслей. Во дворе увидела Максима. Ему уже разрешили прогулку. Сидя на скамье, он занимался странным, не мужским занятием: из белых цветов сплетал венок. И улыбался при этом рассеянной, отрешенной улыбкой.

Но тот сон тревожил Минсылу несколько дней, потом она забыла о нем. И вдруг случилось страшное, непоправимое...

Максим прогуливался по двору. Некоторое время спустя в воротах появилась группа мальчишек и девчонок из родного села Максима. Они бывали здесь уже не раз. Навещающая земляка, обычно влетали с шумом и гамом. Но сейчас у них был подавленный вид.

Веснушчатый мальчишка выступил вперед. Вытащил из кармана маленькую бутылочку и протянул Максиму. На горлышке сохранились остатки полусгоревшей детской соски.

— Мы расчищали пожарище, дядя Максим... там, где был амбар, — запинаясь, сказал он. — Хотим, чтоб памятник нашим... которые сгорели. И вот нашли...

— Тетя Катя написала, — добавил кто-то и спрятался за спины товарищей.

И третий хотел было вмешаться в разговор, но осекся, увидев, как лицо Максима покрылось странным белым налетом. Максим трясущейся рукой вытащил из бутылочки обрывок бумаги, развернул ее и, шевеля посеревшими губами,

стал читать строки, написанные неровно застывшими блеклыми чернилами. «Кровь!» — пронеслось у него в голове. Он смотрел на буквы, на знакомый родной почерк, и из глубины прошлых лет звучал до боли знакомый голос:

«Максим, родной мой!

Перед казнью учительница Михайлова сделала подкоп и просунула в него четырехлетнего сына Алеся. Но обер схватил мальчишку и крикнул: «Не бойся, красная тварь, я его выращу, как надо!» Максим, коханный мой, отыщи Алеся, спаси. Алесь не должен стать палачом. Прощай...»

Он едва успел дочитать, как острая боль вонзилась в сердце, опрокинула его на землю. Он упал на бок, неловко подвернув руку. К нему подбежали люди в белых развевающихся халатах. Но он уже ничего не чувствовал. Бесчувственно лежал на пожелтевшей осенней траве, с мучительно прикушенной губой, с зажатым в руке клочком бумаги, написанным кровью...

2

Окоченевшая на морозе рука, отогреваясь, болит все сильнее. словно могильным холодом обдало Минсылу, когда ей сообщили о внезапной смерти Максима. Она шла по притихшей, безлюдной улице, и печальная мысль сверлила ее мозг: «Не уберегли, не уберегли...»

Проводили солдата в последний путь. Кто-то поддерживал ее под руки, но она осторожно отстранила их. О, как долог недлинный путь от госпиталя до кладбища! День был пасмурный, в ушах надсадно выл ветер. Опухшими от слез

глазами она смотрела на бледное и чуть торжественное лицо Максима, на прядь волос, которая шевелилась надо лбом, и только когда загремели о крышку гроба влажные комья земли, поняла, что больше она никогда Максима не увидит. И тогда зарыдала.

Ее поддержали, отвели в сторону. Удары комьев о гроб больно отдавались в сердце.

Над могилой вырос черный холмик. Поставили скромный фанерный обелиск с жестяной красной звездой. Он почти скрылся под венками и грудой цветов.

У ворот кладбища Минсылу невольно оглянулась. У могилы маячила одинокая и очень сиротливая фигура белокурой художницы...

По дороге домой кто-то задумчиво проговорил:

— Жил себе человек и умер. И вкуса жизни по-настоящему понять-то не успел. Остался от него один могильный холмик. Спрашиваешь себя иногда, стоит ли ради этого проходить семь кругов ада? А ведь воевал парень, огонь и воду прошел, а тут... Эх, судьба!..

Минсылу не хотелось ни спорить, ни возражать. Настроение людей было ей понятным, и она лишь убыстряла шаги. А холодный ветер остервенело гнал по дороге серую пыль, надоедливо свистел в ушах.

«Как мало ты прожил, Максим! Не успел выполнить Катюшин завет... Но это сделают дру-

гие. Алесь не должен быть палачом. Спи спокойно...» Она уже не шла, а летела, как бы соперничая со своими мыслями, и обеспокоенно приговаривала: «А найдут ли Алесья? Где?.. Эх вы, мысли мои неугомонные! Вечно вы со мною не в ладу, куда же вы меня еще зовете, куда тянете?..»

Часть третья

ЗНАКОМЫЕ МЕЛОДИИ

Глава восемнадцатая

1

Свинцово-серые лохматые тучи, поднявшись над горизонтом, тяжело плыли по небу. Вот они повисли над Агиделью. Резкий ветер пробежал по вершинам деревьев. Зеленоватые волны, летевшие друг за другом, ударялись о берег. Где-то в зарослях кудрявого тальника замер девичий смех.

Сарьян, шагая по тропе, вьющейся в кустарнике на левом берегу, невольно насторожился. Снова послышался взрыв девичьего смеха. Сарьян, улыбнувшись, прислушался к нему и зашагал дальше широко, быстро размахивая руками. Его почему-то потянуло именно туда, где звенел девичий смех.

Только теперь он почувствовал, как стосковался по этим дорогим сердцу местам. Столько времени прошло с тех пор, как в последний раз бродил по зеленым берегам Агидели. Тяжелая военная страда, ранение, а затем прерванная войной учеба в политехническом институте. Рази-

тельно изменились берега реки. Они словно бы помолодели. Робкие гибкие саженцы, которые высаживали на комсомольских субботниках, превратились в стройные раскидистые деревца. Обрывистый берег, поросший кустарником, прорезали линии электропередач.

Еще недавно вот здесь, на пустыре, у подножия скалистой горы паслись коровы, резвились козлята. Сейчас громоздятся новые корпуса паровозного депо. Поблескивающие смазкой черные локомотивы, победно дымя, выходят в далекий путь. Шло лето сорок восьмого...

Ощутимо изменились и люди. Что-то новое виделось ему в приветливых улыбках девчат, в уверенных взглядах парней. Ему стало немного грустно. Он вздохнул и ускорил шаги. Ветер стал еще более приглушенным, оживленнее зашептались кроны деревьев. Опять вспыхнул и стих короткий, манящий девичий смех.

Хорошо было побродить здесь! Прошное вспомнилось в сладкой успокаивающей грустной дымке, будущее представлялось если не радужным, то во всяком случае уверенным, надежным. Он выбрался на небольшую поляну и, привлеченный каким-то новым звуком, остановился. Что это? В монотонном шуме деревьев, в свисте ветра ему почудился женский плач. Или это только ему показалось?

Между тем погода заметно портилась. Лохматые тучи, бесформенно нагромождаясь друг на друга, тяжело перевалив гору, уже толпились над рекой, над городом. Блеснула молния, заполнив пространство между небом и настороженной землей, победно раскатился гром.

Но тот плач слышался и в промежутках между ударами грома. Нет, явно что-то случилось.

И, уже не размышляя ни минуты, он решительно направился в ту сторону.

Ветер метался на берегу, он то ласково гладил щеки, то налетал порывами, бросал Сарьяну в лицо горсти пыли. Вздывая серые пыльные фонтанчики, упали первые крупные капли дождя. Из густой травы у подножья могучего осоко-ря выпорхнул кулик, испуганно крича:

— Кыг-гыйп! Кыйг-гыйп!

Сарьян, уже почти убежденный, что неподалеку случилось какое-то несчастье, торопливо шагал по узкой тропинке. И на одном из поворотов навстречу ему неожиданно выбежала девушка. Он узнал ее и остановился.

— Дания!..

— Господи! — И девушка, несколько мгновений посмотрев на него, вдруг закрыла лицо руками. Больше слов не находилось.

День был воскресным. Дания, радуясь теплой и ясной погоде, решила побродить по берегу реки. Случайно встретился Хасанша. Она обрадовалась попутчику, и они некоторое время, болтая, бродили по зеленым зарослям. И вдруг Хасанша, охрипшим голосом бормоча: «Я люблю тебя, слышишь?» — обнял ее. Опешив от неожиданности, она начала вырываться. Но тот не отпускал ее, держал цепко, тянулся губами к лицу. В отчаянии она закричала: «Уберите руки, ну!» — и вырвалась. И вдруг неожиданная встреча с Сарьяном... Грудь ее высоко вздымалась под оранжевой кофточкой, на лице выступили красные пятна.

— Что с вами?! — спросил участливо Сарьян. — Может, чем помочь?

Черные глаза девушки — в них было все еще испуганное выражение, — казалось, с неприязнью

смотрели на него. Она дернула плечом и раздраженно сказала:

— Никакой помощи мне не нужно!..

«Да что она, не узнала меня, что ли?..» — недоуменно подумал Сарьян.

А девушка осторожно обошла его и побежала. Белая ленточка, выскользнув из волос, зацепилась за ветку и повисла на ней, развеваясь на ветру.

Сарьян, осторожно сняв шелковую ленту, зашагал в ту сторону, куда убежала девушка. Но вдруг почувствовал, что на него кто-то пристально смотрит... То был Хасанша. Сарьян остановился. И только теперь до него стал доходить смысл происшедшего здесь. Сарьян нахмурился, сжал кулаки.

Хасанша, такой же высокий, как и Сарьян, был сухощавее, жилистее. На нем модный серый костюм, белая сорочка. Смуглые щеки горели от возбуждения. Губы вздрагивали. Вот он облизнул их, и во рту блеснул золотой зуб. Прищуренные глаза смотрели настороженно, с явной враждебностью.

Они несколько секунд молча пристально смотрели друг на друга. Сарьян непроизвольно шагнул вперед. Он привык идти навстречу опасности.

— Это еще что за шуточки?!

— А твое какое дело? Ты что, прокурор? — огрызнулся Хасанша и смачно выругался.

Сарьян не выдержал и двинулся к кусту, за которым стоял Хасанша. Но тот испуганно отпрянул, повернулся и зашагал прочь, то и дело оборачиваясь и бормоча ругательства. Сарьян не стал догонять его.

Он долго стоял, провожая взглядом удалявшегося Хасаншу. И мрачно подумал: «Гм... еще раз перешел ему дорогу. Ну, да ладно...»

Однако хорошего настроения как не бывало.

Отвратительно было на душе и у Хасанши, заместителя начальника цеха. Еще в то время, когда студент политехнического института Сарьян дни и ночи занимался дипломным проектом, Хасанша не на шутку задумался о своей дальнейшей судьбе. Все складывалось не в его пользу. Начальник цеха уже давно косится на него. Ясно, как день, что именно Сарьяна после защиты диплома поставят на его место, а его, Хасаншу, пинком под... В лучшем случае, оставят сменным мастером. Нет, срочно надо поговорить с главным инженером. Сарьян в свое время много крови ему попортил. Кто знает, может отправит «по старой памяти» в более безопасное место ретивого молодого инженера. Надо потолковать и с Афлетун-агаем.

Он заметно приободрился, жизнь начала казаться ему не столь уж неудавшейся. «Не балуй, Сарьян, не все на свете так бывает, как тебе хочется...»

Пока Хасанша, рассуждая таким образом и успокаивая себя, шел домой быстрым шагом, Сарьян все еще стоял на берегу, вслушиваясь в мерный шум речных волн и думая о своем... Лента выскользнула из разжавшихся пальцев и упала на траву...

Между тем ветер стих. Кажется, и в самом деле приближалась гроза. Дальний поворот Агидели окутался в сизую мутную хмарь. Где-то над рекой ярко засверкал ломаный росчерк молнии, и тяжелый, раздирающий уши грохот обрушился на реку. И тотчас же хлынул дождь. Река, вспенившись, стала хмурой и неприветливой.

На следующий день рано утром Сарьян был в заводууправлении. Когда он, сдав документы в отделе кадров, вышел из кабинета, полутемный коридор был полон народа.

Сарьян опытным глазом отметил, что обстановка на предприятии далеко не из легких. Завод бился над выполнением повышенного плана. Эта слегка нервозная, сугубо деловая обстановка подействовала и на Сарьяна. Он торопливо зашагал к кабинету главного инженера и неожиданно в дверях столкнулся с выходящим оттуда длинноусым пожилым человеком.

— Извините, Хафиз Ибатуллич...

— А-а, Мирхалитов! — начальник механического цеха дружески протянул ему руку. — Как дела? Защитился? Ну и отлично. А мы все тут ругаемся с литейщиками, как и раньше. Режут нас под корень — и все. В самый напряженный момент — хоп! Опять нет отливок. Но, как говорится, спуску не даем. О призыве ленинградцев пятилетку за четыре года — слышал? Да? Так вот, это нас, брат, в первую очередь касается...

Начальник цеха говорил оживленно, глаза блестели от удовольствия. Дела в цеху, видимо, шли неплохо.

— Ты куда бежишь? К Шакирычу?

— Ну да...

— Так я и знал. И чего футболят человека, никак не пойму. Твое место ведь давно известно. Так нет, обязательно через главного инженера решать надо... Ну, ладно, беги, у меня тоже дел по горло! — И с неожиданным для своих немалых лет проворством помчался дальше, бросив напоследок: — Я еще зайду к нему...

Сарьян, заметно повеселевший, направился в дальний конец коридора. Справа и слева мелькали таблички на дверях: «Партком», «Главный конструктор», «Планово-производственный отдел», «Главный механик», «Бухгалтерия» и большое окно кассы в конце коридора. Сарьян вдруг увидел отчаянно сражавшихся на подоконнике двух воробьев. Оба встопорченные, чирикают на весь коридор. Один — покрупнее, видать, опытный забияка. Но младший драчун не собирался сдаваться. Он так неистово налетал на крупного соперника, что то и дело опрокидывал его.

А вскоре началась всеобщая свалка. Откуда-то прилетело несколько десятков серых драчунов, они разбились на отдельные группки, и вскоре на крыльях, перилах, ближних деревьях с новой силой разразился птичий переполох.

Наконец маленькому злому воробью удалось загнать своего крупного соперника в кусты, и он, усевшись на подоконник, победно зачирикал. Быстро привел себя в порядок, повертел головой, словно вызывая на бой еще кого-нибудь, и в сопровождении восторженно галдящих друзей умчался куда-то по своим срочным делам.

— Молодец! — усмехнулся Сарьян.

А через минуту он уже стоял в приемной.

Сарьян знал прежнюю секретарь-машинистку. И на этот раз он ожидал встретить за письменным столом пожилую женщину с привычно уложенным узлом на затылке, седыми волосами. Еще стоя перед дверью, он отчетливо представил себе этот маленький ритуал. Она скажет: «Слушаю вас», улыбнется приветливой улыбкой, и он, повинувшись ее жесту, в зависимости от того, куда

нужно — к директору или главному инженеру, войдет в одну из широких дверей начальства. Но на этот раз...

Он открыл дверь. До мелочей знакомая приемная. Высокие массивные двери, обитые дерматином, бархатные шторы на окнах, обтертый по краям кожаный диван. Тот же длинный дубовый письменный стол, пишущая машинка. Но... за столом сидела Дания. Она, увидев Сарьяна, встала с места. Шевельнулись губы, будто хотела что-то сказать. Из рук выпал карандаш и покотился по полу.

Сарьян, тоже растерявшись, смотрел на нее и чувствовал, как предательская краска заливает лицо.

Дания... Пышные черные волосы. Глаза — какие они у нее все-таки красивые — смотрят чуть испуганно. Снежно-белая кофточка, черная юбка. Что-то слишком строгое в ее облике — в тонкой напряженной фигуре, в откинутаголове.

Сарьян шагнул вперед, нагнулся, поднял карандаш и протянул девушке.

— Спасибо...

Щеки ее порозовели. И удивительно похорошела она в это мгновение. Дания хотела еще что-то сказать, но ее прервали посетители, пришедшие к главному инженеру. Низкорослый рабочий в брезентовой куртке, держа в руках большой гаечный ключ, сразу набросился на девушку:

— Если и сейчас не примет, возьму да заколочу намертво двери!

У Дании взлетели брови, она даже чуть открыла рот от неожиданности. Приветливость в ее глазах сменилась деловым и строгим выражением.

— Вы опять по поводу подачи пара в общежитие?

— Ну конечно!

— Обратитесь к своему начальнику цеха. Этот вопрос уже решили.

— Да ну? — рабочий встрепенулся. — Ну, деваха, поставь тебя заглавным инженером, знала бы, как дела вести.

Дания улыбнулась краем губ.

— Ладно, ладно, язык еще пригодится. Бегите, дело не ждет! — сказала она и перевела взгляд на Сарьяна.

Он во время этого короткого разговора невольно любовался девушкой, ее деловой строгостью и непринужденностью. «Таким и должен быть секретарь, — подумал он. — Другая на ее месте так напустилась бы...»

— Вы, значит, теперь здесь работаете?

— Да, временно... — Дания, опустив длинные ресницы, чуть склонила голову, на лоб упали крупные кольца вьющихся волос.

— К Идельбаю Шакирычу м-можно? — спросил Сарьян.

Девушка внимательно взглянула на него.

— А... по какому делу?

В голосе ее прозвучала настороженность.

«Да что она, боится, что ли, чего-то? Вот чудачка! Неужели огласки вчерашней истории? За болтуна меня приняла!..» Ему стало весело. Он подошел к столу и объяснил ей цель своего прихода.

— Подождите немного, скоро он начнет прием. — Она показала рукой на диван, пододвинула ему пачку старых журналов.

Сарьян сел на диван. Висевшие на стене часы гулко пробили десять раз. Сарьян посмотрел на

них. Тяжелый маятник равнодушно раскачивался за стеклянной дверцей.

Вспомнились ему почему-то старые часы, висевшие у них в доме, в деревне. Они были с кукушкой. В далеком детстве — он хорошо помнил — внезапное появление в окошечке деревянной птицы и ее хрипловатый звук заставляли вздрагивать соседскую девчонку Минсылу. И этот звон часов в приемной на короткое время вернул его в прошлое, накрепко связанное с первой незабываемой любовью. Он прикрыл ладонью глаза. «Вот, черт возьми, — подумал он. — Совсем сентиментальным стал ты, парень...» Приемная с немногочисленными посетителями расплывалась в зыбком тумане. И в нем все маячило лицо Минсылу. Ему явственно почудился ее ровный грудной голос... Что это? Что за треск раздался неподалеку?..

Ах, да, это же Дания печатает на машинке. Он провел тыльной стороной ладони по глазам, как бы отмахиваясь от наваждения, и окружающие предметы вновь обрели четкие очертания. Да, Минсылу, непреходящая, загнанная в глубь сердца боль... Дания, чуткая и внимательная, слушала кого-то. Вот она взяла трубку и, смеясь, говорит с кем-то. Сарьяну неожиданно вспомнилась вчерашняя встреча... Она и Хасанша... «Нет, не умеешь ты, девчонка, разбираться еще в людях. Нашла себе пару... А твое-то какое дело?» — с внезапной злостью оборвал он себя.

В дверях показалось несколько рабочих. Спросив: «Принимает?» — заняли очередь. На вопросы нетерпеливых посетителей Дания сухо вато и твердо отвечала:

— Главный инженер еще занят...

А время все шло. Сарьян обратился к Дании:

— Может быть, напомните? Люди ведь ждут...

Дания не ответила. И тут же дверь кабинета распахнулась, и послышался хриловатый голос главного инженера:

— Что за шум, товарищи?

— Да мы не шумим, Идельбай Шакирыч. Т-только, видно, не удастся сегодня попасть к вам, — подал голос Сарьян.

Главный инженер повернулся в его сторону.

Да, за последнее время сдал главный. Побелели густые волосы, обострились, как бы высохли черты сухощавого продолговатого лица, некогда красивого, запавшие глаза смотрят раздраженно и хмуро. Когда он увидел Сарьяна, глаза его потеплели.

— Я-то думаю, кто ж это? Мирхалитов, оказывается. Каким ветром тебя занесло? Впрочем, уже успел закончить институт, конечно. Входи, входи!

Сарьян вошел в просторный кабинет. Главный инженер кивнул, садись, мол.

— Ну-ка, товарищ инженер, похвастайся своими документами.

Сарьян не отрывал глаз от лица Идельбая Шакировича. Нет, здорово все-таки сдал он в последнее время. Нервы, видать, ни к черту. Вон как дрожит бумага в руках да уголки губ подергиваются. И горбится, будто тяжелый груз на плечах давит его.

Он с жалостью продолжал рассматривать грозу заводчан — главного инженера. Тот, собираясь что-то сказать, внезапно поднял голову и наткнулся на сочувствующий, изучающий взгляд Сарьяна. И запнулся.

— А ты не задумывался над такой вещью: если б я не захотел, то тебя не отпустил бы на

очно отделение. И я был бы прав: начал заочно и кончай так же. — Шакиров, сев на место, откинулся и в упор, прищурившись, посмотрел на него. — Но, видишь ли, я тогда учел, что у тебя слабое здоровье, не окреп после ранения...

— У вас есть хорошие, добрые черты, Идельбай Шакирыч. Помните, перед моим отъездом на фронт мы сидели как раз перед этим столом... Я еще в те дни так горячо доказывал вам необходимость коренного изменения технологического процесса.

— Как же, как же, отлично помню!..

— Вы тогда сказали: «Дело очень важное и нужное, но оно потребует много времени, материальных затрат». Посоветовали мне взять это в качестве темы для диплома, намекнули на возможность осуществления таких планов после войны. Да и с дипломной работой очень помогли, спасибо вам, такое не забывается.

— Спасибо, спасибо... Это обязанность каждого руководителя.

— Словом, вы, Идельбай Шакирыч, цените заводские кадры, умеете направлять их, нацеливать на самое важное, проблемное. Только...

Сарьян встал, подошел к столу.

Шакиров нетерпеливо качнул головой, не сводя с него напряженного взгляда, как бы спрашивая, мол, что ж ты запнулся, заканчивай свою мысль, бей до конца, раз замахнулся. И Сарьян выпалил:

— Только вот часто у вас задуманное не выполняется, хорошие планы не реализуются.

Лицо главного инженера сразу посуровело. Губы приобрели жесткие очертания. Он набылся, втянул голову в плечи, как бы готовясь к отпору... Эти слова точь-в-точь перекликались с фразой секретаря парткома Вишнякова, выска-

занной в тактичной, но достаточно прозрачной форме: «С вашим опытом, Идельбай Шакирыч, можно делать более масштабные дела...» Шакиров потянулся к стоявшему на тумбочке графину с водой, залпом выпил два стакана и нажал на кнопку, вызывая секретаршу. Быстро вошла Дания и мгновенно успела заметить перемену в настроении отца. Она быстро взглянула на Сарьяна. В ее стремительном взгляде он успел почувствовать упрек.

— Сейчас, сейчас, всех приму, пусть успокоятся, — сказал он и сам вслед за ней закрыл дверь и нажал еще раз, словно проверяя, достаточно ли плотно захлопнута она. И, не в силах совладеть с раздражением, вновь начал ходить возле стола.

В кабинете повисло тягостное молчание. Лишь тихо потрескивал под ногами Шакирова паркет, словно сочувствуя хозяину этой большой светлой комнаты, не находившему себе места. Сарьян терпеливо ждал. И наконец главный заговорил:

— Я бывал на многих заводах. Да, в основном производство у них идет по отлаженному технологическому циклу. Ты прав. А наш завод — старик. Для нас территориальное расширение проблема из проблем. С одной стороны — река мешает, с другой — гора. Цех на цехе сидит. — Он перевел дыхание, достал папиросу, закурил. — Ты извини, я говорю, может быть, общеизвестные истины. У некоторых старых цехов надстроены вторые этажи, к некоторым корпусам сделали пристройки. Да, согласен, длившаяся десятками лет эта кустарщина, латанье дыр стали тормозом улучшения технологического процесса. А это в свою очередь сдерживает, и здорово сдерживает производительность,

здесь нет никакого секрета. Но мы, несмотря на это, все же неплохо работаем. Придет время, — а оно, думаю, не за горами, — начнем и на нашем заводе реконструкцию. Может быть, на какое-то время, конечно, придется остановить завод.

— Нет, Идельбай Шакирыч, — осторожно возразил Сарьян. — Вы же прекрасно знаете суть моего дипломного проекта. Реконструкцию можно производить и без остановки производства...

— Сейчас для нас самое главное, Сарьян, выполнить первую послевоенную пятилетку. А самое злободневное — механизировать трудоемкие процессы. Нужно резко увеличить производство движков для села, тракторных запчастей. Начнем, вернее, уже начали освоение зернопультов и зернопогрузчиков. Это все то, что мы должны делать в первую очередь. И думаю, что хуже других выглядеть не будем, пятилетку в четыре года выполним. А ты говоришь, что в хвосте плетемся...

— Но я же не хотел сказать, что на заводе вообще ничего не делается...

В это время у мраморной совы на столе вспыхнули глаза. Шакиров, досадливо поморщившись, потянулся к телефону. Взял трубку.

— Слушаю. Кто, говоришь? А-а... Здесь он. Что за вопрос? Ладно, заходи.

Главный инженер заметно остыл. Но как-то странно — мысли его витали далеко — взглянул на стоявшего перед ним Сарьяна и примирительно сказал:

— Да ты садись, садись... — Выпустив изо рта дым, снова начал просматривать его документы. «Учился парень неплохо, — размышлял он. — Надо, однако, сделать так, чтобы этот занозистый товарищ находился под моим влиянием,

под контролем. Не под моим, так под чьим-нибудь, кто пожестче характером. Если посадить его в производственный отдел? Нет, все будет пытаться перевернуть вверх дном. Назначить в технологический? И там покою не даст, обязательно вцепится во что-нибудь, тем более что это его конек. — Он потер висок. — Или засунуть к снабженцам? Решено!» И вслух произнес:

— Вот так. Пойдешь в отдел снабжения. Ты человек молодой, энергичный. Это сейчас очень трудный участок. Предупреждаю сразу, покоя не жди. — Шакиров испытующе глядел на Сарьяна. — Или боишься желчью изойти на такой работе?

А у Сарьяна внутри все закипело. Да что он, смеется, что ли? Но возразить не смел. Он чувствовал себя как бы пойманным в силки, поставленные опытным охотником. Нет, разве к этому он стремился столько лет? Сарьян с трудом сдержался.

— Вот вы все время говорите: т-трудный да т-трудный участок. А в цеху к-как, полегче?

— Вся загвоздка в том, что цеха вечно страдают из-за нехватки материалов...

— Причина не только в этом.

— Вижу, никак тебе не хочется быть снабженцем. В таком случае...

В эту минуту вошел начальник цеха Рахмаев. Главный покосился на него и заключил:

— В таком случае могу предложить БРИЗ. Надо укрепить заводоуправление, воспитать молодых специалистов.

— На мой взгляд, место молодых специалистов в цеху. Иначе их практическое освоение производства теряет всякое значение...

Рахмаев, подойдя к ним, вмешался в разговор:

— Верно говоришь, Мирхалитов. На кой черт их мариновать в управлении, когда в цехах знающих людей не хватает? — Он просительно взглянул на главного инженера. — Отдайте мне Мирхалитова! Он у меня работал, знает, что к чему. Прямая выгода же!

Главный раздраженно швырнул карандаш на стол.

— «Отдайте мне Мирхалитова!..» А Яныбаева куда я дену? Перебрасывать человека каждый раз с места на место тоже не дело. В последнее время у меня к нему претензий нет, работает нормально. Да и институт заочно кончает... — Главному явно не понравился новый поворот в таком сложном разговоре. Он закурил. В открытую форточку влетела пчела и закружилась возле него, будто примериваясь, как ужалить. Сарьян, чувствуя поддержку со стороны Рахмаева, выпалил:

— Да я лучше токарем пойду, чем здесь штаны протирать!

Главный взбил волосы и с удивлением уставился на него:

— По-твоему, здесь одни бездельники сидят?

Сарьян смутился. Он не хотел оскорблять Шакирова.

— Да нет... Просто я хочу досконально знать производство. Неужели вам это трудно понять?

Шакиров усмехнулся. Потом разжал узловатые пальцы и показал Сарьяну ладони.

— Возьми меня. Мне никогда не доводилось работать на станке. Однако на заводе никто не сможет упрекнуть в том, что я не знаю производства.

— Совершенно верно, производство вы знаете досконально. — Сарьян даже улыбнулся. Весьма неубедительный довод! И продолжил: —

Но скажите, достаточно ли одной речки для того, чтобы мельница молола? Для этого нужно еще и рабочее колесо...

— Гм... мельница... — Шакиров усмехнулся, но усмешка получилась вымученной. Раздражение его росло с каждой минутой. — Мельница...

Начальник цеха широко улыбнулся. «Палка о двух концах, — подумал он. — Нужно еще знать, как лить воду в колесо...» И настойчиво-вежливо снова обратился к Шакирову:

— Да отпустите вы его ко мне, Шакирыч, пусть поучится, как воду лить...

Главный задумался.

— Да... А куда денем Яныбаева? Если только в БРИЗ... — Ожесточенно потеряв подбородок, он повернулся к Сарьяну. — Ладно, будь по-твоему. Еще раз иду тебе на уступки. Но обязательно нужно еще и согласие директора. А там посмотрим, как ты себя покажешь. Ну, двигай, изучай на практике заводскую жизнь...

Сарьян поблагодарил Шакирова. Он был готов хоть сейчас отправиться вместе с Рахмаевым в цех. Но тут в кабинет вошла Дания и сказала, что главного вызывает сам директор.

— Вас тоже он просил подождать, — сказала она Сарьяну и Рахмаеву.

Они задержались в приемной. Вскоре секретарша жестом указала на дверь директора:

— Входите...

Что за объяснение произошло между Мостовым и Шакировым, Сарьян, конечно, мог только догадываться. Но было ясно, что стычка произошла основательная. Об этом говорили их возбужденные лица.

Директор, как всегда, был предупредителен и вежлив. Он крепко пожал руку Сарьяну.

— Произошли маленькие изменения, товарищи. Мы тут посоветовались и решили назначить тебя, товарищ Мирхалитов, главным механиком завода. Словом, отныне ты будешь правой рукой Идельбая Шакирыча.

Онемевший от неожиданности Сарьян не мог вымолвить и слова. Не знал, что ему делать, радоваться или огорчаться такому назначению. Только и сумел вымолвить:

— За доверие спасибо...

Простившись, они вместе с Рахмаевым и Шакировым вышли из кабинета. Когда проходили мимо стола секретарши, главный тяжело, всем телом, повернулся к Сарьяну:

— Ладно, правой рукой так правой... Сегодня заканчивай дела с оформлением и завтра же принимайся за работу. В самое горячее время угодил...

Глава девятнадцатая

1

Когда Сарьян вернулся на завод после окончания института, жизнь Хасанши пошла, как говорится, кувырком. Неприятности посыпались одна за другой... Еще не так давно он невозмутимо восседал в кабинете. Никто не нарушал его покоя. Хасанша поморщился. В селекторе прозвучал требовательный голос начальника планово-производственного отдела:

— Механический!

Хасанша вздрогнул. Машинально ответил:

— Слушаю.

— Узлы в сборочный цех отправлены?

— Должны были отправить. Схожу узнаю...— торопливо ответил Хасанша, как вновь раздался властный голос:

— Послушайте, Яныбаев, вы же заместитель начальника цеха по производству. И вы даже не в курсе дела!

Вот и вправду, на бедного Макара все шишки валяются. Эти злые упреки — прямое обвинение в беспечности! — прозвучали и на планерке производственного отдела. Когда его попытки оправдаться ни к чему не привели, показная невозмутимость сразу же слетела с лица. Хасаншу охватило странное оцепенение. Во всем, что он видел в последнее время, — в том, как возмущалась бригадир Сэскэбикэ Аралбаева из-за пролитого на пол масла, как возбужденно-приподнятым было настроение начальника цеха Рахмаева и мастера Петра Иванченко, — во всем он видел радость по поводу возвращения Сарьяна на завод. И все это звучало как бы обещание скорых и ощутимых перемен. И сердце невольно охватывала тревога, словно оно предчувствовало что-то.

Нет, он не думал сдаваться. Хасанша отгонял от себя мрачные мысли, был деятелен и внешне весел. Но стоило остаться наедине со своими думами, как горькие мысли снова одолевали его. В довершение ко всему, как-то сходя с трамвая, случайно подвернул ногу. Вообще в последнее время у него все стало валиться из рук. Дошло до того, что утром, когда торопливо брился, нечаянно порезал подбородок. «Осторожнее надо, сынок, осторожнее!» — услышал он голос отца, и в его словах ему вдруг почудилось более серьезное предостережение. Хасанша, который раньше брился через день, теперь каждое утро проводил у зеркала с лезвием в руках. «И чего

он так прихорашивается? — думал, поглядывая на него, отец. — К добру ли? И руки вон как трясутся...»

«Не к добру...» — думал сам Хасанша, вспомнив неожиданную встречу с Сарьяном на берегу, и окончательно уверился в собственном невезении. Сегодня, например, имя Сарьяна не сходило с языка Хафиза Ибатулловича. Его позвали к директору, видать, решалась судьба Мирхалитова.

Хасанша, растерянный, чувствуя неприятную дрожь в ногах, — будто подхватил малярию, — пошел к себе в кабинет. «Как оно все будет? — мучительно размышлял он. — Все ли я сделал? Может, действительно выйдет по-нашему? Вроде бы везде, где нужно, побывал, поговорил. Даже Афлетун-агай похвалил: мол, правильно, стучи в семь дверей, чтобы открыть одну. Но узнав, что он, Хасанша, по-доброму не поговорил с Сарьяном, с видимым сожалением сказал: «Э-эх, Хасанша, Хасанша... Надо считаться с тем, что у Мирхалитова солидный авторитет. С этим выскочкой в открытую не схлестывайся, зубы обломаешь, еще раз тебе говорю. А теперь пора ошибку исправлять, сходи и извинись перед ним, потолкуй по-дружески...»

Но не все получилось так, как ему хотелось. Сарьян держался подчеркнуто строго и на просьбу Хасанши извинить за тогдашний случай не ответил. Только Яныбаев перевел разговор на другое. Они некоторое время постояли в проходной, говоря о том, о сем.

— Ты что, и мать привез сюда? — спросил Хасанша.

— П-подумал, подумал и п-привез. Вместе веселее. Да новая моя квартира хоть куда. Так и живем вдвоем.

— А дом в деревне? Продали?

— Нет, не продали, Сайде оставили. Ну, если он ей будет не нужен, так, в крайнем случае, хоть на дрова.

Услышав имя бывшей жены, Хасанша помрачнел. Глухо спросил:

— А жениться не собираешься?

— На ком прикажешь? — Сарьян, сверкнув глазами, отвернулся.

Хасанша же в свою очередь сразу почувствовал в том внешне безразличном вопросе такую жестокую тоску, что на миг жалостливо взглянул на него. Потом, равнодушно пожав плечами, закурил. Разговор сам собой потух. Они распрощались.

А между тем Хасанша отлично знал, где сейчас Минсылу. Лишь неделю назад он неожиданно встретил ее на крыльце универсама. Но ничего не сказал о ней Сарьяну.

Минсылу, похоронив Максима Ковалева, той же осенью уехала к родителям. И лишь недавно они все вместе вернулись в Башкирию. Неудержимо потянуло в родные края. Поселились в Уфе.

— Что ж ты и носу не кажешь? Могла бы зайти, наверно, — упрекнул ее Хасанша при встрече.

— Да пока с жильем устраивались... — уклончиво ответила она.

— Ты не забывай все-таки. Как-никак, вместе росли...

— Но что еще у нас общего? Извини меня...

Хасанша, обычно никогда не лезший за словом в карман, на сей раз растерялся. И никак не мог найти быстрого и не менее колючего ответа.

Нет, это была уже не прежняя Минсылу. Твердый взгляд много повидавших глаз, решительный и ровный голос. Хасанша почувствовал себя неуютно под ее взглядом.

— Наломал я в свое время дров, Минсылу, что было — то было... — пробормотал он с видимым смущением.

То ли всерьез приняла она его покаянные слова, поверив в его искренность, то ли заговорили в ней воспоминания, но она заметно смягчилась, начала расспрашивать о деревенских новостях, вспомнила Сарьяна, поинтересовалась здоровьем Сайды и маленького Анвара.

После этого Хасанша сам решил заглянуть к ним домой.

У него мелькнула рискованная мысль «прибрать к рукам» Минсылу, хотя в глубине души он не очень-то верил в это и сам. Во всяком случае, делал вид, что он ничего не знает о ее судьбе. Сейчас, после разговора с Сарьяном, он злорадно вспоминал свой вопрос, касавшийся его женитьбы... Оказывается, тот и не знает, что Минсылу переехала в Уфу. Или между ними черная кошка пробежала? Хасанша, в общем, был доволен.

«Кажется, все сделано как надо. Да и взаимоотношения с Мирхалитовым вроде наладились». Он был почти уверен в том, что тот не согласится выживать его, Хасаншу, с теплого места заместителя начальника цеха.

Хасанша, наморщив лоб, смотрел в окно. В дальнем конце цеха он увидел разговаривавшего с начальником Афлетуна-агай. «Э-э, значит, Хафиз Ибатуллич уже пришел, — чуть не вслух сказал он. — Чего ж я здесь торчю?»

Он поспешно вышел из кабинета, стараясь унять в себе тревогу и одновременно надеясь на

что-то. Но худшие предчувствия его не обманули.

— Взгляни-ка, Хасанша, что тут происходит! — Лицо начальника цеха было хмурым. — Что за напасть такая? Впереди третья декада, напряжение растет, а здесь черт знает что происходит! — Он обернулся и рывком открыл дверь инструментального склада. — Взгляни, ни одного молотка нет. На полках хоть шаром покати. Брать берут, а чтобы возвратить, об этом не думают. Учет запущен. В тумбочках токарей десятками валяются резцы, поржавели, не заточены... Разве это дело, товарищ Яныбаев?

«Плохи мои дела, — мелькнуло в голове у Хасанши. — Таким злым давненько я его не видел, однако. Нет, сейчас нельзя оправдываться и сваливать вину на кого-то. Изберем другую тактику, пожалуй...»

— Меры будут приняты, — поспешил сказать он. — Строгальный станок уже отладили и пустили. Детали контролируют сами мастера. Вчера и сегодня ни один шуруп отдел технического контроля не вернул.

— А почему с резцами такое положение?

— Мы с Афлетуном-агай уже начали мероприятия по регулярному сбору-заточке резцов. В начале того месяца все должно наладиться.

Хафиз Ибатуллоевич цепким всевидящим взглядом обвел до мелочей знакомый ему цех.

— Наладится, наладится... А конец месяца на носу.

Он выколотил догоревший табак из трубки, тронулся с места.

Через минуту он уже был на станочном участке и там распекал кого-то.

— И все из-за него... — начал было Хасанша, имея в виду Сарьяна, но стоявший рядом Афлетун-агай дернул его за рукав:

— Давай не шуми. Обмозговать надо. — И, почесав лысину, добавил: — Сегодня же сходи к Хафизу Ибатулличу, прямо домой...

— Домой?!

— Ну да, домой. Посидите, потолкуйте, человек же он, в конце концов. Не выгонит, авось. Что-нибудь да выйдет из разговора... И потом... позавчера Ибатуллич искал мясо на базаре... Да баранины хорошей не было, одна тощая говядина.

— Понятно... — протянул Хасанша, лицо его посветлело.

— Вот-вот. Скоро смена кончается, не задерживайся на заводе...

2

Рахмаев жил недалеко от дома Хасанши. Но, как ни странно, Хасанше у него бывать редко приходилось. А как ему хотелось запросто появляться в его доме, быть близко знакомым с семьей. В этом был прямой смысл. Оказаться другом, своим человеком в семье Рахмаева, которого уважали за справедливость и честность, и таким образом в какой-то мере поддержать свой престиж, повысить свой авторитет. Но намерения оставались намерениями. Хасанша побаивался резкого, независимого характера своего прямого начальника. И предпочитал держаться на дистанции. Но сегодняшней визит дальше никак нельзя было откладывать. «Какую же подходящую причину придумать? Как угодить своенравному старику? Или в самом деле последовать совету прожженного пройдохи Афлетуна-агай?

Сейчас и в самом деле мясо — ходовой товар, да и по цене ой как кусается. Попробую!» — решил он. Завернул в клеенку половину молодой жирной бараньей туши и вышел на улицу.

У Хасанши почему-то крепла уверенность в благополучном исходе дела. Приятно холодила бок туша барана. Предстоящая встреча предстала перед ним в радужных красках... Но вдруг рядом с ним послышалось тарахтенье мотоцикла. На нем восседал возбужденный Иванченко. Он резко затормозил рядом с Хасаншой.

— Не слышал? Литейщики-то нас обогнали!

У Хасанши упало сердце. «Начальник три шкуры спустит!» — ахнул он про себя.

— Откуда знаешь?

— Только сейчас у проходной «Молнию» повесили. Литейщики опережают план на двадцать процентов. А мы все у сотни еще топчемся!

Петро, вздымая пыль, помчался по улице. Хасанша, неприятно встревоженный, приблизился к знакомому трехэтажному каменному дому.

Номер квартиры Хафиза Ибатуллоевича он знал, искать не пришлось. Рахмаев, увидев его в окно — растерянного и встревоженного, — сам вышел ему навстречу.

— Э-э, Хасанша! Нежданный гость, входи! — И тут же озабоченно посмотрел ему в глаза: — Случилось что-нибудь на заводе?

— Нет, нет, Хафиз Ибатуллич, — встрепенулся Хасанша и через силу улыбнулся. — Прихожу сейчас домой, вижу, мясо привезли. По пути в цех решил к вам завернуть... Сами знаете, летнее время, с мясом туго. Вот, принес немного... Только не обижайтесь, подарочек маленький...

— Подарок?! Гм... — Хафиз Ибатуллоевич, явно смутившись, повернулся к двери. — Заходи, посмотришь, как мы живем...

«Вот человек, скажи пожалуйста! — ворчал про себя Хасанша, идя за ним. — Отвернулся и — привет. Хоть бы спасибо сказал».

А странного ничего в поведении Рахмаева не было. Хасанша просто не понимал того, что выросший в Катав-Ивановске в семье горнорабочего — семье суровой и честной, — Рахмаев не привык к разного рода подношениям и благодарностям. И все потому, наверно, не очень-то податлив и сговорчив он был по своему прямому характеру.

К революционному движению Хафиз примкнул еще совсем молодым. И в 1918 году, летом, когда Советская страна оказалась в огненном кольце, он вместе с рабочими поднял восстание и ушел в горы. Вместе с катавивановскими партизанами взрывал мосты, пускал под откос поезда, громил тылы белых, наводя панику. Часть южноуральских партизан, весной девятнадцатого, перевалив через скалистый хребет, прорвала вражеский фронт и соединилась с регулярными частями Красной Армии. Среди них был и он, командир кавалерийского отряда.

А вскоре горячий аргамак понес своего седока — двадцатилетнего командира эскадрона — в сражения, которые разворачивались на Восточном фронте. Девять раз был ранен Хафиз и каждый раз возвращался в строй. За исключительную храбрость Советская республика рукой командующего пятой армией Тухачевского прикрепила к груди Хафиза орден Красного Знамени.

Освободили Златоуст, вышвырнули колчаковцев за Урал. Хафиз был горд от сознания того, что завет заводчан: «Возвращайтесь с победой!» был выполнен и что на алом стяге революции есть и его капля крови. И события тех далеких огненных лет были для него теми безошибочны-

ми ориентирами в жизни, по которым он шел долгие будущие годы. Жизнь шла нормально, вырастил двух сыновей.

Беда Хасанши заключалась в том, что он, в сущности, не знал Рахмаева. Не знал главного, что составляло все содержание его жизни, хотя долгое время работал с ним бок о бок. Нет, он, конечно, слышал о его заслугах, но все это проходило мимо его сознания. Таких людей было много вокруг... И вот теперь, переступив порог, он деловито спросил его, опустив ношу на пол:

— Хафиз Ибатуллич, а куда мясо положить?

Тот не ответил. Чувствуя себя крайне сконфуженным, хозяин с облегчением увидел в проеме двери свою высокую худощавую подругу, ласково осведомился:

— Готов ли чай, женушка? Гость у нас...

— Готов, готов. Как раз ко времени гость.— И пожилая женщина, еще не утратившая остатков былой красоты, вошла в комнату. — Проходите.

Хасанша, делая вид, что не замечает помраченного лица начальника, потихоньку отодвинул в угол сверток с мясом и, торопливо сняв ботинки, прошел в комнату.

Возле широкого окна, выходящего на улицу, свободно раскинув глянцевитые густо-зеленые крылья, стояла пальма в деревянной кадке. А так в комнате, в ее обстановке не было ничего привлекательного. Обычный добротный круглый стол, диван с высокой спинкой, массивный расписной посудный шкаф, несколько стульев, этажерка, набитая книгами, газетами и журналами. Вот и все. «Не густо», — оценил Хасанша.

Напившись чаю, Хафиз Ибатуллоевич как бы немного оттаял и подобрел лицом.

— Вот ты говоришь, подарок... — издалека начал он. — Хочешь, расскажу тебе про один подарок?

— С удовольствием послушаю.

— Ты видел когда-нибудь шпаги, изготовленные из стали, которую отлили по рецептам знаменитого российского металлурга Аносова?

— Слышал вообще-то.

— Слышал, говоришь... Мать, принеси-ка тот подарок! — Хафиз Ибатуллоевич встал, подошел к двери, взял из рук жены великолепно сделанную шпагу и легко вынул ее из ножен. Хасанша не удержал восхищения, когда на голубоватой, подернутой прозрачной дымкой зеркальной поверхности клинка вспыхнули солнечные лучи. — Вот она! Ее даже в дугу можно согнуть так, что острием коснешься эфеса. Перерубает легко стальную проволоку, а на ней не остается ни одной зазубринки.

— Можно я посмотрю? — Хасанша протянул руки. — Какая тончайшая работа, какое исполнение! Вот это, я понимаю, мастерство! Смотрите, написано-то что: «Из искры возгорится пламя!»

— Из ответа декабристов Пушкину.

— Иногда ума не приложу, не всрится, что могут быть такие руки у человека. А чей это подарок?

— Эта история интересная, Яныбаев... — Хафиз Ибатуллоевич снова сел на стул. — Ты видишь творчество одного из прославленных залуостовских граверов. Он в свое время подарил шпагу своему учителю, старому мастеру-умельцу. Понимаешь? Не что-нибудь подарил он любимому учителю, а свою настоящую работу, понимай — свое сердце, душу, любовь...

До Хасанши дошел глубоко спрятанный смысл, заключенный в этих словах. Он заерзал на стуле.

— А как она к вам попала?

— Да как тебе сказать... Когда город захватили колчаковцы, один старый, очень известный мастер наотрез отказался гравировать оружие офицерам-белякам. Те сразу же обвинили его в измене и расстреляли. Вернее, смертельно ранили. Перед смертью старик сказал дочери: мол, завещаю эту шпагу вручить герою, который освободит Златоуст. Взял с нее слово, что та сдержит обещание. В июле девятнадцатого, когда наши части ворвались в город, дочь его так и поступила...

— Вот оно что!.. А потом вы встречали эту девушку?

— Еще бы! — улыбнулся Рахмаев. — Вот она перед тобой сидит, Умугульсум.

— Вы... дочь того гравера?! — пораженный Хасанша вскочил с места.

— Вместе с ней мы Колчака доколачивали. Умугульсум ушла с нами на фронт сестрой милосердия...

Пока начальник цеха неторопливо рассказывал об истории необычного подарка, Хасанша чувствовал себя так, словно он сидит на иголках. Наконец, сославшись на занятость — ведь он сказал, что спешит на завод! — стал торопливо прощаться и благодарить за гостеприимство. Хозяин не стал задерживать. И уже в коридоре посоветовал:

— А на завод тебе нечего ходить. Чего нам там все время вдвоем болтаться? Я как раз хотел наведаться туда.

Постояли на площадке, покурили. Хасанша осторожно сказал:

— Правду говоря, настроение у меня паршивое, Хафиз Ибатуллич.

Хафиз Ибатуллоевич, вытянув губы, невозмутимо пускал колечки дыма. И молчал.

— А может, я неправильно выразился? — продолжал Хасанша. — Волнуюсь все... Старуюсь. Не хуже других работаю...

— Но и не лучше — вот в чем дело. — Рахмаев приоткрыл дверь, потом взял сверток с мясом и протянул Хасанше. — А это заberi. И больше ко мне с такими... подарками-гостинцами лучше не приходи, на порог не пуцу. Покажи себя на работе, в отношениях с людьми, и лучшего подарка мне не надо...

3

Как оплеванный, вышел Хасанша на улицу. И, пожалуй, больше всего потрясла его деликатность, с которой вправил ему мозги начальник цеха. Черт бы побрал Афлетуна с его советами!.. Влип как муха. Улучшил отношения, называется. И все на свою голову. А шел-то к нему с самыми добрыми намерениями. А может быть, он, Хасанша, действительно чего-то недопонимает! Это ж надо догадаться, додуматься — впереться к человеку в дом с половиной туши барана! Нет уж, если кто баран — так это он, Хасанша!..

Солнце клонилось к закату. В воздухе чувствовалась духота. Хасанша брел по улице с дурацкой бараниной в руках, чувствуя, как мясо размякает и начинает течь. Оно жгло ему руки.

«Что ж делать? Отнести назад домой, и соврать, что у Рахмаева мяса дома невпроворот, или...»

И тут ему в голову вдруг пришла совершенно иная мысль. Она ему самому показалась велико-

лепной и логичной. Он торопливо направился к автобусной остановке.

«Решено! Отвезу Минсылу!»

Да, он хорошо знал, где живет Минсылу. Он уже был у нее однажды. По правде сказать, тот его приход без определенной причины и, кроме того, прозрачные скользкие намеки были явно не по душе девушке. Но она терпеливо слушала его болтовню, в которой апломб недалекого человека чередовался с показной интеллигентностью. Она внутренне посмеивалась и над его новым щегольским костюмом, пахнущим «Шипром», и чуть не расхохоталась, когда Хасанша полез за носовым платком в карман и вроде бы нечаянно выронил на пол сторублевку. Она понимала, что он неспроста заявился к ней. Ждать пришлось недолго. В тот же вечер он с восхищением признался ей: «У тебя есть все, чтобы быть шикарной женщиной, Минсылу...» Она грустно отмахнулась.

Что ей этот ничему не научившийся в жизни прощелыга! В ее сердце был лишь один Сарьян. Наученная за долгие годы прятать свое горе, она ни с кем не говорила о нем. И потому постаралась перевести разговор на другую тему, спросила Хасаншу:

— Как у вас с Сайдой? Сходиться не думаете?

— Не знаю, — неохотно ответил он. — Что разбито, того не склеишь.

И сейчас, направляясь к ней, Хасанша вспомнил ее вопрос. К чему бы это? А может... она ждет, что я отвечу ей, мол, все кончено с Сайдой и, мол, о ней не напоминай мне больше? Вполне может быть! Живой же человек. А война столько мужиков покосила, на улице не валяются. Да из оставшихся половина инвалиды да раненые.

Так подбадривая себя, он дошел до ее дома. Но на двери висел замок. Вот тебе на!..

Он, однако, направился к крыльцу, но в этот миг откуда-то выскочила белая собака и громко залаяла, оскаливая острые клыки. Он замер на месте.

— Омега, Омега!.. Фюиты!..

Не узнала, что ли? Тогда эта собака крутилась возле него и виляла хвостом. А теперь — на тебе! Рычит, не сводит с него глаз. Он попятился.

— Может, мясо почуяла? Так я тебя сейчас угощу. Вот и поладим, — забормотал он. Вытащил перочинный нож, отрезал кусок и бросил собаке.

Но он не знал, что Омега не приучена есть из чужих рук, она только понюхала кусок, снова оскалилась. Лай ее стал еще более грозным. Хасанша, ругаясь, попятился назад и выскочил на улицу.

Все-таки он основательно перепугался. Черт знает, что на уме у этой лохматой твари? И вдруг его обожгла ясная в своей прямоте мысль: не то что Рахмаев, даже собака не приняла его подарок. Вот тебе на! Да что это он, совсем разучился соображать, что к чему?

Хасанша был готов провалиться сквозь землю. Не видя ничего перед собой от злости на самого себя, он наискось пересек улицу и побрел к центру города. «К кому податься, кто его ждет, в конце концов?» Ноги несли его куда-та, а куда, он сам толком не знал...

4

— Где ж ты так долго пропадал? — упрекнула Сарьяна мать, когда тот переступил порог. — Иди быстрее, а то гость уж уходит собирается!

— Какой гость?

— Сайда приехала!

— Да ну тебя! Не шутишь, часом?

— Не узнать девку! Смотрю на нее — и никак признать не могу. А, вот и она сама.

Сайда вышла в прихожую.

— Здравствуй, здравствуй, Сарьян. Привел аллах увидеться, как говорится! — приветливо улыбаясь, она крепко пожала ему руку. Он внимательно оглядел ее. Сайда еще больше похорошела. А как идет ей зеленое платье, желтые туфли на высоких каблуках.

— Я тоже рад встрече.

— Только я к вам завернула ненадолго. Приехала в министерство по делам. Решила и вас проведать. Как твои дела? Хотя, что спрашивать, ты ж теперь начальство, главный механик. Залифа-апай мне уже успела похвастаться.

— На работе все нормально, Сайда. Днюю и ночью на заводе, хлопот полон рот.

— Ну, любимая работа никогда не надоест, не мне тебе говорить. — Сайда рассказала, что их МТС получила новые тракторы, сеялки, комбайны, что Ульфат вернулся из армии, из Германии вернулся, вся грудь в медалях, и снова работает в кузнице. Заметила вскользь, что Хасанша, видимо, изменился, пишет, что скучает по сыну. Вспомнили и Минсылу.

Сарьян насторожился.

— И в деревне ничего о ней не слышно?

— Нет, — сочувственно вздохнула Сайда и посмотрела на часы, — скоро мой поезд.

Попили чаю и отправились на вокзал. По дороге Сарьян без конца расспрашивал о деревенских новостях.

— Не все гладко у нас, Сарьян. Продуктов все еще не хватает, с фуражом туго, постройки

обветшали совсем... От городских шефов невелик прок: приедут, поставят концерт или спектакль, выпустят стенгазету, и все. Тоже мне, помощники... А нам запчасти нужны. Электропроводка за столько лет износилась, движок — горе одно.

Сарьян молча глядел себе под ноги.

— Ладно, постараемся придумать что-нибудь.

Сайда согласно кивнула.

— Ты приехал бы разок, сам посмотрел бы наши нужды... Ульмаскул-бабай тебя то и дело вспоминает. Помнишь, как он нас учил петь одну песню? — улыбнулась Сайда.

— А как же! — И Сарьян приглушенным голосом пропел:

— Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Ему отчетливо представился белобородый, неунывающий, с хитринкой, старик... Бывало, соберет вокруг себя стайку ребятишек и начинает с ними разучивать какую-нибудь песню, кивая в такт ей головой. Воодушевляясь, он выкрикивал: «Эх, афарин! Мы моряки, вот так, бывало...»

— С делами управлюсь, обязательно приеду, — пообещал Сарьян.

Вспыхнул зеленый свет светофора. На перроне послышался переливчатый свисток отправления. Загудел паровоз. Поезд тяжело тронулся с места и, набирая скорость, двинулся мимо станции. Вот уже маячит на хвосте последнего вагона свет красного фонаря...

5

Задумчивым вернулся Сарьян с вокзала...

А вечер был удивительно тих и прозрачен. Над городом струилась теплая голубоватая дым-

ка, еле заметно шевелились усталые листья на сонных деревьях. На сиреневом небе, высоко над горизонтом, висела луна. Уличный шум шел на спад, тишина властно завоевывала город. И лишь заводские гудки, вестники ночных смен, вели перекличку на окраине города.

Как сказала Сайда — «любимая работа»? Сарьян улыбнулся. Наверно, это естественно, что простой работающий человек по природе своей не может не любить свое ремесло. Он не привык к громким словам, за насмешливой грубоватостью прячет свою гордость. И работа — его достоинство. И это право на ничем не стесненную свободу творческого труда завоевано ценой миллионов жизней. Главное, думал Сарьян, понять это сердцем, на всю жизнь. Пожалуй, он только недавно начал понимать огромность того, что делается руками таких, как, скажем, Петро, Сэскэбикэ, Рахмаев... А сколько их по Союзу! Все зримее предстал перед ним каждодневный подвиг тех, кто после разрушительнейшей из войн находит в себе силы, стремится завершить пятилетку на год раньше. «Что за люди!.. Ведь ноют и будут ныть еще старые раны, не одного еще и сведут в могилу раньше времени. А женщины? Святые их руки...»

Любимая работа... Мы настолько привыкаем к ней, забывая о себе, что не остается времени до конца вдуматься в смысл этих слов. Она просто в нас, а мы — в ней. Мы — неразрывное целое, иначе глупо было бы посвящать ей свою жизнь. А сколько еще тех, кто по ошибке выбирает не ту дорогу...

А время трудное. Такое невероятно трудное, что наверняка потом вспомним с удивлением — неужели это все было? Да, было, и мы это вынесли. Мы, наверно, тем и сильны, что умеем

верить в завтра. Без этого человеческая жизнь потеряла бы всякий смысл.

Он долго еще философствовал, думая о себе, о людях, о Родине, о жизни вообще. И в постели, когда лег, потушил свет, мысли не покидали его, а едва уснул сладким сном, на рассвете разбудил звонок. Он схватил трубку телефона. Звонили с завода. Диспетчер встревоженным голосом сообщил, что в механическом и инструментальном один за другим вышли из строя два станка.

— Надо срочно пустить их, товарищ главный механик, иначе погорим с месячной программой.

— Меры приняли?

— Сначала решили позвонить вам.

— Значит, так... — Сарьян поднял подушку, удобнее уперся локтем. — Снимите от моего имени ремонтную бригаду. Да, да, которая сейчас в литейном, и перебросьте в механический

— А электриков?

«Совсем ничего не соображает», — с досадой подумал Сарьян и тем не менее ровным голосом пояснил:

— Вы же знаете, что электрики подчиняются главному энергетiku... Ну, в таком случае... Дежурные электрики есть же? Найдите их и подключайте к работе. Я скоро буду...

Мать всплеснула руками, когда Сарьян отказался от чашки чая и стал надевать пиджак.

— Ну, что за работа на тощий желудок?

— Ничего, мама, перекушу в столовой.

И лишь тогда, когда завертелись зажатые кулачками заготовки, Сарьян отошел от станка, вымыв руки содой, направился к себе в кабинет. Невеселое утро...

В его рабочем кабинете кроме двухтумбового стола, стульев и шкафа ничего не было. Самое необходимое. На подоконнике на круглом подно-

се — высокий графин и стакан. Сарьян с наслаждением выпил воды и задумался.

Вспомнился разговор с предшественником, бывшим до него главным механиком...

— Ну, с чего начнем, товарищ Мирхалитов?— задумчиво спросил он тогда сам себя.

Тот подумал, что вопрос, в сущности, обращен к нему.

— Известно, с чего. Где тонко, там и рвется. Вот туда и бежим. Дело ясное. Торчишь в цеху в зависимости от характера поломки. Вот и чеши затылок, кумекай, как выворачиваться. Только и слышишь: быстреей да быстреей. Словом, шлифуют тебя наждаком, четвертым номером.

— А можно ли ускорить ремонт? Без нерво-трепки, авралов?

— Подумай сам, — пожал плечами бывший главмех, криво улыбнувшись. — У тебя же целый штат есть — инженер-механик, инженер-конструктор, другие специалисты. Думай, прикидывай...

Другого отношения со стороны бывшего главмеха было трудно ожидать. Разговор запал в душу. Тогда Сарьян не стал возражать. Надо доказывать делом, а не словами. А сейчас, когда прошли первые недели, изменения налицо. «Нет, ты, друг, ошибся, — мысленно возразил Сарьян ему. — Мы уже кое-что сделали. Предварительно прикинули и рассчитали возможности, связанные с ремонтом и максимальным использованием оборудования. Составили график планово-предупредительного ремонта. Главное сейчас для нас — качество и темпы. Для срочных вызовов загодя наготовили спецдетали и узлы. Некоторые работы, которые растягивались на несколько суток, теперь выполняем за два-три часа. Но это еще не все, а только начало».

Он улыбнулся. Самое любопытное в том, что работают те же самые люди, что были при нем. Великое это дело все-таки — поиск внутренних резервов...

В первый же день его работы в новой должности главный инженер предупреждал:

— Ты у нас не новичок, Мирхалитов, долго разворачиваться да затылок почесывать не дадим. Времени входит в курс дела практически нет. Проанализируй работу техники в комплексе...

— На раскачку времени нет, дорогой Сарьян. Рабочие взяли на себя повышенные обязательства. А для этого нужны соответствующие условия, надежная техника. Словом, думай о новой, гибкой организации труда, — заключил он.

Кажется, первые наброски выполнены. Наладили трехсменную работу бригад ремонтников и электриков. Они стали выходить на работу на полчаса раньше. Выходной, по общему решению, перенесли на понедельник. Было, конечно, много неувязок и споров, впереди неясно вырисовывались новые планы.... «В чем беда бывшего главмеха? — размышлял Сарьян.— В неумении смотреть в будущее? Инертность? Отсутствие инициативы и напористости? Пожалуй, да...»

Раздался низкий протяжный гудок. Завод встречал утро. Сарьян распахнул окно, и свежий, бодрящий воздух ворвался в кабинет...

Глава двадцатая

1

Теплые дни прозрачного лета, подгоняя друг друга, потекли быстро. И в этой быстрине Сарьян чувствовал себя как в своей родной стихии. Вместе с другими горевал за погрешности в ра-

боте, вместе радовался, видя, как ходко, в гору идут дела с выпуском машин. Приятно было слышать, что и качество машин отличное! В этом большом, окрыляющем успехе есть и частица его труда. Выпуска добротной продукции можно добиться лишь на исправных, хорошо отлаженных станках...

Начали приводить в порядок и территорию завода. Комсомольцы предложили, и их поддержали, и в центре двора, неподалеку от проходной, стали сооружать фонтан.

Скоро по заводу пронеслась новость — по окончании первой смены будет пущен фонтан. Свободные от работы люди собирались на площадку.

Сарьян подошел к толпе, кольцом обступившей круглую чашу неглубокого цементного бассейна. Все ждали того момента, когда ударит ввысь мощная водяная струя. И вскоре, под рукоплескания, фонтан, обрызгав гранитное основание, торжественно метнулся вверх. Струя воды поднималась все выше, превращаясь в прихотливое развесистое, серебящееся на солнце дерево.

— Красота!

— Здорово получается!

Сарьян с наслаждением вдыхал воздух, пропитанный мельчайшими радужными капельками. И в этот момент, услышав за спиной знакомый девичий голос, обернулся.

— Здравствуй, Дания!..

После той неожиданной встречи на берегу Агидели отношения их наладились, стали дружескими. Дания, хотя и была моложе его на несколько лет, однако в ее облике все сохранилось что-то детское, непосредственное. Сарьян

шутя стал звать ее сестренкой. Она охотно согласилась. Вскоре Сарьян стал замечать, что Дания чем-то встревожена... В жизни ее наступал тот заветный час, когда неясные тревоги, внезапные приступы тоски сменялись безотчетной радостью. И эта радость — он, этот немногословный и приветливый, какой-то надежный Сарьян. Пусть пусть недолюбливает его отец!.. Ей приятно стоять рядом и ощущать легкое прикосновение его крепкого плеча, наблюдать за ним искоса и в то же время смотреть, как стекают по гранитным глыбам журчащие струи воды, как вспыхивает на солнце маленькая зыбкая радуга. Дания протянула упругую маленькую ладонь, ловя капли, и улыбнувшись, открыто, не таясь, взглянула еще раз на Сарьяна.

— Смотри, Сарьян, сколько капель! И в каждой — солнце...

Он тоже подставил руку к струе воды и шутя ответил:

— Сейчас я его тебе подарю...

Фонтан продолжал шуметь, словно приветствуя собравшихся. Бежали с гранитных глыб маленькие водопады. «Как, в сущности, мало надо людям для радости! — думал Сарьян. — Ну что фонтан? Обыкновенное дело. А глаза у всех как блестят...»

Главный инженер, стоя возле окна своего кабинета, с любопытством смотрел на толпу у фонтана. Он отчетливо видел стоявших рядом и оживленно говоривших Сарьяна и Данию. И почему-то недовольно морщился.

Вскоре Данию позвали — секретарша потребовалась начальству. А Сарьян, махнув ей рукой, побрел в столовую...

Дания все чаще стала задумываться над тем, что с ней происходит. Еще недавно в ее жизни все было ясно и определено. А вот теперь...

Как-то недавно пришла она на железнодорожный вокзал. Провожала соседку. Вышла на перрон и глазам своим не поверила. Неподалеку стояла та самая девушка... нет, она не может ошибиться! — та самая, которая провожала Сарьяна на фронт! Минсылу... У Дании все похолодело. А та скользнула по ней безразличным взглядом. С кинельского поезда сошел какой-то пожилой мужчина, она встретила его, и они затерялись в толпе.

«Минсылу здесь!» И Дания тут же с непроизвольным эгоизмом, похожим на ревность, подумала: «Так вот почему ко мне он охладел! Для него я просто «сестренка». Или, может быть, она ошиблась? Может быть, обозналась? Встречаются ведь в жизни очень похожие люди. Да и как она видела Минсылу? Мельком. Сколько лет прошло... Но сердце упорно повторяло, что нет, она не ошиблась. То была действительно та самая, которая провожала Сарьяна на фронт... И опять новое мучение. Что бы там ни было, надо рассказать о встрече Сарьяну. Так она решила. Но в тот же день встретить Сарьяна не удалось.

Мирхалитов в кабинете почти не сидел. Каждое утро он вместе с главным инженером уходил надолго в цеха: где-то устанавливали механическую пилу для резки заготовок. В литейном заканчивался монтаж транспортера для подачи топлива к вагранкам. В механическом ремонтировали мостовой кран...

Дания встретила его, когда Мирхалитов возвращался из литейного, и попросила прийти после работы в парк погулять. И, кстати, ей нужно ему что-то сообщить.

— Ладно, — охотно согласился Сарьян, вид у него был усталый. — Я подожду тебя у эстрады. Ты пока иди потихоньку. А я еще сбегая к Идельбаю Шакирычу. Он колдует что-то с термическими печами.

— Да? А я уже его домой отправила, — растерянно сказала Дания. — А то прямо с завода не выгонишь... Похудел даже.

— Вообще-то хорошо сделала. Тебя он вроде слушает. Не нам же ему приказывать...

Дании все еще не было. Сарьян невольно задумался над их отношениями. В них сквозила какая-то двусмысленность, неопределенность, и с каждым днем утончалась та необходимая грань, за которой может начаться что-то большее. Да и слишком уж часто начала Дания появляться у главного механика дома.

Однажды она ему встретилась в магазине. Он услышал от заводских женщин, что появились лимоны, и решил порадовать мать. И увидел возле кассы Данию. Она была с младшей сестренкой. Он кивнул ей и встал в очередь. Но на его долю лимонов не хватило.

Раздосадованный, Сарьян направился домой. Его догнала запыхавшаяся Дания. Она держала за руку младшую сестренку, которая еле поспевала за ней.

— Извини, Сарьян, к себе в очередь пригласить не могла, люди крик бы подняли, — сказала она виновато.

— Пустяки! — отмахнулся он. — Выбросят еще... И, нагнувшись, взял девочку на руки. Растерявшаяся Дания переводила взгляд с него на сестренку, судя по всему, великолепно чувствовавшую себя на руках дяди.

И вдруг им навстречу попала Залифа-апай.

— А я-то думаю, кто это идет? Ты, оказывается, и не один. — Она внимательно, испытующе взглянула на девушку. — Здравствуй, дочка.

Она протянула Дание руки, та, смущаясь, осторожно пожала их. А девочка залепетала:

— А мы тебе, бабушка, лимоны купили...

— Да-да! — торопливо подтвердила покрасневшая Дания. — А то Сарьяну не досталось бы, далеко стоял...

Сарьян опустил девочку на землю.

— Вот спасибо! — Залифа-апай ласково хлопала по спине Данию, взяла девочку за руку и пошла в ближайший переулок. — Уважили старуху, не забыли. Пойдемте, мы здесь недалеко живем, угощу вас ягодной пастилой...

Помнится, за столом в тот вечер было очень весело. Пили чай с лимоном и ароматной ягодной пастилой. А затем вышли в садик, что под окном. Тут Дания, глядя на широкую гладь Агидели, тихо сказала:

— Красиво как...

В последующие дни Залифа-апай то и дело говорила сыну:

— А когда они еще придут? Позови-ка, а то скучно мне здесь одной. Очень уж милая девушка. Как цветок...

Не придав этим словам особенного значения, Сарьян при случае передал ей привет от матери. Девушка вспыхнула, поблагодарила. И все-таки любопытный у нее характер! — решила закрепить знакомство. После работы сама пошла сно-

ва к ним домой. Но Сарьян был на заводе. Они с Залифой-апай снова в охотку попили чай. А вечером мать без усталости нахваливала ее сыну:

— Взясась я сегодня мыть полы. И половину не кончила, как поясицу схватило. И вздохнуть невмочь! Слышу — стучат. И кто бы, ты думал? Дания с сестренкой. А сама разогнуться не могу, чуть пошевелюсь — и колотье такое! Дышать нечем. Дания тут не растерялась — поддержала, довела до постели, уложила. Нагрела воды, налила в грелку, приложила. Вроде полегчало. Хотела было подняться — куда там! Говорит, лежите, пока боль не пройдет совсем. И тут же рукава засучила, юбку подоткнула и враз все полы выскребла. Легкая, быстрая, только волосы летают... Смотрю на нее, сынок, и Минсылу вижу... Хорошая девушка, всем взяла...

И все-таки... дернуло мать за язык. Взясла да выложила Дание: «Знала б ты, как он любит свою Минсылу...» Ну, как слышать это девушке, явно льнущей к нему?

Однажды, когда они возвращались из кино, она внезапно посмотрела ему в глаза:

— Сарьян, если б ты сейчас встретил Минсылу... узнал бы?

— Еще бы....

Он успел заметить, как чуть сжалась — словно от удара — Дания, как потух блеск в ее больших глазах.

Вот это сейчас вспомнилось Сарьяну, когда он стоял у старого тополя возле эстрады, ожидая Данию.

— Сарьян!..

Он живо обернулся к ней. Она в черном платье с металлическими украшениями. Волосы мягкими волнами падали на плечи, оттеняя белое взволнованное лицо.

— А ты что такой невеселый? Долго ждал меня?

— Нет, ничего, — отмахнулся Сарьян.

Порывистый ветерок вывернулся откуда-то из аллеи, шумно вздохнул тополь. Дания поежилась.

— Прохладно стало вдруг...

— Сейчас я тебя согрею. — И он пригласил ее к танцплощадке, где оркестр уже заиграл вальс «Дунайские волны». Они нырнули в круг танцующих.

Глаза девушки были совсем близко. В них было что-то похожее на боль, отчаяние. Дания неотрывно смотрела ему в глаза, и почему-то ей казалось, что это их прощальный вечер.

— Сарьян, послушай...

— Да, Дания.

— Ты по-прежнему ничего не знаешь о Минсылу?

Он отпустил ее плечи.

— С чего это тебе вдруг пришло в голову? — грустно спросил он и хотел добавить: «Как раз именно сейчас?»

— Я видела ее на вокзале.

— Что?! На вокзале? — Он остановился. «Проверяет меня или правда? — лихорадочно думал он. — Нет, она не из таких!» Мимо проплывали, вальсируя, пары. Многие удивленно посматривали в их сторону. Но Сарьян ничего не замечал. Он спросил побелевшими губами:

— Как?! Когда?!

«Вот и все, Дания... Вырвала счастье свое собственной рукой, с корнем. Вот и все...» И она, взяв его под руку, вывела из круга.

— Не думаю, что ошиблась. Нет, конечно... — Она, запинаясь, рассказала о той встрече.

Нет, нет, она вполне могла и ошибиться. Мало ли людей похожих на свете! Сколько раз и он вот так ошибался сам. Позавчера, едва не задев рулем, проехала мимо него на велосипеде женщина, кажется, развевавшиеся по ветру густые волосы коснулись его плеча. Не помня себя, он бросился вслед, крикнул: «Минсылу!» Велосипедистка обернулась. Недоуменное курносое лицо женщины средних лет...

— Я уж несколько раз ошибался, Дания...— еле слышно сказал он.— Судьба, наверно, ничего не поделаешь. Ведь она получила известие о моей смерти. А зачем тревожить память о мертвых? Вот и осталась там, в Средней Азии...

— А ты продолжаешь ее искать?

— Продолжаю. Только безрезультатно. — Сарьян снова кружился в водовороте танцующих, чувствуя рукой гибкую послушную талию девушки, ощущая ее горячее дыхание. Но того томительного, кружащего голову волнения у него не было. Будто выгорело все внутри. Просто — хорошо оттого, что сейчас рядом вот эта девушка, не требующая от него ни уверений, ни обещаний. Так, просто даже хорошо, что сейчас она здесь. Они танцуют. Вместе с ними медленно кружатся остро пахнущие наливным листом тополя...

4

Мысль о возвращении в Башкирию родилась у Минсылу после того, как отец погиб на финской войне. Много событий прошло с тех пор. И вот только теперь она с матерью перебралась в Уфу.

Купили дом в районе Глумилино. Аккуратный домик, небольшой уютный садик. Под кров-

лей крыши свили гнезда голуби. Каждое утро они с шумом вылетали из-под стрехи и радостно носились над крышей. Минсылу часто наблюдала за ними.

— К счастью, — подумала она про себя.

Но в один прекрасный день, выбрав себе подруг, голуби разлетелись в разные стороны... А вот позавчера на конек крыши уселась одинокая голубка. Вид у нее был измученный, она то и дело чистила перья. Часто она взлетала ввысь и подолгу кружила над домом. Так прошло несколько дней. Лишь сегодня послышалось ее призывное воркованье.

И вот уже вьются возле одинокой птицы, раздувая сизые зобы, несколько кавалеров. Но так и не допустила ни одного из них в гнездо.

Минсылу отвернулась...

«Я чуть не стала женой Максима...» — вдруг с обнаженной ясностью поняла она, и чего в этой мысли было больше — радости или сожаления об умершем — она не знала.

Внешне Минсылу казалась ровной, сдержанной, но если бы кто знал, какой ценой давалась ей внешняя уравновешенность. Тоска сжигала ее, обессиливала вконец... В один из ясных дней она вдруг решила пойти к заводу, где работал Сарьян. Не выдержала — решила пройтись по тем дорогам, где ступали его ноги. Да и люди, которые его знали раньше, могут встретиться. Нет, надо освободиться от этой изматывающей боли, еще раз убедиться, поговорив с людьми, в страшной правде. И, может быть, удастся увидеть его портрет среди портретов других погибших на фронте.

Долго бродила она около завода. Многие напоминали ей любимого. И цепочка людей, выходящих из проходной, и видневшиеся через узор-

чатые решетки ограды машины, на которые грузили движки.

«Когда-то Сарьян делал эти моторы», — подумала Минсылу. Она прижала руки к груди. Да, жизнь идет, только нет Сарьяна.

Минсылу, решившись, спустилась вниз по бетонным ступеням ближе к проходной. «Вот по этой лестнице ходил он. Присаживался вот на эту широкую скамью, читал мои письма, хмурился, улыбался, по привычке морща нос...»

Она перевела взгляд на доску Почета. Ну, конечно же, откуда здесь быть его портрету. «Не сходи, пожалуйста, с ума...» А стенд с портретами погибших, наверное, внутри, на заводе.

Она почувствовала, как от усталости гудят ноги. Присела на нагретую солнцем скамью. Недалеко оживленно болтали о чем-то девушки. Минсылу поймала на себе взгляд одной из них, маленькой, со скуластым лицом.

— А вы на этом заводе работаете? — спросила Минсылу тихо.

— Да, на этом. А вы что, хотите к нам устроиться, да? А то отдел кадров во-он он! — она махнула рукой.

— Да нет. Я хотела спросить. Случайно не знаете такого — Сарьяна Мирхалитова?

— Я... — огорченно развела руками маленькая девушка. — Я недавно на завод поступила. Может, Замзамия-апай... Замзамия-апай!..

Пожилая женщина, проходившая мимо, остановилась. Подумала, пожалала плечами.

— Э-э, дочка, разве упомнишь, кто работал, кто уехал, завод большой... В войну сколько погибло...

Минсылу тяжело опустилась на скамью. Да, права была Сайда, из могилы дороги нету. Хва-

тит терзать себя, надо примириться с печальной мыслью...

Сколько прошло времени с тех пор, как она сидела, устремив глаза в одну точку, она не знала. И лишь когда мимо нее проскользнул человек, напоминавший чем-то Хасаншу, она торопливо вскочила с места. Не хватало еще в таком настроении и в самом деле встретиться с ним, слышать его разглагольствования. Но еще долго потом бродила она по улицам, пока не вышла на крутой берег Агидели. Бодрый ветерок погладил ее воспаленные щеки, высушил глаза...

Агидель...

Начинаясь в самом сердце седого Урала, у подножий Иремельтау, прорываясь через известняковые толщи, вбирая в себя веселую звонкую силу попутных горных речек, эта красавица река растет, наливаясь мощью, и вот уже вырвалась из гор и понеслась на безоглядный простор, к далекой своей сестре — Каме. Какие только события не гремели над ее серебряной гладью, чего ей только не пришлось повидать на своем длинном веку. И уставший путник, припав к ее прозрачной воде, надолго обретает силу...

Может быть, вот здесь, где сейчас стоит она, Минсылу, когда-то пел курай. И джигит, — может быть, потеряв любимую, — бродил в тоске по этим зарослям, облюбовывал себе тростник и вырезал из него острым охотничьим ножом дудку, осторожно прикладывал ее к губам...

Теперь другие отражения колышутся на зеркальном лице Агидели. Высокие заводские трубы, четкие очертания домов. А чуть дальше видна пристань с протянутыми к небу стрелами порталных кранов. Снуют быстроходные катера.

И не отзвуки ли пенья курая звучат сейчас в дальних заводских гудках?..

День выдался на редкость тихим, убаюкивающим и прозрачным. Над огромной россыпью домов, прилепившихся к крутому яру, пылало солнце, неторопко, словно переваливаясь с боку на бок, плыли пышные белые облака. Далеко был слышен каждый звук. Даже голос плачущего где-то неподалеку ребенка, казалось, долетает откуда-то издали, вон с той далекой лесной зубчатой гряды.

На обратном пути, чувствуя себя слегка утомленной, Минсылу медленно шагала вдоль домов. А навстречу шли люди. Громко перебрасывались словами, смеялись, ссорились. Все это проходило мимо ее сознания, переполненного собственными мыслями. Она пришла в себя на одном из перекрестков. Раздался противный скрежещущий звук тормозов, и чей-то испуганный голос:

— Ой, сбили!..

И только здесь она увидела прямо перед собой радиатор огромной грузовой машины. У выскочившего из кабины шофера было бледное, будто посыпанное известью лицо. Она даже зажмурилась, ожидая удара. Но удара не последовало. Пожилой водитель встревоженно смотрел на нее. Он все же не выдержал, ругнулся.

— Ослепла?!

— Извините...

Минсылу торопливо перебежала улицу. Она не успела даже испугаться, настолько все быстро произошло. Страх пришел минуту спустя. По телу пробежала странная, холодящая душу дрожь... Минсылу отдышалась лишь возле своего дома. Здесь она, задумчивая, долго стояла у калитки и как бы подводила итоги сегодняшнему дню. Да, одинокой осталась она, одинокой... Одинокой, как та голубка, которая уединенно и тоскливо воркует по утрам на крыше. А ведь рядом,

совсем рядом, по тротуару, звеня-гремя, летит сама жизнь, неудержно болтая о чем-то веселом, идет молодежь.

Минсылу грустно вздохнула. Ей казалось, что это ее молодость бежит так ходко, бежит в бурливом потоке времени, бежит мимо...

5

Минсылу не колебалась насчет будущей работы. Конечно, пойдет медсестрой или в одну из республиканских больниц, или в поликлинику. И она направилась было в сторону крупной республиканской больницы. Проходя мимо многоэтажного серого здания, вдруг услышала такой знакомый и привычный звук... И остановилась.

— Батюшки, ткацкие станки!..

Ей ли не знать их! И вдруг в душе поднялось что-то властное, не терпящее возражения, вспыхнуло в памяти что-то дорогое, полузабытое.

Ну, конечно же, могучий шум весеннего горного водопада, который ей слышался в песне работающих станков там, в Ташкенте. Удивительно, но следовавшие потом события — потеря Сарьяна, смерть Максима, — все это как-то заслонило Ташкент. И Минсылу стояла, замороженная удивительной притягательной силой знакомых мелодий. Эти чарующие душу родные мелодии звали ее к ткацким станкам, туда, где, как широкий поток упругого горного водопада, беспрерывно льются, бегут полотна материи...

В это самое время из проходной Уфимского текстильного комбината с шумом-гамом вывалилась стайка молодых ткачих. Судя по всему, кончилась ночная смена. Посмеявшись-балагурия у проходной, девчата разошлись. И до того привычным и знакомым казалась каждая мелочь в их поведении, в усталых движениях рук, поправ-

лявших платки, что Минсылу почувствовала приступ острой, непреборимой зависти к ним.

Она задумалась. И, пожалуй, в первый раз пожалела о том, что слишком моталась с места на место в военные годы. Она не считала себя виноватой, нет, просто так все получилось. Но те, кто сейчас прошел мимо нее, они, наверно, счастливее. Почему? И она не находила ответа.

На следующий день она была в отделе кадров, и ее приняли на текстильный комбинат. Знакомые мелодии зазвучали в ушах. Минсылу с замиранием сердца подошла к станкам. Нет, шесть станков, как в Ташкенте, она сразу брать не решилась. Она опасалась, что за эти годы ее пальцы разучились быстро и ловко работать. Но прошел день, другой. Она незаметно входила в ритм. И вот Минсылу уже носилась между станками, словно опьяненная от счастья возможностью вновь коснуться нитей основы, которые напоминали натянутые струны какого-то огромного волшебного музыкального инструмента. Казалось, стоит лишь коснуться их, и они запоют-заиграют...

Знакомые мелодии...

Бывает и так, что, замотанный ежедневными хлопотами и делами, занятый привычными мыслями, не замечаешь ничего, кроме круга собственных забот. Но вдруг что-то кольнет возле сердца, поднимешь голову — где-то далеко, то ли наяву, то ли в воображении — звучит напетая кем-то когда-то мелодия. И прошлое встает перед тобой в грустной щемящей дымке...

Да, нелегко, видимо, найти свои неповторимо близкие, родные мелодии в жизни. Вот поэтому они зазвучали в душе Минсылу как мелодии Родины-Земли.

Глава двадцать первая

1

С республиканского совещания они вышли невеселыми. Лицо главного инженера Шакирова стало угрюмым. Обещание, данное директором с этой высокой трибуны, не давало покоя. Он никак не мог понять такого, как ему казалось, директорского легкомыслия, хотя работали с ним бок о бок много лет и великолепно знали друг друга.

А годы бегут неудержимой чередой. Сколько весен и зим миновало, сколько новых морщин появилось с того дня, как они с директором взвалили на себя тяжелый груз ответственности за судьбу завода. Конечно же, на работе случались и крупные разговоры, и стычки поменьше. Но все равно, в конце концов они приходили к пониманию друг друга. А сегодня...

Жизнь требовала резкого улучшения организации производства. Шакиров был как раз занят этими мыслями. И то, что произошло в следующую секунду, не укладывалось в голове. Работник Госплана прямо спросил директора:

— На второе полугодие план будет увеличен, вы знаете об этом. Готовы вы к этому?

— Готовы! — отрубил Мостовой.

Секретарь горкома партии разъяснил директору:

— Речь идет об увеличении планового задания в полтора раза. Как, справитесь? Силенки хватит?

Судя по тону, каким был задан вопрос, его беспокоило, не закружилась ли голова от успехов у директора, подумал он, прежде чем так уверенно ответить? Но тот оставался спокоен.

Вот это-то и погрузило главного инженера в невеселые раздумья.

Он-то великолепно понимал всю напряженность нового плана. Увеличение заданий было для него не в новинку, и почти всегда удавалось найти какое-то удачное решение. Но сейчас...

После совещания, когда они остались вдвоем, Шакиров не удержался, раздраженно произнес:

— Как же вы так необдуманно, второпях могли пообещать такое, Степан Федорыч? Получается, как в поговорке: не собрано, не спрядено — вот тебе, старик, штаны!

Мостовой пристально посмотрел на главного инженера. На миг шевельнулось сомнение: а вдруг прав Шакиров, ведь кому, как не ему, знать возможности завода? Но тут же покачал седой головой:

— Надо постараться, Идельбай Шакирыч. Не то выдерживали!

Шакиров кисло усмехнулся.

— Одним старанием сейчас ничего не добьешься. Понимаете?

— А вы что же, решили застрять на этом уровне на веки вечные? — не утерпел директор. — Причин, конечно, можно найти массу, не сомневаюсь. Но жизнь, жизнь требует. Она не прощает инертности...

«Жизнь требует...»

Как будто эти слова могут быть волшебной палочкой-выручалочкой. Шакиров посерьезнел. Веско сказал:

— Конечно, я сделаю все, что смогу. Но все равно — завод к этому еще не готов.

Попрощавшись, он тяжелой походкой направился к трамвайной остановке. Мостовой же, ничего не ответив, торопливо подошел к своей

машине. Обычно с подобных совещаний они возвращались вдвоем. Но сегодня слишком тревожно было у обоих на душе, и каждый хотел остаться наедине со своими мыслями.

2

Услышав знакомые шаги на крыльце, Валентина Павловна, готовившая на кухне обед, вытирая спешно муку с раскрасневшегося лица, вышла в коридор.

— Ты, Степан?

— Я, Валечка. — В дверях показался оживленный Степан Федорович.

— Тебя не дожدهшься! — упрекнула она мужа. — Чуть ли не по часу у ворот торчат, дело разве это? Тоже мне друзья. Да, а кто это был?

— С Сарьяном толковали.

— С Мирхалитовым? А что ж не пригласил? И обед как раз готов.

— Звал, а он не идет, стесняется.

— Ну, что ж. Вольному воля. Давай-ка умывайся, садись за стол. Голодный, наверно, как волк, целый день на ногах.

Рабочий день директора не оканчивался в кабинете. Обычно послеобеденное время он проводил на различного рода совещаниях и заседаниях. А тревожили его по крупным и мелким поводам. Подготовка жилья к зиме, правильное размещение кадров, вопросы снабжения, помощь селу... Иногда Мостовой не выдерживал:

— Не цените вы рабочее время директора...

И все чаще начал посылать на заседания своих заместителей и начальников отделов. Коекому это не понравилось, и пошли неизбежные в таких случаях разговоры о том, что «Мостовой зазнался». Он же предпочитал в эти часы пройт-

тись по цехам. И все равно времени не хватало, засиживался допоздна над бумагами и приходил домой разбитым. О настоящем отдыхе — ну там с удочкой или поездке на юг — он и думать позабыл. Валентина Павловна только вздыхала, глядя на его осунувшееся лицо. И несколько раз, имея в виду свою диспетчерскую работу в автотранспортной конторе, говорила с упреком:

— Не научился ты еще вовремя кончать работу. Скажем, как мы, диспетчеры.

Она не зря заговаривала об этом.

Когда они сели обедать, она вернулась к прерванному разговору:

— Ну, какое еще сегодня совещание провел?

— Пришлось. К вечеру прибыл целый табун. Выпускники ремесленного училища. Вот и мозговали, кого куда засунуть.

— С каких краев?

— Да в основном дети наших, заводских. Интересно, даже деда Крайнова потомство есть, два внука и внучка...

Услышав в голосе мужа неприкрытое удовлетворение, она быстро взглянула на него и тут же опустила глаза. Она хорошо понимала Степана: он без памяти любил детей, а своих они, к несчастью, не заимели.

На третий год совместной жизни Валентина схватила жестокую простуду. Лечили ее долго и тщательно. Потом — курорт, вернулась похорошевшей, с румянцем на всю щеку. Мать ее с тайной радостью увидела, как дочь украдкой рвет росшую у забора лебеду и отправляет ее в рот... Но счастье отвернулось от них — ребенок родился мертвеньким. Это была ее первая и последняя беременность...

А детей она любила с каким-то исступлением. Поэтому часто с горечью говорила про себя:

«Нету ведь, нет. Без детей нет ни большой радости, ни тревог. Без них и нежные чувства огрубеют.— И тут же добавляла:— А все же радовалась бы, если бы народила их целый дом! Радовалась бы, как они вместе с нами веселой семейкой ходили бы на работу...»

Неутоленная жажда материнства... Днем, в суматохе, было легче, тоска приглушалась работой. Но стоило ей остаться одной в большой, пустынной, казавшейся особенно враждебной квартире, она тайком плакала, упав лицом на кровать, стараясь к вечеру, к приходу мужа, выглядеть приветливой и жизнерадостной.

Ей вспомнились чьи-то слова. Кажется, Горького: «Я люблю, когда в доме дети и когда они плачут...» Она никогда, даже в минуты легких размолвок, не срывала свою горечь на мужа. А ведь, в сущности, старость не за горами.

— Степа-ан...

— Да, Валечка?

В голосе жены ему почудилось напряжение, словно она собиралась сообщить ему нечто важное... Но Валентина Павловна, увидев в проеме двери усталого, ссутулившегося мужа, заговорила о другом:

— Может, погуляем? Голова что-то разболелась.

Они вышли на улицу, и сразу же, за первым поворотом, им навстречу попала молодая женщина. Девочка лет трех топала рядом, держась за руку матери, лепеча: «Я и тебя люблю, и папу люблю, и котенка люблю...» Валентина Павловна долго смотрела на нее. Степан Федорович ощутил знакомый укол в сердце... Словно по уговору, они почти никогда не заводили разговора о детях, загнав эту боль глубоко внутрь. Ему вспомнился странный тон, которым она оклик-

нула его сегодня дома. Может быть, она хотела, чтобы он согласился взять сироту на воспитание? Сложно, ох как сложно все это! И в то же время им уже по сорок восемь лет. Смогут и успеют ли вырастить его? Не поздно ли? Пусть скажет сама, в таких делах первое слово женщине, не иначе.

Прогулка была длинная. И каждый думал об одном и том же, не сознаваясь друг другу.

3

Над крышами, над городом в синей высоте неба кружил коршун.

Шакиров стоял на обочине неподалеку от завода и, затаив дыхание, наблюдал за ним. Широко распластав упругие крылья, он купался в солнечных лучах, то взмывая ввысь на невидимых волнах, то камнем падая вниз, до какой-то черты... То снова начинал свои ленивые круги, ничем не выдавая своих намерений. Однако никто из людей не видел его круглых желтых глаз, вцепившихся в неприметную точку на земле. И вдруг, как внезапно пущенная стрела, он прынул к земле и тотчас же взлетел — в когтях, роняя перья, билась птица.

Несколько взмахов крыльев, и коршун, перевалив широкую реку, скрылся за горой. «Выбор момента и стремительность, — подумал Шакиров. — Очевидно, неплохо бы обладать такими качествами, главный инженер? — спросил он себя. — Ну, и дал же директор, вон куда прыгнул! Ну ладно, в прошлом году увеличили план по литью корпусов насосов. Одолели, вывернулись. Но когда и за счет чего в полтора раза увеличивать?..»

Он пошел в кабинет директора.

Мостовой был у себя.

— Я тут кое-что продумал, подсчитал, — начал было Шакиров и тут же понял, что предстоит сугубо официальный разговор.

— Вот и хорошо. Надо прямо с сегодняшнего дня браться за дело. Новый план не задержат, быстренько спустят.

— Это бесспорно. Они себя не заставят ждать. Я над другим голову ломаю, Степан Федорович, и никак не пойму, как вы решились все-таки вчера обещать такое? Какие возможности имели в виду?

— Поищем... Найдем...

— Найти. Вроде поздновато. А если не справимся?

Директор рано или поздно ждал такого разговора. Он был неизбежен. И все-таки вопрос, заданный в лоб, без всяких уверток, встретил настороженно.

— Вы не хуже меня знаете, что, выполняя повышенный план, люди буквально жили из себя выматывают. Дни и ночи авралим, ни сна, ни отдыха. — Голос главного инженера крепчал. — Вы представляете, что нам предстоит сейчас делать при том объеме, который на нас взвалили, при старых мощностях? А сесть в калошу раз плюнуть. Наша ближайшая цель — реконструкция, нужно даже пойти на остановку ряда цехов. А потом нам и двойной план не будет страшен...

— Остановить?! Ну, милый мой, нас за это никто по головке не погладит. Это равносильно выводу целого завода из строя!

— Надо доказать, добиться своего. Вы же директор крупного государственного предприятия. Посудите сами, оборудование устарело, люди работают на износ. Технология — вчерашний

день. Уж вам-то должно быть ясно, что усовершенствование производства — это не только новая техника, но и новая технология. Без этого и думать нечего об увеличении выпуска продукции! Вот так!

Доводы главного инженера нельзя было просто так отвести в сторону, их убедительность была налицо. Директор выпрямился в кресле.

— Ну, что еще?

— Еще? Сколько угодно! Пора менять часть станочного парка, другую надо отправить на капитальный ремонт. Настанет такой момент, что мы не сможем их останавливать даже на профилактику! Нагружаем их ой-ой!

— Подождите, Идельбай Шакирыч! Вы что же, думаете, я с потолка взял эту уверенность? Нет, я верю в вас как знающего специалиста, верю в коллектив, в конце концов! Не можем мы сейчас демонтировать старые станки, нет, не можем! И партия не разрешит, и совесть не позволит. Нужно искать другие пути. — Директор перевел дыхание. И когда вновь заговорил, голос его вздрагивал от волнения. — На заводе еще до конца не использованы все внутренние резервы. Мы все еще не научились работать в строгом, жестком ритме. Первую декаду все раскачиваемся, а последнюю авралим. А давно пора работать без штурмовщины. Для начала продумайте строгий график.

— Одними графиками тут не осилишь гору...

— Было бы желание!

— Вы считаете, что достаточно этих графиков для выполнения нереального плана?

— Опять вы о своем! Мы его выполним, будьте уверены! Вот и ищите средства для обеспечения всем нужным. Резервы у нас есть, покопайтесь-ка глубже.

Главный встал. Молчание затягивалось. На его усталом лице выступили красные пятна.

Директор не удивился этому. Все это было ему знакомо. В глубине души ему даже нравилась горячность Шакирова. После таких разговоров, как правило, он еще злее набрасывался на работу. Но сейчас тот был слишком уж взволнован.

— Что ж вы молчите?

Наконец Шакиров проговорил:

— Значит, ни одного станка нельзя двигать с места? Ладно. А все-таки надо было заполучить новое оборудование. Коль план увеличат, возражать не станут.

— Того, что есть, достаточно. Получше используйте его. А то привыкли к помощи чужого дяди. Иногда, извините, вы любите прокатиться на чужих санях. Сколько у вас без пользы, на складах, пылится разного оборудования? Почему не устанавливаете?

...Ругая себя за то, что с утра испортил настроение ни к чему не приведшим разговором, Шакиров вышел из кабинета. И вдруг почувствовал, как знакомо закололо в груди...

Глава двадцать вторая

1

— Слышал, обязанности главного Мирхалитов исполняет?

Взволнованный Афлетун Ширяев вытер плечину клетчатым платком. Хасанша не удивился. Эта новость ему уже известна. Но хотелось поговорить поподробнее. Они вышли из цеха. Закурили.

— А что с Идельбаем Шакирычем?

— Говорят, инфаркт.

— Переутомился. Нервная работка...

— Еще бы! Говорят, переходим на жесткий ритм. Это тебе не фунт изюма, попотеешь. Да еще сумасшедший план взвалили...

— Коренным теперь этого, ретивого Сарьяна поставили.

— Поставишь... Видал, как он за дочкой ухлестывает? Тебя-то по носу щелкнули.

Та памятная встреча всплыла перед глазами, и обида захлестнула его. Хасанша вздохнул. Такую девушку отбил. Увел на виду у всех.

— Он у меня как кость в горле,— проговорил Хасанша сквозь зубы и бросил взгляд на шедшего впереди человека, который, как ему показалось, прислушивался к ним. — Пойдем, свернем, а то поговорить не дадут.

Они свернули в переулок.

— Ты еще, как нарочно, нахваливал Сарьяна. Тоже мне, нашли кого посадить на место главного! — раздраженно произнес Хасанша.

— Да ты что!.. Он же, как клещ, вцепился в завод. И у директора в почете. И с Вишняковым они теперь не разлей-вода. Надумали проводить общественный смотр! Будут проверять, как подготовлены рабочие места.

— Вот на такие опоры он и рассчитывает.

— Хм, опоры... А как же ты думал? Весь белый свет на что-то опирается... Видал бы ты сегодня, как этот ретивый вошел в кабинет Шакирова. Постоял я немного у двери. Эх, слышал бы ты, как Сарьян разносил инженеров из своего отдела! И пикнуть им не дал. Говорит, в механическом есть все возможности за счет повышения культуры труда увеличить производитель-

ность на шестнадцать-семнадцать процентов! Это, мол, разве не резервы?

— Любит он у нас погонять. И сегодня по телефону звонил.

— И что?

— Известно, что: упирает на директивы пятилетки, требует, чтобы было сделано все по организации производства. И приказал в течение пяти дней разработать конкретные предложения по механизации трудоемких процессов.

— Во заворачивает, а?

У Хасанши дернулись губы.

— Вымотался, как черт, пока бегал с выполнением его приказа. А тут еще повышенный план на подходе. Сам же видишь, из цеха не вылажу, а тут опять запарка с проклятым литьем.

— Не перестарайся, смотри, со своим подхалимажем, — хохотнул Афлетун.

— Дело не в подхалимаже, агай. У нас дела затормозятся, сразу сборный цех залихорадит. Такой шум поднимется!.. — Лицо Хасанши выразительно вытянулось, он присвистнул.

— И батыру отдых нужен. Может, в субботу махнем куда-нибудь?

— Это можно. Парней надо взять, чтоб бредень тянуть...

— Найдем. Позову Петрухина, электросварщика. А ты с Леней и Колей потолкуй.

— Это ты про токарей?

Афлетун кивнул. Хасанша, у которого поднялось настроение, потащил его к ближайшему киоску с надписью «Пиво-воды».

Афлетун вынул из кармана пол-литра. Выпили, запили пивом. Потом повторили.

Вскоре Хасанша, посапывая, размахивая непослушными руками, брел по улице. Прохожие в каком-то голубоватом тумане, приближаясь,

отплывали в сторону. «Я же, кажется, пьян», — вяло думал он, неровно шагая по асфальту. «Наплевать... Главное — на что-нибудь опереться. А то упаду, а как встать, не знаю». Впереди маячил какой-то шар, уходящий от него. Теперь это было единственной целью — догнать и опереться на него. Но тот ускользал то вправо, то влево, не даваясь в руки. Несколько раз он оттолкнулся от надвинувшейся на него стены. «Дома падают... Ну, надо ж было так напороться!..»

Через некоторое время ему стало легче, а это наваждение вроде шара впереди оказалось всего-навсего лысой головой Афлетуна.

До дома Хасанша не дошел. Афлетун потащил его к себе. Хасанша упал, запнувшись о порог.

— Высоко сделал...

— Да, высоко. Мой порог, потому — высок... Но мы его сейчас перешагнем. Вот та-ак... — Он помог Хасанше подняться, довел его до комнаты. Тот уцепился за спинку стула и вскинул тяжелую голову.

— Высокий... порог... — пробормотал он.

В это время открылась дверь, и в ней появилась полнотелая молодая женщина в ярко-красном платье. Хасанша повернулся к ней:

— А-а... Люзя... здравствуй, Люзя...

Молодая женщина оказалась какой-то очень далекой родственницей Афлетуна, «моя погонялка», как он сам звал ее. Когда у Афлетуна умерла жена, он, лишившись страсти и охладев к слабому полу, так и не женился снова. С тех пор у него поселилась эта родственница, бойкая и цепкая, с решительным характером вдова. Она вела у Афлетуна все его хозяйство.

Представшая перед ее глазами картина не была для нее новостью. «Хороши, хороши, нечего сказать. Ну, прямо молодцы!» — насмешливо сказала она и, взяв под руку снова начавшего «плыть» Хасаншу, с шутками начала обливать ему голову холодной водой.

— Не шуметь! — весело пригрозила она. — А то обоих в ванну засуну!

Хасанша расхохотался.

— Слышал, Афлетун-агай? В ванну нас с тобой. Это еще неизвестно — кто кого в ванну...

Сопротивлялся он вяло. Родственница уложила Хасаншу на диван, стянула туфли...

...Лучи утреннего солнца, пробившись через тюлевую занавеску, залили комнату ярким светом. Хасанша открыл глаза. Несколько мгновений размышлял, как он сюда попал. Отвел руку обнимавшей его «дальней родственницы» Афлетуна, встал и вышел в зал.

Вскоре они с Афлетуном шагали на завод. Хасанша то и дело потирал разламывающиеся от боли виски. «Перебрали...» — морщился он, с неприязнью вспоминая все то, что было потом. Голова гудела. В ушах попеременно звучали то слова Афлетуна в тесном переулке, то недвусмысленные распоряжения Сарьяна по телефону...

2

Рыбалка оказалась довольно удачной. В лесу, в стороне от шоссе, находилось небольшое озеро, богатое рыбой.

В воскресенье, ближе к ночи, они собрались домой. Но едва тронулись с места, как закапризничала машина. Мотор заглох — завести его

никак не удавалось. Разбирали, собирали, опять крутили ручку... В город вернулись лишь к вечеру следующего дня.

У Хасанши, который и без того был как на иголках, упало сердце.

— Что делать? Ведь целый день прогула... — Он встревоженно посмотрел на Афлетуна. — И так Хафиз Ибатуллин волком на меня смотрит. И в парткоме, и в завкоме неприятные разговоры были. Теперь одного ждать осталось. На ковер вызовет директор или...

— Дела не из лучших, парень, — поморщился Афлетун. — Ума не приложу. Ссла лодка на мель...

— Я надеялся, что ты что-нибудь придумаешь, на худой конец.

Афлетун оживился.

— А ты думал как? Не зря же котелок на плечах! — Он провел ладонью по голове. — Да-а, подвели тебя прямо к обрыву. Стоит тебя ткнуть одним пальчиком, и — привет!..

— Понимаешь...

— Немедля надо дотолковаться с Мирхалитовым. На него вся надежда.

— А как?

— Как? — Афлетун прищурился. — Сегодня же приглашу в гости.

— Если пойдет...

— Он не из робких.

— А потом?

— Потом? Попьем в охотку, закусим. И начнем атаку с флангов, как военные говорят. Мол, без друзей — что без связи, что без мази: скрипит негладко, ехать гадко. То да се... И так, договоримся, авось, о твоём переводе на другое место.

— А что? Мысль...

— У меня их на все случаи жизни запасено. — Он нагнулся к уху Хасанши и зашептал что-то. — Что он, не мужик, что ли?.. Вот-вот! Было б желание, а Люзя, сам знаешь... — И, не обратив внимания на его хмурое лицо, добавил: — И таким вот манером благородная птичка — в наших руках! Не станет же он трепаться, что ночь у меня кое с кем провел.

— Да ведь...

— Другого выхода нет! — отрубил Афлетун.

Позднее они встретились в сборочном цехе. Хасанша, оглядевшись, сказал приглушенным голосом:

— Отпадает. Не до этого.

Афлетун изменился в лице.

— Ладно, подумаем... — сказал он. — Другой вариант придумать надо.

И случай подвернулся. Через пару дней Афлетун встретил выходящего с завода Сарьяна. К ним как будто ненароком присоединился Хасанша. Все трое, не торопясь, стали подниматься в город.

Афлетун, словно бы смущаясь, обратился к Сарьяну.

— Понимаешь, Хасанша влетел в неприятность...

— Знал бы где падать, соломку подстелил бы... — говоря недомолвками, Хасанша просительно смотрел на Сарьяна. — Только на тебя одна надежда...

— В чем же моя помощь заключается?

— Твоя-то? — Афлетун мгновенно оживился. — Слушай, переведи ты его в отдел главного диспетчера. Не по душе ему в механическом.

— Не могу. — Сарьян покачал головой.

Хасанша с тревожным недоумением смотрел на него.

— Или директор вообще на меня махнул рукой? И дела не хочет иметь?

— Трудно сказать. — Сарьян пожал плечами. — Он здорово на тебя обозлился. Говорит, надежд не оправдал. Так что, сам понимаешь...

Наступило тягостное молчание. Вскоре показался аккуратно срубленный просторный дом Афлетуна. Он его приобрел в годы войны. Денег у него тогда было много. С продовольственного склада вывозил мешками муку, крупу, ящиками консервы... Одним словом, служба была отменной. А когда его поймали за махинации и воровство, сумел-таки вывернуться. И на заводе он ухитряется, как он сам говорит, «комбинировать»...

Хасанша, машинально разглядывая дядин дом, повернулся к Сарьяну:

— Может, вначале ты зайдешь к директору?

Сарьян не спешил с ответом. С первых же дней работы на заводе он дал себе слово и до сих пор крепко держал его — никаких скидок по знакомству, никаких поблажек. Некоторые обижались, это естественно. А Хасанша... Слишком хорошо он его знал, слишком... Вот он, пыхая дорогой папиросой, шагает — нет, шествует — по деревенской улице... Измученное лицо Сайды... Унизительное «выбивание» брони,.. вырванная из горла рекомендация в институт... И совсем недавнее — берег Агидели, всхлипывающая Дания, перекошенное злобой лицо Хасанши... Нет, с него хватит!

— Нет, с этим разговором я к нему не пойду, — решительно сказал он. — У Степана Федо-

ровича есть свои соображения. С ним согласны и секретарь парткома, и завком.

— Конечно, к ним присоединился и ты? — усмехнулся Хасанша. У него слегка дернулась верхняя губа. — Выходит, мне одно остается — уйти совсем.

— Куда?

— Это я сам знаю. — Хасанша отвернулся. И, видя, что эти двое вряд ли смогут договориться, Афлетун сказал примирительно:

— Да будет вам петушиться. Лучше зайдем куда-нибудь, посидим. Поговорим толком.

— А мы уже обо всем поговорили. Никуда заходить не стоит.

Они были уже рядом с домом Афлетуна. Распахнулась зеленая калитка, из нее, улыбаясь, вышла молодая женщина. Крашенные волосы рассыпаны по плечам, довольно миловидна. На левой щеке темнела родинка.

— Уже пришли? О, у нас гость! А я только собралась было в магазин. — Она, чуть склонив голову, посмотрела на Сарьяна. — А вы... не узнаете меня?

— Извините, что-то не припоминаю...

— Ну и память стала у мужчин! — она кокетливо погрозила пальцем. — Ну-ка, вспомните! На за-во-де, когда я приходила к Афлетун-агаю.

— Возможно... Запомнил. — Он улыбнулся и повернулся к спутникам. — Я пошел, всего хорошего.

— Что же с тобой поделаешь, коли зайти не хочешь, — сожалеючи сказал Афлетун. — Может, проводить?

— Не стоит. — Сарьян кивнул в сторону женщины, которая собиралась идти в магазин. — У меня же есть провожающий...

Родственница Афлетуна оказалась весьма говорливой. Не успели отойти от калитки, как она, играя глазами, протянула руку:

— Познакомимся: Люзя!

— Сарьян.

— Сарьян... Красивое имя, — отметила вдова и тут же с женской непринужденностью стала расспрашивать его — кем работает, с кем живет и почему — это даже странно, такой видный парень! — не женат. «Уж не задумал ли остаться старым холостяком? — рассмеялась она. И добавила, вздохнув: — Не люблю старых холостяков — черствеют с годами, скупыми становятся. На корню сохнут...» Потом, пытаясь перепрыгнуть через выкопанную строителями траншею, поскользнулась, охнула и, жалобно сморщившись, сказала: «Нога... Подвернула, наверно». И, поддерживаемая Сарьяном, села на скамью около сквера.

Вечер был тих и ясен. Они посидели на маленькой скамеечке под молодым кленом, ожидая, пока уляжется боль в ноге Люзы.

Вдруг Сарьян увидел спешившую куда-то Данию и рывком встал с места. Она шла легкой, почти летящей походкой, то и дело отбрасывая назад волосы. И такая победительная молодость была во всей ее тонкой, стремительной фигуре, в тонком лице, что он долго провожал ее глазами.

...Сарьян с удивлением отметил, что ноги несут его опять к заводу. «Въелось в кровь», — усмехнулся он, но домой уже не повернул; зашел поужинать в ашхану¹ и всю ночь провел со слесарями, ремонтировавшими станки, с бригадой монтажников, приступивших к сборке нового оборудования...

¹ Ашхана — столовая.

Наступал рассвет. Сарьян, заложив за спину руки и ссутулившись, шел по заводскому двору. Ветер трепал полы пиджака. Взгляд его был хмурым. Временами он останавливался, раздраженно поправлял кепку и тер ладонью висок.

Нервничал он не зря... У него было такое ощущение, что сжатая туго пружина к началу нового месяца внезапно теряла свою упругость; как будто рабочие, обессилев, садились отдохнуть.

Неподвижно застыл и паровоз, обычно сновавший между цехами, заполняя территорию сизым дымом. У топливного склада заснул экскаватор, опустив на землю ковш, наполненный угольными брикетами. Не видно ни машиниста, ни шоферов машин, занятых вывозом угля. Даже заводской гудок, как ему показалось, с запозданием гудел сегодня особенно уныло, с хрипотцой, будто давясь от натуги.

Непривычно молчаливыми были и цеха. Все это настолько казалось диким, невероятным, что Сарьян чувствовал почти физическую боль от этой тишины. «Дела... Довели завод до ручки. Вот тебе ягодки штурмовщины! Когда ж мы ее в гроб загоним?!»

Сарьяну вспомнился давний случай. Шла отправка хлеба на элеватор. Работали сноровисто, быстро, одна за другой нагружались подводы.

— Гнедого мерина побольше нагружайте, — подсказал председатель. — Выдюжит, здоровый.

Нагрузили. Мерин взял с места легко. Но впереди был подъем. Ребятишки, споря — вытянет или нет, — шумной ватагой провожали возчиков вплоть до окраины, где начинался подъем.

— Но-о, родимы-ый! — слышались ободряющие голоса возчиков.

А мерин, без видимого напряжения, разом перевалил взгорье. И с тех пор подводу нагружали все тяжелее и тяжелее — «вытянет!». И уже не только мальчишек, а и взрослых захватил какой-то темный, дурацкий азарт...

В один из рейсов заметили, как тяжело дышит конь, взбираясь на подъем. Слегка отпустили чересседельник, не помогло. Уже на полдороге стало ясно, что лошадь изнемогает. Спина покрылась терпким потом, на губах запузырилась пена. А когда мерин встал, в изнеможении опустив голову, встревоженные возчики бросились к телеге:

— Но-о-о! Подтяни-ка кто-нибудь подпругу!..

— Погоняй! Остановится, не сдвинешь!

Казалось, что мерин немного набрался сил. Потом вдруг встал, и крупная лихорадочная дрожь пробежала по телу. При новой попытке сдвинуть подводу лопнул левый тяж. Мерина внезапно повело за крутой откос дороги, но воз тянул его назад. И царапая землю копытами, он рухнул наземь...

Не то ли самое происходит сейчас с заводом? Начало месяца — работа идет без особых волнений. А потом, как по хорошо задуманному плану, начинается неразбериха. Сколько сверхурочных выплачено только лишь за полгода! А потерь от брака? Так нет, считается, что все в порядке, даже премии идут. Сарьян остро переживал это, чувствуя собственное бессилие. И, естественно, волновали его дела механического.

Он зашел и сразу же увидел Рахмаева, озабоченно глядевшего на металлический хлам, валявшийся неподалеку.

— Видал? — обратился он к Сарьяну. — План такой дали, что металлолом убрать некогда. — И добавил неожиданно: — Удивила меня выходка Хасанши...

— Бывают у него такие заскоки.

Начальник цеха, порывшись в карманах своего темно-синего пиджака, делавшего его чуть солиднее, полнее, достал старую трубку и закурил.

— Не-ет, парень, терпеть такое больше нельзя, как хочешь.

Сарьян припомнил события последних дней.

В механическом цехе и так не хватало токарей. И, как назло, вместе с Хасаншой на рыбалку уехали два токаря. На важнейшем участке создалось как никогда напряженное положение. Не получая нужного количества выточенных валов, без дела сидели и фрезеровщики, и сверловщики, и шлифовальщики. На длительный перекур ушла и бригада сборщиков.

Это был форменный, небывалый скандал на весь завод. Да что там говорить — позор! Стали искать выход из этого дурацкого положения. Иванченко и Сэскэбикэ сказали, что они готовы встать за станки. Были переведены сюда временно два токаря из инструментального. Но теперь не было человека на экскаватор топливного склада. Вместе с Хасаншой был на рыбалке и машинист Петрухин. Выручила Мархаба-апай: «В конце войны мне приходилось работать и на экскаваторе. Авось, справлюсь». Во второй смене ее сменил один рабочий из транспортного. Экскаватор жадно грыз угольную гору. То и дело подъезжали к термическому цеху груженные самосвалы...

Сарьян внимательно взглянул в припухшие, покрасневшие глаза Рахмасва. Кольнула жа-

лость: не спал. Трудно ему все-таки. Возраст не тот...

— Какого ж черта он держит там, на рыбалке, ребят? Ведь знает, что на смену. Вот подлец... Или, может, машина поломалась?

— А может, напильсь...

Сарьян решительными шагами направился в заводоуправление. Нет, видать, правду говорят — как волка ни корми, а он... Вот так и Хасанша. Сколько же можно возиться с человеком. Ведь не мальчик же!..

В последнее время у него все больше крепла мысль о том, что нарушение трудовой дисциплины — прямое следствие неритмичной, лихорадочной работы. И всю опасность привычки к штурмовщине он понимал отлично. И вряд ли яснее понимал это кто-нибудь, кроме главного инженера. Но почему же, думал Сарьян, главный не обрушится на нее со всей своей страстностью? Испугался больших хлопот, необходимости дополнительных мероприятий в связи с реорганизацией производственной технологии? Конечно, испытанный, стабилизированный, привычный метод легче, кто спорит? Но уж слишком демагогически и наивно звучали слова главного инженера, когда он заявил во всеуслышание: «У нас нет штурмовщины. У нас — штурм. Штурм высот коммунизма». Хорошие слова. Но коль так — дай возможность коллективу шагать широко, уверенно, не спотыкаясь! Чтобы рабочий не думал с опаской о том, что приближаются дни горячки. В пылу спора Сарьян высказал это Шакирову. И он, после крупного разговора с директором, бросил Сарьяну: «Вопросы лучшей организации производства, видно, никогда не сойдут с повестки дня. Пора думать о новом графике...»

Взялись было крепко, с великой охотой, да вот главный инженер заболел, работа встала на полдороге. Но Сарьян, несмотря на то, что был занят по горло планом, не забыл о графике. Напряжение росло, вместе с тем яснее проявились последствия фронтовой контузии. Привычно зашумело в ушах, несколько раз кружилась голова, чаще стал заикаться. Но он убеждал себя, что все это временно. И лишь мать слышала, как сын сквозь зубы стонет ночами.

Наконец-то готов многострадальный график. Кажется, смело можно пойти с ним к директору...

Задумавшись, Мирхалитов не заметил, что поднялся на второй этаж заводоуправления.

— Здравствуй, Сарьян!

Он, устало улыбнувшись, зачем-то снял кепку.

— Здравствуй, Дания... — Сарьян вошел в кабинет главного механика и с удовольствием сел за рабочий стол. Вообще этот день можно считать удачным — состоялись обстоятельные разговоры с директором, секретарем парткома о важном, наболевшем.

А через два дня...

4

...Директор произнес заключительное слово. Небольшая бетонированная площадь перед заводоуправлением заполнилась участниками только что состоявшегося совещания. Тут были представители всех служб — плановики, экономисты, начальники цехов, технологи, конструкторы, снабженцы. Разбившись на группки, говорили о том, о чем только что шла речь.

— Не знаю, Сарьян, не знаю. Боюсь, сорвут график. Уж я-то знаю эти подготовительные цеха! — Рахмаев покачал головой, зажег трубку и

молча стал наблюдать за работой строителей на горе, сносивших старые дома и готовивших бульдозерами площадки для новых. — Вон, посмотри, как вкалывают ребята... Ну и ну...

Сарьян, озабоченно сдвинув брови, взглянул на гору.

— Кто в лес, кто по дрова. Смотри — одни сгребают в кучу, другие тут же топчут, разбрасывают.

— А у нас так не бывает? Не замечаешь параллелей? Каждый отдел варится в собственном соку, имеет собственные наметки, а взаимодействия — никакого.

— Да, график составили. Думаю, что с неразберихой мы все-таки покончим.

— Твоими устами да мед пить. Нет, ты прав, конечно, без жесткого графика и думать нечего о повышении производительности. — Начальник цеха продолжал пристально наблюдать за работой строителей. Вот два бульдозера, встав рядом, подхватили ножами груды земли. С каждым метром рос движущийся перед ними земляной холм. Вскоре за ним скрылись кабины тракторов.

— Видал? — кивнул в их сторону оживший Рахмаев. — Артелью и батьку легче бить.

И заговорил, помолчав, вновь о новом графике:

— Большое это дело, однако. Планировать работу за месяц вперед. Зашевелятся и снабженцы, под корень бьют нас перебои. Ну, если с графиком все будет нормально, этого пока будет больше чем достаточно при нашей, как говорится, бедности.

Стоя с начальником цеха, Сарьян невольно прислушивался и к другим разговорам. У них тоже, впрочем, на языке было одно — новый гра-

фик. И все поглядывали на гору, откуда доносился лязг и грохот бульдозеров. Сарьян чувствовал в себе веселое возбуждение. Кажется, лед тронулся.

Неподалеку был и Хасанша. Он стоял рядом с Афлетуном, прижавшись к решетчатому ограждению, рассеянно глядя на бульдозер, крушивший очередную развалюху. Над склоном горы клубилась желто-бурая пыль. Блестели на солнце кабины новеньких бульдозеров.

— Мощные игрушки... — как-то неопределенно пробормотал Афлетун и, глубоко вздохнув, добавил: — Знаешь, Хасанша, мне очень жаль вот этих домиков. Ведь какой здесь был тихий уголок!

— А там что — коммунальные дома будут ставить?

— Конечно. У них свой график...

Хасанша не ответил. А бульдозеры, словно дорвавшись до настоящей работы, с вселой яростью продолжали крушить развалины...

5

Сарьян стоял в центре механического цеха. Вокруг него, пересекая цех в различных направлениях, сложно переплетаясь между собой, как паутина, дрожали линии трансмиссий, ремни многочисленных приводов. Сарьян, морщась, оглядывал свое хозяйство: «Дождемся ли дня, когда не будет этих ремней? Деятнадцатый век, да и только...»

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, он обернулся. На него в упор смотрела Сэскэбикэ. Взгляд был невесел, с вызывом.

— Ты чего, Сэскэбикэ?

— Да вот... читаю лозунг. — Она кивнула на противоположную стену цеха. Но Сарьян понял, что волнует девушку другое. Лицо Сэскэбикки даже порозовело от еле сдерживаемого недовольства. Он погрозил ей пальцем, улыбнулся.

— Ладно, говори, чего там? Не томись. Или с матерью что? Не вижу ее на работе.

— Хорошо бы, если навестил. Все ж мы все с одного цеха.

«...мы с одного цеха». Вроде обычные слова. Но они заставили его призадуматься. К вечеру никакого совещания не намечалось. После окончания работы, долго не раздумывая, он отправился к Мархабе-апай.

Дверь открыла Сэскэбикэ. Она рассмеялась.

— Легок на помине. Только что тебя вспомнили!

— И, конечно, с худшей стороны?

— Ну, ты-то знаешь, мама у меня на язык остра, лишнего не похвалит.

Они прошли в большую комнату.

— Ты посиди здесь, я сейчас! — Сэскэбикэ кивнула на широкий диван, а сама выскользнула в боковую дверь. Узорчатые занавески на окнах заколыхались от дуновения воздуха.

А вскоре в дверях показалась Мархаба-апай, вслед за ней Сэскэбикэ, набросившая на плечи коричневый халат. Лицо крановщицы было исхудавшим, но на губах — знакомая приветливая улыбка. Сарьян удивленно поднял брови. Смотри-ка, на ногах!

— Ничего, ноги таскаю еще, Сарьян! — весело сказала она и тяжело присела с ним рядом. — Через два-три денька на работу выйду. С сердцем вот что-то...

Она живо стала расспрашивать о заводских новостях. Выздоровел ли главный инженер? Как

с внедрением нового графика? Решительно одобрила решение уволить прогульщиков-токарей и тут же спросила:

— А где Яныбаев? Он в стороне, что ли, остался?

— Не должен остаться. Хасаншу по всей строгости закона следует наказывать.

Сарьян охотно, со всей обстоятельностью удовлетворил ее любопытство и, видя, что женщина устала, заторопился уйти. Но Мархабапай запротестовала:

— И не думай, сейчас чаю поьем. А то обижусь...

Оживленный разговор продолжался за столом, вскоре он снова свернул на здоровье хозяйки.

— На курорт нынче отправляем маму, — сказала Сэскэбикэ.

— Ну и отлично. А куда ты собираешься?

— Не люблю далеко ездить. — Сэскэбикэ порылась в тумбочке, достала альбом и вытащила из него несколько фотографий. — Вот, посмотри. Снималась в Бирском доме отдыха.

Сарьян пробежал глазами фотографии, и вдруг среди группы отдыхающих мелькнуло знакомое лицо. До боли знакомое... «Нет, не может быть! Минсылу?! — Он поднес фотографию к глазам. — Чепуха какая-то, просто показалось. Черты лица похожи...»

Но виденное лицо маячило перед глазами. Он невольно вспоминал его, шагая к дому. Однако как бьется сердце! Нервы ни к черту! Ведь он уже привык к постоянной, затаившейся в сердце боли.

Он остановился. По отлогому склону горы рассыпаны, как костяшки домино, дома. А вдруг... а вдруг в одном из них вечерами загора-

ется единственный в мире свет — свет надежды и счастья? Ведь бывает же в жизни неожиданный подарок.

Над головой замелькали ласточки, полосуя во всех направлениях вечерний воздух.

Эх вы, касатки быстрокрылые!..

Глава двадцать третья

1

Выздоровел наконец Шакиров. В первый же день он решил пройтись по цехам. И, придя в состояние какого-то внутреннего успокоения, зашел к себе в кабинет. Здесь один за другим требовательно трещали телефоны. Знакомые утренние звуки!.. Главный улыбнулся и приказал Дание вызвать Сарьяна.

Тот не заставил себя долго ждать. Был он не один, а вместе с директором.

— Значит, пришли спозаранку? Ретивое выиграло? — рассмеялся Мостовой. — А не рано ли выписался?

Главный инженер дружески пожал обоим руки и повернулся к Сарьяну.

— Я все осмотрел, Мирхалитов. Доволен работой... А не думал...— Он внимательно взгляделся в осунувшееся, как бы подсушенное заботами лицо Сарьяна и добавил вполголоса: — Трудновато мне будет сейчас вести работу...

— Ничего, Идельбай Шакирыч, на меня всегда можете рассчитывать.

— Да нет... видать, и в самом деле у меня со здоровьем неважно. Пора о пенсии думать.

Мостовой, встревоженный, подошел поближе.

— Вы наш кадровик, Идельбай Шакирыч. Не думаю, чтобы вы нас совсем забыли. Вон, Крайнов до сих пор еще шумит!

У Шакирова весело блеснули глаза, посветлело лицо.

— Ну что вы, куда я без завода? Думаю, какая-нибудь работа для меня найдется...

— Всегда найдется.

Когда директор вышел, Сарьян, решив забыть не очень-то веселый разговор о пенсионных делах, поделился с главным своими мыслями и сомнениями.

— Производство болсе или мене вошло в ритм, Идельбай Шакирыч. Не пора нам переходить ко второму этапу, как думаете?

— Ты о реконструкции и модернизации?

— Да-да.

— Я... я разве против? Да и директор уже поговаривает, что, мол, пора и за это браться.

Он тщательно стал расспрашивать Сарьяна о новшествах, интересных направлениях на тех предприятиях, где он, Сарьян, бывал во время сбора материалов для дипломного проекта. Выслушав, удовлетворенно кивнул.

— За большую работу принимаемся. Да будет к добру, — сказал он задумчиво. — Однако только одно меня тревожит, Мирхалитов. Все ли инженеры правильно воспримут это и соответственно возьмутся за нее? Нельзя, конечно, жить без прицела на будущее. Ну, хорошо, мы всеми правдами-неправдами, за счет всех возможных внутренних резервов сможем выполнить этот невероятно трудный план. А завтра, послезавтра? За счет чего? Энтузиазма? Во всяком деле есть свой потолок. А вот его-то нам и нужно приподнять.

Откровенная беседа затянулась надолго, прерываемая телефонными звонками. Сарьяна приятно удивило беспокойство инженера о будущем. Первая фраза главного: «За большое дело беремся...» для него расшифровывалась очень просто. Предельно тщательно все взвесить, посоветоваться с людьми, особенно с самими рабочими. Особый спрос с инженеров, на их плечи ляжет основная тяжесть разработок. Необходимы точные экономические обоснования.

Он отправился в цеха. В тот день удалось поговорить со многими. Заветная тетрадь, которую он завел давно, пухла от записей, наметок. «Пригодится все это,— уверенно думал он.— Самое главное — зажечь людей».

Еще одно обстоятельство радовало Сарьяна. Главный действительно не бросал слов на ветер. Оказывается, в тот же день он собрал руководителей основных производств и информировал их о начале подготовки к реконструкции.

Этому же вопросу было посвящено и заседание парткома. Сарьян ходил окрыленный. Со всей определенностью высказался и директор. Он сказал, что реконструкция имеет и свои теневые стороны. Большинство просктов предполагает временную остановку производства, это считается неизбежным. И поэтому он предлагает взять за основу дипломную работу инженера Мирхалитова, исключаящую остановку предприятия.

К его мнению в конечном счете присоединился и главный инженер, их горячо поддержал секретарь парткома Вишняков.

— Мы уверенно можем приняться за реконструкцию, не дожидаясь строительства новых корпусов и не останавливая производства, — говорил Вишняков. — Условия созрели. Такому кол-

лективу, как наш, который вынес неслыханное военное лихолетье, который имеет огромный опыт и великолепные инженерные кадры, можно доверить и большее.

А в воображении Сарьяна уже рисовались освободившиеся от надоевших трансмиссий корпуса, пришедшие на их место современные полуавтоматы, вынесенные на антресоли здания административные службы.

И он верил в это, иначе не стоило отдавать всего себя заводу; верил и радовался за большое доверие. А для сердца нет лучшей награды на свете, чем доверие.

2

Да, сделано было одно из главных — люди поверили в свои силы, и каждый мысленно намечал свою линию, свои возможности. Разгорались ожесточенные споры между скептиками и оптимистами — последних было много среди молодых инженеров. Некоторые безнадежно махали рукой. Все равно, мол, к сроку не сделать, не раз уже бывало.

А вскоре вплотную приступили к механическому цеху. Обсудили предположенный проект размещения станочного парка. Выработали совместный план работы цехов с отделами главного механика и главного энергетика. Однако один вопрос все еще оставался открытым. На основании проекта сборочное отделение цеха должно было переселиться в отдельное здание, которого не было. Рахмаев предложил построить хотя бы временный корпус.

— Денег нет, — остудил его Шакиров.

— Надо настаивать! Не шутка же — реконструкция!

Шакиров вздохнул.

— Придется оставить сборочное отделение на месте.

— Ка-ак? Да это ж... гири на ногах? Он же съест часть вынгрыша во времени, создаст пробку...

— А иного выхода нет. Ничего, рост производства не от одной сборки зависит.

Люди недовольно роптали. Спорить с главным инженером было бесполезно. Он был упрям. А между тем реконструкция реконструкцией, а план оставался планом. Вдобавок ко всему на одном из летучих совещаний он огорошил присутствующих таким вопросом:

— Вот вы шумите: перевести сборочное отделение на другое место. А как? Есть у кого-нибудь предложение — без требования нового корпуса?

Все выжидательно молчали. Между тем Шакиров подошел к висевшей на стене схеме завода.

— Обратите-ка внимание. Где расположен сборочный цех и где сборочное отделение механического?

— Да в одной стороне... — начиная догадываться, куда клонит Шакиров, сказал Сарьян и выругал себя за то, что не обратил внимания в свое время на эту деталь.

— Значит, нет необходимости переносить отделение сборки, — твердо сказал главный и, словно отметая будущие возражения, добавил: — То помешало бы производственному процессу в целом.

— А кто же так разместил станки? — пожал плечами Сарьян.

— С самого начала оборудование было смонтировано с расчетом на круговой цикл. — Шаки-

ров пальцем сделал круговое движение по чертежу. — А с внедрением все новых и новых станков невозможно стало сохранить прежнюю технологическую схему.

— Значит... — Сарьян встал и подошел к схеме. Значит, мы можем, не трогая сборочного отделения, повернуть технологическую линию цеха на сто восемьдесят градусов. — Он энергично показал рукой. — Пусть все литье, заготовки поступают с другого конца. Тогда обработанные детали прямо со станков попадут в сборочное отделение.

Люди возбужденно заговорили:

— Правильно!

— Верно говорит Мирхалитов!

— Молодец, догадался, — усмехнулся главный инженер. — Но объем работы достаточно велик. Придется всем попотеть...

3

После памятного разговора прошло несколько дней. Однажды вечером, идя по заводской аллее, Сарьян неожиданно наткнулся на Данию.

— Почему тебя давно не видно, Сарьян? — поинтересовалась девушка.

— Закрутился. Сама видишь, что делается на заводе.

Разговор был долгий, действительно, они виделись в последний раз давно.

— А я решила перейти в цех, — радостно сообщила Дания.

— В цех? И в какой?

— На старое место.

Сарьян ободряюще сжал ее руку, но тут же брови его озабоченно сошлись.

— Если разрешит Идельбай Шакирыч.

— Пока еще никак не удастся уговорить, но... — она лукаво улыбнулась. — Скоро у него день рождения.

— Ну и?

— Да насколько я помню, в день рождения он никогда ни в чем не отказывает.

Сарьян, покачав головой, рассмеялся.

— Если только так...

На другой день Сарьян пошел в механический, чтобы посмотреть, как готовят фундамент под карусельный станок. Вскоре здесь появился и Шакиров.

— Попозже зайти ко мне, — предупредил он.

— Хорошо.

Через час Сарьян был у главного.

Шакиров, глубоко задумавшись, стоял посредине кабинета. Он рассеянно показал на диван, приглашая сесть, и сам уселся в рабочее кресло.

— Вот что, Мирхалитов... — сказал он.

Сарьян вскинул голову:

— Я вас слушаю.

— Позвал я тебя, чтобы как следует выругать. — Он пронизательно смотрел на Сарьяна. Тот не отозвался, только его длинные пальцы нервно барабанили по колену. — Вот что... Зачем ты уговариваешь Данию перейти в цех?

— Я?! И в мыслях не было!

— Смотри, парень... — и, словно освободившись от необходимости говорить о неприятных вещах, улыбнулся. — Голову оторву...

Сарьян рассмеялся облегченно.

... Тогда уж лучше сейчас.

— Ничего, это успеется. — Шакиров закурил и испытующе, как только это умел он, взглянул на него. — И все-таки сознайся...

— Да я слова не говорил! — повторил Сарьян и встал с места.

— Да ты сиди. Если, говоришь, ты тут ни при чем, у меня к тебе просьба... Надо уговорить Данию поступить в институт, на очное отделение.

— Хорошая мысль.

— Хорошая-то хорошая. Да вот она упирается. Говорит, перейду в цех и поступлю на заочное. Прошу тебя, объясни ей, как это тяжело — совмещать учебу и работу.

— Попробую. Конечно, нелегко... Подумаю, словом.

— Вот тебе на! «Подумаю...» Ты убеди ее, она, мне кажется, тебя послушает...

Сарьян загадочно усмехнулся.

— Если послушает... Она уж далеко не ребенок. Видит, что многие девчата и учатся, и работают, и ничего с ними пока еще не случилось. Только в этом году в одном литейном трое девчат дипломы получили.

В этот миг открылась дверь, и показалась Дания.

— Москва просит!

— Сейчас, дочка. — Шакиров повернулся к Сарьяну: — И все-таки поговори.

Он потянулся к телефону.

4

Как-то так получилось, что при монтаже карусельный станок был установлен с отклонениями от горизонтали. И это немедленно сказалось. Работал он с заметным напряжением, резец то выбирал лишнего, то едва задевал заготовку. Шел брак. Сарьян стоял в окружении слесарей, ломая голову над новой задачей. Время не ждало. Решили остаться на ночь, но попытаться выровнить станок. В это время возле них появился хмурый Шакиров. Он, молча выслушав

объяснения бригадира, круто повернулся к Сарьяну:

— Когда думаете отладить окончательно?

— Хотелось бы к третьей смене...

— Надо успеть, — Шакиров собрался было уходить, но тут же вновь приблизился к главному механику и ворчливо сказал: — Вот так-то, Мирхалитов. Шею сломать недолго. Сам не знаешь, когда хрустнет...

Рабочие, переглянувшись, улынулись, снова начали колдовать над станком. В цехе было жарко, пот ручьями сбегал с лиц. Взмокшие рубашки прилипли к телу. Но никто не хныкал. Люди всем сердцем понимали важность того, что сейчас делается на заводе, что все теперь зависит от их умения, от их настойчивости и задора...

5

Хасанша был на грани отчаяния. И, поступаясь самолюбием, то и дело по любому поводу приходил к Сарьяну и просил советов. В последний его приход тот не выдержал.

— Черт тебя поberi! К-когда ты перестанешь искать обходные пути? Ведь люди смеются! — резко отрубил он земляку. — Ведь не мальчик уже. Умел упасть, сумей и подняться!

Хасанша вылетел из кабинета как ошпаренный. Походил немного, чтобы успокоиться. А вечером, приодевшись, решив отвлечься от неприятных мыслей, отправился к Минсылу. Но она сразу же почувствовала деланность его веселонебрежного настроения. Наблюдая за ним, она с озабоченным видом то включала радио, то начинала рыться в книгах. И вдруг между прочим спросила:

— Сколько тебе лет, Хасанша?

— А что?

— Да так... Годы-то бегут, хотела сказать.

— Вот именно... Так и постарею, тебя дожидаючись.

— До глубокой старости тогда придется ждать.

— Не смейся, Минсылу, я от души говорю. Не представляю себе жизни без тебя. Если б ты согласилась... полдома пустует, некого и в машине возить. Стоит, ржавеет...

Минсылу и бровью не повела.

— Вон как? Я и не знала!

В голосе ее звучала издевка.

— Я всерьез...

— Я тоже. Скажи-ка мне, Хасанша, где твоя Сайда? Анвар? Почему не вспоминаешь их? Ты, как кукушка, в каждом чужом гнезде ночевать готов.

Хасанша, пристально глядя ей в глаза, подождал, пока у нее уляжется раздражение, и неожиданно для себя проговорил:

— Подумай как следует. Годы-то действительно идут. А Сарьян... Сарьян скоро женится на нашей Дание!..

Минсылу вздрогнула так, что тоненько зазвенел о графин хрустальный стакан. Лицо ее побелело. Она вскочила с места и схватилась за спинку стула. Сердце учащенно заколотилось. Она переспросила:

— Кто... кто, ты сказал?!

Краска бросилась в лицо Хасанше. «Дурак! Ах, какой же ты дурак! Так тебе и надо, дырявая голова!»

— Ну, Сарьян. А что ты... удивилась? — с трудом подыскал он слово.

— Какой Сарьян?! — крикнула Минсылу.

Хасанша понял, что играть в прятки нет смысла. Его поразило побелевшее лицо девушки.

— Какой еще, кроме нашего? Он же здесь!

— Да ты с ума сошел! Что ты несешь? Врешь, как обычно! Мама, мама, иди сюда!.. — Она метнулась к двери, потом обессиленно опустилась на диван, не сводя почти обесумевших глаз с порядком испуганного Хасанши. — Ты врешь. Он же убит, убит!

— Ох, господи, спаси и помилуй!.. — Магира-апай прижала платок к губам.

— Почему ты молчал? Почему? Какой же ты подлец!.. — Минсылу закрыла лицо руками.

— Понимаешь... — Хасанша старался говорить небрежно, как бы нехотя. — Он сам меня просил, чтобы я ни гугу о нем. А послушаться я не мог — начальник все-таки. Узнает, думаю, как он все потом обернется, неизвестно. Ну и молчал.

— Неправда... врешь!..

Минсылу вдруг заторопилась, стала одеваться. И, опомнившись, села на место... «Куда же я, сумасшедшая, спешу? Почему ты думаешь, что он ждет тебя?.. А вдруг и вправду... Дура, дура, поверила в его смерть. И не удосужилась даже ни разу написать Сайде!..»

Но тут же, решительно встав, не обращая внимания на Хасаншу, выбежала.

«Я должна... должна его видеть!»

Задыхаясь от быстрой ходьбы, она не шла, а летела к заводу. Еще немного, и они обязательно встретятся. Годы невыносимого терпения, выплаканные слезы, капелька надежды — все обрело новый смысл. Вот сейчас... только опуститься с горы...

И, как чувствовало сердце, готовое оборваться, она увидела его в цепочке людей, выходяв-

ших из проходной. И застыла на месте. «Броситься к нему, захлебнуться в этой обрушившейся радости в его руках...» Но Сарьян был не один.

Она в изнеможении прислонилась к забору... «Кого же он так бережно поддерживает под руку? Что за девушка?» Она отошла в тень сиреневого куста. «Что же делать? Они приближаются как раз сюда...» У нее пересохло в горле. Слезы сами потекли по щекам.

Она переводила подернувшийся туманом взгляд с девушки на Сарьяна. «Господи, не сон ли это? Не бред ли? Ее прошлое, ее невыплаканная любовь, ее горе, не зная ничего, идет ей навстречу. Выбежать?.. Нет, нет, пусть не такой будет их встреча...»

Они прошли рядом, не заметив ее. И ей вдруг показалось, что она еще раз теряет Сарьяна, но теперь уже навсегда... Неужели Хасанша прав?

6

Минсылу не помнила, как она добрела до дому. И, войдя в комнату, повалилась на диван лицом вниз.

Хасанша, верный своей привычке действовать напролом, между тем решил, что настало время и надо ковать железо, пока горячо. Придя домой, тут же уговорил, не откладывая в долгий ящик, родителей отправиться сватать Минсылу. Те пробыли недолго и вернулись домой возмущенные и набросились на сына:

— На позор нас выставляешь, паршивец!

— Что случилось?! — он испуганно вскочил с места.

— Что-о! — передразнил его отец. — На кой тебе сдалась эта старая дева? А гонору! И слу-

шать не хотят. Ладно еще, я ответить сумел, мол, смотрите, в перестарках останется. Сейчас на одного парня семь девок...

Хасанша долго успокаивал разъяренных стариков.

— Да будет вам шуметь, в самом деле! Вы что ж, хотели, чтобы они с первого раза перед вами расстелились? Ничего, не мытьем, так катаньем возьмем!— Он отлично понимал, что Минсылу далеко не наивная доверчивая девочка тех лет. — Пусть успокоятся, улестим потихоньку. Надо дать им понять, что люди мы не бедные...

Но мать с отцом наотрез отказались идти к Минсылу второй раз. Хасанша отправился сам...

На этот раз его встретили удивительно сдержанно. И лишь бухарский кот, когда Хасанша уселся на стул, прыгнул ему на колени, свернулся клубком, готовый затянуть привычную песню. И Магира-апай, увидев, как недовольно поморщился Хасанша, взяла кота и бросила его на пол.

— Брысь! Это еще что такое!

Но кот не успокоился. Дождавшись, пока Хасанша отряхнет брюки, он снова прыгнул ему на колени. Разозлившийся Хасанша тряхнул коленями, чтобы сбросить нахального зверя, но тот, как ни в чем не бывало, выпустил когти и вцепился ему в бедра. И, словно забавляясь злостью гостя, поблескивал рыжими глазами, как показалось Минсылу, нагло ухмыльнулся.

Магира-апай, еле сдерживая невольный смех, вновь потянулась к нему.

— Да, да, снимите-ка его, ради бога! — взмолился Хасанша.

И тут же, брезгливо сморщившись, схватил кота за ухо. Минсылу поразило выражение же-

стокости, появившееся в глазах Хасанши... Кот дико заорал, суча всеми четырьмя лапами. Минсылу вскочила и вырвала кота из его рук, прижала к груди.

— Ты что мучаешь его? Взбесился!

— Да нет... я нечаянно...

— Ответь мне! — без всякого перехода надела она на него. — Почему ты скрывал все? Или совесть не чиста? Эх ты... пустобрех!

Хасанша так и застыл на стуле. Но тут же оправился и, как всегда, с тупым, присущим ему упорством заговорил о своем. Но Минсылу не выдержала:

— Вон отсюда! Ни стыда ни совести! Ни капли самолюбия в человеке! — И, не помня себя, схватилась за спинку его стула. — Чтоб ноги твоей здесь больше не было!

Он попятился к двери, в сенях больно ударился обо что-то. Вышел во двор, потом за ворота. Бессмысленными глазами смотрел на яблони, чуть колыхавшиеся под ветром. И побрел к своему дому...

7

Хасанша был удивительно назойлив. Получив отпор, растерявшись вначале, он, однако, не пал духом. Такая уж у него была натура. А Минсылу с тех пор всегда старалась держаться вместе с подругами по работе. А сегодня...

Задыхаясь от бега, она влетела домой. Встревоженная мать наконец спросила:

— Что случилось?

Первым ее порывом было рассказать матери обо всем начистоту. Но потом она решила, что не стоит расстраивать.

— И сама не знаю! — Она через силу улыбнулась, разделась и прошла в комнату. — Что-то все тело ломит...

— Уж не заболела ли? Лица нет на тебе...

Минсылу зажгла между тем свет, налила в кружку холодной воды и жадно выпила. И тревожно огляделась, словно Хасанша все еще был тут, в комнате.

Все произошло неожиданно. Дойдя до своей улицы, попрощалась с девушками из комбината и свернула к дому. Не успела она дойти до ворот, как вдруг из-за угла вывернулся Хасанша и схватил ее за руки:

— Минсылу...

Она, на миг опешив, не успев испугаться, с силой вырвала руки и побежала к воротам. Он не сумел догнать ее, она услышала его: «Послушай...» И, уже открывая калитку, до нее донесся его издевательский смех и обрывок фразы: «Ты бы не ломалась...»

Ее заставил остановиться и прийти в себя как раз этот смех. В нем звучала угроза и непонятная насмешка. Она обернулась. Хасанша приближался к ней, но она уже не боялась его. И, глядя в его глаза, жадно осматривавшие ее с ног до головы, Минсылу отчеканила:

— Если б ты был человек, ты бы давно был рядом с женой и сыном. В ногах должен ты валяться у жены, понял? Да и вряд ли она примет тебя, такого... Может, разве ради ребенка... — И, заметив движение Хасанши, сказала сквозь зубы: — Не подходи ко мне!..

И такая ненависть была в ее голосе, что Хасанша не решился приблизиться. А когда, не оборачиваясь, вошла во двор, с усилием засмеялся.

...Ее вдруг затрясло от запоздалого страха и отвращения. Кружка со звоном упала на пол. И тут же раздался испуганный голос матери:

— Да ты ж больная совсем...

Кололо под сердцем. Мать дала ей валерьяновые капли. Полежав немного на диване, она встала, села к столу, взяла ручку. Давно рвавшиеся из сердца слова падали на лист.

«Сарьян!..»

Сколько раз она рвала написанное, она не помнила. В изнеможении легла. «Нет, не надо письма. Хочу видеть. Видеть! А вдруг это ни к чему не приведет? Не поздно ли? Не чужие ли мы друг другу? Ведь сколько испытаний между нашей последней и этой будущей встречей? Или я должна бороться за него? С кем?..»

8

— Надо зайти в контору, — решила она и направилась прямо в приемную директора. Увидев девушку-секретаршу, печатавшую на машинке, Минсылу, едва не запнувшись на пороге, подалась назад. Однако Дания, очевидно, успела заметить ее.

— Проходите... Вам кого? — привычно сказала она и только тут узнала ее. И растерялась, чувствуя, как кровь приливает к щекам, замолчала.

Минсылу впервые близко видела ту, которую провожал ее Сарьян. Да, она красивая. И молодая. В такую, конечно, трудно не влюбиться. Минсылу пересилила себя:

— Я бы хотела видеть Сарьяна Мирхалитова.

— Сарьяна?.. — машинально повторила Дания. — Мирхалитова? Вы...

— Я Минсылу... Его...

А Дания не могла прийти в себя от неожиданности. Все происходившее казалось ей подстроенной кем-то шуткой. А, собственно, почему она удивляется? Рано или поздно это все равно должно было случиться.

— Да, да... Конечно... — прошептала она. — Я о вас много слышала, даже видела издали. Давайте познакомимся.

В приемной кроме них никого не было. Они протянули друг другу руки. Скованность первых минут прошла, но в глазах у обеих была настороженность и тревога.

— Скажите, пожалуйста, почему от вас не было писем? — осторожно спросила Дания.

— Не писала... Так уж получилось. Хотя в глубине души я не верила в его смерть. Конечно, сама виновата... — Минсылу опустила голову.

Дания осторожно прикоснулась к ее плечу и тихо проговорила:

— Я знаю, что вы очень любили... любите друг друга... Желаю вам счастья...

Ей хотелось сказать что-то еще. Но внезапно пересохли губы, глаза заволокло туманом. Минсылу взглянула на нее, и ей все стало ясно. Бедная девочка! Было видно, что она любит, любит сильно и преданно. Еще желает счастья ей. Минсылу охватила горечь. И здесь, кажется, она безнадежно опоздала...

— Я тоже видела вас. Правда, один раз, недавно, когда вы шли с Сарьяном. Я понимаю, жизнь есть жизнь. А Сарьян заслуживает вашей любви. Ну, а я... До свидания...

Минсылу, сообщив ей свой адрес, опустошенная, разбитая, еле сдерживая подступающие к глазам слезы, спустилась вниз по лестнице и вышла на улицу.

А Дания некоторое время сидела неподвижно, не в силах взяться за работу. И потом, набросив на голову платок, торопливо побежала к автобусной остановке...

9

Минсылу в этот день не хотелось возвращаться домой. Она долго стояла у забора. Сверху свешивались тяжелые ветви созревающих антоновских яблок. От них шел приятный аромат.

Воздух свежел. Осень в этом году подкралась тихо и незаметно. Скворцы, собираясь в стаи, днями летали над городом, готовясь к отлету. Вот уже потянулись на юг первые цепочки журавлей, в небе звучали их тоскливые крики.

Их крики больно отдавались в сердце, как прощальный привет памяти. Из темной высокой синевы лилась их печальная песня, и люди, остановившись, долго глядели вслед дальнему косяку.

Отчетливо рисуясь на фоне нижней кромки облачков, торжественно и плавно плыли остроклювые птицы. И вожак, летевший впереди треугольника, время от времени издавал торжествующе-призывные крики:

— Тор-ройк!..

И тотчас же радостным многоголосьем отзывались летящие за ним:

— Тор-ройк!..

— Прощайте, журавли! Ждем вас, окрепших и сильных, весной в родные края!..

Минсылу стояла запрокинув голову... Привыкшая после долгого ожидания сдерживать свои чувства, сжимавшая сердце в кулак, она почувствовала, что сейчас не в силах удержать-

ся, что слезы застилают глаза. Огляделась, не видят ли прохожие.

А наверху, под облаками, плыли все новые и новые стаи...

Глава двадцать четвертая

1

Рано утром Сарьян, как обычно, вышел на улицу. Старик дворник, увидев его, рассмеялся:

— Добрые люди спят по утрам, ведь на отдых сюда приехали. Это только петухи у нас так рано просыпаются...

Сарьян ответил на шутку, подошел к нему. И пока тот, вытащив кисет, начал готовиться к обстоятельному разговору о житье-бытье, Сарьян взял у него метлу с длинным черенком и, весело улыбаясь, стал размашисто мести асфальт.

«Лишь дворники шагают по планете»... — вспомнилось ему. Метла мерно двигалась из стороны в сторону, сметая желтые и багряные листья, первые слезы осеннего увядания. Он огляделся. Листья ковром устилали асфальт. Падая, они раскачивались на невидимых волнах и мягко ложились на землю. Где он видел эти лапчатые добрые листья? Ах, да, на платье Миисылу, когда она бежала по березняку Кайынлыкула в тот далекий день...

Дворник удивленно смотрел на странного парня. Нашел себе занятие! «Городской, руки соскучились», — решил он; окликнул Сарьяна, но тот не расслышал его и продолжал махать метлой.

Шуршат листья. Потемневший под ними асфальт сохранял строгие очертания. Кое-где встре-

чались вдавленные следы каблуков. Жарким было лето в этом году...

«Любопытно... — думал Сарьян. — Скоро взойдет солнце, и вот этот влажный рисунок листьев исчезнет. А эти, накрепко вчеканенные следы каблуков останутся, пока цел сам асфальт. Не так ли и память остается в тебе, пока ты жив?»

Увлечшись, он не заметил, как асфальтовая дорожка подошла к концу. Сзади послышался довольный голос дворника:

— Спасибо, сынок! Размялся немного?

Сарьян отдал метлу деду и огляделся. Кругом стояла чуть напряженная тишина, готовая взорваться утренними первыми звуками.

И вот, разрывая надвое далекую черную скалу, поросшую лесом, торжественно поднялся над ними край оранжево-красного солнца. Яркий сноп слепящего света вырвался из-за горной гряды и рассыпался по небу ослепляющими полыхающими лучами.

Взмыли ввысь с торжествующим криком птичьей стаи. Сарьян, пораженный ярким буйством рассвета, неожиданно для себя воскликнул:

— О-о, красотища-то какая!..

А солнце поднималось все выше и выше, меняя свой цвет. Вспыхнули рубиновым огнем листья, засверкала покрытая росой трава.

Удивительный край! Напоенные запахом цветов поляны и густые леса, задумчивые речные заводы с белоснежными восковыми лилиями, раскинувшийся на огромном взгорье большой город, не отделяемая часть седого Урала... Шестнадцатый век. Именно здесь слово на вечную дружбу, данное друг другу русскими и башкирцами, вызвало к жизни прочные форпосты, о которые обломали себе зубы многие ханы. Стоят

могучие дубы, безмолвные свидетели тех кровавых времен. Слышали они на своем веку и грохот ядер пугачевских пушек, и ржанье конницы Салавата, и гибельный свист стрел...

Здесь, на древнем плато, дважды был великий Ленин, оглядывал необозримые дали, открывающиеся отсюда. В здешних кузницах ковали революционеры свое оружие. Отсюда возгорелось пламя «Искры», здесь навечно в памяти людей остались имена Цюрупы и Якутова, Крупской и Худайбердина, Свидерского и Нуриманова.

Здесь свято хранится нетленная память о Ленине, здесь победно развевалась белая бурка Чапая, а старожилы помнят поступь героических полков Фрунзе. Огненной вехой остался в памяти Гашека, автора бессмертного «Швейка», этот город.

Было время, когда отсюда вели в далекие уголки России лишь три дороги. А теперь? Не счастье дорог, незримо тянущихся во все концы света. Гремят по всей стране дизельные моторы, которые Сарьян с товарищами звал ласково «движками». Где-то вспарывают земную твердь буровыс, к которым вложена и частица их труда...

Освободившись от дум, Сарьян свободно вздохнул и внимательно пригляделся к одной росинке, застывшей на стебле былинки, и которая ярче других, разноцветно заиграла на солнце. Он хотел было сорвать стебелек. Но капля, словно испугавшись, задрожала. Сарьян отдернул руку и, глядя на алмазную каплю росы, весело проговорил: «Постой-ка ты! Зачем меня пугаешь падением? Неужели ты — моя росинка? Неужели у каждого в жизни бывает своя удивительная росинка...»

А вот подошло и время завтрака. И снова — отдых. Внезапный переход из состояния постоянной занятости в состояние этого размеренного регламентированного ничегонеделания выбил Сарьяна из привычной колеи. Он ощутил острое желание увидеть своих... Вечером, несмотря на холодноватый ветерок, Сарьян пошел к опушке леса и в раздумье присел на пенек. Сердцем он еще был на заводе. Ему вспомнился разговор с главным инженером, состоявшийся перед его отъездом сюда, в дом отдыха.

...В день своего рождения он пригласил Сарьяна к себе в кабинет.

— Дела идут неплохо, Мирхалитов, — с видимым удовольствием сказал он. — Пока не ударят холода, съездил бы ты куда-нибудь, отдохнул. Путевки есть. Устал ведь, вижу.

— Что правда, то правда, — признался Сарьян. — Все же не дает мне покоя Хасапша. Вернее, его дела. Ведь в одной деревне росли, что ни говори. И вот...

-- Ты за него не волнуйся. У него своя голова на плечах. В общем, единственный у него выход — увольнение. Расчет взял, зашел проститься. Кажется мне, что он все-таки кое-что понял. Говорит, скорее всего поеду в деревню, устроюсь в МТС.

— Да...—Сарьян покачал головой.—Ну что ж. Может, выправится...

— У него, кажется, здесь дядя есть?

— Афлетун-агай? Этот — пройдоха. Он уже смылся с завода, не стал дожидаться приказа...

Сарьян вздрогнул, услышав свое имя: кто-то звал. Повернулся — Дания! Она спешила к нему.

— Вот где ты прохлаждаешься! А я-то его ищу.

Он встревоженно взглянул на возбужденное и чуть осунувшееся лицо девушки. Дания пыталась шутить, но это ей не удавалось, выдавали глаза.

— Что случилось?

— Сарьян... Приходила на завод Минсылу. Тебя искала...

— Минсылу?!

— Да, она...

Все, что рассказала Дания, не умещалось в сознании. Сарьян слушал девушку, теребя отворот пиджака, глядя куда-то в сторону, туда, где в дальней дали, над горами, клубились розоватые утренние облака. Огромная усталость охватила его. И внезапно Дания рассердилась:

— Да что с тобой, в конце концов? А она-то тебя как любит! А ты... Вместо того чтобы сейчас же броситься к ней...

Сарьян опустил голову.

— Я...

— Не говори ерунды! Все, что нужно, я ей сказала. Иди, будь же человеком.

Он закусил губу.

— Пойдем вместе, — с трудом выговорил он.

И пока ждали автобус, пока ехали в город, большей частью молчали. Слов не было. Дания сидела отвернувшись, чтобы он не увидел ее глаз. В них застыло отчаяние. Она уже жалела о своем приезде. Как глупо все!

Вот и нужная улица. И, кажется, вот этот дом, если Минсылу дала правильный адрес. Сарьян вдруг почувствовал, что ему по-настоящему страшно сделать эти несколько шагов. Он взял девушку под руку.

— Пойдем...

Она вырвала руку:

— Иди один.

— Ты только подожди меня... Не уходи.

Минсылу увидела его еще раньше в окно, и как он оставил девушку на той стороне улицы, и как пошел к дому. Сердце похолодело. Все заранее приготовленные слова вылетели из головы. Разве может она их произнести? И, едва увидела его близко, не сдержалась. Не помня себя, она вылетела на веранду, бросилась и обвила его шею руками.

— Сарьян!! — Она близко-близко взглянула ему в глаза и уткнула горящее лицо ему в грудь.

— М-Минсылу!..

И все — долгие годы надежд, затаенных обид, изо дня в день грызущая тоска, — все растаяло под горячим дыханием девушки. Действительность перестала для него существовать. Он ощущал руками живое тело ее дрогнувших плеч, запах светлых любимых волос и не забытый, единственный в мире ее голос.

Неужели это не сон? Он, Сарьян, возвратившийся из далекого небытия? И, услышав его мучительное заиканье, она готова была расплакаться во весь голос.

Вот и сбылось. Жизнь иногда бывает невероятней самой причудливой сказки. Но отчего не тает в груди ощущение утраты? Разве радость может быть горькой, долгожданная радость страданного ожидания? Почему кажется, что чем ближе они сейчас друг к другу, тем дальше?

— Ой, что ж мы стоим здесь...

Минсылу подбежала к калитке, выглянула на улицу, хотела позвать Данию. Но ее не было... Ее и не могло быть там, это отчетливо понимали они оба. И все-таки у Минсылу горько дрогнули

губы, когда она заметила взгляд Сарьяна, брошенный на улицу.

— Я думала, ты не придешь...

— Я пришел. Вернулся вот... — он вздохнул. — Ты очень быстро поверила в мою смерть. Очень быстро.

— Я виновата. Перед тобой и собой... — Она не могла унять внезапной дрожи. На лице отразилось мучительное страдание. И как когда-то, в молодом березняке, Минсылу обожгла его губы стремительным горячим поцелуем и бросилась в комнату. Растерявшийся от этого внезапного прилива нежности, Сарьян догнал ее, стиснул ее хрупкие плечи и повернул к себе.

— Успокойся, не надо... слышишь?

Она упорно не поднимала головы. Осторожно, но решительно освободилась от его рук.

— А теперь уходи, Сарьян... Иди к Дание. Нельзя так...

Будто пламенем обожгло лицо. Порыв ветра, пронесшийся по улице, с силой хлопнул оконным ставнем. И тут же хлынул сплошной ливень. Сарьян, растерянно опустив руки, стоял посреди не комнаты. Пусто, пусто на душе, будто вымели из нее все чувства. Что это за звук? Ах, да, настенные часы с кукушкой. То ли приветствуют его, то ли бьют прощание. Смешные старенькие часы, отбившие годы их разлуки. Их тиканье порой внезапно врывается в его сознание во время боев...

— Минсылу... — тихо окликнул он девушку.

Она заговорила вполголоса. Торопливо, лихорадочно, сбиваясь на шепот:

— Это невозможно! Невозможно, Сарьян, как ты не понимаешь?..

— погоди, Минсылу!

— Ведь она любит тебя, Сарьян. Как она тебя любит, я видела ее глаза. — Минсылу перевела дыхание. — О себе я не хочу говорить... Хотя я так тебя люблю тоже. Если б ты только знал, как я ждала! Я не хочу кривить душой. Люблю, люблю тебя по-прежнему. И все эта война! Я не виню тебя. Будь проклята война!.. А теперь иди... Я не могу... не имею права удерживать.

Сарьян, словно во сне, повернулся, вышел во двор. Как бы запнувшись на мгновение, шагнул к воротам. Стоявшая на крыльце Минсылу смотрела ему вслед, видя лишь его расплывчатый силуэт. То ли слезы, то ли дождь застилала глаза.

— Сарьян!.. — У нее пропал голос, она закусила губу. А Сарьян уже скрылся за воротами.

Дождь шел сплошной стеной. Куда ни глянь, всюду кипящие под ливнем серые лужи. Потрясенный, то и дело прижимая ладонь к затылку, разламывавшемуся от боли, Сарьян шел, ничего не видя перед собой. Из-под ног летела жидкая грязь. За мутной стеной ливня, за раскатами грома, за ослепляющими белыми вспышками молний осталась Минсылу... «Я не хочу кривить душой, люблю, люблю тебя по-прежнему. И все эта война. Я не виню тебя. Будь проклята война!..»

Нет, дело не только в Дание. То был страх. Боязнь за себя, за нее, постыдная неуверенность в прочности выстраданных чувств. Она верит и не верит. Нет, нет, разговор еще не окончен! Сарьян перешагнул последнюю лужу, вбежал к себе на крыльцо, отряхнулся — вода текла с него ручьями. «Отряхиваюсь, как беркут на скале...» — мелькнула мысль. Он долго не мог по-

пасть ключом в замочную скважину, руки у него тряслись...

— Ой, сынок, ты промок насквозь, — всплеснула руками мать, увидев входящего Сарьяна. — Скорей раздевайся.

А у Сарьяна радостно блестели глаза. Он обнял мать, поднял ее, закружил по комнате.

— Нашлась, мама! Нашлась!

— Кто нашлась?

— Минсылу... моя Минсылу!

— Ой, неужели?

— Я видел ее, разговаривал... Они переехали в Уфу из Средней Азии.

Ночь прошла в бессоннице. Он все время думал о ней, о Минсылу.

На другое утро, встав с постели, подошел к окну. Сияло солнце, влажная земля дымилась... «А может, она права? Ведь сколько времени не видели друг друга. Время меняет людей, меняет их чувства. А может быть, просто она встревожена? Она же не знает наших отношений с Данией. А я ничего не смог, не успел сказать ей... Она и рта не давала открыть. Нет, я должен ее увидеть еще раз!.. Сейчас. Сегодня...»

2

Он издали увидел ее. Она стояла у калитки, придерживая ворот синего плаща. На голове белый вязаный берет, на ногах простые черные туфли. Сарьян нетерпеливо крикнул, устремляясь к ней:

— Минсылу!

— Я чувствовала... знала, что придешь! — Она через силу улыбнулась, шагнула к нему. Он привлек ее к себе, она послушно прижалась к нему.

— Чего только не передумал за ночь!.. Голова раскалывается... Нам надо обязательно поговорить, Минсылу.

— Что ж мы стоим? Может, зайдем ко мне?

— Там не удастся как следует поговорить...

Широко распахнутые голубые глаза вопросительно глядели на Сарьяна.

Эти глаза... Любимые, зовущие, на свет их он шел через огонь атак, через боль и разочарования, они чудились ему в смертном бреду. Только не было в них сейчас того знакомого безмятежного, счастливого выражения. Окаймленные легкой тенью, они ждали, требовали ответа. Казалось, они говорили: «Зачем ты пришел? Оправдываться? Или потому, что все-таки любишь?»

Сарьян взял ее за локоть. Они медленно пошли по тротуару. Помолчав некоторое время, Сарьян повернулся к ней и спросил:

— Когда же я тебя вот так провожал? Помню, тоже шли медленно, то и дело останавливались...

— Ты провожал меня на поезд. Весной сорок третьего. Падал снег, беззвучный, пушистый.

— Да-да... А почему ты тогда не осталась в Уфе?

— И ты всерьез это спрашиваешь?

— А как же! И в боях, и когда ранили меня, все время думал о тебе. Куда только не писал! Везде, где можно, искал. А ты говоришь...

Они дошли до конца улицы... Как давно ей хотелось услышать эти слова. Слова, от которых сладко сжимается сердце. Она перевела взгляд на поросшую лесом гору на берегу Каридели¹. И грустно произнесла:

— А теперь между нами пропасть...

Река Уфимка — приток р. Агидель.

— Ты о Дание...

— Она тоже человек... — Минсылу осторожно освободила руку и поправила волосы. — Я же вижу ваши отношения...

— Ах, если бы т-ты знала... — Сарьян крепко прижал ее локоть. — Она очень хорошая. В тот день, когда я тебя проводил на поезд, она встретила меня. Спросила о тебе, кто ты? Посмеялся я, говорю, твоя будущая сноха. И сейчас ведь это она сказала мне, что видела тебя на вокзале. Я чуть с ума не сошел! После стольких поисков, когда вся надежда пропала... Не скрою, наверно, она все-таки любит меня. Но ведь у меня есть ты... Единственная!..

Минсылу не ответила. У Сарьяна пересохло во рту. Он повернул ее к себе, заглядывая в глаза.

— Почему ты молчишь?

— Сарьян, я... я чиста перед тобой. Но...

— Говори все, Минсылу. Или не доверяешь?

— Я верю, верю, но тут... — она положила руку на грудь, — тут беспокойно. Мне до сих пор наша встреча кажется сном. Кажется, отвернусь на миг, и снова тебя не будет...

Сарьян шел молча, глядя себе под ноги. Он начал понимать ее осторожность, боязнь расплескать прошлое, ошибиться. Она не только заново привыкала к нему, но и как бы прислушивалась сама к себе.

— Сарьян, милый... — мягко сказала она. — Пойми меня правильно... Не будем спешить. Не торопи меня. Ведь сколько ждали этой встречи...

У обоих было чувство, будто их счастливое и горькое прошлое и сближает, и одновременно отталкивает их друг от друга. С высоты прошедших лет оба рассматривали себя как бы со стороны. Как поется в песне, «закону лет подчинена,

любовь для нас уже не пламя»? Нет, силу первого чистого чувства проверило время. И оно же, это время, должно окончательно все поставить на место.

Был чудный солнечный день. Они, вдоволь побродив недалеко от дома Минсылу, вновь оказались возле их калитки. Но домой заходить не стали. Сарьян, понаблюдав с минуту, как под стрехой мило воркуют голуби, окликнул Магиру-апай, которая усердно хлопотала в саду:

— Магира-апай!

Мать Минсылу с тревогой наблюдала за ними. У нее сжималось сердце от боли за свою дочь. Она хотела ей только одного — счастья. Но внешне она не выказывала никаких примет и потому вроде бы небрежно повернулась.

— Ау-у... Кто там? А-а... это вы... Заходите, заходите!

— Мы не будем заходить, Магира-апай, — сказал Сарьян и решительно предложил: — Идемте, пожалуйста, к нам. Мама очень обрадуется.

— Как же так, Сарьян?! — Она удивленно приподняла брови, — Вы ж, наверно, проголодались? У меня все готово...

— Пообедаем у нас, все вместе. Заодно посмотрите, где мы живем. Так ведь, Минсылу?

Да, сейчас можно было идти смело. Самое главное было сказано, и у обоих темного полетчало на сердце. Поэтому Минсылу, довольная, кивнула головой. Ее доверительный взгляд тут же перекинулся и на мать. Она, казалось, только и ждала этого, облегченно вздохнула и стала быстро собираться.

— Ладно, так и быть, идем...

Мать Минсылу, пополневшая с годами, все еще красивая, без глубоких морщин на лице

женщина не заставила их ждать себя. Наскоро умывшись, надела поверх своего нарядного платья синий плащ, повязала на голову шерстяной платок, и они, вскоре сев на трамвай, поехали к Залифе-апай.

Мать же Сарьяна, видимо, только что вернулась с базара. Уморившись, присела отдохнуть на скамеечку, что под окном. Сидела она чуть сгорбившись, в длинном сером пальто, худая, состарившаяся, но очень миловидная, и о чем-то сосредоточенно думала. Услышав обрадованный голос сына: «Мам, встречай гостей!», встрепенулась, встала и, широко раскрыв объятия, пошла им навстречу.

— Боже-боже, кого я вижу! Счастье-то какое! Магира... Минсылу... — Она начала их поочередно обнимать да целовать, плача от радости.

Плакала и Минсылу с Магирой-апай. Даже у Сарьяна навернулись слезы на глазах.

Обрадованная неожиданной встречей, не зная, что сказать, куда усадить дорогих гостей, носилась Залифа-апай по дому, на скорую руку собирая на стол, выставляя самое лучшее, что было. Даже из чулана принесла бутылку черносмородиновой наливки домашнего изготовления, поставила на стол, предварительно смахнув с бутылки пыль фартуком.

— Прошу... ближе к столу, — пригласила она и, легонько похлопывая по спине Минсылу, как бы про себя проговорила: — Благодарите бога, детки, что нашлись. Сарьян, наливай, сын, всем по чарочке, выпьем на радостях сладкого...

От выпитой наливки лица у всех разрумянились, глаза радостно заблестели. Беседа потекла непринужденней и веселей. Да, было им о чем говорить. Они, увлекшись разговором, даже не

заметили, как начало смеркаться. И когда Магира-апай заикнулась было о доме, Залифа-апай недовольно развела руками:

— Так быстро?! Ночуйте же у пас, Магира? Еше ведь почти ни о чем ладом не успели обговорить...

— Это верно, — быстро нашлась Магира-апай. — Лучше давайте сейчас же к нам поедем. Заодно и у нас погуляем. Мой-то, наверное, уже волнуется. С утра ушли и пропали.

— Да, Хайри-агай уже пришел с работы, а в доме никого нет... Идемте лучше к нам, — поддержала ее Минсылу.

И они, долго не раздумывая, все засобирались к Магире-апай. Смех, шутки и воспоминания и в пути, и в доме Магиры-апай не умолкали. Познакомились и с Хайри-агаем. Залифа-апай, как бы помолодевшая, сидела за круглым столом и, любуясь, то и дело поглядывала на Минсылу. Вот она, не выдержав, в изумлении воскликнула:

— Глянь-ка ты, Магира, на свою дочь, вся она сияет сегодня!

Магира-апай улыбнулась. А Сарьян, поймав ее взгляд на себе, тихо, но внятно спросил:

— Мне бы, Магира-апай, вот такого сиянья принести домой, и у нас бы сразу стало светлей...

— Даст бог, понесешь, Сарьян. — ответила мать Минсылу, враз посерьезнев, вытирая уголки рта платочком: — Понесешь. Только так, чтобы не уронить... на всю жизнь...

Минсылу вся зарделась. Она — согласная и робкая — головой приникла к плечу Сарьяна.

А Хайри-агай, вынув из шкафа еще одну бутылку крепкого вина, откупорил ее шумно и снова наполнил рюмки:

— По такому случаю полагается...

Было уже далеко за полночь, когда изрядно уставшие и счастливые Залифа-апай с Сарьяном вернулись к себе домой. В комнате тепло и уютно. И Сарьяну казалось, что он и взаправду принес домой чудное сиянье любящей Минсылу...

3

Дания, после того как она сама привела Сарьяна к дому Минсылу, всячески избегала его. Завидев его, спешила скрыться, всячески старалась не попадаться ему на глаза. Но это ей удавалось с трудом. А на работе в приемной она держалась подчеркнуто официально и своей холодностью тоже не давала ему повода для душевного разговора.

И все же однажды они нечаянно встретились на заводском дворе. Как ни хотела Дания показаться непринужденной, беспечной, ей это не удавалось. В глазах таилась откровенная обида. Разговор не клеился. Рядом шли как чужие. Она внезапно остановилась, повернулась к нему. А пальцы теребили листья росшей у дороги акации.

— Вот так... Разошлись наши дороги...

И, прежде чем он что-нибудь успел сказать, она резко повернулась и пошла назад. Ветка акации хлестнула Сарьяна по лицу.

Он догнал ее. Остановил.

— Д-да ты что?..

— Ты не поймешь... — она грустно и как-то снисходительно улыбнулась. — Ну, а я тебя понимаю. Прощай, Сарьян!

Она почти прошептала последние слова. К горлу подступил комок, и, чтобы не расплакаться тут же, у всех на виду, она быстро ушла.

Сарьян растерянно топтался на месте. Собственно, что он мог сказать ей! Что? Чем утешить? Какими словами? Он видел, как она мучается. Понимал, что ей нелегко.

Да и кто виноват во всем? Он? Нет, жизнь, устроившая им такое испытание, требовала ответа у всех троих...

Он стоял и мял в руке ветку акации. Распахнулась дверь котельной.

— Сарьян Исангулович! Зайдите-ка, только что разожгли новый котел!

Сарьян увидел в дверях запачканное копотью лицо кочегара. Конечно, надо обязательно зайти. Сколько сил положили на эту котельную.

Он прошел в котельную. А в ушах все еще стояли слова Дании: «Разошлись наши дороги...» Не то от этих слов Дании, не то от того, что опять начало ломить виски — всегда так, стоит лишь понервничать, — Сарьян сильно наморщил лоб.

Но гудящий пылающий огонь в топке под мощным котлом сразу отвлек его от мрачных мыслей. Великолепная картина! Воздушный наддув из компрессоров взмстал бушующее гулкое пламя. Оранжевые языки пламени, сливаясь в один торжествующий ослепительный вихрь, подобно гриве сказочного коня, заполнили пространство под котлом, до белого каления жгли стены, выложенные огнеупорным кирпичом, и выбивались из-за заслонки, обдавали все вокруг сухим жаром.

Кочегар время от времени поворачивал раскрасневшееся лицо к главному механику. На нем было написано то ничем не прикрытое удовлетворение, которое испытывает человек после завершения трудной и долгой работы. А в глазах металась отблески пламени. Сарьян смотрел на

огонь и невольно сравнивал собственное состояние с тем, что делается сейчас в этой раскаленной пасти топки. И усмехался нехотя, напряженно...

И Дания долго не могла успокоиться.

Казалось бы, никакой недоговоренности не должно быть, все ясно как белый день. И, собственно, почему она вообразила себе, что он... если не любит, то, во всяком случае, думает о ней? И тут же упрекнула себя: «А почему ты не пожелаала выслушать его? И вообще, вела себя как девчонка. Ведь не увлечение же это у тебя, а настоящая любовь. Та самая, которую ты так долго ждала! Или забыла уже, как по ночам мочила слезами подушку?»

И тут же, со свойственной ей некоторой непоследовательностью, начала обзванивать цеха в поисках Сарьяна. Телефонная трубка внезапно потяжелела в руках.

— Здесь он, дочка!—раздался чей-то голос.— Мирхали-итов! К телефону, Дания звонит. К директору, наверно.

— Я слушаю, Дания! — раздался в трубке его спокойный голос.

А она испуганно молчала. Приготовленные слова вылетели из головы. Наконец, чуть уняв бешеный бой сердца, почти выдохнула в трубку:

— Мне нужно тебя видеть... Очень нужно.

И, не ожидая ответа, положила трубку. Дания не находила себе места. «Ну, за что мне такие мучения! Рвать так рвать, ведь только что сама так решила! Что ж я ему скажу? Прямо здесь? Или позвонить снова, пусть не приходит?.. Ну, это уж ни к чему. Совсем голову потеряла!..»

Она на несколько мгновений закрыла глаза. Было, только что промелькнуло и тут же угасло мимолетное ощущение счастья... Она взглянула

в окно. Поднявшийся ветер нес по двору опавшие листья. Сизая лохматая туча, охватывая рыхлыми краями полнеба, медленно шла на город.

Сарьян не заставил себя долго ждать. Встал у окна, напряженно глядя на нее. Она опустила глаза.

— Сарьян... я хотела сказать... Я не в обиде на тебя. Я понимаю... — бессвязно произнесла девушка. — Мне бы не хотелось, чтобы между нами легла черная тень...

Они стояли у окна. Влажный ветер, ворвавшись через форточку, с налета ударив в стену, взлохматил волосы Дании...

* * *

После встречи с Минсылу прошло всего несколько дней. Ничтожно малый отрезок времени... Но измученному Сарьяну они показались вечностью. Дважды он приходил к ней, но не заставал дома. Она где-то бегала, готовясь к поступлению на заочное отделение Московского института легкой промышленности. Оттуда пришел вызов. Свои документы отправила еще месяц назад, когда только оформлялась на работу в текстильный комбинат. И сейчас она растерялась. Хотела было отказаться. Но Сарьян настоял: «Тебе надо учиться». Он ободрял ее, оставляя коротенькие ласковые записочки. Передавал через мать приглашение к себе домой. Но увидеться не удавалось. Сарьян даже начал тревожиться.

И чтобы отвлечься от бесконечных сомнений, он сам старался большую часть времени проводить на заводе. Изредка перебрасывался ничего не значащими словами с Данией. Он опять начал

заикаться, и сослуживцы с удивлением и сочувствием поглядывали на него.

Дания была рада установлению ровных дружеских отношений с Сарьяном. И не больше. Она сердцем чувствовала опасную грань, которую очень легко перейти. И однажды ноги ее все же привели девушку к дому Сарьяна. Понимая, что появление ее здесь прежде всего самой ей не принесет радости, она долго стояла на улице, не решаясь зайти. Наконец поборола сомнения. «А, собственно, почему бы не зайти? Мы с Залифой-апай хорошие знакомые. Могу же я справиться о ее здоровье?» — оправдывала она себя и решительно распахнула калитку.

Данию встретил сам Сарьян. Залифы-апай не было дома. Но не успела она поздороваться и пройти в комнату, как послышались чьи-то легкие, торопливые шаги.

— Мать, наверно, — сказал рассеянно Сарьян и пошел отворять дверь.

К изумлению их обоих, в коридорчик почти вбежала Минсылу. Лицо ее было лихорадочно возбуждено. Она, тяжело дыша, переводила взгляд с Сарьяна на Данию. И была в этом взгляде тревога с горечью пополам. Дания под взглядом Минсылу покраснела. Она растерялась, чувствуя себя лишней. Сарьян неловко топтался на месте. Потом он торопливо схватил стул.

— Проходи, присаживайся...

— А я... вот пришла проведать здоровье Залифы-апай... — пролепетала, как бы оправдываясь, Дания и замолчала.

Слова были лишними, и она почувствовала всю их нелепость и ненужность в попытке оправдать свое появление в квартире Сарьяна. Впрочем, Минсылу не нуждалась в ее оправданиях.

Закусив губу, Минсылу старалась успокоить себя. Нет, не так она хотела прощаться с Сарьяном. И вслух произнесла:

— Я забежала попрощаться... Еду в Москву сдавать экзамены в институт. — И добавила, задумчиво глядя на Сарьяна: — Видимо, у меня еще много нехоженных дорог... Все — впереди...

Она, не обращая внимания на Данию, решительно шагнула вперед, страстно обняла Сарьяна и крепко-крепко поцеловала его в губы. Все произошло так быстро, что Сарьян не успел опомниться.

— Все, все, милый... до скорой встречи!

И выбежала.

— Минсылу! Подожди... я тебя провожу!

Сарьян, не помня себя, выскочил на крыльцо.

Минсылу на миг обернулась, помахала ему рукой:

— Не надо, не надо! У тебя же гостя, разве я не понимаю...

Стоявшее недалеко от дома такси рывком взяло с места. А Сарьян, чувствуя, как захлестывает его всего острая, саднящая боль, обессиленно прислонился к воротам...

Уехала Минсылу, улетела... Казалось, и сердце Сарьяна она с собою увезла.

ОБ АВТОРЕ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Помнится мне, как на одной из встреч с читателями Ахняфу Байрамову задали вопрос: «Расскажите, пожалуйста, каков ваш жизненный путь?» Призадумался писатель, наскоро перелистал в памяти страницы прошлого, улыбнулся с лукавинкой и ответил: «Родился я в 1923 году, а остальное — в моих книгах...»

На первый взгляд, это прозвучало, казалось бы, совсем убедительно. Но, вникнув, понимаешь, что в этой фразе — глубокая правда. Практически почти в каждой книге у любого писателя в основе лежит пережитое им самим; находят отражение события, участником которых он был или оказывался свидетелем.

Обратимся к творчеству Ахняфа Байрамова. Красота родных мест. Вечно незатухающее дыхание природы. Город. Заводская романтика. Жизнь молодых рабочих. Героизм советских воинов, проявленный на фронтах Великой Отечественной войны... Все эти мотивы, являющиеся основными в произведениях Ахняфа Байрамова, далеко не случайны, они причастны к нелегкой судьбе и самого автора, подтверждают жизненность описываемых событий, значимость созданных им образов.

Писатель Ахняф Арсланович Байрамов родился 30 сентября 1923 года в небольшом степном ауле Чияле-Кулова Чекмагушевского района Башкирской АССР в крестьянской семье.

«Мой отец был, пожалуй, единственным человеком в ауле, умевшим читать и писать. Потому его и прозвали «Шакирд-Арсланом», — вспоминает писатель. — Он участник первой империалистической войны, впоследствии перешел на сторону революционных солдат. В легендарные дни семнадцатого года принял участие в штурме Зимнего дворца.

Мать Минлебану была натурой удивительно тонкой, можно сказать, художественной. В праздники или редкие часы будней, когда она не была обременена домашними делами, мать любила играть на курае. Мы, ребяташки, замороженно слушали ее. Долгими зимними вечерами она любила рассказывать и сказки — а знала она их бесчисленное множество. Таким образом, отец вводил нас в реальный, непридуманный мир, а рассказы матери уносили в волшебные, чарующие сказочные страны...»

Все это — а позднее и годы, проведенные в рядах пионерии и комсомола — шумное детство, отрочество, — без сомнения, сыграли значительную роль в формировании будущего писателя.

Молодость этого поколения пришлась на тревожное, грозное время. Над миром нависла коричневая тень фашистской чумы, — началась невиданная в истории Великая Отечественная война с гитлеровской Германией. Вчерашние школьники, успевшие только-только закончить десятилетку, совсем еще мальчишки, вскоре надели серые солдатские шинели.

Был призван в ряды Красной Армии и Ахняф Байрамов. После окончания Златоустовского военно-инженерного училища, став командиром, он до конца войны, до Дня Победы, был в рядах действующей армии. Вначале командовал взводом, ротой, а позднее возглавил инженерную службу полка. Участвовал в боях за Сталинград, воевал в составе первого и второго Украинских фронтов, освобождал Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию от фашистских оккупантов.

В 1945 году в разгар тяжелых боев за освобождение Праги стал коммунистом.

На полях сражений Ахняф Арсланович был несколько раз ранен. За проявленную доблесть и мужество награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими боевыми медалями.

Демобилизовавшись из рядов Советской Армии в 1947 году, фронтовик-коммунист приезжает в столицу Башкирии. Советским райкомом партии Уфы направляется на паровозоремонтный завод. Будущий писатель ведет здесь большую воспитательную работу среди молодежи. Кипучая заводская жизнь, а также впечатления, вынесенные с полей сражений военного лихолетья, — все это займет большое место в творчестве Ахняфа Байрамова.

В 1950 году писатель перешел на работу в редакцию республиканской газеты «Кызыл тан» и проработал в ней долгие годы, занимаясь журналистикой и совершенствуя писательское мастерство. В настоящее время Ахняф Арсланович трудится в аппарате правления Союза писателей Башкирии, активно участвует в общественной жизни республики.

Ахняф Байрамов начал пробовать свои силы в художественном творчестве еще будучи школьником. Первые его стихи были напечатаны в стенной газете, а в 1940 году появились на страницах республиканской газеты для юношества «Молодой строитель».

Но постепенно он все большее предпочтение начинает отдавать прозе. Ему, прошедшему полный испытаний жизненный путь, было что сказать читателю. В годы работы

на заводе и в редакции он стал признанным мастером художественного очерка и публицистики. Его отличало стремление создавать полнокровные образы своих современников — людей самых различных профессий. В вышедших подряд друг за другом книгах «Неизгладимые следы», «Победители», «Жемчужинки» он в увлекательной форме рисует новые типичные явления нашего быстро меняющегося времени, новые черты в характерах советских людей.

Благодаря этим книгам и другим многочисленным произведениям, опубликованным в периодической печати, он получил право называться писателем — в 1956 году был принят в члены Союза писателей СССР.

Став профессиональным писателем, А. Байрамов, не оставляя любимые очерковый и публицистический жанры, переходит к крупным прозаическим формам. Результатом этого труда стал роман «Годы возмужания». Требовательный к себе и трудолюбивый, писатель работал над романом неторопливо и тщательно. Автору этих строк хорошо известно, что создавался роман десять-двенадцать лет, что писатель то и дело возвращался к доработке отдельных глав, развивая и углубляя основную мысль произведения, улучшая его в целом.

Роман «Годы возмужания» увидел свет на страницах журнала «Агидель», а в 1972 году вышел отдельной книжкой в республиканском книжном издательстве. В 1979 году московское издательство «Современник» выпустило книгу Ахияфа Байрамова на русском языке, познакомив широкого читателя еще с одним башкирским прозаиком.

Роман «Годы возмужания» возвращает читателя в не столь отдаленные славные годы. Книга охватывает большой период жизни героев, страны в целом. Вот в воздухе витает горячее дыхание близкой войны, над миром — грозные военные облака. Годы войны, величие духа советского народа, разгромившего фашистских варваров. Миллионы жертв... Люди, беззаветно и отважно дравшиеся на фронтах, с той же самоотверженностью поднимают страну из руин.

Разными красками изображает автор свои персонажи. Они типичные представители своего времени. Возьмем, к примеру, главного героя — Сарьяна Мирхалитова. Родился и жил до юношеских лет в ауле. Уезжает в город и начинает работать в промышленности. Война. Фронты Великой Отечественной войны. Потом — машиностроительный завод, где он получает уже прочную рабочую закалку — словом, представитель своего времени, потому что повторил жизненный путь тысяч и тысяч своих современников.

«Годы возмужания...» Название произведения концентрирует в себе главный смысл романа. Читатель шаг за шагом прослеживает рост и становление Сарьяна: деревенский парень, жизнь которого связана с землей; заводской токарь; потом — мастер и, наконец, должность главного механика завода. Здесь приходит зрелость и растет авторитет героя. Его путь показан как борьба с устаревшим, косным, со злом, которого еще хватает в нашей жизни. А процесс духовного роста — это всегда сложный психологический процесс, последовательный и трудный. Все это хорошо ощущает читатель. Словом, Сарьян — не просто производственник, он — личность, человек, исполненный внутреннего благородства. Особенно это чувствуется в его отношениях к людям, которые его окружают, а также во взаимоотношениях с его любимой Минсылу.

Кроме главного героя, полнокровное художественное воплощение свойственно и другим героям. Это и решительный, волевой директор завода Степан Мостовой; это связанный всеми своими помыслами с делами завода, выросший вместе с ним главный инженер Идельбай Шакиров; это поставивший своей целью жить только для себя, эгоист, готовый принести любого в жертву ради своих интересов Хасанша Яныбаев и другие.

Нужно сказать, что образы женщин — Минсылу, Дания, Сэскэбикэ, Сайда — показаны автором убедительными изобразительными средствами.

Произведение было тепло принято и читателями, и критикой. На страницах газет и журналов, на собраниях роман получил положительную оценку. В газете «Совет Башкортостаны» от 28 июля 1974 года в большой статье под названием «Годы возмужания» литературовед и критик, кандидат филологических наук Гиният Кунафин пишет: «Своей книгой Ахняф Байрамов предстает перед читателями как писатель, хорошо знающий производство, жизнь рабочих, их психологию...»

Кандидат филологических наук писатель Анур Вахитов в своей книге «Башкирский советский роман», вышедшей в Москве в издательстве «Наука», анализируя роман «Годы возмужания», оценивает его весьма положительно и отмечает, что «заводская обстановка, рабочая среда, описанные в романе «Годы возмужания» А. Байрамова, были в чем-то новым явлением для башкирского романа», что «автору удалось показать сложный путь формирования характера рабочего-коммуниста. Завод для Сарьяна в настоящем смысле слова — свой мир, свой дом...»

Выступая с большой статьей в газете «Труд» (от 11 апреля 1980 года), московский критик Виктор Петелин сделал детальный разбор романа и подчеркнул, что «Чистая совесть, мужество и героизм во время войны, смекалка и трудолюбие в годы послевоенные, честность, верность товарищам и любимой — вот черты главного героя романа «Годы возмужания».

В той же газете от 28 декабря 1980 года первый секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Георгий Марков в статье «Книги в рабочем строю» относит роман к числу наиболее значительных среди книг, посвященных современному рабочему классу, констатируя, что «В романе башкирского прозаика Ахняфа Байрамова «Годы возмужания» создан интересный образ молодого токаря, прошедшего горнило войны и ставшего главным механиком завода».

За это произведение писатель Ахняф Байрамов был удостоен высокого звания лауреата премии ВЦСПС и Союза писателей СССР.

В последние годы А. Байрамов продолжает разрабатывать производственную и военную тематику. Им написаны повести «Звезды на тропе» и «Оксана». Они возвращают нас в годы Великой Отечественной войны. В этих повестях, как и в романе, о котором говорилось выше, выведены образы советских женщин, беззаветно преданных Родине, показаны высочайшие взлеты человеческого духа.

Возьмем главную героиню повести «Оксана». В мирное безоблачное время она ничем не отличающаяся от других молодая женщина, мать. Но стоило разразиться страшной, небывалой войне с фашизмом, Оксана меняется на глазах. Исполненная мужества и отваги, понимая, что сейчас главное — это спасение Родины от гитлеровской чумы, она бросается в бой, отдав ради будущей победы самое дорогое — собственную жизнь.

Своеобразно художественное воплощение героев в повести «Звезды на тропе» — девочки Нурии, молодого пастуха Копача, партизана деда Жигадло и др.

Книги очерков, роман «Годы возмужания», повести и рассказы Ахняфа Байрамова заняли свое достойное место в башкирской литературе. Хочется верить, что и эта книга найдет дорогу к сердцу читателя.

ФАРИТ ИСАНГУЛОВ,

писатель, лауреат Государственной
премии Башкирской АССР
им. Салавата Юлаева.

Содержание

Пробуждение	5
Вихри войны	195
Знакомые мелодии	325
<u>Ф. Исангулов.</u> Об авторе и его произведениях (послесловие)	445

Ахняф Арсланович Байрамов

ГОДЫ ВОЗМУЖАНИЯ

Роман

Редактор *К. В. Шилина*
Художник *Г. Н. Хайретдинов*
Художественный редактор *И. С. Файзуллин*
Технический редактор *Г. А. Даутова*
Корректоры *Л. Г. Останина, Т. Н. Горьшова*

ИБ № 2030

Сдано в набор 22. 02. 83. Подписано к печати 09. 06. 83.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂. Бумага тип. № 3. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,38.
Усл. кр.-отт. 16,52. Учетн.-издат. л. 17,01. П11240. Тираж
50 000 экз. Заказ № 80. Цена 1 руб 20 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25,
ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат
Госкомиздата Башкирской АССР.
Уфа-1, проспект Октября, 2.

Scan Kreyder - 07.11.2019 - STERLITAMAK

~~1 руб. 20 коп.~~